

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Arheology
and Ethnography
of the Caucasus*

Т. 18
№ 1. 2022

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 18
№ 1. 2022

Махачкала, 2022

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДИЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук
Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной
академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук
Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия

Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022
© Все авторы, Т. 18. №1. 2022

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI N^o FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI N^o FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov

The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation

Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands

Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan

Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan

Shain M. Mustafaev, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan

Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation

Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States

Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation

Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia

Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation

Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland

Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia

Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France

Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022
© All authors, V. 18. № 1, 2022

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
Т. 18. № 1 КАВКАЗА 2022

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Полчаева Ф.А.</i>	ДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДАГЕСТАНСКИХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ФАМИЛИЙ КАК ФАКТОР В БОРЬБЕ С ВТОРЖЕНИЕМ НАДИР-ШАХА	8
<i>Мхитарян Г.Г.</i>	АРМЯНЕ В ЭТНОЛАНДШАФТЕ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	26
<i>Тахнаева П.И.</i>	О ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ ИМАМА ГАЗИМУХАММАДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ (1832-1843 гг.)	39
<i>Туманян Л.С., Абдулмажидов Р.С.</i>	СОЧИНЕНИЕ ОВАНЕСА ХОСРОВЯНЦА «ИСТОРИЯ ЗАКУБАНСКИХ ЧЕРКЕСОВ И ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН»	50
<i>Нефляшева Н.А.</i>	«АРАБИСТЫ» ПРОТИВ «ЛАТИНИСТОВ»: К ВОПРОСУ О ЛАТИНИЗАЦИИ АЛФАВИТА В АДЫГЕЕ В 1920-е гг.	66
<i>Муслимова Н.Т.</i>	НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНЦЕВ	86

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Амиров Ш.Н.</i>	ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ И ПОДГОРНОЙ РАВНИНЫ ЗАГРОСА	110
<i>Атаев Г.Д., Ахундов Т.И.</i>	О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МАНАСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ И КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА 138	128

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Айба Т.Г.</i>	АБХАЗО-АБАЗИНСКАЯ ДИАСПОРА В ЕВРОПЕ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ И АБАЗИН ЗА РУБЕЖОМ	154
<i>Гаджалова Ф.А.</i>	СОВРЕМЕННАЯ СВАДЬБА В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРНОГО СЕЛА КУБАЧИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2017-2018 гг.): КЛЮЧЕВЫЕ ОБРЯДЫ, ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	167
<i>Алиева П.Ш., Богатырева С.Н.</i>	ТРАДИЦИОННАЯ ЛЕЧЕБНАЯ ПИЩА РАСТИТЕЛЬНОГО И ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XIX-XX ВВ.)	196
<i>Коновалов А.А., Битокова Т.В., Текуева М.А.</i>	СЛУХИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ	216
<i>Амирханова А.К.</i>	ТРАДИЦИОННЫЕ ШЕЛКОВЫЕ ПЛАТКИ КУМЫКОВ «ТАСТАР» (К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРОМЫСЛА)	234

Daghestan Federal Research Centre of RAS

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Vol. 18. № 1 OF THE CAUCASUS 2022

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>F.A. Polchaeva</i>	DYNASTIC TIES OF DAGESTANI FEUDAL FAMILIES AS A FACTOR IN FIGHTING THE INVASION OF NADIR SHAH	8
<i>Mkhitaryan G.G.</i>	ARMENIANS IN THE ETHNOLANDSCAPE OF EASTERN TRANSCAUCASIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY	26
<i>P.I. Takhnaeva</i>	THE REBURIAL OF IMAM GAZIMUHAMMAD: RECONSTRUCTION OF EVENTS (1832-1843)	39
<i>S. L. Tumanyan, R.S. Abdulmazhidov</i>	HOVHANNES KHOSROVYAN'S WORK "THE HISTORY OF THE KUBAN CIRCASSIANS AND CIRCASSIAN ARMENIANS"	50
<i>N.A. Nefliasheva</i>	"ARABISTS" AGAINST "LATINISTS": THE LATINIZATION OF THE ALPHABET IN ADYGHEYA IN THE 1920s	66
<i>N.T. Muslimova</i>	SOME ISSUES OF DAGESTAN'S INTEGRATION INTO THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE AND POLITICAL CULTURE OF DAGESTANIS	86

ARCHEOLOGY

<i>Sh.N. Amirov</i>	THE FIRST SETTLEMENTS OF FOOTHILLS AND FOOTHILL PLAIN OF ZAGROS	110
<i>G.D. Ataev, T.I. Akhundov</i>	CONTINUITY OF THE MANAS GROUP OF SITES AND KAYAKENT-KHOROCHOY CULTURE OF THE BRONZE AGE IN THE NORTHEAST CAUCASUS	128

ETHNOGRAPHY

		154
<i>F.A. Gadzhalova</i>	MODERN WEDDING IN THE MOUNTAIN VILLAGE OF KUBACHI (BASED ON THE FIELD MATERIAL OF 2017-2018): KEY RITES, LOCAL FEATURES	167
<i>P.Sh. Alieva, S.N. Bogatyreva</i>	TRADITIONAL THERAPEUTIC FOOD OF PLANT AND ANIMAL ORIGIN AMONG PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS (XIX-XX cc.)	196
<i>A.A. Kononov, T.V. Bitokova, M.A. Tekueva</i>	RUMORS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF WOMEN'S EVERYDAY LIFE IN THE URBAN SPACE OF KABARDINO-BALKARIA	216
<i>A.K. Amirkhanova</i>	TRADITIONAL SILK HEADSCARF "TASTAR" OF THE KUMYKS (TO THE PROBLEM OF THE REVIVAL OF THE FISHING)	234

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1818-25>

Fatimat A. Polchaeva
Junior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
polchaeva94@mail.ru

DYNASTIC TIES OF DAGESTANI FEUDAL FAMILIES AS A FACTOR IN FIGHTING THE INVASION OF NADIR SHAH

Abstract. Based on the analyzed information from various sources and a wide range of literature, the author makes an attempt to assess the significance of the dynastic ties of the Dagestan rulers in organizing a joint struggle against the Iranian conquest in the 18th century, to determine the role of political marriage in the relationship of local rulers. To achieve this goal, the study considers a number of key issues, from which particular conclusions are drawn. The work applies general scientific and specific methods. When restoring dynastic ties, the information from written sources was critically analyzed. To structure the work, a typological method was used, which made it possible to group the information obtained. By examining the political and administrative map of the region, the potential complexity of the political relations of local dynasties that formed over the centuries in a tight space has been shown. In the context of global history, the ways of forming family ties between royal houses are determined: the presence of a common ancestor of the Dagestan dynasties, the separation of an independent branch of the dynasty through conflict, the peaceful division of the state between heirs, followed by the separation of independent dynasties, and the conclusion of political marriages. The same universal formula is used by the author to restore family ties between the Dagestan dynasties (Shamkhals of Tarky, Kaitag Utsmis, Kazikumukh, Quba and Avar khans) and their neighbors. Special attention is paid to the restoration of dynastic ties during the invasion of the Iranian conqueror Nadir Shah in the 18th century. Analyzing political alliances in the context of dynastic ties, the author considers the role of political marriage in organizing a joint struggle against the Iranian ruler. The study allows us to draw conclusions about the significant role of political marriage as a tool of diplomacy, but far from having a decisive role in specific historical events.

Keywords: political marriage, Nadir Shah, dynasty, ShamkhalKhasbulat, Dagestan.

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1818-25>

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна

младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

polchaeva94@mail.ru

ДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДАГЕСТАНСКИХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ФАМИЛИЙ КАК ФАКТОР В БОРЬБЕ С ВТОРЖЕНИЕМ НАДИР-ШАХА

Аннотация. На основе проанализированных сведений различных источников и широкого круга литературы автором предпринята попытка оценить значение династических связей дагестанских правителей в организации совместной борьбы против иранского завоевания в XVIII в., определить какова была роль политического брака во взаимоотношениях местных правителей. Для достижения этой цели автором был рассмотрен ряд общих вопросов, из которых были сделаны частные выводы. В работе были применены общенаучные, а также частные научные методы. При восстановлении династических связей были критически проанализированы сведения письменных источников. Для структуризации работы был использован типологический метод, позволивший сгруппировать полученные сведения. Посредством рассмотрения политико-административной карты региона продемонстрирована потенциальная сложность политических отношений местных династий, формировавшихся на протяжении веков, на тесном пространстве. В контексте общемировой истории определены пути формирования родственных связей между монаршими домами: наличие общего предка дагестанских династий, выделение самостоятельной ветви династии посредством конфликта, мирное разделение государства между наследниками с последующим выделением независимых династий и заключение политических браков. Эта же универсальная формула используется автором для восстановления родственных связей между дагестанскими династиями (тарковскими шамхалами, кайтагскими уцмиями, казикумухскими, кубинскими и аварскими ханами) и их соседями. Особое внимание в работе уделено восстановлению династических связей в период нашествия иранского завоевателя Надир-шаха в XVIII в. Анализируя политические союзы в контексте династических связей, автор делает выводы о роли политического брака в организации совместной борьбы с иранским правителем. Исследование позволяет сделать выводы о значительной роли политического брака в качестве инструмента дипломатии, но далеко не определяющей роли в конкретных исторических событиях.

Ключевые слова: политический брак; Надир-шах; династия; шамхал Хасбулат; Дагестан.

Introduction

In the middle of 1741, Iranian troops under the command of Nadir Shah invaded Dagestan. The result of the campaign, which lasted a year and a half, was a crushing defeat and retreat of the Iranian army from the territory of “the land of mountains”. We know the circumstances under which the Iranian Shah was defeated and which peoples managed to defeat “the terror of the universe” and to write down the enemy in history as “Iran harab” (“the death of Iran”) [1, p. 71]. The historiography of these large-scale events is very extensive, which is substantiated by a large number of sources of very different origin (written sources of local origin, Iranian sources, epigraphic monuments, etc.).

Some prominent researchers, such as V. Gadzhiev, N.A. Sotavov, and T.M. Aitberov, devoted their works to the struggle of Dagestanis against Nadir Shah [2, p. 264; 3; 4]. However, the Dagestan conquest of the Iranian Shah have received little attention in the works of Iranian historians. Therefore, of particular interest are the studies that examine the works of foreign authors [5, p. 83-92; 6, p. 71-82; 7, p. 259-268].

With an extensive historiography, certain aspects of the topic have not been adequately explored. This study will discuss one of them.

Dagestan at the time of the events in question was not a unified state. The region consisted of many political structures, which can be divided into two main types – feudal entities and unions of rural communities. The former wielded great influence, primarily due to having a sole ruler, and determined the regional political agenda. This inevitably led to contradictions between the rulers of the feudal formations. Given that each of them was ruled by a different dynasty, the conflicts sometimes lasted for a long time.

It is well known that, with few exceptions, all the rulers took an active part in repelling foreign aggression. Did the old grudges, territorial and dynastic disputes prevent them from forming an alliance? Thus, in the 13th century Russia, princes could not find the general agreement, having lost their independence in the fight against the Tatar-Mongol invasion, given the fact that they were representatives of one kin, and in most cases, close relatives.

The kinship between Dagestani rulers was also present: some of them were cousins to one another, they often arranged dynastic marriages of their children, etc. The relationship between Dagestani rulers is known thanks to written evidences and historical facts reflected in them.

Thus, in the 18th century a Russian nobleman A. Lopukhin, who returned to Russia from Persia through the territory of Dagestan, left written testimonies of conflicts between local rulers. The Russian ambassador in Persia A. Volynsky sent

a letter to Utsmiy Ahmed-khan of Kaitag with a request to assist A. Lopukhin in passing the mountainous territory. He received refusal, motivated by the fact that Utsmiy did not recognize the authority of Shemakhi Khan and Derbent Sultan, as well as Shamkhal of Kazanische Umalat [6, p. 12]. Later, the Utsmiy and his allies, the Sultan of Utamysh and the Ruler of Buynak, attacked the mission of A. Lopukhin, thus demonstrating his stance on the foreign policy [8, p. 224]. Whereas the Shamkhal of Tarky, the Sultan of Derbent and the Ruler of Aksay, on the contrary, sided with the tsarist administration.

During Peter the Great's Persian campaign in 1722, the Dagestani rulers only confirmed their earlier principally different foreign policy positions. The Utamish Sultan and the ruler of Endirey categorically opposed Russian intervention. In contrast, the Shamkhal of Tarky and the Naib of Derbent welcomed the Russian Emperor. A young Quba Ruler Huseyn-khan was also sworn in to the Russian emperor [9, p. 16].

Regardless of the motives of the rulers in the abovementioned historical events, they show absence of a common course among Dagestan rulers even against external forces. This was the case before the invasion of Nadir Shah, against whom almost all rulers united. From this follows the aim of the work: to determine to what extent political marriages at the time under study affected the political alliances and, in principle, the political orientation of the Dagestani rulers; whether they contributed to the joint reflection of the Iranian invasion.

In order to achieve this goal, a number of tasks need to be accomplished:

- To consider the political-administrative map of the region at the time of the events in question
- To analyze the links that existed between the rulers of these territories
- To determine whether political marriages were a tool for establishing unions and how political conflicts affected inter-dynastic marriages.

Political-administrative map of the region in the second quarter of the XVIII century

By the 40s' of the 18th century, the coastal part of the Northeast Caucasus presented a complex political picture: state entities and unions of rural communities coexisted on a relatively small territory. In the north, one of the most influential entities of the region – The Shamkhalate of Tarky, – and the fiefs of the Zaslak Kumyk dynastic house – the Endireevskoe, Kostekovskoe and Aksayevskoe – were located.

The Endireevsky fief was ruled by the beks of four families: the Alishevs, the Aydemirovs, the Kazanalipovs, and the Temirovs. The Aksayev fief was ruled by

the Alibeks, the Eldars, the Akhmat-Khan Kaplanovs, the Utsmievs, and the Arslanbeks. The Kostekovfief in the first quarter of the 18th century was ruled by Girei or Burchi-Biy, who, having betrayed Russia fled to the mountains to avoid reprisal [10, p. 52]. His possession was transferred to the Endirey ruler AlishHamzin, great-grandson of Sultan Mut, who had founded the Zaslakfief, having separated during the conflict with his brothers from the Tarky Shamkhalate.

To the south of the Shamkhalate was the Utamysh Sultanate defeated by Peter the Great in 1722 [11, p. 42], and which existed from the end of the 16th century till 1748, i.e. till the death of its ruler Sultan-Mahmud.

To the west of the Tarkovsky Shamkhalate was a small Mekhtuli Khanate. According to one version, it was founded in the 16th century by a representative of a side branch of the Shamkhal house Khan Kara-Mekhti [12, p. 21].

Further up in the mountains were the Avar and Kazikumukh Khanates, which played a major role in the region. Near the coast was the Derbent Khanate, which lost its former power in the 18th century. During many centuries of its existence Derbent was ruled by various dynasties. In 1722 Peter the Great was welcomed by Imam Kuli-khan of the Safavid tribe of Kurchi [13, p. 169]. After the Treaty of Ganja of 1735, by which Russia ceded Derbent and Baku with their provinces to Persia, the Crimean khan was able to appoint Ahmed-khan Utsmyi as the ruler of Derbent. A bit later Nadir Shah replaced him with sultans from influential Ustajlu and Garachorlu tribes. After Nadir Shah's demise his appointed governor returned to Persia in 1747 [14, p. 259]. The citizens of Derbent proclaimed the son of Imam Kuli-khan Muhammad-Hasan a governor [13, p. 169; 9, p. 14].

The Kaitag Utsmyistvo stretched to the west of the Caspian coast, which occupied the central geographical and historical positions. A single clan connected to the Qurayshites had ruled there for a long time.

Tabasarandomains were divided into Maysum Principality and Qadi lands by the 18th century. As early as the 16th century, Tabasaran experienced a fierce feud. The surviving representatives of the dynasty moved their capital from Khuchni to Dzharag [6, p. 198]. The Qadis came to power in Khuchni. Thus, Tabasaran was divided into two parts and did not represent more than one political entity: Northern Tabasaran (Qadiystvo) and Southern Tabasaran (Maysumstvo). J.G. Herber wrote in 1728: Tabasarans "have their own maysum or governor, named Magummed, and one qadi, named Rustam bey, to whom the Tabasarans obey, while maysum and qadi are subordinated to the Sultan of Derbent, and nowadays to Naib and Russian commandant of Derbent" [6, p. 104].

Apart from feudal possessions, there were dozens of unions of rural communities with fundamentally different structures. These were the Dargin, Lezgin and Avar societies comprising several, and sometimes dozens of villages. Some of them, such as Akusha-Dargo, played a prominent role in the political life of the region.

The political-administrative map of the region and the geographical features of the mountainous zone, which created difficulties for communication, raise a reasonable question, how was the coordinated resistance to a strong strike by the troops of Nadir Shah ensured? Let us consider what reasons other than a common enemy made such an alliance possible.

Kinship as a factor of unification in the relations of Dagestani rulers

Foreign policy alliances and coalitions are usually the result of a stochastic process, justified by the action of a number of known variables that lead to a poorly predictable outcome. Variables in foreign policy are such geopolitical factors as: neighborhood of states, their common interests, presence of a common adversary, cultural and religious unity or ethnic roots.

These factors, as well as the close geographical space that the territory of Dagestan was, made kinship ties between local ruling dynasties inevitable. The study of monarchical states should take into account an important feature: inter-state relations become personal, and the personal ones become inter-state. Let us highlight the possible ways of forming these ties:

- Origination from a common ancestor. This could be either consanguinity with a certain person or a descent from a common “political father”. As an example of the first case we can refer to the Islamic world, in which from the very beginning of the existence of the Arab Caliphate and subsequently in other Muslim states the key role in legitimization was occupied by kinship with the family of the Prophet or at least the origin from the tribe of the Qurayshites. In the second case, the notion of kinship was rather figurative: we can consider Alexander the Great a “political father” whose empire was ruled by satraps who were not his blood kins, but were legitimized thanks to Alexander the Great’s service or his direct appointment. Subsequently, these satraps became the founders of dynasties legitimate due to their connection with Alexander.

- The division of the dynasty into branches as a result of the conflict. A good example of this is a feudal internecine strife in Ancient Russia, that led to the division for some time of Rurikovich dynasty on various branches.

- Peaceful division of the state among the descendants. An example of this rare phenomenon can be found in the history of Frankish Kingdom. After the death of Charlemagne, his sons concluded the Treaty of Verdun, according to which they divided the empire among themselves. Another interesting example from Russian history is when Vladimir Monomakh suggested at the Assembly in Lyubech: “each hold his own Fatherland”, which secured the division of the

state, and therefore of the dynasty. Although the latter rather illustrates a legal consolidation of the already actual division.

- The conclusion of political marriages. They were the most frequent and effective tool for creating and strengthening foreign policy ties. Inter-dynastic marriages bound not only the spouses and their parents, but in the long run led to the proliferation of the family circle of offspring with more and more bek-brothers from different dominions, and thus potential allies. In the case of internal clashes, the side which had more beks and hence more people had more chances to win [15, p. 119].

Kinship ties as an important component of foreign policy relations also took place between the rulers of Dagestan states in the XVIII century. Let us analyze their relations according to the scheme we used above.

- A common ancestor.

As in most Muslim states of the Middle Ages and Modern Age, in Dagestan one of the means of legitimization was the claim of kinship with the family of the Prophet.

In historiography, there are versions based on local historical chronicles about the Arab origin of Dagestani rulers. Thus, according to the Arab version of the origin of the Dagestani dynasties, provided by numerous sources (“Mahmud of Khinalug”, “History of Maz”, “History of descendants of Muhammad-khan of Kazikumukh”, “Derbend-nameh”, “History of Tledok”, “History of Karakaitag”, “Tarih Dagestan”, “Golestan-e Eram”, etc.), it goes that between the 8th and 9th centuries of Hamza and Abbas (uncle of Prophet) reached Caucasus and, having been in the “country of mountains”, left rulers “from their own people”. According to the “History of Tledok”, “History of Maz” and “History of Karakaitag”, “Genealogy of Rustamkhan”, Arabs invaded Haydak and killed the local ruler Gazanfar, appointing Amir-Chupan in his stead (probably, the aforementioned “Amir” is a title, written in sources as a part of a name), a descendant of Hamza [16, p. 1072; 17]. The “History of Maz” also tells an interesting story about the inter-dynastic marriage of the Amir-Chupan’s daughter with the Tabasaran ruler Maysum-bek [17], as well as the capture of the Kumukh domain by the Kaitag ruler and replacement of its ruler by his relative Shamkhal (the supporters of the Arab version explain the origin of the title “Shamkhal” by this name) [17, p. 100; 18, p. 6]. Despite the indication of the Qurayshite origin in several Dagestan dynasties, they did not consider that they had a common ancestor. But still, given the information of the local historical chronicles about marriages of the Dagestani ruling families, the Qurayshite blood should flow in practically all feudal houses of Dagestan and derive from a single ancestor from this tribe.

However, some historians have proved the inconsistency of the Arabian version of the origin of the Dagestani rulers [19, p. 25-26; 20, p. 102-108; 21, p. 20].

Despite the absence of a common Qurayshite ancestor, by the 18th century ties between feudal houses in Dagestan were of close and long-lasting nature.

- A dynastic conflict in which an independent branch with its own seized fiefdom was singled out.

The history of Dagestan state formations knows many examples of such a division of the dynasty. The main reason was a complex and uncertain system of succession that did not take into account many nuances and subtleties, and therefore regularly gave rise to conflicts over the issue of succession between heirs.

The first of the two sons claiming the throne, Alibek and Ilchav-Akhmed, born of different wives, died in the Kaitag Utsmyistvo at the beginning of the 14th century. The feud resulted in Ilchav-Ahmed's exile to the lands he inherited from his mother, the sister of the Shirvanshah Gershasp. Later, his descendants ruled the southern lands of the Utsmyistvo.

In the second half of the 17th century a conflict between the Majalis and Yengikent branches of the Kaitag dynasty broke out. As a result, the Majalis branch was practically annihilated [22, p. 52; 23, p. 98; 24, p. 95]. A survivor of this branch was taken as a child from the territory of the Utsmyistvo, and, having grown up, received from the Iranian shah the possession of a specially allocated, the Quba domain. He laid the foundation of the dynasty of Quba rulers.

Another state formation in Dagestan, the Kazikumukh Shamkhalate, had a relatively vast territory by the 17th century, and largely because of this it underwent decentralization of power. The Shamkhal had to govern the state alternately from two residences: Kazikumukh and Tarky. The latter was preferable because of its location on the plain. The consequence of such governance was the expulsion of the Shamkhals from Kazikumukh to Tarky. In Kazikumukh, power passed to an elected body. Subsequently, independent branches of Shamkhals with their own territories derived from the dynasty of Tarky Shamkhals.

3) Peaceful division of ownership. Years after the conflict between brothers Alibek and Ilchav-Ahmed described above, relations between two branches of the dynasty improved. Muhammad-bek son of Ilchav-Ahmed II received from his uncle Utsmiy Alibek in possession several southern villages, which subsequently passed to descendants of his branch.

4) Political marriages among Dagestani rulers were a constant practice. The inter-dynastic ties formed between the Dagestani dynasties by the period of the invasion of Nadir Shah's army will be analyzed. This will allow us to determine whether they could become a reason for rulers to unite against the enemy.

The role of dynastic marriages in organizing resistance to the forces of Nadir shah

We know numerous examples from the world history of inter-dynastic relations of monarchic houses, through which foreign political ties were established and consolidated. Thus, as early as in the Roman Empire inter-dynastic marriages were used for different purposes: to achieve internal and external political stability, as a means to strengthen the personal power of the emperor, to legitimize the ruling dynasty, and since the year of 335, marriages were used to solve a specific problem: the settlement of Roman-Persian problems [25, p. 1048].

In the 4th century BC Alexander the Great, in order to consolidate his relations with the conquered peoples, he concluded a marriage with Roxana, the daughter of the Persian satrap Sogdian [26, p. 142].

One of the notable examples of a successful dynastic union was the marriage of a representative of the Rurikovich dynasty, Yaroslav the Wise, and the Scandinavian princess Ingigirda, who made a significant contribution both to the development of the legislative policy of Kiev Rus and to the foundation of Veliky Novgorod. Also, their daughters were married off to representatives of various European dynasties [27, p. 91]. European history also knows the 'grandmother of Europe' Queen Victoria (1819-1901) whose descendants connected Britain with the Prussian, Russian, Danish, Spanish and other ruling dynasties.

The leaders of the national liberation movement in Dagestan included representatives of various feudal dynasties: Surkhai Khan I of Kazikumukh, his sons Muhammad-Khan and Murtazali Khan, Ahmed-Khan of Kaitag, Ahmed-Khan of Mekhtuli and Sultan-Makhmud of Utamish. Too small for direct participation in military operations was Avar Nutsal Muhammad-nuzal IV, nevertheless the territory of the khanate played a great role in the war, and the people in the resistance against the enemy. Shamkhal Khasbulat, who took Nadir Shah's side played big role in those events. All Dagestan dynasties are connected to each other in one way or another. For example, one ruler was a cousin, uncle, father-in-law, son-in-law, etc. Personal relations were not always a guarantee of the alliance's loyalty, but at times they became a key tool in diplomacy.

Let us consider the links between the Dagestani dynasties from the Tarky Shamkhalate dynasty.

There were no Shamkhals in the Tarky Shamkhalate between 1725 and 1734, and the territory was ruled by a commander-in-chief appointed by Russia [28, p. 26-36]. This happened because after the departure of Peter I, Shamkhal Adil-Giray, who had previously supported the Russian emperor, started recruiting allies to oppose Russia, whose new government had not given him sufficient support

[29, p. 269, 271]. The court soon learnt about it, and, after an unsuccessful attack on the Tersky redoubt, surrendered and was sent to the Astrakhan province [30, p. 300]. As punishment for his deeds and to prevent future disobedience on the southern borders, the Supreme Soviet decided to appoint a Russian commander-in-chief, General V.V. Dolgorukiy, who suggested the need to eliminate the title of Shamkhal [31, p. 10].

During the era of the palace coups, the Russian government was no longer able to exert significant influence on Dagestan territories, which caused the presence of other neighbors here, such as Iran, to intensify. After Nadir Shah's first campaign, during which he defeated the Kazikumukh Khanate, Khasbulat son of Adil Girey came to express his loyalty to the Shah. And in 1734 Nadir-shah restored the title and appointed Khasbulat Shamkhal of Tarky [32, p. 104]. For which the Shamkhal Khasbulat started siding with Nadir-shah. However, his "loyalty" to the Iranian shah, as it often happened with the Dagestani rulers, was nominal, and was justified by the desire to keep power and his domains intact. The complexity of the new Shamkhal's position was due to the fact that there were several contenders for his title at the same time. By the 18th century, the Shamkhal house was divided into several branches (Buynaksky, Kazanishensky, etc.), the representatives of which regularly put forward their rights to the Shamkhal throne. In the first years of his rule Khasbulat Shamkhal struggled with Mehti Buynakskiy; the struggle ended only with the help of mediators [33, p. 323].

So, in 1735 Surkhai-khan of Kazikumukh, the Utsmiy of Kaitag and Akushin deposed Khasbulat, putting in his stead Ildar-shamkhal of Murtazali I son Budai-shamkhal [34, p. 85], after which the Shamkhal Khasbulat managed to restore his power.

Confirmation that the alliance with the Shah of Iran was only the result of a policy of maneuvering is also the fact that the first thing Khasbulat did after gaining power was to ask Nadir Shah to release the captive Kazikumukhs; his request was complied. Later he also came out in defense of the Akushin people. In given context, it no longer seems strange that after the defeat of Nadir Shah, he was able to retain power and rule until his death in 1758.

Let us mention another pretender to the Shamkhal throne, Ahmed Khan of Mekhtuli (Dzhengutai) (1735-1747), the son of Uma-khan. He descended from the lateral line of the Shamkhal family [35, p. 84]. He is the most famous Dzhengutai ruler largely due to his resistance to the Iranian invasion. In September 1741 Nadir Shah approached the residence of Mehtuli Khanate in Lower Dzhengutai, where he met resistance led by Ahmed Khan of Mehtuli. Later, Akhmed-khan fought with Nadir-shah's troops in Aimakinsky gorge and Andalal. After the battle in Andalal, Ahmed Khan was received at the court of the Ottoman ruler Sultan Mahmud I in Istanbul, who proclaimed him Shamkhal, thereby restoring the

title after the exile of the previous Shamkhal Adil Girey. Akhmed-khan was also related to another influential clan – he was married to the daughter of Utsmiy Akhmed-khan of Kaitag, with whom he had one son, Mehti.

The Tarky Shamkhalate until the middle of the 17th century constituted a single state unit with Kazikumukh, until the residents of Kazikumukh expelled the Shamkhal to its second capital, Tarky. Halklavchis, elected by the social elite, started to rule Kumukh. In 1700, Halklavchi Alibek died. His sons Surkhai and Girey had died before their father, thus, the choice was between the grandchildren of the deceased ruler. According to the principle of seniority the choice was made among the sons of Surkhai's eldest son. However, the conversation with the widows of both brothers forced the elders to make the choice in favor of the only son of Girey Surkhai. The brothers who rebelled against this decision were defeated by Surkhai, who lost his left hand in the fight and received the prefix Cholak to his name.

During the years of struggle against Nadir Shah, it was Cholak Surkhai (1680-1748) who was the ruler of Kazikumukh until he was taken prisoner by Persians in 1741. There are different versions on how this occurred. According to one version, he betrayed the national liberation movement, and his sons started to fight against their father's decision. According to the other, Surkhai-khan was forced to recognize the supreme power of Nadir, thereby buying time for his sons, who were able to retreat to the mountains for further struggle [2, p. 151].

Surkhai was captured with his wife Aishat, a relative of the Khan of Khunzakh. There are numerous written sources about what happened to her in captivity, some of the information was covered in the work of T.M. Aitberov [4, с. 45-48]. After Surkhai-khan's captivity, power and leadership in the fight against the invaders passed to his sons: Magomed-khan and Murtazali-khan.

Officially, power in Kazikumukh passed to the younger son, Murtazali-khan (1741-1743). Murtazali-khan's kinship with Avar Nutsals considerably influenced further events: at that time, the centre of mountain resistance shifted to Sogratl, where Murtazali-khan's wife, the daughter of Muhammad-Qadi of Sogratl [18, p. 5], also came from. Murtazali-khan with his troops found shelter in Andalal [2, p. 252], as he was related with the rulers of the Avar Nutsal. There is a story about Murtazali Khan, according to which the Shah of Iran, struck by his bravery, asked Surkhai: "Who is this brave man on a white horse?" – to which Surkhai replied, "That's my son." Then Nadir Shah said that he would leave both Dagestan and Georgia to Surkhai for such a son [36, p. 106]. According to another version he replied: "I would give all my gold for your son Murtazali" [18, p. 6]. Murtazali Khan had one son, Eldar (d. 1774).

Elder son of Surkhai-khan Magomed-khan (1712-1789) also played an important role in liberation movement of Dagestanis, became khan in 1743 and remained his position until his death in 1789. He was married three times.

His first wife was Khasbulat Tarkovsky's daughter, with whom Magomed-khan had four sons. Whether this marriage influenced the political relations of the two fiefs is difficult to determine. On the one hand, in 1734, Shamkhal requested Nadir-shah to release all captives of Kazikumukh. On the other, this did not prevent Surkhai Khan from participating in the removal of Khasbulat from the throne in 1735.

At the end of 1730s Magomed-khan divorced and married the daughter of another Dagestani ruler Tishsiz-Bammat of Kazanische, whom he was married to during the invasion of Nadir Shah. In that marriage he had another son.

The third wife of the khan was a girl from the Turkic tribe Ustajlu. Having received power, Magomed-khan continued the policy of his father on expulsion of Kyzylbashis from the territory of Dagestan and Shirvan. In 1743 he besieged fortress Shabran, captured its population, cut off its garrison and killed its chief Abdul-khan Ustajlu. After that he married his daughter, who gave birth to the future ruler of the Kazikumukh Khanate Surkhai-khan II [37, p. 148-149].

As we see, Mohammed Khan's marriages were of dynastic nature and could be used as diplomatic tools to enhance personal prestige. Thus, Khasbulat Shamkhal was the ruler of an influential state formation, and Tishisi-Bammat represented one of the branches of the Shamkhal house. As to the latter marriage, it is important to note that Ustajlu is the name of a Turkic tribe, which had a high social status under the Safavids. Its representatives always occupied high ranks and significant posts in the Safavid Empire. And the marriage of one of its representatives, especially after the capture of the fortress and the murder of the head of its garrison strengthened the personal power of the khan. Thus, his political actions were more influenced by his interests than the concluded marriages.

After the death of Magomed-khan's former father-in-law Khasbulat in 1758, a bloody feud broke. Khasbulat had undertaken an unprecedented for Shamkhate attempt of power transfer: according to the will, he appointed Murtazali I Buynakskyi's son Mehtias a successor (the elected in advance heir). Taking advantage of uncertain situation, the nephew of Khasbul-shamkhal Tishsiz-Bammat (1747-1758) claimed his rights for the throne [37, p. 161].

During the feud, coalitions formed. Tishisi-Bammat was backed by the Kaitag Utsmyi Amir-Khamza, Fatali-khan of Quba, Alish Khamzin of Kostek, Temir Khamzin of Endirey, and Nutsal-khan of Avar. Murtazali was supported by his brother Bammat the ruler of Buyinak, the Akushins and Magomed-khan of Kazikumukh, who divorced the daughter of Tishsiz-Bammat of Kazanische in 1740s [3, p. 230].

In this struggle Tishiz-Bammat shortly succeeded in seizing the Shamkhal throne [37, p. 161]), but a few months later Murtazali returned the throne to himself.

Let us move on to another important state formation that played a major role in the fight against Nadir Shah.

The Kaitag Utsmyistvo was ruled by Ahmed-khan, son of Ullubiya, son of Rustam-khan, from 1712 to 1749(50) [38, p. 142].

In three decades ruling the Utsmyistvo, Ahmed-khan in 1742 resisted Iranian invaders at the head of his army. During which he even fought with Nadir-shah in single combat [3, с. 163; 39, с. 751–754].

During long years of his rule Akhmed-khan uzmiy pursued active foreign policy: he fought against kyzylbashs (Shiites), resisted Peter I during his Persian campaign [29, p. 306-308], cooperated with Iran and later participated in the anti-Iranian rebellion. This activity was accompanied by periodic attacks on some neighbors and alliances with others. Some of these alliances were secured by inter-dynastic marriages.

One of the daughters of the Utsmiy was the wife of Ahmed Khan of Mekhtuli (1735-1797/1802), whom we already mentioned above.

It is said that Nadir Shah, who seized a part of Kaitag in 1735, made the Utsmiy give one of his daughters, Patimat-khanum, to the Persian camp as a concubine. There, she became known as “the first beauty of the East” for her beauty [40, p. 485].

In addition, we know that another daughter of Ahmed-khan Peri-Dzhehan-bikeh was married to Guseyn-khan of Quba [41, p. 37, 120]. This is a noteworthy marriage, since it was initiated by Nadir-shah himself. It is possible that at first, she was the wife of Nadir Shah and then was married to Khan of Quba.

Ruler of Quba Guseyn Khan, still being a child, was made to swear to Peter I, and then Nadir Shah approved his position and married him to the daughter of Utsmyi Ahmed-khan. Many historians have assumed that Guseyn Khan of Quba was a representative of the Majalis branch of the Kaitag dynasty, which was nearly exterminated during the internecine strife. And Ahmed Khan (and consequently his daughter) was a descendant of Yengikent branch of the Utsmyis. It is possible that this marriage between representatives of two branches of the same dynasty was arranged by Nadir-shah in line with the conciliatory policy, known for his reformist and diplomatic activities in Iranian foreign policy [42; 43, p. 248].

Peri-Dzhehan-bikeh gave birth to Fatali Khan, the most famous ruler of Quba Khanate, who annexed Derbent with adjoining territories to his possession. He was also famous for using political marriages in his foreign policy. In particular, he was married to Ahmed-khan's daughter Tuti-Bike, and he promised to marry his sister Khadija-Bike to utsmiy Amir-Khamza the son of Ahmed-khan [44, p. 907]. But the marriage did not take place [23, p. 101].

Let us proceed to the next domain– the Avar Nutsal. At the time of the invasion of Nadir Shah, the power in the Avar Nutsal passed into the hands of an underage ruler Muhammad-Nutsal IV (born in 1730), son of Umma-Nutsal son of Dugru-Nutsal. Despite the fact that for obvious reasons a child could not directly participate in battles, the Avar Nutsal played a significant role in the resist-

ance against the invaders. In particular, the leaders of the anti-Iranian rebellion took refuge on its territory during the gathering of forces. For example, in 1741 in Khunzakh members of the family of the Kaitag Utsmyistvo received shelter. Close relations were established between the two dynasties, which resulted in the marriage of Muhammad-Nutsal IV and the granddaughter of Utsmyi Ahmed-khan, the daughter of Khan Muhammad Bahu. Muhammad-Nutsal himself married his sister Bahu-Meseda to the son of Utsmyi Amirhamza [45, p. 159].

Conclusion

From the information given and analyzed in the paper we can conclude that political marriages played the same significant role in Dagestan fiefs as it did in all monarchic states in history. Political marriages on the territory of Dagestan were concluded with certain purposes and acted as tools for solving a number of tasks:

- legitimization of the dynasty through marriage to a member of a kin of higher political or religious position;
- consolidation of personal power through a lucrative marriage;
- claiming the territories to be received by the heir;
- consolidation of a foreign policy alliance against a common enemy for the purpose of joint attack or defense.

By the 18th century, the political elite of Dagestani state formations was closely intertwined with each other by blood and marriage ties. Some of these ties existed even before Nadir Shah came to those lands and irrespective of external danger. Others were concluded during and after the fight against the enemy. Some even through the Shah of Iran himself, who pursued a skillful diplomatic policy in all the territories included in his field of interest. According to the sources, Nadir Shah initiated the marriage of the Khan of Quba with the daughter of the Kaitag Utsmyistvo. He secured support for one of the Dagestani provinces by restoring the title of Shamkhal of Tarky, which had been abolished by the Russian administration, and appointed Khasbulat, one of the sons of the previous ruler, to that post. However, the attempts of the Shah of Iran to manipulate dynastic ties could not affect the overall picture in the region, which had been developing there for centuries. And the situation was such that all the Dagestani dynasties were connected with each other not only by political marriages and blood kinship, but also by a long history of relations, which also largely determined the political vector of local rulers.

Bearing in mind the earlier events of Dagestan history (including the Persian campaign of Peter the Great, relations with Turkey and Iran in the XVII century), when the policy of Dagestan rulers was very far from unity, as well as our analyzed connections in the XVIII century, based on artificial and blood kinship we can conclude.

Despite the fact that political marriage played a prominent role in politics in the 40s of the 18th century (the Avar ruler granted asylum to his relatives from Kazikumukh and Kaitag, a request to release the Kazikumukhs from captivity by Khasbulat-shamkhal, etc.), it still was not decisive in political events, and at times it only hindered the political interests of the rulers. The main factors in the unification of the Dagestani people were the proximity of their possessions and their centuries-long common history.

The study also raises promising research questions about how close the ties between the Dagestani dynasties existed during other foreign policy threats and what role they might have played under different circumstances.

REFERENCES:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Butkov P.G. Materials for a new history of the Caucasus from 1722 to 1803. P.G. BUTKOV. SPb., 1869.
2. Gadzhiev V.G. The defeat of Nadir Shah in Dagestan. Makhachkala: Institute of history, archeology and ethnography of Dagestan scientific center of the Russian academy of Science, 1996. 264 p.
3. Sotavov N.A. The collapse of the "Threat of the Universe" in Dagestan. Makhachkala: Epokha Publishing House, 2013. 304 p.
4. Aitberov T.M. Nadir Shah and the Dagestanis in 1741. Makhachkala: Publishing house "Your business", 2011. 200 p.
5. Alibekova P.M. The second campaign of Nadir Shah to Dagestan (on the materials of "Alamara-ye Naderi" by Muhammad Kazim Mervi) // History, archaeology and ethnography of the Caucasus. Т. 14. №2. 2018. p. 83-92
6. History, Geography and Ethnography of Dagestan in XVIII-XIX centuries. (Archival materials) / edited by M.O. Kosven, Kh.-M. Khashayev. M.: East Literature Publisher, 1958. 367 p.
7. Musaev M. A. Events of 1741-1743 in Dagestan in English-language biographical literature on Nadir Shah // Unity of the peoples of Dagestan in the struggle against foreign invaders. 2013. P. 259-268
8. Sotavov N.A. North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the XVIII century. Moscow: "Nauka", 1991. 224 p.
9. Abdullayev G.B. From the history of North-East Azerbaijan in the 60-80s of the XIX century. Baku, 1958. 212 p.
10. Gadzhieva A.I. Zaslak Kumykiya in XVIII - first half of XIX centuries // Bulletin of science
1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. III. СПб., 1869
2. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научно-го центра РАН, 1996. 264 с.
3. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. 304 с.
4. Айтберов Т.М. Надир-шах и дагестанцы в 1741 году. Махачкала, 2011. 200 с.
5. Алибекова П.М. Второй поход Надир-шаха в Дагестан (по материалам «Аламара-йе Надери» Мухаммада Казима Мерви) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. №2. 2018. С. 83-92
6. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. [Текст] : Архивные материалы / Акад. наук СССР. Дагест. филиал ; Под ред. М. О. Косвена отв. ред. и Х. М. Хашаева. - Москва : ИВЛ, 1958. - 367 с.,
7. Мусаев М.А. События 1741-1743 гг. в Дагестане в англоязычной биографической литературе о Надир-шахе // Единение народов Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей. 2013. С. 259-268
8. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: «Наука», 1991. 224 с.
9. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х годах XIX века. Баку, 1958. 212 с.
10. Гаджиева А.И. Засулакская Кумыкия в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник

and education №7 (61). Part 1. 2019. P.51-54.

11. Kurukin IV. Peter the Great's Persian campaign: NizovoyCorps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735). Moscow: Quadriga, United Editorial Board of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2010. 381 p.

12. Umakhanov M-SK. Relationship of feudal possessions and liberation struggle of peoples of Dagestan in the XVII century. Makhachkala, 1973. 252 p.

13. Gadzhieva SSh. Dagestan Azerbaijanis, XIX - early XX c.: Historical and ethnographic study. Moscow: Oriental Literature RAS, 1999. 359 p.

14. Bournoutian G. "From the Kur to the Aras (A military history of Russians moving into the South Caucasus and the first Russo-Iranian war? 1801-1813)", Leiden; Boston: Brill, 2021. 366p.

15. Azikova Yuzanna. Kinship and Territorial Ties within the Power System o the Traditional Kabardian Society || Social Evolution & History? Vol. 20 No.1. p.114-145.

16. Acts of the Caucasian Archaeography Commission. Tiflis, 1868. Vol. 2. 1238 pp.

17. Shikhsaidov AR., Aitberov TM., Orazae GM-R. Dagestan Historical Works. Moscow: Nauka Publishing Company "East Literature", 1993. 302 p.

18. Collection of information about Caucasian mountaineers, Вып. II. Moscow: MNTPOAdir, 1992. 600 p.

19. Minorsky VF. History of Shirvan and Derbent of X - XI centuries. Moscow: The publishing house of east literature, 1963. 265 p.

20. Shikhsaidov AR. Islam in medieval Dagestan (VII-XV centuries) Makhachkala: Type. DaghFAN of the USSR, 1969. 251 p.

21. Gadzhiev TV. State, society and law in Dagestan (up to the second quarter of XIX century): autoref. D. dissertation. D. in Philosophy, Moscow, 2001. 41 p.

22. Alkadari.Asari Dagestan. Makhachkala, 1929. 124 p.

23. Berezin IN. Journey to Dagestan and Transcaucasia. Kazan, 1850. 473 p.

24. Shikhsaidov AR., Magomedov MG. Kalla-Koreysh. Makhachkala: Publishing house "Yupiter", 2000. 168 p.

25. Shabaga IY. The role of political marriage in the late Roman Empire// Journal of Ancient History Bulletin. No. 4 (Vol. 77), 2017. 1048 p.

26. Plutarch Comparative Biographies in two

науки и образования №7 (61). Часть 1. 2019. С.51-54.

11. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.

12. *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. 252 с.

13. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские азербайджанцы, XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. М.: Восточная литература РАН, 1999. 359 с.

14. *Bournoutian G.* «From the Kur to the Aras (A military history of Russias move into the South Caucasus and the first Russo-Iranian war? 1801-1813)», Leiden; Boston: Brill, 2021. 366p.

15. *Azikova Yuzanna* Kinship and Territorial Ties within the Power System o the Traditional Kabardian Society // Social Evolution & History? Vol. 20 No.1. p.114-145.

16. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т.2. 1238 с.

17. *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Ораззаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. Москва: Наука Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 302 с.

18. Сборник сведений о кавказский горцах, Вып. II. М.: МНТПО «Адир», 1992. 600 с.

19. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X – XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 265 с.

20. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII – XV вв.) Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1969. 251 с.

21. *Гаджиев Т.В.* Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): автореф. Дис. Д.-ра ист. наук, М., 2001. 41 с.

22. *Алкадари Г.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. 124 с.

23. *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. 473 с.

24. *Шихсаидов А.Р., Магомедов М.Г.* Калла-Корейш. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2000. 168 с.

25. *Шабига И.Ю.* Роль политического брака в поздней Римской империи//Журнал Вестник Древней истории. №4 (Том 77), 2017. 1048с.

26 *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания

- volumes. Moscow: Nauka, 1994. VOL. II. 673 p.
27. Berseneva SI. Interdynastic marriages in the history of Russia. Russia and Denmark – the Union of Two Powers // Russia and Europe: interdynastic marriages and their role in history. Gatchina, 2019. P. 91 - 96.
 28. Chekulaev ND. Severance of Shamkhal Adil-Gerei with the Russian authorities: its causes and consequences // Bulletin of IHAЕ DSC RAS № 2, 2006. P. 26-36
 29. Marshaev RG. Russian-Dagestan relations in the XVII - first quarter of the XVIII centuries. Documents and materials. Makhachkala: Dag. book publishing house, 1958. 336 p.
 30. The latest geographical and historical information about the Caucasus. M., 1823. PART II. 489 p.
 31. Soloviev SM. History of Russia since the most ancient times. M.: , 1963. X. Book 19. 781 p.
 32. Lavrov LI. Epigraphic monuments of the North Caucasus (in Arabic, Persian and Turkish). P.1. MOSCOW: 1966. 300 p.
 33. Gadzhiev VG. History of Dagestan. Moscow: Nauka, 1967. Vol. 1.
 34. Mirzamagomedov G. M. To the history of the struggle of Dagestanis against Nadir Shah (on Dagestan Arabic-language sources) / Liberation struggle of the peoples of Dagestan in the Middle Ages. Makhachkala, 1986. P.84-87
 35. Aliev KM. Shaukhals of Tarky. Makhachkala: RGJT, 2008. - 203 p.
 36. Erel Ş. The Turkish language. Istanbul, 1961 (in Turkish). p.106
 37. Bakikhanov AK. Golestan-e Eram. Baku: Elm Publisher, 1991. 304 p.
 38. Source study of medieval Dagestan. Makhachkala / Edited by Orazaev G.M.-R., Shikhsaidov A.R. Makhachkala, 1986. 176 p.
 39. Sardadvar Abu Thorab. Tarikh-e nizami va siyasiye dovrane Nadershah-e Afshar. Tehran, 1975.
 40. Collection of the Russian Historical Society, Vol. 76. SPb.: Tip. Imperial Academy of Sciences, 1897. 545 p.
 41. Magomedov RM. Dargins in the historical process. Makhachkala: Dagest. publishing house, 1999. 419 p.
 42. Babak Shahed. Dürre-iNadiri`yegöre Nadir Şahvedönemi. Tercümeve deęerlendirme. YüksekIisanstezi. Ankara: 2016, 400 p.
 43. Makhmudov YaM., Mustafazadeh TT. Genius commander who changed the course of sания в двух томах. М.: Наука, 1994. Т.II. 673 с.
 27. Берсенева С.И. Междинастические браки в истории России. Россия и Дания – союз двух держав // Россия и Европа: междинастические браки и их роль в истории. Гатчина, 2019. С. 91 – 96.
 28. Чекулаев Н.Д. Разрыв шамхала Адиль-Герее с русскими властями: его причины и последствия // Вестник ИИАЭ. № 2, 2006. С. 26-36
 29. Маршаев Р.Г. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. 336 с.
 30. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.II. 489 с.
 31. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: , 1963. Кн. X. Т. 19. 781 с.
 32. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецком языках). Ч.1. М.: 1966. 300 с.
 33. Гаджиев В.Г. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1. 433 с.
 34. Мирзамагомедов Г.М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха (по дагестанским арабоязычным источникам) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С.84-87
 35. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Махачкала: РГЖТ, 2008. - 203 с
 36. Erel Ş. Dağıstan ve dagistanlılar. Istanbul, 1961 (турецк. яз.). p.106
 37. Бакиханов А.К.-А. Гюлистан-и Ирам. Баку: Издательство «Элм», 1991. 304 с.
 38. Шихсаидов А.Р. Материалы по хронологии кайтагских уцмиев. Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. 236 с.
 39. Сардадвар Абу Тораб. Тарих-е низами ва сийасийе доване Надершах-е Афшар. Тегран, 1975.
 40. Сборник русского исторического общества, Т. 76. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. 545 с.
 41. Магомедов Р.М. Даргинцы в историческом процессе. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1999. 419 с.
 42. Babak Shahed. Dürre-i Nadiri`ye göre Nadir Şah ve dönemi. Tercüme ve deęerlendirme.

history. Baku: Turhan, 2019. 248 p. (in Azerb. language).

44. Berge A.P. Scheme of Quba khans // Acts collected by Caucasian Archeographic Commission. Vol. VI. Part II. Tiflis, 1875. 954 p.

45. The liberation struggle of the peoples of Dagestan in the Middle Ages / edited by Aitberov T.M. Makhachkala, 1986. 123 p.

Yüksek lisans tezi. Ankara: 2016, 400 p.

43. Махмудов Я.М., Мустафазаде Т.Т. Гениальный полководец, изменивший ход истории. Баку: Турхан, 2019. 248с. (на азерб. языке)

44. Берже А.П. Таблица Кубинских ханов // Акты собранные Кавказской Археографической комиссией. Том VI. Часть II. Тифлис, 1875. 954 с.

45. Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья / Под ред. Айтберова Т. М. Махачкала, 1986. 123 с.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18126-38>

Мхитарян Гоар Жораевна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт Востоковедения НАН РА, Ереван, Армения
goharmkhitaryan7@gmail.com

АРМЯНЕ В ЭТНОЛАНДШАФТЕ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация: Во второй половине XVIII в., как и в предыдущие исторические периоды, армяне занимали свое особое место и играли значимую роль в этнополитической мозаике Восточного Закавказья. Несмотря на ряд научных публикаций, подготовленных с привлечением широкого круга исторических источников и архивных материалов об армянах Восточного Закавказья, изучение темы нельзя считать удовлетворительным. Выбор хронологических границ обусловлен тем обстоятельством, что в предшествующие (XVI–XVII вв.) и последующие (XIX–XX вв.) периоды история проблемы всесторонне и надлежащим образом изучена в историографии. В данной статье, путём сопоставления русских источников, рукописных материалов Матенадарана, архивных документов, опираясь на принципы историзма и объективности, предусматривающие изучение взаимосвязи фактов в конкретных исторических условиях в хронологической последовательности, автором ставится цель воссоздать наиболее полную этноконфессиональную историю и социально-правовое положение армянского населения Восточного Закавказья в контексте политических событий второй половины XVIII в. После убийства Надир-шаха (1747 г.) и развала его государства в Восточном Закавказье возник ряд суверенных административно-политических единиц (Дербентское, Кубинское, Шекинское, Шемахинское, Бакинское ханства), и бывшие иранские правители обрели широкую власть на местах. Исследование показало, что с ослаблением центральной власти в Иране во второй половине XVIII в. изменилась этнополитическая картина в Восточном Закавказье. Одним из последствий этих процессов стало усиление социально-экономических и этнорелигиозных репрессий в отношении армянского населения. Обострение военно-политической ситуации на Южном Кавказе в конце века (нашествие войск Ага-Мухаммед-хана Каджара, Персидский поход русской армии в 1796 г.) приводит к миграции армян из мест постоянного проживания на Северный Кавказ и территорию Российской империи. В результате, этнорелигиозная картина Восточного Закавказья изменилась не в пользу христиан, в частности, армян.

Ключевые слова: Восточное Закавказье; Дербент; Шемахи; Куба; Баку; Фатали-хан; этнополитическая картина; армяне; XVIII век.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18126-38>

Gohar Zh. Mkhitarian
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies NAS RA, Yerevan, Armenia
goharmkhitarian7@gmail.com

ARMENIANS IN THE ETHNIC LANDSCAPE OF EAST TRANSCAUCASIA IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract. In the second half of the 18th century the Armenians occupied a special place in the ethnopolitical picture of East Transcaucasia. Despite a number of scientific studies carried out with the involvement of a wide range of historical sources and archival materials about the Armenians of East Transcaucasia, the subject can be still considered insufficiently studied. The choice of chronological framework is due to the fact that in the previous (16–17th centuries) and subsequent (19–20th centuries) periods, the history of the problem was comprehensively and properly covered in historiography. The present paper, by comparing Russian sources, manuscript materials of the Matenadaran archive, archival documents, based on the principles of historicism and objectivity, involving the study of the relationship of facts in specific historical conditions in chronological order, aims to recreate the most complete ethno-confessional history and the social and legal status of the Armenian population Eastern Transcaucasia in the context of political events of the second half of the 18th century. After the assassination of Nadir Shah (1747) and the collapse of his state in East Transcaucasia, a number of sovereign administrative and political units arose (Derbent, Quba, Sheki, Shemakha, Baku khanates), and the former Iranian rulers gained local power. The study shows that with the weakening of the central government in Iran in the second half of the 18th century, the ethnopolitical picture in East Transcaucasia changed. One of the consequences of these processes was the intensification of socio-economic and ethno-religious repressions against the Armenian population. The aggravation of the military-political situation in the South Caucasus at the end of the century (the invasion of Agha-Mohammed-Khan Qajar's troops, the Persian campaign of the Russian army in 1796) led to the migration of Armenians from their places of permanent residence to the North Caucasus and the territory of the Russian Empire. As a result, the ethno-religious picture of Eastern Transcaucasia changed not in favor of Christians, in particular, Armenians.

Keywords: East Transcaucasia; Derbent; Shemakha; Quba; Baku; Fatali-khan; ethnopolitical picture; Armenians.

История этнополитических и этноконфессиональных процессов армянского населения Восточного Закавказья на разных исторических этапах составляет важную часть истории всего региона и отражена в восточных (арабских, армянских, турецких, персидских) и европейских первоисточниках.

Для воссоздания этнорелигиозной картины армян второй половины XVIII в., глубокого изучения социально-экономической истории, определения правового статуса и выявления современных искажений очень важное научное значение имеют русские первоисточники исследуемого периода. Закавказская политика императрицы Екатерины II, начертанная еще в начале XVIII в. императором Петром I, предусматривала объединение региона до иранских провинций Гилян и Мазандаран в зону российского военно-политического и торгово-экономического влияния с укреплением позиций российского государства на всём Ближнем Востоке и выходом к Персидскому заливу и Индии. Для реализации вышеперечисленных политических целей российским властям необходимо было изучить кавказский регион «изнутри» и приобрести надежную политическую опору в лице христианского населения, в частности, армян.

Ключевыми источниками изучения политической, социально-экономической, этнографической, религиозно-конфессиональной картины армянского населения Восточного Закавказья второй половины XVIII в. является объемный труд академика Самуила Гмелина, сочинения полковника Степана Бурнашева, назначенного резидентом в Тифлисе сразу после подписания Георгиевского трактата (1783 г.), а также участников военной кампании 1796 г. под командованием графа В. Зубова – А. Сереброва, И. Дренякина, П. Буткова, Ф. Симоновича и др.

Вышеперечисленные первоисточники в основном были лишены данных архивных и нарративных документов, однако их авторы были участниками политических событий данного периода, а иногда и активными акторами. Следовательно, эти сочинения являются свидетельствами очевидцев, изложенными в контексте внешней политики Российской империи второй половины XVIII в. Прибрежные районы Каспийского моря и Северный Иран рассматривались ими не только с научной точки зрения, но и с позиций военно-политических и торгово-экономических интересов Российской империи в регионе. Несмотря на то, что авторы относились к армянам как к надежной этнической опоре российского государства, тем не менее, они часто давали неоднозначные оценки, поскольку рассматривали их в совокупности восприятий политических интересов своего государства.

Резюмируя, отметим, что историко-географические сочинения российских ученых и путешественников XVIII в. представляют отдельную группу источников, в которых содержатся уникальные по своей значимости этнографические сведения об армянах Восточного Закавказья, особенностях их быта, хозяйственного уклада и религиозно-конфессиональной жизни. Российские источники с особым вниманием и с большой точностью умеют отделять главное от второстепенного, подчеркивая самое ценное. Сопоставление этих источников с другими иноязычными нарративами, рукописными материалами Матенада-

рана, архивными документами и исследованиями данного периода освещает изучаемую тему¹.

В статье рассматривается этноконфессиональная, социально-правовая история армян Восточного Закавказья в контексте историко-политических реалий, развернувшихся в регионе во второй половине XVIII в. Выбор хронологических границ обусловлен тем обстоятельством, что в предшествующие (XVI–XVII вв.) и последующие (XIX–XX вв.) периоды история проблемы всесторонне и надлежащим образом изучена в историографии [1–5].

Во второй половине XVIII в. в результате распада государства Надир-шаха в Восточном Закавказье сформировались полунезависимые ханства, где власть перешла в руки местных ханов. Самостоятельное существование ханств имело свои негативные последствия преимущественно для немусульманского населения региона, в частности, для этнорелигиозного и социально-правового статуса армян.

В исследуемый период многочисленное армянское население жило в ханствах Дербента, Шеки, Шемахи, Кубы, Баку и прилегающих районах Восточного Закавказья. Так, в Дербенте постоянное армянское население появилось в лице купечества после подписания российско-иранского межгосударственного договора 1667 г., когда торговая компания Новой Джуги (Нор-Джуга) получила право свободно экспортировать шёлк в Европу через российскую территорию [6, с. 66]. Уже в 1770-х гг. в Дербенте было около 4000 семей, 100 из которых были армянскими, которые занимались «отчасти рукоделием, отчасти хлебопашеством и скотоводством» [7, с. 19].

По свидетельству С. Бурнашева, в «городе Дербенте и поселениям считается до 1000 дворов христианских» [8, с. 7]. Согласно другому источнику, в 1780-х гг. недалеко от Топраккале, на правом берегу реки Гургенчай, 15 из около 30-и сёл, простирающихся к горам, были армянскими². В письме от 24 февраля 1796 г. генералу И. Савельеву Иосиф Аргутинский упоминает о девяти армянских «селениях в окружности Дербента» [9, с. 423]. Вследствие политических событий конца XVIII в. армянское население резко сокращается. Уже в начале XIX в. в составленном архиепископом Ованесом списке пожертвований Шемахинской армянской епархии Католикосата Алуанка в городе Дербент упоминается всего 15–20 армянских домов³.

По словам академика С. Гмелина, на одной стороне реки, протекающей мимо города Куба, был еврейский квартал – «пространная слобода, в которой по большей части живут только одни жидаы. По сию сторону близъ города есть несколько армянских изб, из коих одна мне назначена была для постоя» и в которой остановилась экспедиция [7, с. 49]. О наличии евреев один из участников Персидского похода русских войск в Закавказье в 1796 г. С. Броневский констатировал следующее: «...жидаы населяют деревню Кулгат, против самой

1 Особое значение имеют документальные источники, как опубликованные, так и неопубликованные, но сохранившиеся в различных архивных фондах, как, например, в Институте древних рукописей Матенадаран имени М. Маштоца, изучение которых помогает по-новому взглянуть на некоторые историко-политические и этноконфессиональные проблемы Восточного Закавказья.

2 Бумаги Суворова, относящиеся к военным действиям его 1780 и 1783 гг., в бытность в Астрахани и на Кубани, Персии и Кавказа. // СПбФ АРАН, ф. 99. Оп. 2. № 13. Л. 23.

3 Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 32. Док. 219. Л. 4.

Кубы лежащую, исповедуют свой закон, имеют четырёх равинов и четыре си-нагоги» [10, с. 384].

Об армянах Кубинского ханства С. Броневский писал: «Армяне, живущие в Рюстюйском округе, в деревне Кильвар и в Мускюрском в деревнях: первой Барахум, второй Барахум, Караджали, Хазмас Большой, Хазмас Малой и Карагуртли, исповедуют свой закон и говорят своим языком, имеют церковь в Кильваре» [10, с. 383]. Известно, что армянская церковь села Кильвар, по преданию, была построена еще в 1637 г. на месте часовни, основанной и освященной Григорием Просветителем (IV в.). Согласно преданию, древний стол армянской церкви в Кильваре сохранился в церкви Св. Григория Просветителя [11, с. 77–78], а на его фасаде были замечены незнакомые надписи [12, с. 424].

Как в XV–XVII вв., так и в последующий период, Шемаха была населена преимущественно армянами [13, с. 118–127]. По словам очевидцев, в Шемахе было 50 армянских семей, которые занимались выращиванием винограда и виноделием [7, с. 96; 14, с. 24]. По свидетельству С. Бурнашева, в 1780-е гг. в Шемахинском ханстве было 2000 христианских приходов [8, с. 10]. По данным участника Персидского похода И. Дренякина, в конце XVIII в. в Шемахе было 70 армянских домов, а в ханстве – 470 домов в 15 сёлах [15, с. 164–167].

Русский резидент в Картли-Кахетинском царстве полковник С. Бурнашев писал, что в «Нухинском владении христиан считается до 1000» [8, с. 9]. В кратком историческом описании Северной и Южной части Дагестанской Персии майор А. Серебров в 1796 г. писал: «В Шекинской провинции под владением Мамет Гахан хана слепого, в городе Шеке домов 4700, в областях оной до 260 деревень, в них домов 15300, в том числе 62 деревни армянские» [16, с. 180].

С. Бурнашев сообщает, что в 1780-х гг. в Баку проживали несколько семей христианских купцов [8, с. 11]. По сведениям И. Дренякина, «...в городе Баке живущих персиян до 580 домов, да армянских домов около 40» [15, с. 168]. В 1818 г. составленный архиепископом Ованесом список пожертвований Шемахинской армянской епархии Католикосата Алуанка упоминает в Баку 40 армянских домов⁴.

О существовании армянского населения в Сальяне свидетельствует то обстоятельство, что в 1765 г. оно было вынуждено покинуть там свои дома. В составленном Эджмиацином документе, уточняющем границы пожертвований Шемахинской армянской епархии Католикосата Алуанка, в числе других армянских населенных пунктов упоминается также Сальян [17, с. 802]. Академик С. Гмелин отмечал, что в провинции Сальян сёла беспорядочно разбросаны по двум берегам Куры, и в них жили персы, татары и «небольшое количество армян» [7, с. 112–113].

Резюмируя представленный фактический материал, отметим, что в этнической мозаике ханств Восточного Закавказья второй половины XVIII в. армянское население играло особую роль. Некоторые сведения письменных источников второй половины XVIII в. констатируют, что армяне могли в некоторой степени предотвращать заселение своих сел представителями других народов. Армянские и мусульманские семьи, живущие бок о бок в Шабранском магале

4 Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 32. Док. 219. Л. 4.

Кубинского ханства, хотя и находились в тяжелых социально-экономических условиях, однако хану платили больше, чтобы евреи не жили рядом с ними [18, с. 162]. Еще одно свидетельство: «Армянский Патриарх ... платит под видом что б в армянские деревни не помещали магометан 5000 рублей, да иногда 1000 или 2000 под образом займа, кои никогда не возвращаются», – писал русский представитель в Тифлисе полковник С. Бурнашев [8, с. 18].

В условиях отсутствия централизованного государства во второй половине XVIII в. в фактически независимых ханствах, образовавшихся в Восточном Закавказье, резко ухудшается социальный и правовой статус армян и других немусульманских народов. Так, в Шемахе, где население платило в казну хана фиксированные налоги в размере «100 рублей» от каждой семьи согласно источнику, армянское население Шемахи, помимо налогов, обязано было платить хану «2 рубля и 40 копеек» в год, не состоящие в браке, платили «1 рубль и 20 копеек», а до 20 лет были освобождены от налогов. «Сие деньги, – пишет академик С. Гмелин, – собирает определенный от хана писарь. Кроме 50 упомянутых армянских семей есть еще пять армянских деревень, кои лежат между старою и прежде бывшею новою Шамахою, однако при взятии города все они Кубинским ханом нарочито разорены» [7, с. 96].

В случае необходимости в Шемахе хан любым путем собирал требуемые продукты, продовольствие, лошадей, скотину, деньги, однако основная тяжесть падала на армянское население [7, с. 97–98]. Сохранились свидетельства о том, что когда Фатали-хан Кубинский совершает неудачный поход в Карадагское ханство, обещанные наемным лезгинам сотни тысяч рублей он взимает с шемахинцев [19, с. 459].

По словам С. Гмелина, в Дербенте армяне «хану не платят никаких податей, однако напротив того должны нести полицейские должности» [7, с. 19]. Армяне в Шемахе и Дербенте, кроме предоставления квартир иностранцам, обязаны были выполнять охранную службу у городских ворот (в «карауле употребляются»), поскольку как в Дербенте, так и в Шемахе, «более верят армянам, чем персианам и татарам» [7, с. 98–99].

О том, что армяне в Дербенте являются надежными жителями, свидетельствует и тот факт, что они «всегда при хане находились» [7, с. 44]. Это при том, что Дербент не был наследственным владением Фатали-хана, а был завоеван им, и в данном случае доверить город местным жителям, к тому же другой религии, было большим риском. С другой стороны, «постоянное» присутствие рядом с ханом могли иметь только его доверенные люди. В битве между правителями Фатали-хана и Дагестана в долине Гавдуша Кубинского ханства в 1774 г. среди войск хана сражались около 70 армян, из которых «более не осталось 20 человек живыми», нанеся врагу большие потери [20, с. 152].

Посетивший Прикаспийские районы в 1770-х гг. академик С. Гмелин пишет, что из-за установления высоких налогов бакинский Мелик Мухаммад-хан «не в великой любви у подданных своих находится», также было распространено убеждение, что в Баку «правосудия не получишь». Подобные настроения были особенно распространены у армян, вынужденных искать средства, «кои от

ига Бакинского откупиться можно было». По словам С. Гмелина, бакинцы жаловались также на столь большие размеры требуемой ханом суммы, «которой они почти собирать не могут» [7, с. 84].

По свидетельству участника Персидского похода русских войск в Закавказье в 1796 г. П. Буткова, армяне и евреи Кубинского ханства помимо установленных налогов обязаны были заплатить хану «1 рубль», а не состоящие в браке «55 копеек» [21, с. 205], а по словам другого участника похода Ф. Симоновича: «С армян и жидов подушных денег: с женатых по 2 р. 10 коп., с холостых по 1 р. 10 коп.» [22, с. 150]. Аналогичные сведения сообщает С. Броневский: «Армяне и жида, сверх вышепомянутых податей, должны были платить ханскою монетою: женатые по одному рублю (30 копеек серебром), а холостые, которые старше 15 лет, по 55 копеек» [10, с. 392].

Источники второй половины XVIII в. оставили также упоминания о религиозной и конфессиональной ситуации в Восточном Закавказье. По словам С. Гмелина, «главным законом» города Баку было мусульманство шиитского направления («махометанскошахинская секта»), однако проявлялась толерантность и к суннитам, а армяне «отправляют свое богослужение тайно» [7, с. 81]. Это свидетельствует о том, что ханские власти преследовали армян за свободу вероисповедания. Ситуация напоминала реалии этноконфессиональной картины начала XVIII в., когда в Шемахе армяне и евреи в результате вероисповедальных гонений, по приказу Сурхай-хана Казикумухского, были вынуждены носить на улице лоскуты желтой ткани на одежде, чтобы отличаться от мусульман. Единственный путь спасения от религиозных преследований для армян, по словам И. Гербера, «опять идти в мечети» («смена вероисповедания»), в результате чего «христианских армян» осталось довольно мало [23, с. 305].

В Шемахе С. Гмелин стал свидетелем сцены, когда два армянских монастыря собирались пожертвовать хану 1000 рублей и боялись, что Фатали-хан Кубинский «от них опять скоро такового или большого подарка требовать не приминет». Служители двух монастырей из пяти армянских деревень⁵, расположенных между Старой и Новой Шемахой, боялись открыто использовать церковные сосуды, святые образы и другие принадлежности, так как хан мог их конфисковать. По этой причине в армянских монастырях кроме иконы Богоматери «ничего не видно» [7, с. 98, 107].

Отметим, что нестабильная политическая ситуация во второй половине XVIII в. в бывшей иранской державе обострила религиозные проблемы почти на всём Кавказе, сформировав негативное отношение к иноверцам. По словам С. Бурнашева, кабардинцы недавно «условились единогласно и утвердили присягой, чтоб никогда армян не впускать в свои жилища» [24, с. 7]. Более того, в середине 1780-х группа тифлисских армянских купцов подверглась разбойному нападению со стороны кабардинцев. Царь Ираклий II требовал за убитых семи армянских купцов цену крови – 240 рублей за каждого, а за потерянные товары – 10670 рублей⁶.

5 В одном из этих сёл находился монастырь Св. Стефана Предтечи, который в тот период был епархиальным центром.

6 РГВИА, ф. 52. Оп. 1/194. Д. 331. Ч. II. 1784 г. Л. 21.

Наконец, во второй половине XVIII в. из-за хаоса в регионе активизируется передвижение населения. Армянский католикос Акоп Шамахеци отмечал, что после падения государства Сефевидов около 40 лет «царствие красноголовых» не утихло⁷. Дестабилизированная ситуация в Иранском государстве принудила группу армян из окружающих деревень Тебриза и из других мест в 1753 г. отправиться в Энзели, чтобы переехать в Астрахань и обосноваться там⁸.

К концу XVIII в. передвижение населения (в частности, армян) в Закавказье настолько усилилось, что некоторые священнослужители на местах не могли правильно организовать сбор духовных пошлин. С целью урегулирования вопроса вмешивается католикос Акоп Шамахеци, распорядившись, что тем, в каком состоянии находится народ, и там должен платить причитающуюся церкви пошлину⁹.

Отрицательное влияние на изменение этнополитической картины региона оказало нашествие Ага-Мухаммад-хана Каджара в 1795 г. на Закавказье. По свидетельству армянских источников, в начале 1796 г. «в Гандзаке, Сюнике, Арцахе и Алуанке начался сильный голод, так как войска Ага-Мухаммада сожгли всё на своем пути», в результате чего миграция достигла больших масштабов¹⁰.

Персидский поход под командованием В. Зубова (1796 г.) также имел трагические последствия для армянского населения Восточного Закавказья. В результате отступления российских войск армяне, из-за своих симпатий русским, оказались перед перспективой мести местных ханов. Так, Мехти-бек с многочисленным войском напал на армянские поселения, в результате больше всего пострадали армяне Шемахинского уезда Заргаран, где «из-за своей мести персы за один день кроме стариков и молодых, вырезали 100 младенцев»¹¹. Ряд армянских деревень организовали героическую оборону и сохранились сведения о храброй защите армян и кетхуды Оган-бека из деревни Гирк, который пал от пули Мехти-бека [25, с. 126].

Исходя из сложившейся военно-политической обстановки в регионе, армянское население Прикаспийских областей начало массово покидать свои места жительства, в 1796–1797 гг. присоединившись к отступающим русским войскам. «Многие из армян и немногие из таджиков, – писал епископ Вардан Одзнец, – перешли в Грузию, Сомхет, Ереван, Карс и страну сарматов – Моздок и Кизляр»¹².

Католикос Иосиф Аргутинский сообщал российскому командованию следующее: «Армяне, обитающие в Мукшурской и Дербентской провинциях, просили е.с. графа Валерьяна Александровича Зубова, так как они довольно уже претерпели от варвар обид и притеснений, избавив от власти их, принять под покровительство России» [9, с. 434]. Известно, что только из Дербента и Мушкура на Северный Кавказ эмигрировали 610 семей, 5212 человек [26, с. 61–74]. Решением Сената от 15 апреля 1799 г. армянам, эмигрировавшим из Дербента, выделяются земли из прилегающих государственных земель [27, с. 619–620].

7 Матенадаран. Рукопись № 2911. Л. 102б.

8 Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 1. Док. 26. Л. 1-2.

9 Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 1. Док. 52. Л. 1.

10 Матенадаран. Рукопись № 4331. Л. 91б-92а.

11 Фарос [Смбат Гарагашян], Заргаран, «Нор-дар». Тифлис. 1898, 17-ое сентября. № 167.

12 Матенадаран. Рукопись № 4331. Л. 91б-92а.

Для сравнения отметим, что походы Ага-Мухаммад-хана Каджара в 1795 и 1797 гг. стали катастрофой и для армянского населения Карабаха. О страшных последствиях голода в 1796 г. Иосиф Аргутинский с болью писал: «Даже сына и жену продавали за кусок хлеба и, что нелепо, от голода отвергали святую веру»¹³.

Около 5000 семей из-за беспорядков в Закавказье уехали из Карабаха в Шеки, Ширван и другие близлежащие места [28, с. 19]. В результате политических событий конца XVIII в. число поселившихся в Ширване карабахских армян колеблется от 8000 до 12000 [29, с. 242]. Обращаясь к вопросу об эмиграции карабахских армян из Джраберда, Хачена, Варанды, Дизака, Варданакерта и других уездов, епископ Макар Бархударянц в конце XIX в. с болью задавался вопросом и сам же отвечал: «Куда делись эти армянские жители? Часть из них в 1798–1799 гг. стали пищей голоду и чуме, часть оказались в плену в Персии, часть перешла в Турецкую Армению, часть – в Персию, часть – в Шаки и Ширван, а другая часть – в Кахетию, Грузию, часть – в Баку, Кубу, Дарбанд и в Россию» [30, с. 8].

В итоге, карабахским армянам удается основать в исторической части Шеки-Ширвана около ста населенных пунктов [31, с. 12], обеспечив непрерывное существование своей идентичности в бывших армянских деревнях [32, с. 295] и сохранив издревле построенные здесь церкви, хачкары и другие памятники христианской культуры.

Резюмируя, отметим, что как в предыдущие периоды, так и во второй половине XVIII в., в этнополитической мозаике Восточного Закавказья армяне занимали свое особое место. Исследованием источников указанного периода можно констатировать, что в условиях отсутствия в Иране централизованного государства в фактически независимых ханствах Восточного Закавказья резко ухудшаются социальное положение и правовой статус армян и других немусульманских народов (в частности, евреев). Если в первом тридцатилетии XVIII в. местные власти осуществляли насильственное вероотступничество в отношении армянского населения [33], то во второй половине века в ханствах Восточном Закавказья армяне были вынуждены скрывать свою религиозную и конфессиональную принадлежность. Поэтому для армян, постоянно вынужденных бороться за свою религию и систему культурных и духовных ценностей, наряду с роковой проблемой физического существования, первоочередным было сохранение армянской идентичности. С другой стороны, нестабильная военно-политическая ситуация в регионе в конце XVIII в. вынуждает армянское население эмигрировать из мест постоянного жительства, спасаясь от мести мусульманских ханов.

Таким образом, имеющийся на сегодняшний день комплекс источников второй половины XVIII в., включающий разнообразные по своему составу и степени репрезентативности материалы, позволяет достаточно полно реконструировать этнополитическую историю армянского населения Восточного Закавказья. В целом очевидно, что сведения данных исторических источников, архивных и рукописных документов представляют несомненный интерес для

¹³ Матенадаран. Рукопись № 2951. Л. 121б.

кавказоведов и позволяют воссоздать наиболее полную и объективную этноконфессиональную картину Восточного Закавказья второй половины XVIII в. В то же время нужно отметить, что источниковая база этого периода далеко не исчерпана и не является окончательной, а поиск новых источников является одной из основных задач современных исследователей.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта Комитета науки Республики Армения 21Т-6А163 «Этнополитические проблемы в Восточном Закавказье в XVIII–XIX веках» (рук. К. Костикян).

Acknowledgement. The study was carried out within the framework of the grant of the Committee of Science of the Republic of Armenia 21Т-6А163 "Ethno-political problems in Eastern Transcaucasia in the 18th-19th centuries" (headed by K. Kostikyan).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Погосян (Хахбакян) Г.Г. Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев. Часть I (XV–XVII вв.) / Ред.: Г.С. Асатрян, С.А. Маркарян. Ереван, Центр общественных связей и информации, 2013. – 244 с.

2. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины в XVIII–XIX вв. Махачкала: «Народы Дагестана», 2007. – 244 с.

3. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Образование армянской диаспоры Дербента и ее роль в развитии торговых контактов города в XVIII в. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы II Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2015. С. 43–49.

4. Степанян Г.С. Армяне Бакинской губернии во второй половине XIX века (Историко-демографическое исследование). Ереван, Издательство НАН РА. 2010. – 246 с. (на арм. яз.)

5. Степанян Г.С. Шамаха и шамахинские армяне (с древнейших времен до конца XX века) // Всеармянский журнал «Вэм». Ереван. 2009, октябрь-декабрь, № 3, С. 74–95. (на арм. яз.)

6. Магарамов Ш.А. Этноконфессиональная картина города Дербента в VI–XIX вв. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 1. 2020. С. 50–75.

7. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества: Ч. 3. СПб., При Императорской Академии Наук, 1785. – 336 с.

1. Poghosyan (Khakhbakyan) GG. *The Armenians of Shamakhi in the mentions of some Western Europeans: Part I (XV–XVII centuries)* [Armyane Shamakhi v upominaniyakh nekotorykh zapadnoevropeycev: Chast 1 (XV–XVII vv.)]. Yerevan: Center for Public Relations and Information, 2013. (In Russ)

2. Aganesova DV, Suzdaltseva IA. *Armenian communities in the XVIII–XIX centuries* [Armyanskie obshini v XVIII–XIX vv.]. Makhachkala: Narody Dagestana, 2007. (In Russ)

3. Magomedov NA, Magaramov ShA. Formation of Derbent Armenian Diaspora and its role in the development of trade contacts of the city in the 18th century [Obrazovanie armyanskoy diaspori Derbenta i eyo rol' v razvitii torgovikh kontaktov goroda v XVIII v.] *Armenians of the Russian South: History, Culture, Common Future. Proceedings of the II International Scientific Conference.* Rostov-on-Don, 2015:43-49. (In Russ)

4. Stepanyan GS. *Armenian Baku Provinces in the Second Half of the XIX Century (Historical-Demographic Research)* [Armyane Bakinskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka (Istoriko–demograficheskoe issledovanie)]. Yerevan: Publishing house of the National Academy of Sciences of the RA, 2010. (In Armenian).

5. Stepanyan GS. Shamakha and Shamakhi's Armenians (from ancient times up to the end of the 20th century). "Vem" *Pan-Armenian Journal.* Yerevan, 2009, 3(28): 74–95. (In Armenian).

8. Бурнашев С.Д. Описание областей Адриджанских в Персии и их политического состояния. Курск, Типография Курского приказа общественного призрения, 1793. – 27 с.

9. Армяно-русские отношения в XVIII веке. 1760–1800 гг. Сборник документов. Т. IV. / Под ред. М. Нерсисяна. Ереван, Издательство АН АрмССР, 1990. – 588 с.

10. Броневский С.М. Новейшие географические [статистические и этнографические] и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. II. М.: Университетская типография, 1823. – 465 [11] с.

11. Геворкьян Д.П. Часовня Святого Григориса: памятник от истоков христианства, // 1700-летие принятия христианства в Дербенте как государственной религии Кавказской Албании: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Дербент, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. Г.Н. Сеидова. Махачкала, АЛЕФ, 2013. С. 77–87.

12. Саркис Джалалянц Путешествие в Великую Армению. Т. 2. Тифлис. 1858. – 517 с. (на арм. яз.)

13. Погосян (Хахбакян) Г.Г. Некоторые этнодемографические и иные аспекты населения Шамахи. // Кавказский сборник. Т. X. (42). М.: Русская панорама, 2017. С. 118–127.

14. Bieberstein, Friedrich August. Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne entre les fleuves Terek et Kour. St.-Pétérsbourg: 1798. – 120 с.

15. Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. Косвена М.О., Хашаева Х.М. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 157–172.

16. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. Косвена М.О., Хашаева Х.М. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 173–196.

17. Архив армянской истории. Кн. 3. Ч. 2. Памятная книга католика Симеона Ереванци. Издал Гют Аганьянц, Тифлис, Типография М. Шарадзе, 1894. – 892 с.

18. Reineggs J. and Bieberstein M., A General Historical and Topographical Description of the Mount Caucasus. Translated from the works of Dr. Reineggs and Marshal Bieberstein, by Charles Wilkinson, vol. I, London, 1807. – 407 p.

6. Magaramov ShA. Ethno-Religious Composition of Derbent in the VI–XIX Centuries [Etno-konfessionalnaya karta goroda Derbenta v VI–XIX veka]. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(1): 50-75.

7. Gmelin SG. *A trip across Russia to explore the three kingdoms of nature: Part 3 [Puteshestviye po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv yestestva: Chast 3]*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1785.

8. Burnashev SD. *Description of the Adrebizhan regions in Persia and their political state [Opisanie adrebijanskikh oblastey Persii I ikh politicheskogo sostoyaniya]*. Kursk: Printing house of the Kursk order of public charity, 1793.

9. *Armenian-Russian relations in the XVIII century. 1760–1800. Collection of documents [Armeniano-russkie otnosheniya v XVIII veke. 1760–1800. Sbornik dogovorov]*. Vol. IV, Yerevan, 1990.

10. Bronevsky SM. *The latest geographical (statistical and ethnographic) and historical news about the Caucasus [Noveyshie geograficheskiye (statisticheskiye i entograficheskiye) i istoricheskiye izvestiya o Kavkaze]*. Collected and supplemented by Semyon Bronevsky. Moscow, Part 2. 1823. (In Russ)

11. Gevorkyan DP. Chapel of Staint Grigoris: a monument from the origins of Christianity. [Chesovnyia Svyatogo Grigorisa: pamyatnik ot istokov khristianstva]. *1700th anniversary of the adoption of Christianity in Derbent as the state religion of Caucasian Albania: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (Derbent, 14-15 November 2013)* Seidova G.N. (ed.). Makhachkala, 2013: 77-87. (In Russ)

12. Sarkis Jalalyants. *Travel to Great Armenia [Puteshestvie v Velikuyu Armeniyu]*. Vol. 2. Tiflis, 1858. (In Armenian)

13. Poghosyan (Khakhbakyan) GG. Some ethno-demographic and other aspects of the population of Shamakhi [Nekotorie etnodemograficheskiye i inye aspekty naseleniya Shamakhi] *Caucasian collection*. Moscow, 2017, 10(42): 118–127.

14. Bieberstein, Friedrich August. *Tableau des provinces situatios sur la côte occidentale de la mer Caspienne entre les fleuves Terek et Kour*. Saint Petersburg, 1798. (In French).

15. Drenyakin IT. Description of Shirvan. 1796. [Opisaniye Shirvana. 1796 god] *History, Geography and Ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archive material*. Kosven M. O., Khashaeva H-M. (eds.). Moscow, 1958. p. 157–172.

19. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века / В. Г. Мачарадзе, Ч. 3, Вып. 2, Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и Грузия, Тбилиси, Издательство Тбилисского университета, 1997. – 956 с.
20. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов, Отв. ред. В. Гаджиев, М.: «Наука», 1988. – 357 с.
21. *Бутков П.Г.* Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. Косвена М.О., Хашаева Х.М. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 200–208.
22. *Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. Косвена М.О., Хашаева Х.М. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 138–156.
23. *Иоганн Густав Гербер.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих, СПб., 1760, Октябрь. – 305 с.
14. *Бурнашев С.Д.* Описание горских народов. Курск.: Типография Курского приказа общественного призрения, 1794. – 20 с.
25. *Фитуни А.П.* История последней столицы Ширвана, Фит-Дага: Историко-этнографический очерк по крепости Фит-каласы, Известия Азербайджанского комитета изучения охраны памятников страны, искусства и природы Вып. 3. Баку, 1927, С. 75–148.
26. *Чобанян П.А.* Численность армянского населения России (Последняя четверть XVIII века) // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван. 1998, С. 61–74.
27. *Полное Собрание Законов Российской Империи.* Собрание первое, 1649–1825 гг. Т. XXV, 1798–1799. / Под ред. М. М. Сперанского, СПб., Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 932 с.
28. *Russia and the Armenians of Transcaucasia.* 1797–1889. A documentary record. Annotated translation and commentary by George A. Bournoutian, Costa Mesa, Mazda Publishers, 1998. – 578.
16. Serebrov AG. Historical and ethnographic description of Dagestan. 1796 [Istoriko-etnograficheskoye opisaniye Dagestana. 1796 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archive material.* Kosven M. O. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. p. 173–196. (In Russ.)
17. *Archive of Armenian History. Book. 3. Part 2. Commemorative book of Catholicos Simeon Yerevantsi.* Published by Gyut Aganyants, Tiflis, Printing house M. Sharadze. 1894. (In Armenian).
18. Reineggs J, Bieberstein M. *A General Historical and Topographical Description of the Mount Caucasus.* Translated from the works of Dr. Reineggs and Marshal Bieberstein, by Charles Wilkinson, Vol. 1, London, 1807.
19. *Materials on the History of Russian-Georgian relations in the second half of the 18th century [Materialy po istorii russko-gruzinskikh otnosheniy vtoroy poloviny XVIII veka].* Part 3, Issue 2, Russian-Turkish war of 1768-1774 and Georgia. Tbilisi, 1997.
20. *Russian-Dagestan relations in the XVIII – early XIX century. Collected documents [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v. Sbornik dokumentov].* Moscow: Nauka, 1988.
21. Butkov PG. Excerpts from the “Draft report on the Persian expedition in letters”. 1796. [Vyderzhki iz «Proyekta otcheta o Persidskoy ekspeditsii v vide pisem». 1796 god] *History, Geography and Ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archive material.* Kosven M. O. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958:200-208. (In Russ)
22. Simonovich FF. Description of Southern Dagestan in 1796 [Opisaniye Yuzhnogo Dagestana 1796]. *History, Geography and Ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archive material* Kosven M. O. (ed.). Moscow: Vostochnaya literatura, 1958:138-156. (In Russ)
23. Johann Gustav Gerber. *News about the peoples and lands located on the western side of the Caspian Sea between Astrakhan and the Kura River and about their state in 1728 [Izvestiya o nakhodyashikhsya s zapadnoy storony Kaspiyskogo moray mezhdru Astrakhanyu i rekoj Kuroj narodakh i zemlyakh i o ikh sostoyanii v 1728 g.].* Saint Petersburg, 1760.
24. Burnashev SD. *Description of mountain peoples [Opisanie gorskikh narodov].* Kursk, 1794.

29. *Апрес Бекназарянц Тайна Карабаха*. СПб., Типография И. Скороходова, 1886. – 406 с.

30. *Макар Бархутарянц Арцах, Багу*, 1895. – 461 с.

31. *Карапетыан С.Г.* Памятники армянской культуры в районах, оккупированных Советским Азербайджаном. Ереван, Издательство «Гитутюн» НАН РА. 1999. – 288 с.

32. *Макар Бархутарянц Страна Алуанк и соседи (Средний Дагестан)*. Тифлис. 1893. – 305 с.

33. *Мхитарян Г.Ж.* Этнополитическое описание Ширвана по историографическому труду И. Гербера // Восточное источниковедение, Т. 2, Составитель и ред. А. Бозоян, Ереван, Издательство НАН РА «Гитутюн», 2020. С. 364–388.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021 г.

25. Fituni AP. *The history of the last capital of Shirvan, Fit-Dag: Historical and ethnographic essay on the fortress Fit-kalasy. News of the Azerbaijan Committee and the study of the protection of the country's monuments, art and nature [Istoriya posledney stolitsy Shirvana, Fit-dagha: Istoriko-etnograficheskiy ocherk po kreposti Fit-kalasy. Izvestiya Azerbayjanskogo komiteta i izucheniya okhrani pamyatnikov strany, isstustva i prirody]*. Issue 3, Baku, 1927:75-148.

26. Chobanyan PA. The number of the Armenian population of Russia (Last quarter of the 18th century) [Chislennost armyanskogo naseleniya Rossii (Poslednyaya chetvert XVIII veka)]. *Historical and Philological Journal*. 1998, 3: 61-74. (In Armenian.)

27. *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First collection, 1649-1825 Vol. XXV, 1798-1799 [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe. 1649-1825 gg. T. XXV, 1798-1799]*. M. M. Speransky (ed.). Saint Petersburg, Printing house of the II department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830.

28. *Russia and the Armenians of Transcaucasia, 1797-1889. A documentary record. Annotated translation and commentary by George A. Bournoutian*, Costa Mesa, 1998.

29. *Après Betnazareants. Mystery of Karabakh [Tayna Karabakha]*. Saint Petersburg, 1886: 406. (In Armenian)

30. *Makar Barkhutaryanc. Artsakh, Bagu*, 1895. (In Armenian)

31. *Karapetyan SG. Monuments of Armenian culture in the districts occupied by Soviet Azerbaijan [Pamyatniki armyanskoy kultury v rayonakh, okupirovannikh Sovetskim Azerbayjanom]*. Yerevan, 1999. (In Armenian).

32. *Makar Barkhutaryanc. Aluank country and neighbors (Middle Dagestan) [Strana Aluank i sosedi (Sredniy Dagestan)]*, Tiflis, 1893. (In Armenian).

33. *Mkhitaryan GZh. The Ethno-Political Description of Shirvan according to the J. Gerber's historiographical work [Etnopoliticheskoye opisaniye Shirvana po istoriograficheskomu trudu I. Gerbera]*. *Studies in Oriental Sources*, Vol. 2, Yerevan, 2020. p. 364–388. (In Armenian).

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18139-49>

Тахнаева Патимат Ибрагимовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ptakhnaeva@gmail.com

О ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ ИМАМА ГАЗИМУХАММАДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ (1832-1843 гг.)

Аннотация: В настоящей статье представлено микроисследование по реконструкции истории захоронения (1832 г.) и перезахоронения (1843 гг.) имама Газимухаммада (1795–1832). Исследование выполнено по известным местным и русским источникам, а также новым, малоизвестным источникам, с привлечением краеведческого материала и фольклора. Реконструкция истории перезахоронения имама (1832–1843 гг.) позволяет ответить на актуальный в связи с перезахоронением (2019 г.) наиба Хаджи-Мурата вопрос о прецедентах и допустимости перезахоронений мусульман, в частности – в имамате. Подвергается критическому пересмотру утвердившийся среди местных авторов ряд предположений, связанных с захоронением имама: о том, что имам Газимухаммад был перенесен из сел. Гимры для предания земле в г. Тарки (укр. Бурная) по настоянию Саида Араканского (во избежание почитания его могилы); о том, что тело покойного, прежде чем его предали земле, было предано глумлению, неким образом препарировано (засолено и засушено); о том, что после захоронения признаки могилы имама были сознательно стерты и ее местонахождение оставалось неизвестным, но охранялось солдатами. Местные авторы называют разных людей, проявивших инициативу перезахоронения тела имама Газимухаммада в 1843 г., но все источники единодушны в утверждении – перезахоронение происходило под контролем имама Шамиля и по его приказанию. Выявлен автор известного изображения полубнаженного тела погибшего имама, выполненного с натуры участником штурма сел. Гимры П.А. Бестужевым-Рюминым. Подвергается серьезному сомнению, что автор выполнил изображение настоящего имама, а не подставного тела. Не выдерживает критики запечатленная автором поза убитого имама («одною рукою держался за бороду, а другою указывал на небо»), которая в русских источниках представлялась сакральной для мусульман и не избежала конспирологической трактовки. Удалось определить жителя сел. Кяхулай «Хаджжи Атак б. Гирайхан ал-Кахулий», Асадулу Герейханова (1872 г.р.), который установил на месте бывшей могилы имама Газимухаммада памятник.

Ключевые слова: Кавказская война; имам Газимухаммад; сел. Гимры; захоронение имама; имамат; имам Шамиль; сел. Тарки; кенотаф; мавзолей имама Газимухаммада.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18139-49>

Patimat I. Takhnaeva
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ptakhnaeva@gmail.ru

THE REBURIAL OF IMAM GAZIMUHAMMAD: RECONSTRUCTION OF EVENTS (1832-1843)

Abstract. The article presents a microstudy on reconstruction of the history of the burial (1832) and reburial (1843) of Imam Gazimuhhammad (1795-1832). The study is based on known local and Russian sources, as well as new little-known sources, with the introduction of local-history material and folklore. Reconstruction of the history of the reburial of the Imam (1832-1843) allows to address a relevant question in connection with the reburial (2019) of Naib Hadji Murad about the precedents and admissibility of the reburial of Muslims, in particular, in the Imamate. A number of speculations that have been circulating among local authors related to the burial of the imam are subjected to critical revision: that imam Gazimuhhammad was transferred from the village of Gimry for burial in the city of Tarki (Ukrainian: Burnaya) at the insistence of Said of Arakan (in order to avoid veneration of his grave); about the fact that the body of the deceased, before it was buried, had been humiliated, dissected in some way (salted and dried); that after the burial, the traces of the Imam's grave were deliberately erased and its location remained unknown, but was guarded by soldiers. Local authors name different individuals who took the initiative to rebury the body of Imam Gazimuhhammad in 1843, but all sources are unanimous in their assertion that the reburial took place under the control of Imam Shamil and by his order. The author of the well-known image of the half-naked body of the deceased Imam was a participant of the storming of Gimry P.A. Bestuzhev-Ryumin. The fact that the author made the image of the body of the real Imam is seriously questionable. The posture of the murdered Imam captured by the author ("with one hand he held his beard, and with the other he pointed to the sky"), which in Russian sources seemed sacred to Muslims and did not avoid conspiracy theories, does not stand up to criticism. It was possible to identify a resident of the village of Kyakhulay "Haji Atak b. Giraykhan al-Kahuliy", Asadula Gereykhanov (born 1872), who erected a monument on the site of the former grave of Imam Gazimuhhammad.

Keywords: Caucasian War; Imam Gazimuhhammad; Gimry; burial of the imam; Imamate; Imam Shamil; Tarki; cenotaph; mausoleum of Imam Gazimuhhammad.

Имам Газимухаммад был убит 17 октября 1832 г. во время штурма русскими войсками селения Гимры, в котором последний укрепился. О гибели имама участник штурма Гимры генерал-майор В.Д. Вольховский в рапорте от 19 октября 1832 г. писал: «17-го числа взят штурмом гимринский дефиле, укрепленный со всех сторон завалами. ... более 200 тел неприятельских остались на месте; между убитыми узнаны Кази-Мулла и главные его общники; с нашей стороны убито и ранено около 300 человек. На другой день деревня Гимры занята без выстрела» [1, с. 151]. Без выстрела – потому что в сел. Гимры с 15 октября никого из жителей уже не оставалось, они покинули селение до начала военных действий [1, с. 154–155]. 18 октября, на следующий день после взятия «гимринского дефиле» (укрепленной стены в гимринском ущелье), в русский лагерь в сел. Гимры явились гимринские старшины, 19-го октября – койсубулинские старшины, 20-го октября – кадий Акушинский и Араканский.

По хронике Мухаммада-Тахира аль-Карахи, после взятия Гимры «русские искали труп павшего за веру Гази Мухаммеда», на тело погибшего имама указали «отступники-гимринцы» [2, с. 56]. Затем, писал Карахи, «известный ученый Сайд ал-Харакани приказал русским не оставлять трупа для захоронения в гимринской земле, доказывая им, что если они похоронят его в Гимрах, то мюриды будут посещать его могилу, собираться и приводить в движение междуособицы и пороки» [2, с. 57]. «Его слова подействовали на русских», – продолжал Карахи, тело Газимухаммада повезли в Тарки, где его «высушили и сохраняли некоторое время, приставив к нему сторожей, а затем похоронили» [2, с. 56–57]. Зловещая и не совсем понятная фраза о «высушенном теле» под караулом, возможно, указывала на то, что тело преступника какое-то время было выставлено для устрашения. Когда же, по Карахи, «наступило время государства Шамиля», и имам находился «в Казанищах около 23 дней» (речь идет о событиях осени 1843 г.), он «послал хаджи Кибида ал-Унцукулуви с товарищами для перенесения из Тарго останков павшего смертью праведника Гази Мухаммеда», потому что «Кибид знал место его погребения» [2, с. 167]. После того, как «они вырыли и перенесли останки в Гимры ...над его могилой Шамиль построил затем благословленный мавзолей...» [3, с. 36]. Другой современник, Абдурахман из Газикумуха, о перезахоронении останков имама передавал коротко: «Когда имамство перешло к Шамилю, он отправил Кебед-хаджиява из Унцукуля с двумя товарищами в селение Тарки, чтобы он раскопал могилу (Газимухаммеда) и перенес прах его в селение Гимры; прах был перенесен и погребен на кладбище селения Гимры» [4, с. 38]. В 1860-е годы он писал: «Сейчас его могила находится там, посещаемая людьми, которые получают благословление через него» [4, с. 38]. Мавзолей с тех пор дважды обновлялся – в 1965 г. и 1990 г. В 1866 г. здесь похоронили дочь имама Шамиля, Написат, жену Абдурахмана Газикумухского; чуть позже здесь была похоронена вдова имама Газимухаммада, Патимат (дата ее смерти не известна). Здесь же был предан земле алим Алил Абдуллах (1886–1967) [5; 6, с. 31].

По местным устным историям, собранным в свое время арабистом М.Г. Нурмагомедовым (сел. Аракань, 1904–1997), история с перезахоронением имама выглядела несколько иначе. После завершения сражения в гимринском ущелье, к месту гибели имама Газимухаммада, «Сангаралъухъ», пришел Саид Араканский (напомню, по русским источникам известно, что он явился в Гимры 20 октября [7, с. 561]). Саид подошел к телу погибшего имама, стал у его ног и обратился к покойному со словами: «Ох, мой сын, Газимухаммад, я же предупредил тебя, что все так и будет?» Потом добавил: «Заступись за нас в Судный день...». Заметил, что у покойного разбита губа, сломан передний зуб. Спросил: «Что случилось?» Охранявшие тела убитых отвечали, что здесь уже побывал некий «человек с равнины», который нанес удар по его лицу ногой со словами: «Приходи к нам теперь еще повоевать». Саид сказал: «То, что Газимухаммад отправится в рай, а тот таркинец в ад – неизбежно...» [8, с. 82–83]. Автор не согласен с предположением Карахи о недоброй роли Саида Араканского в истории с переносом тела имама в Тарки. М.Г. Нурмагомедов писал, что решение о захоронении имама в Тарки принадлежало русским. В его рассказе также нет «гимринцев-отступников», напротив, при опознании тела имама гимринцы указали на другое, которое и положили на носилки, чтобы вывезти. Но вмешался досадный случай: когда поднялись на Эрпелинские горы, отряд встретил гимринца Исинбулата, двоюродного брата гимринского старшины Даудилава, убитого совсем недавно (в марте 1831 г.) сторонниками Газимухаммада. Убийство Даудилава произошло тогда против воли Газимухаммада, убийца был казнен на том же на месте. Газимухаммад пытался это объяснить родственникам Даудилава, но семнадцать двоюродных братьев Даудилава не простили ему эту кровь [8, с. 82–83]. Исинбулат, узнав, что на носилках лежит тело его кровника, захотел на него взглянуть и, обнаружив подмену, потребовал вернуться назад, обещав указать на тело настоящего имама. Вернувшись, он сделал это – ткнув дулом оружия в рот покойного. Тело имама переложили на носилки и отряд, поднявшись по той же дороге, вскоре доставил его в Эрпели, здесь переложили на арбу и отвезли в Тарки [8, с. 86]. Точнее, доставили в русскую крепость Бурная, с 1821 г. расположенную над Тарками. Отзвуки той истории, когда «похоронный» отряд был вынужден вернуться в Гимры в поисках тела настоящего имама слышны в «Песне об убийстве имама Газимухаммада» («Имам Гъази МухАмад чІваялъул кечІ») аварского поэта Магомеда из Чиркея (1846–1926), в двух строках: «Генуб анкьги бахъун, инаралзаби // Имам валагъизе руссун рачІана» («Побыв неделю в Гимры, генералы // Вернулись назад, искать имама») [9, с. 27]. По мнению М.-Н. Ибрагимова, это произведение, «назму», принадлежало гимринскому алиму Мухамаднуру (1866–1931).

Далее, по М.Г. Нурмагомедову, в Тарки, на краю скалы, тело покойного предали некоей обработке, которой горцы обычно подвергают тушу животного для вяления на солнце («кбурул рагІалда ссу-ссун хамалага гъабун вакъвазе гъовги ванила»), оставили его там для «высушивания», выставив караул. А когда тело высохло, на том же месте оно было предано захоронению («вакъарав

мехаль гьагьабго бакІалда вукъанила»). Магомед из Чиркея в назму о гибели имама, возможно, под влиянием фразы Карахи о разделке тела покойного как туши для вяления, добавил в свое описание использование соли, необходимой при таком случае: «ЦІан шван, лугби кьотІун, хамалаг гьабун // Хирияб кь-аркьала бакъвазабуна // ГІемерал кьояца бакъвазеги тун // Вукъизе тана мун Таргьу ракьалда» [9, с. 27] («Засыпав солью, разрезали тело, разделав как тушу // Дорогое тело высушили // Оставив сушить на много дней // Оставили тебя хоронить в Тарки»). Любопытно и другое, что Магомед из Чиркея дополняет картину, вносит свой «штрих» и пишет о старинном способе доставке тел погибших из дальних мест: «МоцІгІадаб лага гьод бекун чода кьан, кьотІанин цебе бехе Таргьуялде...» («Тело, подобное луне, сломав позвонки, притачали к лошади, отправились в Тарки...» [9, с. 27]. Но, как известно по источникам, тело покойного доставляли в Тарки на носилках, затем на арбе. Гимринский краевед М.-Н. Ибрагимов информацию о подмене тела имама интерпретировал несколько иначе. Тела павших в Гимринском ущелье возле укрепления «Сангаралгьух» несколько дней лежали у места гибели, под охраной солдат. О том, что тела шахидов какое-то время не предавали земле, подтверждал местный автор Хайдарбек Геничутлинский (сел. Гиничутль, 1829–1883). Он писал: «После той битвы мученики за веру в течение восьми суток оставались на земле, в гимринском ущелье; ... затем, когда враги ушли из Гимры, мусульмане убрали тела шахидов» [10, с. 65]. По М.-Н. Ибрагимову, родственникам имама, вместе с гимринским старшим будуном мечети Мухамадали, пользуясь ночной темнотой удалось заменить тело имама, на которое указал Саид Араканский – на другое (или переставить?) [11, с. 28].

По воспоминаниям современника тех событий, «кавказца» Ф.Ф. Торнау, тогда же, во время пребывания русского отряда в сел. Гимры, с 18-го по 25-е октября была выполнена известная зарисовка убитого имама – поясной портрет полуобнаженного мужчины, который левой рукой держал себя за бороду, правую руку закинул вверх, выше головы, сжав в кулак¹. Торнау писал: «Наш отряд сходил в Гимры. Взятие этого селения и гибель убитого в нем Кази-Мегмета известны мне только из рассказов товарищей. ... Капитан Бестужев-Рюмин² срисовал мертвого Кази-Муллу; потом рисунок его был литографирован в чертежной тифлисского генерального штаба, где, полагаю, и теперь еще существуют несколько экземпляров» [13, с. 288]. Возможно, в свете выявленных обстоятельств, П.А. Бестужев-Рюмин в действительности зарисовал неизвестного, которого выдавали за имама. Словно отвечая на вопрос, почему тело на рисунке изображено полуобнаженным, Геничутлинский о шахидах в гимринском ущелье писал, что «вооружение и прочее было с них сорвано» [10, с. 65]. В горах таким образом традиционно поступали с телами убитых врагов

1 В 1927 г. этот рисунок был опубликован в книге «Хаджи-Мурат: Мемуары Гулла и Казанбай Хаджи-Мурат» с подписью «Кази-Мулла. Со старинной гравюры. Подлинник в дагестанском Музее» [12].

2 Бестужев Павел Александрович (1806–1846), младший из братьев Бестужевых, артиллерийский офицер; Торнау в том же тексте называет его поручиком.

(этот обычай хорошо прослеживается по местным хроникам и фольклору), напротив, не тронутое одеяние и оружие на теле убитого свидетельствовало о выражении уважения противника к погибшему [10, с. 44]. Но Карахи, который описал последние минуты жизни имама (несомненно, со слов Шамиля), не упоминал о том, что тот снимал с себя одежду перед тем, как выбежать на верную смерть из окруженного дома: «Газимухаммад многократно попросил у Аллаха прощения («астагфиру Аллах»), многократно воскликнул «Ля илаха илля-ллах, затем обнажил свою саблю и выпрыгнул наружу» [3, с. 34].

Несомненно, известная зарисовка полуобнаженного тела шахида прежде всего свидетельствовала о том, что погибшего раздели после смерти и, таким образом, оно не могло отражать его положение в момент гибели. Тем не менее, в 1841 г. К.К. Прушановский, состоявший при командире Отдельного Кавказского корпуса и назначенный в Дагестан «для исторических и всех прочих исследований, касающихся этого края» [14, с. 42–43] писал в своих «Исторических записках...», что «было найдено мертвое тело Кази-Муллы в таком положении, что он одною рукою держался за бороду, а другою указывал на небо». Далее, поясняя, писал несуразное: «Это то самое положение, в котором, мусульмане полагают, может быть только правоверный в минуту самых теплых молитв праведника, когда он духом своим возносится до постижения могущества Всевышнего. Мусульмане, увидев труп Кази-Муллы, начали каяться, что погрешили против своего главы, говоря: «Кази-Мулла был праведником при жизни и тем же остался после смерти; он святой; смотрите, он мертвый молится Богу; нам нужно жить, как он нас учил»» [15, с. 22]. Складывается впечатление, что этот фрагмент текста К.К. Прушановский писал по рисунку артиллерийского капитана Павла Бестужева, уже «литографированного в чертежной тифлисского генерального штаба» [13, с. 288]. К сожалению, этот сомнительный посмертный рисунок имама сослужил его памяти злую службу. В 1859 г., другой русский автор Савинов Н. интерпретировал его по-своему, приписывая необычное положение тела погибшего деятельности будущего имама Шамиля и его далеко идущим замыслам: «Шамилю приписывают весьма разумную уловку... Между грудью тел в башне нашли Кази-Муллу. Он лежал, откинув одну руку к востоку, другой взявшись за бороду. По мнению горцев такое положение знаменует его святость, а следовательно, и справедливость дел, им совершенных... Кто разумно взял за бороду Кази-Муллу? Кто положил руку на его остывшее сердце? ... Конечно же, Шамиль вам об этом не скажет...» [16, с. 1132].

В 1843 г. имам Газимухаммад был перезахоронен в сел. Гимры.

М. Нурмагомедов называл автором этой задумки Шахабаса из Караная, друга покойного имама, а исполнителями – самого Шахабаса и отряд добровольцев гимринцев. По его рассказу, Шахабас оказался свидетелем погребения тела имама: «Он увидел, где была вырыта яма для захоронения тела Газимухаммада. Когда яму сровняли с землей, на том месте сделали коновязь для лошадей. Само место охраняли 15 солдат. Шахабас отсчитал, сколько шагов от скалы до могилы имама и оставил метку». Далее, продолжал автор, «во времена имама

Шамяля» каранаец Шахабас пришел в Гимры и сказал гимринцам, что ему нужна помощь для того, чтобы выкрасть тело имама из Тарки и перевезти его в Гимры – тут же поднялись до восьмидесяти гимринцев. Шахабас сказал, достаточно пятнадцати человек – для помощи на месте, и пятнадцать – для их охраны и сопровождения. Таким образом из Гимры выступил отряд в тридцать человек. Ночью, тайком, со стороны Агач-аула они вступили в таркинский лес. В полночь, Шахабас с пятнадцатью гимринцами отправились раскапывать могилу. С собой у них были кирка и лопата, наготове мешок для останков и вьючная лошадь. От того места, где он много лет назад оставил памятный знак, Шахабас отсчитал шаги и стали копать. Нурмагомедов подчеркивал, что определение местонахождения могилы представляло затруднение и была возможность ошибиться, но нет, все совпало [8, с. 87–88]. Когда поклажу, мешок с останками, укрепили на лошади, проснулись солдаты, поднялась перестрелка. Но отряд с драгоценной ношей уже ушел в сторону леса и скрылся с глаз. На следующий день, к полудню, отряд достиг Караная. Здесь Шахабас попросил занести бесценную ношу к нему во двор и положили останки имама там ненадолго – чтобы благодать покойного снизошла на его дом. Поступили так, как он просил, затем поспешили в дальнейший в путь. На гимринской земле, в местности Бузнаб, уже шли с пением зикра. Когда отряд показался напротив гимринских садов, по ним вдруг раздались выстрелы. Это были тот самый Исинбулат со своим двоюродным братом. Исинбулата убили выстрелом в голову, затем ее отрубили, насадили на шест – и отряд двинулся дальше: впереди ехал всадник с головой Исинбулата на шесте, следом – лошадь с останками имама, за ними, с пением зикра, отряд гимринцев. Так отряд вошел в Гимры. Шест с головой Исинбулата водрузили возле бассейна («бетІер банила кьулГаялда тІад гІерги чІван» – «голова мунафика Исинбулата находилась там долго – каждый всадник, который проносился мимо, наносил по ней удар саблей» [8, с. 87–88].

М.-Н. Ибрагимов в своем рассказе о перезахоронении имама подтверждал, что место погребения тела имама у Тарки удалось определить благодаря Шахабасу из Караная. Но его рассказ немного отличается от рассказа предыдущего автора. По Ибрагимову, в 1843 г., когда имам Шамиль находился в Казанище, к нему явились его односельчане, гимринцы, вместе с каранайцем Шахабасом, который сообщил, что знает место погребения тела имама Газимухаммада. Тогда имам отправил в Тарки вместе с ним отряд в тридцать человек под командованием Кебеда-хаджи из Унцукуля. К ночи, прибыв на место, десять человек отправились с Шахабасом за телом, а Кебед-хаджи с остальными их охраняли [5, с. 70; 6, с. 30–31]. Автор подчеркивает, что Шахабас сразу и безошибочно определил место погребения имама. Мюриды быстро раскопали могилу, извлекли из нее останки, завернули их в ткань, укрепили ношу на лошади. В дальнейшем текст совпадает с рассказом М. Нурмагомедова, кроме эпизода с короткой остановкой в Каране, в доме Шахабаса – Ибрагимов о ней не упоминает. Уже на следующий день, после полудня, тело Газимухаммада, под пение зикра внесли в селение. Впереди следовали мюриды, которые на шесте несли

голову Исинбулата. В тот же день тело Газимухаммада с почетом было предано земле на гимринском кладбище (по предположению М.-Н. Ибрагимова, это событие произошло 15 декабря 1843 г.).

Таким образом, все сведения по захоронению тела имама Газимухаммада, известные по рассказам местных авторов разных лет, от М.-Т. ал-Карахи до М.-Н. Ибрагимова, заключались в том, что: 1) тело покойного было перевезено в Тарки для захоронения из опасений, что его могила в Гимры станет местом поклонения последователей; 2) в Тарки тело предали земле не сразу, оно было каким-то образом препарировано и какое-то время пребывало под солнцем, «высушивалось»; 3) «высушенное» тело захоронили «в Тарки»; 4) признаки места погребения были намеренно укрыты устройством рядом коновязи; 5) из горцев о точном месте погребения знали единицы, или один человек; 6) это место усиленно охранялось солдатами.

Однако вся эта подробная, но односторонняя картина распадается единственным, но убедительным сообщением из противоположного лагеря. Оно принадлежит современнику событий, П.П. Заблоцкому-Десятовскому, участнику двухгодичной экспедиции по изучению восточных берегов Каспийского моря (1836–1838 гг.). В январе 1836 г. он проездом посетил крепость Бурную, а спустя два года, по возвращении из экспедиции, опубликовал «Путевые записки из Астрахани, чрез Кизляр, в Баку, в 1835-1836 годах»³. В частности, упоминая о своем пребывании в кр. Бурная в январе 1836 г., писал: «Нам указали могилу *Казы-Муллы*» (курсив – П.Т.). Автор отмечал, что на первый взгляд внешне она была совершенно неприметной: «Если бы не собственное наше любопытство, то ничто не напомнило бы нам о месте, где лежит фанатик, разыгрывавший еще недавно кровавую драму на всем протяжении Восточного Закавказья» [17, с. 31]. Но П.П. Заблоцкий-Десятовский написал важное: «На могиле его лежит плоский четвероугольный камень» [17, с. 33]. То есть в январе 1836 г., за семь лет до того, как горцы выкрадут останки имама, могила его была отмечена мемориальной плитой. Он также писал о точном месте нахождения могилы и причинах того, почему тело не было предано погребению сразу после того, как его привезли в укрепление: «Когда отыскано было его тело между множеством трупов, генерал Вельяминов, зная, как велико было уважение мусульман [к имаму]..., и зная, как высоко ценится у них обряд погребения, объявил, что он тогда только позволит им совершить над ним сей обряд, и притом только в Бурной, когда они возвратят всех русских пленных; что в противном случае он отдаст тело ...на съедение свиньям. Угроза подействовала сильнее всякого оружия: пленные были выданы, и тело Муллы погребено близ взорванного им порохового магазина» [17, с. 33]. В этом сообщении особенно примечательна фраза о ген.-л. Вельяминове, который обещал, что будет дозволено совершить обряд погребения. Как уже упоминалось, 19-го октября 1832 г. в лагерь бар.

3 Возвратившись из экспедиции в Москву, он опубликовал два объемных научных труда: «Обозрение Тальшинского ханства в медико-топографическом и статистическом отношении» (1836) и «Путевые записки из Астрахани чрез Кизляр в Баку» (1836) [17, с. 31; 18, с. 261–266].

Розена прибыли койсубулинские старшины, от которых потребовали «выдачи аманатов и пленных... от всего Койсубулинского общества» [1, с. 163]. Старшины обещали. По всей видимости, к 25 октября, когда русский отряд покидал Гимры, еще не были выданы все пленные [7, с. 561]. Таким образом, в ожидании возвращения всех русских пленных, тело погибшего имама некоторое время находилось под охраной и, возможно, во избежание порчи оно было обработано солью (отсюда аналогия с разделкой туши для вяления). Затем тело было предано земле с погребальным обрядом – уже к началу 1836 г. могила была отмечена каменной плитой. Почти полвека спустя, военный историк П. Кублицкий писал: «27-го числа все войска, бывшие в экспедиции против Гимр, возвратились в Темир-Хан-Шуру. Доставленное сюда тело Кази-муллы было отправлено в крепость Бурную, где и предано земле с соблюдением всех мусульманских обрядов» [19, с. 124]. В 1839 г. крепость упразднили, и к 1843 г. здесь находился лазарет (госпиталь), выкопать тело буквально под носом у караульной службы, несомненно, представляло для горцев определённую опасность.

У крепости Бурная, на том месте, где похоронили имама, позже была установлена массивная памятная плита из местного камня (ракушечника), традиционной формы для могильных плит старого таркинского кладбища. О местонахождении памятника кавказовед Л.И. Лавров в 1960-е гг. писал, что оно располагалось «выше селения, над обрывом горы и юго-восточнее развалин крепости Бурная», другой известный кавказовед В.И. Марковин в 1970-е г. внёс уточнение и писал, что тело имама было похоронено у въезда в крепость Бурная [20, с. 69]. Он также отмечал, что у памятника к тому времени уже было сбито его округлое навершие. По всей видимости, это произошло в 1950-е гг., так как на его рисунке «Могила имама Гази Магомеда в Тарках», выполненном в 1947 г., памятник еще цел. Тогда же Л.И. Лавров перевел надпись на могильной плите: «Памятник имаму, воину, мученику, который Гази-Мухаммад. Пришли неверные и он в сражении стал мучеником. А высек этот памятник Хаджжи Атак б. Гирайхан ал-Кахулий. 1248 г.х. / 1832 г.» [21, с. 97–98, 167]. В краткой надгробной эпитафии Газимухаммад прославлялся как «имам, воитель и мученик за веру» (ал-имам ал-гази аш-шахид), «погибший мучеником в сражении» (фи-л-марака исташхада) с «неверными» (ал-куффар). Памятник, уже как кенотаф⁴, поставил житель близлежащего селения Кяхулай Асадула Герейханов (1872 г.р.), более известный по имени Атак-хаджи (его могила известна на старом кяхулайском кладбище⁵), один из видных участников общественно-политических событий 1917–1920-х гг. Точное время установления памятника определить не удалось.

В настоящее время памятник-кенотаф находится на том же месте.

4 Кенотаф – надгробный памятник, находящийся там, где не содержатся останки покойного; обозначение символической могилы.

5 Информатор Мусалитдин Агалаев, сел. Тарки, 2020 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 32. 1912.
2. Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля (пер. Барабанов А.М.). М. АН СССР. 1941.
3. *Мухаммед-Тахир аль-Карахи*. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. / (перевод Айтберова Т. М.) Махачкала, 1990. Ч. 1.
4. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. / Пер. с арабского М.-С. Саидова. Ред. перевода, подготовка факсимильного издания, коммент., указатели А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала, 1997.
5. *АхИмадил МухИмаднaби*. Генуб (тари-хазул нугИзал). (авар.яз.). Махачкала, 1997.
6. *Ибрагимов М.А.* Гимры. Свидетели истории. Махачкала, 1997.
7. Рапорт ген.-л. Вельяминова бар. Розену, 21 октября 1832 г., лагерь при с. Гимры // АКАК, Т.8., С. 561.
8. *Нурмагомедов М.* Имам Газимухаммад (авар.яз.). Махачкала, 1992.
9. *Хайбулаев С.М.* Поэзия газавата (аварский язык). Махачкала, 1997.
10. *Геничутлинский Х.* Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб. Т.М. Айтберова, под ред. М.Р. Мугумаева; коммент. и общая ред. В.Г. Гаджиева. — Махачкала, 1992.
11. *Ибрагимов М.-Н. Генуб*. Махачкала, 1997.
12. Хаджи-Мурат: Мемуары Гулла и Казанбай Хаджи-Мурат. Запись Гамзата Ясулова; предисл. А.А. Тахо-Годи. Под ред. Багадур Маллачи-Хана. Махачкала: Дагестанск. науч.-исследоват. инст-т, 1927.
13. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. М., 2002.
14. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
15. Выписка из путевого журнала генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) учения о нравственном элементе

REFERENCES

1. Materials on the history of the conquest of the Eastern Caucasus and the fight against muridism [*Materialy k istorii pokoreniya Vostochnogo Kavkaza i borby s myuridizmom*]. *Caucasian collection*. Vol. 32. 1912.
2. Chronicle of Mohammed al-Karahi about the Dagestan wars in the period of Shamil [*Hronika Muhammeda al-Karahi o dages-tanskih voynah v period Shamilya*]. Barabanov A.M. (transl.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1941.
3. Muhammad-Tahir al-Karahi. Shine of Dagestan sabers in some of Shamils battles [*Muhammed-Tahir al-Karahi. Blesk dagestanskih sabel v nekotoryh shamilevskih bitvah*]. Part 1. Aitberov T. M. (transl.). Makhachkala, 1990.
4. Abdurahman from Gazikumukh. The book of memoirs of Sayyid Abdurakhman, the son of the ustad sheikh of the tariqat Jamaluddin al-Husayni, about the affairs of the inhabitants of Dagestan and Chechnya [*Abdurahman iz Gazikumuha. Kniga vospominaniy sayyida Abdurahmana, syna ustada sheyha tarikata Dzhamaluddina al-Husayni o delah zhiteley Dagestana i Chechni*]. Makhachkala, 1997.
5. Ahmadil Muhamadnabi. Genub (tarihazul nugIzal). Makhachkala, 1997. (in Avar).
6. Ibragimov MA. *Gimry. Witnesses of history* [*Gimry. Svideteli istorii*]. Makhachkala, 1997.
7. Report of General Velyaminov to Baron Rosen, October 21, 1832, camp at the village of Gimry. *AKAK*, Vol. 8., p. 561.
8. Nurmagomedov M. *Imam Gazimuhammad*. Makhachkala, 1992. (in Avar).
9. Khaibulaev SM. *Gazavat poetry* [*Poeziya gazavata*]. Makhachkala, 1997. (in Avar).
10. Genichutlinsky H. Historical and biographical essays [*Istoriko-biograficheskie i istoricheskie ocherki*]. T.M. Aitberov (transl.), M.R. Mugumaev (ed.), V.G. Gadzhiev (comm., ed.). Makhachkala, 1992.
11. Ibragimov M-N. *Genub*. Makhachkala, 1997.
12. Hadji Murad: Memoirs of Gull and Kazanbai Hadji Murad [*Memuary Gulla i Kazanbay Hadzhi-Murat*]. Recorded by Gamzat Yasulov; foreword by A.A. Taho-Godi. Bahadur Mallachi Khan (ed.). Makhachkala: Dagestan scientific research institute, 1927.

человека в Дагестане // Кавказский сборник, Т. 23. Тифлис, 1902.

16. Савинов Н. Шамиль – мюрид. Шамиль – имам. // Сын Отечества, 11 октября, 1859 г., №41.

17. Заблоцкий-Десятовский П.П. Путевые записки из Астрахани, чрез Кизляр, в Баку, в 1835-1836 годах // Журнал министерства внутренних дел, № 7. 1838, С. 31

18. Косачев И.Д., Ивануса С.Я., Зубарев П.Н., Божченко А.П., Толмачев И.А., Шведюк В.В. П.П. Заблоцкий-Десятовский – крупный отечественный хирург, педагог, ученый (к 200-летию со дня рождения) // Вестник российской военно-медицинской академии 2(46). 2014. С. 261–266

19. Кублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Т. 20. 1899.

20. Марковин В. Дорогами и тропами Дагестана. – 3 изд. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2015.

21. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII – XX вв. Ч. II, 2. М.: Наука, 1968.

13. Tornau FF. *Memoirs of a Russian officer [Vospominaniya russkogo oficera]*. Moscow, 2002.

14. Pokrovsky NI. *Caucasian wars and Shamil's imamate [Kavkazskie voyny i imamat SHamilya]*. Moscow: ROSSPEN, 2000.

15. Extract from the travel journal of the General Staff of Staff Captain Prushanovsky. Historical note on the beginning and development of the spiritual war (or perverse tariqah) of the doctrine of the moral element of man in Dagestan [*Vypiska iz putevogo zhurnala generalnogo shtaba shtabs-kapitana Prushanovskogo. Istoricheskaya zapiska o nachale i razvitii duhovnoy voyny (ili prevratnogo tarikata) ucheniya o npravstvennom elemente cheloveka v Dagestane*]. *Caucasian collection*, Vol. 23. Tiflis, 1902.

16. Savinov N. Shamil – murid. Shamil – Imam. [*SHamil – myurid. SHamil – imam. Syn Otechestva*]. *Son of the Fatherland*, 1859, 41.

17. Zablotsky-Desyatovsky P.P. Travel notes from Astrakhan, through Kizlyar, to Baku, in 1835-1836 [*Putevye zapiski iz Astrahani, chrez Kizlyar, v Baku, v 1835-1836 godah // Zhurnal ministerstva vnutrennih del*]. *Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1838, 7: 31.

18. Kosachev ID, Ivanusa SYa, Zubarev PN, Bozhchenko AP, Tolmachev IA, Shvedyuk VV. P.P. Zablotsky-Desyatovsky - a major domestic surgeon, teacher, scientist (on the occasion of the 200th anniversary of his birth) [*P.P. Zablotskiy-Desyatovskiy – krupnyy otechestvennyy hirurg, pedagog, uchenyy (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya)*]. *Bulletin of the Russian Military Medical Academy*, 2014, 2(46): 261–266.

19. Kublitsky P. War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 in connection with Muridism [*Voyna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom*]. *Caucasian collection*, Vol. 20. 1899.

20. Markovin V. *Roads and paths of Dagestan [Dorogami i tropami Dagestana]*. Makhachkala: Dagestan Publishing House, 2015.

21. Lavrov LI. *Epigraphic monuments of the North Caucasus of the 18th – 20th centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza XVIII – XX vv.]*. Part II, 2. Moscow: Nauka, 1968.

Статья поступила в редакцию 15.05.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18150-65>

Туманян Лусине Седраковна
к.и.н., старший научный сотрудник
Матенадаран - Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца, Ереван, Армения
tumanyan.lusi@gmail.com

Абдулмажидов Рамазан Султанович
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ramazana@yandex.ru

СОЧИНЕНИЕ ОВАНЕСА ХОСРОВЯНЦА «ИСТОРИЯ ЗАКУБАНСКИХ ЧЕРКЕСОВ И ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН»

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу сочинения Ованеса [Hovhannes] Хосровянца «История закубанских черкесов и черкесских армян», автограф которого ныне хранится в Матенадаране – Институте древних рукописей им. Месропа Маштоца (Армения). Наряду с целым рядом других армянских источников, оно долгое время оставалось вне поля зрения исследователей вследствие отсутствия его перевода на русский язык. Авторы настоящей статьи участвуют в совместном российско-армянском проекте, в рамках которого подобные источники готовятся к публикации. «История закубанских черкесов и черкесских армян» Ованеса Хосровянца состоит из отдельных частей, неравномерных по объему. По своему содержанию сочинение представляет собой путевые заметки автора, прибывшего на Западный Кавказ для усиления христианской пропаганды среди черкесских армян (черкесогаев). После вводной части, в которой автор повествует о своем прибытии к черкесским армянам, первые 12 глав посвящены истории, культуре и природе черкесов, и только последние небольшие 5 глав касаются непосредственно истории черкесских армян. Описывая быт и традиции черкесов, он сообщает об их старинных праздниках, о разногласиях, возникавших между ними в период принятия ислама, о некоторых священных местах, о походах в черкесские области царских генералов. Что касается сведений Ованеса Хосровянца о черкесских армянах, то после изложения истории их появления на Западном Кавказе, он переходит к описанию особенностей церковных обрядов и образе жизни. Сочинение Ованеса Хосровянца «История закубанских черкесов и черкесских армян» имеет важное значение для изучения истории и географии адыгских народов. Планируемое авторами статьи его издание в русском переводе несомненно обогатит источниковую базу по истории черкесов и черкесских армян.

Ключевые слова: черкесы; адыги; черкесогаи; Кубанская область; Ованес Хосровянец; убыхи; натухайцы; шапсуги; абадзехи.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18150-65>

Lusine S. Tumanyan
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia
tumanyan.lusi@gmail.com

Ramazana S. Abdulmazhidov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

HOVHANNES KHOSROVYAN'S WORK "THE HISTORY OF THE KUBAN CIRCASSIANS AND CIRCASSIAN ARMENIANS"

Abstract. The article is dedicated to the source analysis of the work by Hovhannes Khosrovyan titled "The History of the Kuban Circassians and Circassian Armenians", the autograph of which is currently stored in Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran). Along with a number of other Armenian sources, it has remained out researchers' attention for a long time due to the lack of its translation into Russian. The authors of the present article participate in a joint Russian-Armenian project, within the framework of which such sources are published. "The History of the Kuban Circassians and Circassian Armenians" by Hovhannes Khosrovyan consists of separate parts, uneven in volume. In its content, the work is the travel journal of the author, who arrived to the West Caucasus for propagation of Christianity among the Circassian Armenians (Cherkesogai). After the introductory part, in which the author tells about his arrival to the Circassian Armenians, the first 12 chapters are devoted to the history, culture and character of the Circassians, and only the last small 5 chapters deal directly with the history of the Circassian Armenians. Describing the life and traditions of the Circassians, he reports on their ancient holidays, on the disagreements that arose between them during the period of adoption of Islam, on some sacred places, on campaigns in the Circassian regions of tsarist generals. As for the information about the Circassian Armenians, after outlining the history of their appearance in the Western Caucasus, he proceeds to describe the features of church rituals and their lifestyle. The work of Hovhannes Khosrovyan is important for studying the history and geography of the Adyghe peoples. Its publication in Russian planned by the authors of the article will undoubtedly enrich the source base on the history of the Circassians and Circassian Armenians.

Keywords: Circassians; Adyghe; Cherkesogai; Kuban region; Hovhannes Khosrovyan; Ubykhs; Natukhais; Shapsugs; Abadzekhs.

Для развития историографии Северного Кавказа необходимы новые исторические источники, которые позволят как восполнить уже воссозданные исторические полотна, так и построить на основе выявленных фактов целые сюжеты, которые отсутствовали. В этой связи группа российских и армянских исследователей начала реализацию проекта «Армянские источники по истории народов Северного Кавказа V–XIX вв.», который станет важным шагом в исследовании этнического и культурного многообразия истории народов Кавказа. Основным объектом исследования данного проекта являются нарративные источники на армянском языке, сосредоточенные в сокровищнице письменной культуры Кавказа – Матенадаране – Институте древних рукописей Армении, библиотеках и архивных фондах Армении и Грузии. Российские исследователи подали проект на конкурс совместных инициативных российско-армянских научно-исследовательских проектов Российского фонда фундаментальных исследований, и, одновременно, аналогичный проект подали армянские ученые в Комитет по науке Республики Армения. Оба проекта получили высокую оценку и были поддержаны.

Итогом проведенной исследовательской работы станет издание переводов выявленных отдельных очерков и сочинений, фрагментарных сведений из различных армянских источников, касающихся истории Северного Кавказа. При этом планируется включение в данное издание и комментированных переводов фрагментов из уже хорошо знакомых исследователям средневековых армянских хроник. Мы полагаем, что подобная поисковая работа, перевод и систематизация армянских источников значительно облегчит труд исследователей-кавказоведов. Настоящая статья посвящена источниковедческому анализу одного из таких источников, условно названного нами «История закубанских черкесов и черкесских армян» Ованеса Хосровянца.

В начале 1840-х гг. Ованес [Hovhannes] Хосровянц, священнослужитель армянской общины Моздока, совершил путешествие на Западный Кавказ. Цель его поездки в Закубанье¹ в своем произведении «Черкесские армяне» объясняет Ростом Бек Ерзнкянц². Он пишет, что армяне, проживавшие в этом регионе – черкесогаи³ – не имели священника и поэтому отделились от христианства. Узнав об этом, иерей Ованес Хосровянц, «как прилежный труженик церкви и храбрый пастырь», сначала отправился в *Зути* и *близлежащие шесть селений*,

1 Левобережье реки Кубань называлось Закубанье. В 1860 г. была образована административно-территориальная единица Кубанская область, которая включила в себя территории, известные как Черноморья, Старая линия и Закубанье.

2 Ростом Бек Ерзнкянц (1823-1893) – армянский историк, литературовед. Служил в царской армии на Северном Кавказе. Автор ряда очерков, в том числе, посвященных черкесам и Дагестану.

3 Черкесогаи (черкесармяне, горские, или закубанские армяне) – этническая группа армян, обособившаяся с XV в. в горной части Северо-Западного Кавказа. Многовековое проживание в адыгской языковой среде привело к образованию особой этнической общности. В отличие от армян Армении, антропологически принадлежат к северокавказскому типу (прямой нос, высокий рост). В первой половине XIX в. черкесогаи начали переселение на равнинные территории Западного Кавказа, где основали город Армавир. После переселения начался процесс постепенного исчезновения этнического самосознания черкесогаев, они ассимилировались среди армян, адыгейцев, русских. Наиболее высокой была концентрация черкесогаев в городах Армавир и Майкоп. В переписях их обычно учитывали в составе армян. Перепись 2010 г. учла 6 черкесогаев на территории Российской Федерации.

а затем в *Гявур-Хапль* и *близлежащие тринадцать селений*. Там он крестил некрещенных армян, совершал Божественную литургию, причащал, совершал церковные обряды на могилах усопших, составлял поименные списки [1, с. 74].

Ованес Хосровянц не называет точные даты своего пребывания среди черкесских армян. Однако, в главе XV своего сочинения он перечисляет имена нескольких священников, проповедовавших среди черкесских армян в первой половине XIX в. Так, он упоминает предыдущего церковного служителя в данной местности, Овакима Агароняна, который был священником Армянской церкви Екатеринодара (Краснодара). В течение трех месяцев 1839 г. он объехал селения, где проживали черкесские армяне, совершал там церковные обряды, а затем вернулся в Екатеринодар, где и скончался в том же году⁴. Известно также, что Ованес Хосровянц, будучи в 1844 г. в городе Екатеринодаре, написал на армянском языке небольшой очерк «Сведения о Черноморье»⁵. Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что среди черкесских армян он находился в промежутке между 1840 и 1844 годами.

В ходе своей поездки, Ованес Хосровянц проявил интерес не только к положению черкесских армян, но и заинтересовался также обычаями и религиозными верованиями самих черкесов. Увиденное он фиксировал в своих записях, а вернувшись в 1845 г. в Екатеринодар, Ованес Хосровянц написал на армянском языке цельное сочинение, названное нами «История закубанских черкесов и черкесских армян»⁶. Оно дошло до нас в виде двух автографов. Один ныне хранится в «Матенадаране» – Институте древних рукописей Армении им. Месропа Маштоца (рук. № 4597)⁷, а другой – в Музее литературы и искусства имени Егише Чаренца (фонд Ер. Шахазиза, VII, № 39).

В предисловии к «Истории закубанских черкесов и черкесских армян» автор отмечает: *«Обойдя эти места, я делал заметки по отдельности о поселениях, отмечал названия лесов и рек. В частности, мне захотелось вкратце написать об истории черкесов и черкесских армян, которые жили на этой стороне реки Кубань. Если кто-то захочет побывать в этих местах, по большей части населённых черкесами, то могут из этой моей затеи получить хоть какие-то сведения о территории от крепости Анапа до Ахметской крепости, что находится недалеко от горы Эльбрус. И если читатели найдут какие-то неточности, то я прошу отнестись к этому со снисхождением, поскольку в тех местах, где бывал лично, я всё фиксировал довольно тщательно, а там, где основывался на рассказах от других, можно найти*

4 Рукопись 4597. (на арм. яз.) // Матенадаран - Институт древних рукописей имени Маштоца С. 24b.

5 Неопубликованный автограф сочинения хранится в Матенадаране им. Месропа Маштоца, рукопись № 1792 [2].

6 Сам автор на титуле озаглавил его как «Записки по истории черкесов и черкесских армян, проживающих около Черного моря по ту сторону реки Хопан, написанные в 1845 г. в Екатеринодаре священником Ованесом Хосровянцом Моздокским». Ввиду слишком длинного и сложного названия исследуемого сочинения, мы решили дать ему условное название «История закубанских черкесов и черкесских армян».

7 Палеографическая характеристика рукописи сочинения содержит следующие данные: лист: 31, материал: бумага, размер: 22,5×17,5 см., строка: 16-22 [15, с. 1243].

недостатки. Вследствие этого я прошу вас быть снисходительными, чтобы Господь наш Христос простил вас и меня – священника Ованеса Хосровянца». Здесь же автор отмечает, что в ходе своего путешествия от крепости Анапа до области вблизи Эльбруса его сопровождали один черкес и несколько армян.

Уже в 1846 г. Ованес Хосровянц опубликовал отдельные части «Истории закубанских черкесов и черкесских армян» в армянской газете «Кавказъ», издаваемой в Тбилиси (№ 42, 44, 45, 46)⁸. В том же году русский перевод некоторых глав был опубликован в русскоязычной газете «Кавказъ» (№ 40, 42), под заголовком «Остатки Христианства между Закубанскими племенами, прошедшее и нынѣшнее состояніе ихъ нравовъ и обычаевъ». Были опубликованы главы I–II, IV–V, а также краткий вариант XIII–XVII глав. При этом автор называет себя «Иоанн Хазров», а перевод имеет некоторые отличия от оригинала на армянском языке⁹. Также следует отметить, что при переводе армянского текста некоторые этнонимы и гидронимы были адаптированы под требования русского языка. Так, если в автографе река Кубань называется «Хопан», то в газете уже дается привычное русскоязычное название.

Рукопись «Истории закубанских черкесов и черкесских армян» состоит из отдельных частей, неравномерных по объему и озаглавленных автором следующими подзаголовками: I. О черкесах; II. О старинных обычаях праздничных дней; III. О народе, который назывался *адзха* [adzəgha]; IV. О спорах между черкесами во время принятия религии Мухаммеда; V. О том, как религия Мухаммеда распространилась у шапсугов и среди других; VI. О племенах, называемых *бх* и *брахия* [bëkh, brakhia]; VII. О народе *убх* [ubëkh]; VIII. О черкесских племенах, живущих на той стороне Кубани, которые известны поименно; IX. О черкесских традициях; X. О черкесских реках и лесах; XI. О местах, которые черкесы считают священными; XII. О войнах, которые были у черкесов; XIII. О так называемых черкесских армянах; XIV. О черкесских армянах, откуда они пришли и как совершали свои духовные обряды; XV. О священниках, чьи имена были известны; XVI. О священниках, посланных по обязанности для сбора пожертвований и проповедования; XVII. Армянский образ жизни и обычаи.

Первые 12 глав «Истории закубанских черкесов и черкесских армян» посвящены непосредственно черкесам. Как известно, черкесы называют себя адыгами (самоназвание – *адыгэ*)¹⁰, в армянской транслитерации – *адëkh* (*ադըղխ*). Отмечая, что от крепости Анапа до Эльбруса проживают черкесские племена, Ованес Хосровянц приводит их следующие названия¹¹:

1. Натухайцы – Нэтыхъуай, Натхъуадж – *Նոթխայեցիք* [Not'khajets'ik'],
2. Шапсуги – Шэпсыгъ, Шапсыгъ – *Շափշխեցիք* [Shap'shkhets'ik'],

8 «Кавказъ» газета политическая и литературная. – Тифлиси: 1846, № 42, № 44, № 45, № 46, стр. 160-162, 168-169, 171-173, 177-178: (на арм. яз.).

9 «Кавказъ» газета политическая и литературная. – Тифлиси: 1846, № 40, № 42, стр. 159, 166-167.

10 В настоящее время черкесы (адыги) в Российской Федерации компактно проживают в республиках Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, Краснодарском и Ставропольском краях.

11 Мы указываем этноним, вошедший в русскоязычную историографию, его адыгский эквивалент и транслитерацию с армянского языка.

3. Абадзехи – Абдзэх, Абдзах – *Աբազէիցիք* [Abazekhts'ik'],
4. Бжедуги – Бжъэдыгъу – *Բձէդուցիք* [Bjedukhts'ik'],
5. Бжедуги делятся на две группы – Хамышей [Хамышеевцы] – Хъымыш – *Խըմէշէիցիք* [Khëmëshets'ik'] и Киркиной или Черченая [Черченеевцы] – Чэчэнай – *Չէչէնայցիք* [K'ek'enayts'ik'],
6. Темиргоевцы – КІэмгуй, КІэмыргъуэй – *Կէմրցոյցիք* [Këmrгойts'ik'],
7. Хатукайцы – Хъэтыкъуай – *Ճադուցիք* [Hatukhayts'ik'],
8. Махоши [Махошевцы] – Махошъ – *Մոխոշէիցիք* [Mokhoshets'ik'],
9. Бесленеевцы – Беслъэней, Бэслъний – *Բէսլէնէյէիցիք* [Bëslëneyets'ik'], [3]¹².

При этом основное внимание автор уделяет описанию областей натухайцев, шапсугов и абадзехов. К примеру, в главе X представлены названия рек и речек, расположенных в бассейне реки Кубань и протекающих через территории натухайцев (13 рек), шапсугов (16 рек) и абадзехов (19 рек)¹³. Все отмеченные автором реки присутствуют на «Военно-исторической карте Кубанской области за время сь 1800 по 1860 г.», составленной в 1913 г. Ф. Щербиной [4], что наглядно демонстрирует степень достоверности приводимых им сведений.

В своем произведении Ованес Хосровянц дает хоть и краткую, но интересную информацию и о других народах Западного Кавказа. Так, в главе III он пишет, что в горах недалеко от крепости Пицунда жил народ, называющий себя *адзха* [Adzëgha]¹⁴: «На месте под названием Адзха в горах есть две каменные церкви. Одна из них большая, в ней есть книги и церковная утварь, что указывает на запрет выносить оттуда что-либо. По сей день возле этой церкви есть русская крепость под названием Пицунда. А другая церковь – далеко от тех мест... Адзхайцы были подданными князя Гелешби¹⁵, они говорили на каком-то незнакомом языке, одежду и головной убор их женщин можно сравнить с убором грузинских сельчанок, а мужчины выглядели скорее, как черкесы»¹⁶. Надобно полагать, что речь здесь идет об абхазах и крепости Пицунда, вокруг которой впоследствии образовался одноименный город. На территории крепости находится знаменитый монастырский комплекс, главная церковь которого датируется X в., а рядом руины древней церкви (IV–VI вв.). В окрестностях крепости Пицунда находятся руины и других церквей. К примеру, в крепости, расположенной у поселка Лдзаа, имелся древний монастырь, ныне разрушенный¹⁷. Недалеко от Лдзаа и Пицунды расположены знаменитые храмы Ахаш-ныха в Алахадзы и Бзыбский, которые также полуразрушены. Мы полагаем, что большая церковь, о которой упоминает Хосровянц, – это Пицундский монастырь, а вторая – Лздаа-ныха (или один из двух упомянутых храмов).

12 Рукопись 4597. С. 116–146.

13 Там же. С. 176–186

14 О. Хосровянц передает на армянском языке один из этнонимов, обозначавших Абхазию и абхазцев – «Азэга».

15 Надо полагать, что речь идет о князе Келешбее Шервашидзе (Чачба), правившем в Абхазии в 1780–1808 гг.

16 Рукопись 4597. С. 76–8а.

17 Скаков А.Ю., Бруенок А.В. Пицунда // Большая Российская Энциклопедия (БРЭ). Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://bigenc.ru/pdf/3142142>

В главе VI автор пишет, что в горах около Эльбруса жили племена «бх», «брахия» и «хугхаджан»: «Поблизости гор Эльбруса жили племена, которых называли Бх, Брахия и еще племя Хугхаджан [Khughkhazhan], которых черкесы называли горными людьми»¹⁸. Он отмечает, что они имеют одно городское поселение по имени «Хагвар» [Hagvar], которое находится в глубоком ущелье, похожем на рукотворную крепость, имеющем только один вход. По его словам, в этой местности протекает река «Ходз» (Федз), а жители берут воду из родников. Автор также упоминает о племени «чегер»: «Там, возле выше указанной реке Фэдз, на горе Чегер жило еще одно племя...»¹⁹.

Надобно полагать, что автор, под «племенами» «бх» и «брах» и «хугхаджан» и «чегер» подразумевает абазинские общины, названия которых он транслитерировал по-своему. Основанием для такого утверждения являются сведения служивших на Северном Кавказе в XIX в. Ф. Торнау и А.П. Берже. Первый из них, занимавшийся разведывательной деятельностью на Кавказе, пишет, что на северном склоне Главного Кавказского хребта жило девять абазинских племен: «Башилбай, Там, Кызылбек, Шегирей, Баг, Баракай, Лов, Дударукуа и Биберд» [5, с. 258]. Более того, он упоминает, что через территорию племени «баг» протекала река «Ходз» (Федз): «Баг, на реке Ходзе, у подошвы горы Ашишбог (имя произошло от дворянской фамилии, владеющей этим аулом), – 600 душ. Баракай, на реке Губсе, – 1.250 жителей, повиновавшимся двум дворянским фамилиям Лях и Анчок» [5, с. 269]. Эту же информацию приводит и известный кавказовед А.П. Берже: «Баго или Бег, живут в трех небольших селениях, расположенных у р. Ходз, на лесистой подошве горы Ашишбах» [6, с. 13]. Упоминаемая Ованесом Хосровянцом гора «Ашишбог» или «Ашишбах» по-другому называется Ачешбок, а в описанных местах в настоящее время находятся станицы Баговская и Баракаевская.

Об этих же племенах, называемых «Эбаги-Бараки», читаем также и в книге Ксаверио Главани «Описание Черкесии» (написанной в январе 1724 г. в Бахчисарае): «Первый округ между черкесами Чегем, имеющий 500 жилищ и зависимый от Кабарты. Второй называется Дюгер-Талкареки, находящийся тоже в зависимости от Кабарты; в нем 500 жилищ. Третий, называемый Эбаги-Бараки, зависит от Бессини и имеет 200 жилищ. Четвертый – Каракай, с 200 жилищ, зависит от Кабарты. Пятый – Карабай – имеет 600 жилищ и состоит в зависимости от Гемиргоя. Вот подробности о стране черкесов и их бейликах» [7, с. 160–161].

Немецкий востоковед и путешественник Юлиус фон Клапрот в своей работе «Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг.», посвященной истории и обычаям черкесских племен, также описывал племена «баг», «барака» и «чегрех»: «Барракаи являются абассаами и родственны тем, кто живет близ турецкой крепости Сохум-Кала. Числом своим они доходят приблизительно до 560 семей и живут в лесистых и гористых местах в 30 верстах от бесленеев,

18 Рукопись № 4597. С. 10аб.

19 Рукопись № 4597. С. 10б.

вдоль реки Хоц и ее притоков. Большая их часть обитает на обоих берегах реки Гут, также впадающей в Хоц... Абассинские племена чегрех, или чаграй, и багг живут высоко в горах на левом берегу Лабы и берегах речушек, что впадают в эту реку» [8, с. 120].

Следующая глава VII «Истории закубанских черкесов и черкесских армян» посвящена убыхам²⁰. Автор отмечает, что хотя язык их отличается, но по своим обычаям они похожи на абадзехов и считаются одним народом²¹. Мнения о родстве убыхов с абадзехами придерживаются и другие авторы [10, с. 413]. Сейчас преобладает мнение, что убыхи – самостоятельный народ, но в то же время по происхождению и языку они родственны адыгам (черкессам, адыгейцам и кабардинцам), абхазам и абазинам [9, с. 479].

Ованес Хосровянц в своем произведении большое внимание уделяет религиозным верованиям черкесов. Следует отметить, что у них сложились своеобразные религиозные представления, которые представляли собой сложный симбиоз, включающий тотемизм, фетишизм, анимизм, множество праздников и ритуалов. Сюжеты о Древе жизни, Богине Матери, Мировой горе, Душе, Судьбе, изначальном Хаосе занимали особое место в этой языческой религии. У черкесов был культ предков, также они поклонялись горам и камням, огню и очагу, деревьям и разным животным. Среди астральных объектов поклонялись солнцу, луне и звездам. Гору Эльбрус называли Ошхамахо, она считалась центром мира и обителью богов и богинь. Главное божество звали «Тха/Тхашхо». Пантеон состоял из трех групп божеств: 1) высшие (небесные) боги, 2) боги, связанные к природным объектам – леса, моря, деревья и т.д., 3) боги – покровители различных сфер деятельности (земледелие, кузнечное дело и т.д.) [11, с. 590–595].

По церковному преданию, уже на заре христианства святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит проповедовали свою религию у черкесов. По мнению некоторых исследователей, здесь проповедовали также апостолы св. Матфей, св. Петр, св. Варфоломей и св. Филипп [12]. В IV в. у черкесов возникли большие христианские общины и были построены церкви. Что касается ислама, то он стал распространяться среди адыгов, начиная с XIII–XIV веков под влиянием Золотой Орды, а затем Османской империи. В конце XVIII – в начале XIX в. ислам на Западном Кавказе был уже широко распространенной религией, постепенно вытеснившей христианство [11, с. 595–602]. Вместе с тем, Ф. Щербина в своем труде «История Армавира и черкесогаев» отмечает особенности религиозных верований черкесов: *«Были христиане черкесы, было у них духовенство, были храмы, следы которых сохранились до наших дней. Позже, с ослаблением христианской пропаганды и с крупными переменами международного политического характера, у черкесов все смешалось и перепуталось.*

20 Самоназвание убыхов – «туахы» (twaχə). В основном они проживали между реками Хоста и Шахе, и в ущельях реки Убых, (ныне там находится город Сочи). После окончания в 1864 г. Кавказской войны большая часть убыхов переселилась в Османскую империю [9, с. 473–480].

21 Рукопись № 4597. С. 11аб.

В одно и то же время они были и христианами, и язычниками, и магометанами» [13, с. 44].

Ованес Хосровянц уже в начале своего сочинения также отмечает, что до обращения в ислам черкесы были христианами: «молились на восток», «преклоняли колени», «курили ладан», «зажигали свечи». По его словам, они собирались под тенью больших деревьев, делали кресты из веток, молились за мир, благополучие и плодovitость, совершали жертвоприношения и затем устраивали всеобщее угощение. Подобное богослужение они называли «*Тапи*». Так как у них не было священника, то избирали одного старика и одевали на него мантию. Старик, стоя среди народа, держал в руке деревянную чашу, подобную причастной, и, наполнив ее вином или бузою, молился лицом на восток, а потом благословлял народ²². Как отмечают исследователи, у черкесов-христиан крест был центральным культовым символом [14, с. 83–84].

По сведениям Хосровянца, изложенным в главах IV и V, процесс обращения черкесов в ислам сопровождался определенными трудностями. Так, он пишет о столкновениях между шапсугами и натухайцами. Шапсуги первыми приняли ислам, построили мечети и стали молиться по направлению на юг, а натухайцы все еще оставались христианами и продолжали молиться на восток и поклоняться кресту. Вскоре между ними возникло противостояние, длившееся якобы в течение двадцать лет: шапсуги начали сжигать кресты натухайцев, а последние в отместку сожгли мечеть шапсугов. Натухайцы утверждали, что шапсуги изменили закону предков и приняли новый закон, и что им надо возвратиться к прежнему образу жизни. В конце концов обе стороны обратились с жалобами к турецкому паше Анапской крепости – одни, требуя удовлетворения за сжигание крестов, а другие – за разрушение мечети. В свою очередь анапский паша призвал их жить мирно, основываясь на том, что они приходят друг другу братьями. Как отмечает Ованес Хосровянц, натухайцы, шапсуги и абадзехи окончательно обратились в ислам во время правления Хасан-паши²³.

С этнографической точки зрения, в «Истории закубанских черкесов и черкесских армян» значительный интерес представляют интерес II, IX и XI главы, в которых автор описывает различные адыгские обычаи, праздники, известные святилища. В частности, в главе IX он подробно повествует о черкесских традициях гостеприимства. Если гость (*ghonagh*) приезжал на коне, хозяин дома брался за поводья лошади, чтобы он мог слезть с него. Гость сидел на самом почетном месте дома, а хозяин сам обслуживал гостя, расспрашивал о причинах его приезда и предлагал свою помощь. Никто не имел права причинять какой-либо вред гостю. Говоря об адыгской кухне, Хосровянц упоминает, что перед тем, как сесть за стол, они омывали руки и только потом принимались

22 Рукопись № 4597. С. 4аб.; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

23 Надо полагать, что речь идет о паше Хасан-хаджи, переведенном в Анапу из Трапезунда в 1826 г. Он был наделен чрезвычайными полномочиями и смог привести к присяге на верность турецкому султану некоторых закубанских горцев. Горцев, принявших присягу на «верность падишаху», обязывали беспрекословно подчиняться турецким законам и при разборе судебных дел руководствоваться шариатом вместо прежних обычаев.

за еду. Еду ставили на круглый деревянный стол на трех ножках – «анэ»²⁴. Одним из интересных блюд адыгской кухни автор называет «кетлебж» [k'etlebʃ]. Он готовится из отварной курицы, к которой добавляют немного лука, масла и перца, и подается вместе со специальным соусом-пастой²⁵. Среди отрицательных обычаев у черкесов, автор упоминает похищение девушек, бытовавший и у черкесских армян, а также, развод с женой из-за разногласий и женитьбу на другой²⁶.

В главе XI автор также повествует о священных лесах и рассказах, связанных с ними. По его словам, в них было запрещено рубить деревья, даже брать оттуда какие-либо палки, чтобы не случилась беда. В этих лесах имеются могилы святых, и в праздничные дни черкесы собирались возле них и совершали отмеченное выше богослужение «Тапи». Эти обряды назывались «тапшовые дни».

Ованес Хосровянц приводит сведения о некоторых черкесских священных лесах. По его словам, в «Киркинай» (или «Черченай») есть небольшой лес с высокими деревьями, который называется «Гучьыце-Гаваших». Легенда гласит, что каждый раз, когда кто-нибудь брал дрова из этого леса, то был наказан – либо хромотой, либо сходил с ума, либо заболел. Когда Хосровянц заинтересовался этим местом, то ему сказали, что в лесу есть могила кузнеца, который жил в святости, а вокруг нее обломки железа. Это место называлось «Тлебш»²⁷.

Другой священный лес, по сведениям Хосровянца, располагался возле впадения реки «Пиша» в «Пиагоше» (Белая река). Здесь в небольшом лесу на возвышенности находится могила некоего святого. Из него также было запрещено рубить деревья, чтобы не случилась беда. Черкесские старейшины поведали Хосровянцу несколько рассказов, один из которых сообщает следующее. Турецкий паша прибыл с большим войском, чтобы завоевать черкесские земли. Достигнув этого леса со своими войсками, он остановился на отдых и услышал о силе леса. Не поверив, он приказал срубить все деревья и поджечь лес. Наказание якобы последовало незамедлительно – на следующий день османская армия была разбита русско-черкесской армией, а сам паша попал в плен.

Когда сам Ованес Хосровянц подошел к этому лесу, старики поведали ему историю о влюбленных девушке и юноше. Отец девушки, узнав о любви дочери, поместил их в наказание в один ящик и бросил в воду. Юноша взмолился Богу, и кожаный ящик разорвался. Они спаслись и поселились в этом месте, который до их прихода был пустынным, а после превратился в лес. Однако во время родов девушка и младенец умерли, а юноша покинул этот лес. В нем имеется могила, в которой якобы и захоронены мать со своим младенцем²⁸.

24 В адыгской (черкесской) энциклопедии сообщается: «Для приема пищи использовались невысокие треножные столы круглой формы (Ианэ), за которыми могли сидеть 2-3 человека» [15, с. 328].

25 В русском переводе этого раздела есть следующее объяснение для слова «паста»: «Хлеб называется паста – это густо сваренная просыаная каша, которую окружают кушание, всегда мясное, с рассолом в кружке» цит. по: «Кавказъ». 1846. № 42. С 167. Как правило, в адыгской кухне мука входила в состав мясных блюд в качестве компонента соуса [15, с. 324].

26 Рукопись № 4597. С. 15а-17б; «Кавказъ». 1846. № 42. С. 167.

27 Рукопись № 4597. С. 18б-19а; «Кавказъ». 1846. № 42. С. 167.

28 Рукопись № 4597. С. 19а-21б.

Крайне интересными представляются сведения Ованеса Хосровянца о праздниках, которые отмечались черкесами. Он перечисляет праздничные дни в определенном порядке, не упоминая даты их празднования, за исключением нескольких. Перечень упоминаемых автором черкесских праздников выглядит следующим образом:

1. По словам Хосровянца, первый праздник, который отмечают черкесы – это Рождество Христово. В начале января, до праздника, они неделю постились и обычно ели фасоль. Черкесы называли пост «Тлеумишк» [T'lēuměshk'], что означает «не есть мясо». По окончании соблюдения поста наступал день Рождества Христова, которое они праздновали в течение недели²⁹.

2. Следующий праздник – «Созереш» [Sozerēsh] или Сретение, как и у армян, связан с молодоженами: «После этого они отмечали праздник Сретения Господня, который и сейчас некоторые соблюдают и называют Созереш»³⁰. В начале этого праздника красиво одетая новобрачная молодая женщина входила в молитвенный дом, держа в руке оставшуюся от прошлогоднего праздника зажженную свечу. Она зажигала ею другие свечи, выходила из молитвенного дома и становилась перед запертыми дверями лицом на восток. Постепенно возле нее собирался народ, затем вперед выходил хромой старик со множеством свечей на палке и кричал: «Открой нам дверь!». Народ повторял эти слова, и тогда новобрачная открывала двери. Верующие входили в молитвенный дом, зажигали свечи, прикрепленные к палкам, молились, а затем с зажженными свечами отправлялись к себе домой и возле домов зажигали костры³¹.

3. Третий черкесский праздник назывался «Шоджар» [Shōjar]. Неделю перед этим праздником черкесы постились, а некоторые вовсе ничего не ели. В субботний день, во время молитвы они осыпали мукой руки и чествовали «полководца» Св. Саркиса (св. Сергей), называя его «Абшетлабшетсуть», что значит храбрый воин или мужественный сподвижник³². Св. Саркис – один из величайших святых Армянской церкви, был храбрым и победоносным воином, принял мученическую смерть в 361/362 г. Мощи захоронены в Армении, в поселке Уши, где построен монастырь. День св. Саркиса Армянская церковь отмечает за 9 недель до Воскресения Христова или Пасхи, в субботу (отмечается в период от 18 января до 23 февраля) [16, с. 293–294; 17, с. 284];

4. Другой праздник под названием «Удыш» [Udēzh], который совпадает со Св. Пасхой. Св. Пасха или Воскресение Христа (Матфей 28:1–10, Иоанн 20:1–18) считается величайшим христианским праздником. Церковь отмечает Св. Пасху в первое воскресенье после полнолуния, наступающего после весеннего равноденствия (21 марта). Перед Пасхой черкесы праздновали Масленицу «Ухах» [Ughagh]), затем постились 48 дней (пост называли «Угыг» [Ughēgh]), и

29 Рукопись № 4597. С. 5а; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

30 Рукопись № 4597. С. 5а.

31 Рукопись № 4597. С. 5аб; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

32 Рукопись № 4597. С. 5б; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

только затем праздновали Пасху. Как у христиан, так и у черкесов, в этот день было принято красить и есть яйца³³.

5. У черкесов существовал день поминовения, называемый «*Гушгах*» [Ghushghah]. Как известно, в христианском календаре определены дни для поминовения усопших³⁴.

6. 7 апреля черкесы отмечали совпадавший с днем Благовещения праздник под названием «*Нагышатах*» [Naghěshat'ah], что переводится как «Дарение нового цветка». В этот день молодые девушки вместе шли в поле собирать цветы и дарили их друг другу. На вопрос Хосровянца о происхождении этого праздника, ему ответили, что слышали от своих предков, что в этот день архангел Гавриил преподнес св. Марии цветок³⁵.

7. Один из черкесских праздников, совпадающий с днем Вознесения Христа, назывался «*Отбен*» [Ōt'bēn], что означало «День угадывания». Как отмечает Хосровянц, в этот день черкесы приносили в жертву ягненка и готовили из него обед³⁶. Церковь отмечает Праздник Вознесения в четверг, через сорок дней после Пасхи. Согласно Евангелию, через сорок дней после воскресения Иисус вознесся на небо (Марк 16:19; Лука 24:50–51).

8. Праздник под названием «*Псутк*» [P'ěsüt'k'], означающее «день обливания водой», сопровождался у черкесов обливанием друг друга водой и всеобщей радостью. Как отмечает Хосровянц, этот праздник совпадает с армянским народным праздником Вардавар³⁷. Вардавар – один из традиционных армянских национально-церковных праздников, представляющий собой комплекс как народных, так и христианских обрядов³⁸ [16, с. 298–299; 17, с. 287];

9. Существовал у черкесов и праздник под названием «*Тгагретых*» [T'ěhashrēp'kh], что означает «дочь Бога». Как рассказывает Хосровянц, по черкесской традиции в этот день молодые девушки готовили угощение из курицы в молитвенном доме и раздавали народу. На следующей неделе они постились, затем в воскресенье отмечался праздник, посвященный св. Марии, названный «*Ташхойн*» [T'ashkhouean], что означает Богородица. В этот день пели песню, посвященную Богородице:

*«Великий Бог, Всевышняя, блаженная Мария,
у тебя золотистая светящаяся рубашка,
Твой лоб будто луна, со всех сторон ты светишься,
Лишь как солнце одна»*³⁹.

10. Ованес Хосровянц упоминает, что черкесы также отмечали и день св. Георгия Победоносца, день св. Иакова (наверно св. Иакова Низибыйского, ум. 350) и постились⁴⁰.

33 Рукопись № 4597. С. 5б–6а; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

34 Рукопись № 4597. С. 5б–6а; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

35 Рукопись № 4597. С. 6аб; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

36 Рукопись № 4597. С. 6б; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

37 Рукопись № 4597. С. 6б; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

38 Абрамян А.А. Праздник Вардавар у армян: Автореферат. – Ереван: Институт археологии и этнографии НАН РА: 2014, - 30 с. (на арм. яз.).

39 Рукопись № 4597. С. 7а. Русский перевод выполнен к.филол. н. Ованесом Бейлеряном.

40 Рукопись № 4597. С. 7а; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

Как пишет О. Хосровянц, черкесы воскресенья называли «Тхавмаф» [T'khawmaf] («день Бога»), постились в среду, которую называли «Параскежи» [Paraskezhi] («маленький пост»), и в пятницу, которую называли «Параскешко» [Paraskeshk'o] («большой пост»). Черкесы также приносили в жертву животных⁴¹.

О. Хосровянц, перечисляя эти обычаи и праздники, пытался обосновать, что адыги прежде исповедовали христианство. В то же время, из его сведений становится очевидным, что многие из них сохранили элементы языческих верований, например – обычай зажигания свечей в день Созереша. Ф. Щербина, будучи знаком с «Историей закубанских черкесов и черкесских армян» Ованеса Хосровянца, высоко оценил именно эту часть его сочинения, посвященную праздникам: «Были, по свидетельству о. Хазарова, и многие другие обычи и обряды с христианскою окраскою. Священник упоминает также о христианских храмах, оставшихся у черкесов в горах. Все это привело его к тому заключению, что черкесы были раньше христианами, утратившими потом эту религию. Что черкесы были раньше христианами или, правильнее, полухристианами и полуязычниками, это неоспоримый исторический факт. Несомненно, также, что благодаря этому факту, черкесы так охотно приняли в свою среду армян и быстро сжились с ними. По-видимому, особенно в первое время, армяне вместе с черкесами совершали известные обряды религиозного характера» [13, с. 46].

В главе XII «О войнах, которые были у черкесов», Ованес Хосровянц кратко пишет об известных ему случаях столкновения черкесов с царскими войсками. Эта часть сочинения представляет собой своеобразный перечень датированных событий. Как известно, в этот период шла Кавказская война, хотя на Западном Кавказе военные действия не носили столь ожесточенный характер как на Восточном Кавказе, где был создан Имамат под руководством имама Шамиля. Хосровянц сперва упоминает имя разведчика Таганова, который действовал в Закубанье, когда командующим кубанским корпусом был А.В. Суворов. Затем автор упоминает военные события, датируемые 1807 г. (согласно автору – 1802 г.), когда на земли адыгов совершил военный поход генерал-майор Бурсак. Следующим, автор упоминает одесского губернатора Эммануила Осиповича де Ришелье. Поход под его командованием (автор датирует его 1808 г.) был, по словам автора, неудачным. Затем Хосровянц сообщает, что на территорию шапсугов напал генерал Гудович с войсками. Он также перечисляет происходившие на Западном Кавказе военные действия царских войск под командованием генералов М. Власова, И. Паскевича, А. Вельяминова, Н. Завадовского. В конце автор описывает карательные экспедиции генерал-майора Г. Заса: *«Ряд набегов в эти края на черкесов совершил и генерал Засс; он наносил вред, убивал и вешал знатных людей. Его имя было насколько грозным, что все черкесы дрожали и ужасались, когда слышали, что Засс приближался с войсками. Внезапно*

41 Рукопись № 4597. С. 7б; «Кавказъ». 1846. № 40. С. 159.

появившись, он беспощадно мучил людей и разорял их селения. Многие черкесы примирились с русскими и почти подчинились»⁴².

Небольшие главы XIII–XVII посвящены истории появления на Западном Кавказе черкесских армян (черкесогаи)⁴³. Начиная с XIX в., ряд исследователей занимались изучением этой этнической общности, среди которых следует отметить Ф. Щербину [13], Ростом Бек Ерзинкяна [1], Шахан Симона [18].

Ованес Хосровянц отмечает, что черкесские армяне плохо знали армянский язык и мало знали о христианстве, а только крестились, подтверждая тем самым, что они являются армянами. По этой причине он приглашал их к себе, и рассказывал им о Евангелии, Христе и христианских святых. Вследствие плохого знания ими армянского языка, он говорил с ними с помощью переводчика Даниила Хазарова [Ghazarov].

По словам автора, появление здесь армян связано с армянскими купцами, прибывшими к черкесам. Увидев, что их дела идут успешно, они поселились там, и таким образом возникли армянские общины, которые со временем увеличились. Ованес Хосровянц упоминает известных священников, проповедовавших на этой территории в начале XIX в. Примерно за 40 лет до него там служил священник Илья, далее – священник Григор Зарифянц у махошевцев, третий – священник Арутюн Азарянц у хатукайцев до 1827 г., четвертый – священник Мартирос у темиргоевцев в поселении Гяур-Хабль, пятый – архимандрит Карапет Арцивянц, живший у армян с 1817 до 1832 г., а затем в 1832–1840 гг. – в Екатеринодаре. И, наконец, в 1839 г. священником был Оваким Ахаронянц. Хосровянц упоминает также имена священников, посланных из Св. Эчмиадзина для совещаний и сбора пожертвований.

На наш взгляд, сочинение Ованеса Хосровянца «История закубанских черкесов и черкесских армян» имеет важное значение для описания истории, обычаев, быта и географии адыгских народов. Его издание в русском переводе позволит переосмыслить уже устоявшиеся представления и восполнить ряд лакун в историографии черкесов и черкесских армян.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы No 20RF-148 и No. 20-59-05010 соответственно.

Acknowledgement. This work is supported by the Science Committee of the Republic of Armenian and Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the joint research project SCS No 20RF-148 and RFBR No. 20-59-05010.

42 Рукопись № 4597. С. 216–226.

43 Рукопись № 4597. С. 226–26а; «Кавказъ». 1846. № 42. С. 167.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорян В. Труд Ростов-Бека Ерзынкяна «Черкесские армяне». // Вестник архивов Армении. 1971, № 1. С. 65-80. (на арм. яз.)
2. Каталог рукописей Матенадарана имени Маштоца. Т. 1, состав. Еганян О., Зейтунян А., Антабян П. Ереван: Изд. АН Армянской ССР: 1965. – 1638 с. (на арм. яз.)
3. Очерки по истории Адыгеи: Т. 1., под ред. Бушуева С.К. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. – 484 с.
4. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьяго войска. Т. 2. – Екатеринодаръ: «Печатникъ»: 1913. – 848 с., 25 л. ил. к. (карта в конце книги).
5. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М.: «АИРО–XXI», 2008. – 456 с.
6. Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Нальчик: 1992. – 48 с.
7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / составление, редакция переводов В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – 636 с.
8. Клапрот, Юлиус фон. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / Юлиус Клапрот; пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2008. – 317 с.
9. Кумахов М.А. Убыхи // Адыгская (черкесская) энциклопедия, под ред. М.А. Кумахова. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. – С. 473–531.
10. «Убыхи», статья. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIV. – СПб: 1902. – с. 413–414.
11. Ахохова Е.А., Бузаров А.К., Губжоков М.Н., Кажаров В.Х., Мукожев А.Х., Нефляшева Н.А., Прасолов Д.Н. Религия // Адыгская (черкесская) энциклопедия / под ред. М. А. Кумахова. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева: 2006. С. 590–624.
12. Митрополит Гедеон (Докукин) «Христианство на Северном Кавказе до и после его присоединения к России» (кандидатское сочинение). Опубликовано в серии Материалы по истории Церкви». Кн. 1. М., Издание об-ва любителей церковной истории, 1992.

REFERENCES

1. Grigoryan V. The work of Rostom-Bek Yerzyunkyan “Circassian Armenians” [*Trud Rostom-Beka Erzyunkjana «Cherkesskie armjane»*]. *Vestnik arhivov Armenii*. 1971,1:65-80. (in Armenian).
2. Catalog of manuscripts of the Matenadaran named after Mashtots. Vol. 1. Yeganyan O., Zeytunyan A., Antabyan P. (comp.). Yerevan: AN Armenian SSR, 1965. (in Armenian).
3. *Essays on the history of Adygea* [*Ocherki po istorii Adygei*]. Vol. 1. Bushueva S.K. (ed.). Maykop: Adygknigizdat, 1957. (In Russ).
4. Shcherbina FA. *History of the Kuban Cossack army* [*Istorija Kubanskago kazach'jago vojska*]. Vol. 2. Ekaterinodar: Pechatnik, 1913. (In Russ).
5. Tornau FF. *Memoirs of a Caucasian officer* [*Vospominanija kavkazskogo oficera*]. Moscow: AIRO-XXI, 2008. (In Russ).
6. Berzhe AP. A brief overview of the mountain nations in the Caucasus [*Kratkij obzor gorskih plemen na Kavkaze*]. Nalchik, 1992. (In Russ).
7. Adygs, Balkars and Karachais in the writings of European authors of the 13th-19th centuries [*Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.*]. V.K. Gardanov (comp., transl. ed.). Nalchik: Elbrus, 1974. (In Russ).
8. Klaproth J. Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 by order of the Russian government by Julius von Klaproth, court adviser to His Majesty the Emperor of Russia, member of the Academy of St. Petersburg, etc. [*Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah po prikazaniju russkogo pravitel'stva Juliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d.*]. K. A. Malbakhov (transl.). Nalchik: El-Fa, 2008. (In Russ).
9. Kumakhov MA. Ubykhs. *The Circassian encyclopedia* [*Ubyhi. Adygskaya (cherkesskaya) enciklopediya*]. M.A. Kumakhov (ed.). Moscow: B. Kh. Akbashev Foundation, 2006:473-531. (In Russ).
10. “Ubykhs”, an entry from the Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron [*«Ubyhi», stat'ja. Jenciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*]. Vol. XXXIV. St. Petersburg: 1902:413-414. (In Russ).

13. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогоавь. – Екатеринбург: «Печатникъ»: 1916. – 192 с.

14. Остапенко Р.А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников // Наследие веков. 2019. № 1. С. 78–97.

15. Губжаков М.Н., Прасолов Д.Н., Думанов Х.М., Думанова Ф.Х. Культура жизнеобеспечения // Адыгская (Черкесская) энциклопедия, под ред. М. А. Кумахова. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева: 2006. С. 313–372.

16. Харатян Гр.С., Мкртчян С.С. Праздничная культура: традиции и современность // «Армяне» энциклопедия/ отв. ред. Л.М. Варданян, Г.С. Сарксян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. С. 286–306.

17. Мкртчян С.С. Празднично-обрядовая культура армян. Ереван: «Гигутюн», 2016. – 400 с. (на арм. яз.)

18. Шахан Симон. Памятник четырехголосному хору Армавира. Тбилиси: «Эсперанто», 1914. – 224 с. (на арм. яз.)

11. Akhokhova EA, Buzarov AK, Gubzhokov MN, Kazharov VKh, Mukozhev AKh, Neflyasheva NA, Prasolov DN. Religion. *The Circassian encyclopedia [Religiya. Adygskaya (cherkesskaya) enciklopediya]*. M. A. Kumakhova (ed.). Moscow: B. Kh. Akbashev Foundation: 2006:590-624. (In Russ).

12. Metropolitan Gideon (Dokukin). Christianity in the North Caucasus before and after its annexation to Russia (candidate essay) [«Христианство на Северном Кавказе до и после его присоединения к России» (kandidatskoe sochine-nie)]. Published in the Materials on the History of the Church series. Book 1. Moscow: Publication of the Society of Church History Enthusiasts, 1992. (In Russ).

13. Shcherbina FA. *History of Armavir and the Cherkesogais [Istoriya Armavira i cherkesogae]*. Ekaterinodar: Pechatnik, 1916. (In Russ).

14. Ostapenko RA. Elements of Christianity in the culture of the Circassians according to ethnographic, linguistic and archaeological sources [Elementy hristianstva v kulture adygov po dannym etnograficheskikh, lingvisticheskikh i arheologicheskikh istochnikov]. *Nasledie vekov*. 2019,1:78-97. (In Russ).

15. Gubzhakov MN, Prasolov DN, Dumanov KhM, Dumanova FKh. Life support culture [Kultura zhizneobespecheniya]. *The Circassian encyclopedia*, M. A. Kumakhova (ed.). Moscow: B. Kh. Akbashev Foundation: 2006:313-372. (In Russ).

16. Kharatyan GrS, Mkrтчян SS. Festive culture: traditions and modernity [Prazdnichnaya kultura: tradicii i sovremennost]. *Encyclopedia “The Armenians”*, L.M. Vardanyan, G.S. Sarksyant, A.E. Ter-Sarkisyants (eds.). Moscow: Nauka, 2012:286-306. (In Russ).

17. Mkrтчян SS. *Armenian ritual and festive culture [Prazdnichno-obrjadovaya kultura armyan]*. Yerevan: Gigutyun, 2016. (in Armenian).

18. Shahan Simon. *Monument to the four-part choir of Armavir [Pamjatnik chetyrehgolosnomu horu Armavira]*. Tbilisi: Esperanto, 1914. (in Armenian).

Статья поступила в редакцию 2.03.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18166-85>

Нефляшева Наима Аминовна
к.и.н., старший научный сотрудник, доцент
Центр цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки РАН, Москва, Россия
innef@mail.ru

«АРАБИСТЫ» ПРОТИВ «ЛАТНИСТОВ»: К ВОПРОСУ О ЛАТНИЗАЦИИ АЛФАВИТА В АДЫГЕЕ В 1920-е гг.

Аннотация. Цель данной статьи – анализ позиций мусульманского духовенства Адыгеи в ходе реализации политики латинизации в Адыгейской автономной области в 1920-е гг. Анализ отечественной и западной историографии советского языкового строительства на Северном Кавказе и в Адыгее, в частности, показал, что при наличии сложившейся проблематики и отдельных направлений исследований данный вопрос находится на периферии исторического знания. Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. Для анализа избранного ракурса проблемы оказался продуктивным семиотический подход. Исследование проводилось методами ретроспективного, сравнительно-исторического, логического и статистического анализа. Автор отмечает, что к моменту языковой реформы духовенство представляло собой авторитетный социальный слой, хотя и стремительно теряющий свои статусные и профессиональные позиции: происходила коренная трансформация его социальных ролей в секулярном и атеистическом государстве. Реакция духовенства и части мусульман Адыгеи на политику латинизации алфавитов для западных адыгов выразилась в проведении съезда мусульман и духовенства в 1925 г. и женского религиозного съезда в 1928 г. Противодействуя латинизации, элита мусульманского духовенства, по мнению автора, не только боролась за доступ к образовательным ресурсам, но защищала базовые сакральные смыслы арабского письма. Замена алфавита мыслилась ими как культурный разрыв, а нарушение религиозной графики было кощунственным и опасным. Латинизация алфавита и в особенности ее пропагандистское обеспечение стали одним из средств, стигматизирующих немногочисленную в Адыгее мусульманскую интеллигенцию и духовенство как препятствие на пути построения нового общества. Латинская графика и языковая реформа стали одним из инструментов борьбы с влиянием мусульманского духовенства, вытеснения мусульманских элит. Ресурс влияния наиболее образованных и авторитетных духовных лиц, потенциально эффективный при реализации социальных и просветительских проектов молодой Советской власти, оказался невостребованным.

Ключевые слова: языковое строительство; латинизация; Адыгея; ислам; арабская графика.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18166-85>

Naima A. Nefliasheva

Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Associate Prof.

Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia

innef@mail.ru

“ARABISTS” AGAINST “LATINISTS”: THE LATINIZATION OF THE ALPHABET IN ADYGEA IN THE 1920s

Abstract. The purpose of the present article is to analyze the positions of the Muslim authority of Adygea in the course of implementing the policy of latinization in the Adyghe Autonomous Region in the 1920s. An analysis of the Soviet, modern Russian and western historiography of Soviet linguistic construction in the North Caucasus and Adygea, in particular, shows that this issue lies on the periphery of historical knowledge. The research methodology is based on the principles of historicism, objectivity and consistency. The semiotic approach has been productive for the analysis of the aspect under consideration. The research was carried out by methods of retrospective, comparative historical, logical and statistical analysis. The author notes that by the time of the Soviet language reform, the clergy was an authoritative social stratum, although it was rapidly losing its status and professional positions: there was a radical transformation of its roles in a secular and atheistic state. The reaction of the clergy and part of the Muslims of Adygea to the policy of the latinization of alphabet for the Western Circassians was expressed in organization the congress of Muslims and clergy in 1925 and the Women’s Religious Congress in 1928. Opposing the latinization, the elite of the Muslim authority, according to the author, not only fought for access to educational resources, but defended the basic sacred meanings of the Arabic script. Replacing the alphabet was seen by them as a cultural gap. The main conclusion is that the latinization of the alphabet and, in particular, its propaganda support became one of the means stigmatizing the Muslim intelligentsia and clergy as an obstacle to building a new Soviet society. Latin graphics and language reform became one of the tools to combat the influence of the Muslim clergy and displace the Muslim elites. The resource of influence of the most educated and authoritative clerics, potentially effective in the realization of social and educational projects of the young Soviet regime, turned out to be unclaimed.

Keywords: linguistic construction; Latinization; Adygea; Islam; Arabic graphic.

Проблематика советского языкового строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. является традиционной для отечественного кавказоведения. Начиная с 1920-х гг. и по настоящее время в рамках разных наук: языкознания, социолингвистики, социологии, истории – сложился и продолжает развиваться корпус профильных исследований. Изучение языкового строительства осуществляется как в широких рамках вопросов национально-государственного и культурного строительства на Северном Кавказе в 1920-е гг., так и в качестве самостоятельного объекта исследования [1–5].

Анализ историографии языкового строительства 1920–1930-х гг. в Адыгее свидетельствует о том, что в исследованиях 1920–1990-х гг. [6–8] создание письменности для адыгов (переход сначала с арабской на латинскую, а затем на кириллическую основу) получило высокую оценку: латинизированный алфавит позволил ликвидировать неграмотность огромного количества людей, расширил возможности для получения начального и среднего образования, способствовал развитию национального литературного языка и литературы, появлению национальной прессы и, в целом, интеграции адыгов в советское политическое и культурно-идеологическое пространство.

В 2010-е гг. в западной и российской академической науке появились исследования, свидетельствующие о неоднозначности и нелинейности процессов латинизации алфавитов языков народов Северного Кавказа [9–12].

И новые, и уже существующие исследования дают возможность продвинуться в изучении проблем языкового строительства в Адыгее, находящихся в стороне от магистральных направлений. Так, в исследовательской тени продолжают оставаться «арабисты», т.е. часть мусульманского духовенства и мусульмански образованной адыгской интеллигенции, выступавшие за сохранение арабского шрифта.

В советской кавказоведческой историографии «арабисты», сторонники реформирования арабского алфавита и создания письменностей на арабской основе, традиционно маркировались как косные реакционные мракобесы, державшие народ в тисках невежества через сохранение арабского алфавита, «трудного в изучении и недоступного широким массам простых тружеников». Такая позиция закрепились в отечественной историографии и долгое время вообще не подлежала анализу, что упрощало и искажало картину языкового строительства. Заполнение данных исследовательских лакун определяет актуальность данной статьи.

Целью данной статьи является анализ позиций мусульманского духовенства и верующих Адыгейской автономной области в ходе реализации политики латинизации. В такой постановке данный вопрос ставится в адыговедении впервые.

Для реализации цели нами поставлены задачи: выявить сферы, в которых функционировал арабский шрифт у адыгов к началу языковой реформы; реконструировать сложившийся в 1920-х гг. дискурс советской власти по поводу арабского шрифта и арабского языка для народов Северного Кавказа; проа-

нализировать полемики между «арабистами» и «латинистами» на Северном Кавказе, развернувшиеся на конференциях по горской культуре в середине 1920-х гг.; определить идейные позиции и аргументацию «арабистов» в Адыгее, персонифицировать сторонников сохранения арабского шрифта, проанализировать, в каких формах проявлялась позиция «арабистов», выявить мотивы и практики противостояния латинизации, исследовать их влияние на проведение языкового строительства в регионе.

Под латинизацией в данной статье понимается часть политики культурной революции 1920-х гг. по созданию латинизированных систем письма как для бесписьменных народов СССР, так и для народов, имеющих развитые системы письма.

Источниковую базу работы составили документы разных видов и типов – всесоюзные законы и нормативные акты Адыгеи, касающиеся школьного образования и языковой реформы; делопроизводственная документация (протоколы, стенограммы, отчеты, доклады) партийных и советских органов власти Адыгеи по вопросам латинизации; материалы конференций по культурному строительству горских народов в Пятигорске (1923 г.), Ростове-на-Дону (1925 г.), стенографический отчет Тюркологического съезда в Баку (1926 г.); протоколы съезда духовенства и верующих Адыгеи 1925 г. и женского религиозного съезда в ауле Егерухай 1928 г. Большой информационной отдачей обладают статьи теоретиков и практиков латинизации 1920-х гг., опубликованные в специализированных советских изданиях, посвященных языковому строительству, – «Новый Восток», «Культура и письменность Востока». Реализацию поставленных задач невозможно представить без материалов периодической печати Северного Кавказа и Адыгеи 1920-х гг. К специфическому типу источников, значительно расширяющих представление о реакции мусульманского духовенства на латинизацию, относятся сводки и ежемесячные обзоры политического состояния СССР ОГПУ в 1925–1928 гг., в структуре которых отдельное место занимает раздел «О состоянии мусульманского духовенства» автономий Северного Кавказа в 1920-е гг.

Методологическими принципами исследования стали принципы историзма, объективности и системности. Продуктивным для анализа избранного ракурса проблемы является семиотический подход, где «неконвенциональная трактовка знака в сакральном тексте предстает как иррациональное и субъективно-пристрастное отношение к слову, особое благоговение перед словом священного текста» [13, с. 78].

Тема противостояния «арабистов» и «латинистов» проходит через все публикации второй половины 1920-х гг., посвященные культурной революции и языковому строительству в мусульманских регионах страны.

Впервые понятия «арабисты» и «латинисты» появляются в ходе полемики о новом латинизированном алфавите в Азербайджане в 1921 г. Позже Азербайджан станет флагманом всесоюзной латинизации. Основные аргументы «арабистов» и «латинистов», сформулированные на дебатах в Азербайджане,

практически не изменятся, когда языковая реформа примет всесоюзный характер и охватит ряд других народов и регионов. В разных вариациях эти доводы будут повторяться практически до конца 1920-х гг.

Развернутое определение арабистов содержится в одном из текстов 1920-х гг.: «Арабисты раньше были известны под названием реформистов, ислахистов, пока не было вопроса о перемене алфавита. Но как только появились так называемые латинисты, то с того момента реформистов стали называть арабистами. Они стояли за сохранение арабского алфавита с условием его реформирования» [14, с. 37]. В статье Ю. Назирова, подводящей итоги латинизации, арабистами называются «сторонники сохранения старого арабского алфавита и реформированного арабского алфавита» [15, с. 11].

Для осмысления цели данного исследования представляется важным охарактеризовать культурный опыт создания алфавитов для адыгов как на арабской, так и на кириллической основе, накопленный к моменту осуществления советской языковой реформы в Адыгее.

В XIX в. в период интеграции Северного Кавказа в Российскую империю стала складываться система колониального знания об адыгах, в рамках которой продвигались алфавиты и на арабской, и на кириллической основе. Всего с первой четверти XIX в. вплоть до 1918 г. русскими учеными-кавказоведами и адыгскими просветителями было создано 16 алфавитов адыгского языка, из них 7 – на арабской, 9 – на кириллической основе. Все эти алфавиты применялись для ограниченных во времени задач и были рассчитаны на аристократические сословия и узкий круг людей. Сфера функционирования алфавитов на арабской основе была ограничена рамками тех аульных медресе, где они преподавались. Единственный алфавит на арабской графической основе, получивший относительное распространение среди восточных адыгов (кабардинцев), был создан основателями Баксанского культурного движения в начале XX в. Нури Цаговым и Адамом Дымовым¹.

Сосуществование и соперничество арабской и кириллической основ алфавита было характерно для Северного Кавказа на протяжении всего имперского периода и продолжалось в первые годы Советской власти.

Арабский шрифт, на котором были созданы первые алфавиты, соответствовал представлениям адыгов об арабском алфавите и арабском языке как о части символической Вселенной, сконцентрированной вокруг Священной книги, Корана. М. Резван справедливо отметила, что «текст Корана, отдельные суры, айаты, слова и буквы, являясь частью сакральной системы, приобретают собственную сакральность. Для неарабоязычных мусульманских народов любая надпись, выполненная арабской графикой, приобретала сакральное значение,

1 В рамках широкого джадидитского движения, охватившего мусульман Российской империи, Баксанский культурный центр развивался на базе медресе, открытого Адамом Дымовым при финансовой поддержке его отца Габдул-Гафара Дымова. В 1911-1920 гг. центр включал разные медресе и разных лидеров, стал образовательным и просветительским комплексом, основанном на системном взаимодействии исследовательского и учебного процесса в новометодных медресе, где ученики-сохты обучались по учебникам, напечатанным в собственном книжном издательстве.

передавая его и самому предмету» [16, с. 42, 51]. Эти слова в полной мере распространяются и на адыгов.

В этом культурном контексте важно было символическое пиететное, граничащее с эстетическим чувством, отношение адыгов к арабскому языку и арабским буквам, хотя грамотность на основе арабского языка не была распространена широко: к моменту образования Адыгейско-Черкесской автономной области в 1922 г. грамотность адыгского населения составляла 6,87%, процент грамотных женщин составлял 1,64% [17, с. 319]. Грамотой владело в основном духовенство, немногочисленная адыгская интеллигенция и представители высшей социальной иерархии.

Арабская графика стала основой первых советских букварей в первой половине 1920-х гг. Они создавались по инициативе первых советских органов управления для адыгов Кубано-Черноморской области – Комиссариата по горским делам Кубано-Черноморского ревкома, а также Горского исполкома. В региональных источниках 1920–1921 гг. существовало устойчивое выражение «черкесский шрифт» [18], под которым понимался адыгский алфавит на основе арабской графики.

Адыгские просветители С. Сиюхов, И. Хизетль, Ш. Кубов, Х. Тлецерук много работали над созданием первых букварей. Еще до 1917 г. С. Сиюхов, для которого создание букваря для детей было важным личным просветительским проектом, составил букварь адыгского языка на арабской графической основе, изданный в 1919 г. тиражом в 3000 экземпляров². В 1921 г. букварь был переиздан в исправленном и дополненном виде в количестве 3000 экземпляров. На этом букваре в Адыгее обучались в 42 школах³, им были снабжены все адыгские (черкесские) школы Черноморской губернии⁴. В 1918 г. в Екатеринодаре по решению Кубано-Черноморского ревкома алфавит на арабской графической основе был составлен адыгским просветителем А.И. Бекухом. На основании этого алфавита в 1920-1921 гг. выпускалась первая стенгазета для адыгов Кубано-Черноморской области – газета Кубано-Черноморского отделения РОСТА «Советская Кубань» («Советскэ Кубань») [19, с. 267].

Создание алфавитов на арабской графике в 1918–1921 гг. «не выпадало» из привычного этноконфессионального контекста, не создавало ощущения разрыва с прошлым, с традициями и не было болезненно новым для адыгского населения.

Всесоюзная советская языковая реформа, начавшаяся в 1920-х гг., идеологически обосновывалась целым рядом политических документов Советской власти. И.В. Сталин как главный советский специалист по национальному вопросу систематически обращался к проблематике государственного языка и родных языков.

2 Отчет областного отдела народного образования Адыгеи за 1922–1923 гг. // Национальный архив Республики Адыгея (далее – ГКУ РА Нацархив). Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 282.

3 Там же.

4 Там же. Л. 283.

«Декларация прав народов России» от 15 ноября 1917 г., основа основ национальной политики большевиков, провозглашала равноправие всех наций, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп России. Ряд законодательных актов 1918–1919 гг. провозглашал право применения местных языков в ходе судебного процесса и в школах.

Тема «родной», «близкой», «понятной» власти – суда, администрации, говорящих на родных языках для трудящихся масс окраин, – поднималась Сталиным постоянно, в отдельных статьях и на выступлениях на партийных съездах. Родной язык становился средством установления «духовной связи», как писал Сталин, между народными массами и властью. «Только таким путем можно сделать Советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин» [20, с. 358; 21; Т. 4. С. 351–363]. В 1918–1920-х гг. первый нарком по делам национальностей развил тему равноправия языков меньшинств и большинства, необходимости развития школы, суда и администрации на родном языке [21; 20, с. 236–239, 394–398].

Переход на латинскую основу письма можно считать первым этапом «советской графической революции», как назвал процессы советского языкового строительства выдающийся лингвист 1910–1930-х гг. Е.Д. Поливанов. В качестве графической основы для бесписьменных народов была выбрана латиница, равно дистанцированная от арабицы как синонима косности и регресса, символизирующей в риторике 1920-х гг. зависимость от реакционного духовенства, невежество и отсталость, так и от кириллицы, отсылающей к православному прозелитизму и эксплуатации нерусских народов в Российской империи. «Русская графика, – писал теоретик и практик латинизации, известный лингвист Н.Ф. Яковлев, – благодаря ее распространению через миссионерские школы, получила для некоторых народностей неприятный для национального чувства привкус русификаторства и насильственной денационализации»⁵. Латиница стала символом приобщения к европейской культуре, прогрессу и мировой революции.

«Застрельщиками латинизации», по выражению Е.Д. Поливанова [22, с. 317], стали якуты, у которых в 1917 г. появляется алфавит С.А. Новгородова. Флагманом перехода с арабской графики на латинскую стал Азербайджан. Проект латинизации тюркских алфавитов, начавшийся в Азербайджане как локальный, через несколько лет стал всесоюзным и охватил не только тюркские народы. Оргбюро ЦК РКП(б) на основе доклада И. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» 25 сентября 1922 г. поддержало Азербайджанский ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности⁶. Это было первое решение Центра о латинизации.

5 Тезисы к докладу Н.Ф. Яковлева. Ко 2-ой конференции по культурному строительству горских народов Северо-Кавказского края // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 59.

6 «О латинском шрифте в мусульманской письменности» // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее – РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 373. Л. 3.

Первый опыт латинизации на Северном Кавказе был реализован в Осетии, хотя в последней существовала развитая письменность и книжная культура на кириллической основе. С 1922 г. в Горской АССР осетины, чеченцы и ингуши учились в школах на родном языке и алфавите на латинской основе» [23, с. 70].

В Адыгее в 1924 г. был принят за основу проект латинского алфавита для западных адыгов (адыгейцев), созданный профессором Института восточных языков Н.Ф. Яковлевым. Яковлев был командирован в Адыгею в 1923–1924 гг. для изучения фонетики адыгейского языка и создания грамматики и алфавита на латинской основе. Аспирант кафедры кавказского языкознания Московского НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР Дауд Ашхамаф, работавший с Яковлевым, позже стал основоположником адыгской академической лингвистики.

Партийные и советские власти Адыгеи поддержали латинизацию, однако осознавали необходимость осторожности и постепенности в переходе на новый алфавит. С. Сиюхов, заведующий облоно Облисполкома Адыгейско-Черкесской автономной области (далее – АЧАО) не раз публично предостерегал от форсирования языковой реформы и указывал на очевидные риски, с которыми столкнется ее реализация.

В докладе Облоно Облисполкому Адыгеи за 1922–1923 г. Сиюхов в качестве отдельного раздела выделил вопрос «О черкесской графике». Он обратил внимание на религиозную традицию, освящавшую арабский шрифт: Коран, ниспосланный на арабском языке, делал арабский алфавит в глазах мусульман даром Всевышнего. «Мусульмане, возбуждаемые фанатическими муллами, увидят в замене шрифта латинским измену вере и откажутся от изучения родного языка при помощи иноверной графики»⁷, – предостерегал Сиюхов, предвидя неизбежную негативную реакцию духовенства и вовлечение рядовых мусульман в эти процессы. С. Сиюхов указал, что латинский шрифт не может удовлетворить всех фонетических особенностей адыгейского языка, поэтому для их обозначения придется создавать «невероятные комбинации разных букв и придумывать новые знаки».

Латинизированный алфавит Яковлева стал распространяться в виде пилотного проекта среди инспекторов облоно и учителей-черкесов. При Совпартшколе в 1924–1925 гг. работали курсы делопроизводства для слушателей-черкесов, курсы для секретарей волостных исполкомов и сельских советов⁸. Несмотря на начало латинизации, в Адыгее по решению партийной коллегии временно продолжалось издание книг, прежде всего букварей, на арабском шрифте⁹.

К середине 1920-х гг. среди партийных идеологов реформ и ученых, работающих в сфере языкового строительства, сложился устойчивый нарратив

7 Отчет областного отдела народного образования Адыгеи за 1922–1923 гг. // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 285.

8 О переводе Адыгейской автономной области на местный язык // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 17. Л. 43.

9 Отчет областного отдела народного образования Адыгеи за 1922–1923 гг. // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 286.

по поводу арабской графики, в котором она символизировала прошлое, отсталость и препятствие для прогрессивного развития. Очень важен был и внешний, международный фактор, о котором писал академик В.М. Алпатов: «В те годы переход на латиницу происходил и в Турции. При всей разнице общественных процессов в двух государствах в них была и общая сторона – европеизация культуры...За турецким опытом в те годы у нас пристально следили» [24, с. 65].

Тема бесперспективности и исторической обреченности арабского шрифта для народов Северного Кавказа настойчиво звучала на масштабных региональных конференциях. В июле 1923 г. в Пятигорске Юго-Восточным бюро РКП(б) была созвана конференция по вопросам просвещения горских народов, в 1925 г. – 2-ая конференция по культурному строительству горских народов Северо-Кавказского края в Ростове-на-Дону. Обе конференции поддержали латинизацию, но отвергли всякое воздействие свыше и оставили право выбора графической основы за регионом¹⁰. «Из трех основ, – говорилось в резолюции пятигорской конференции, – арабской, русской и латинской, принятой той или другой народностью, совещание высказывается в пользу латинской основы как наиболее красивой, четкой, достаточно отвлеченной, чтобы не быть элементом русификации ...» [25, с. 71]. Характер обсуждения проблемы латинизации алфавитов на обеих конференциях показывает, что конференции принимали в отношении арабской графики не столько культурно-просветительское и техническое, сколько политическое решение.

Материалы этих конференций давно введены в научный оборот, а их резолюции цитируются практически в каждой работе по культурной революции и языковому строительству. Представляется важным обратить внимание на аргументы противников латинизации, т.н. «арабистов», голос которых практически не слышен в исторических исследованиях.

Н.К. Мухитдинов, представитель Наркомпроса ТАССР со своим докладом «Арабизм или латинизация», был единственным оппонентом латинистов на конференции в Ростове-на-Дону. Он оппонировал, прежде всего, последовательному стороннику латинизации, заведомо образования и культуры Северо-Кавказского крайисполкома, У. Алиеву и профессору Н. Яковлеву. Мухитдинов предостерегал от поспешного введения латинизированных алфавитов в регионах с развитыми традициями ислама, призывал к осторожности: «не следует никогда фетишизировать шрифт, принятие шрифта еще не делает революции» [26, с. 141]. Мухитдинов считал, что латинский шрифт обладает целым рядом недостатков и предложил ограничиться реформой арабского шрифта (увеличением числа гласных звуков), а вопрос о латинизации шрифта принять в порядке «агитации и обсуждения».

Доклад Мухитдинова подвергся резкой критике, прежде всего со стороны У. Алиева, и не был поддержан участниками конференции. Яковлев допускал введение латинской графики для мусульманских народов, если устойчивая

¹⁰ Тезисы (наброски) У. Алиева «О латинизации письмен горских народов и унификации таковых». Ко 2-ой конференции по культурному строительству горских народов Северо-Кавказского края // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

традиция религиозной письменности и широкое распространение грамотности на арабской основе не вызовут противодействия введению нового письма [26, с. 136].

Первый Всесоюзный Тюркологический съезд (26 февраля – 6 марта 1926 г.) в Баку подвел черту под полемиками о целесообразности реформирования арабского шрифта и перспективах латинизации. Большинством голосов (из 134 делегатов 101 – за, 7 – против, 9 – воздержались) съезд принял резолюцию о новом тюркском алфавите, основанном на латинском шрифте.

Единственным «арабистом», выступавшим за реформирование арабского алфавита, был делегат из ТАССР Галимджан Шараф, татарский общественно-политический деятель, автор первых советских татарских букварей на арабской основе. В своем докладе, длившемся более трех часов, Шараф предложил оставить вопрос выбора латинского шрифта для тюркских народов открытым, признавая, что обе – арабская и латинская – системы шрифтов могут быть приемлемыми для тюркских языков [27, с. 418].

Вплоть до середины 1926 г. в Адыгее, несмотря на решения пятигорской и ростовской конференций и Тюркологического съезда, не проводилось системной работы по ликвидации неграмотности на новом латинском алфавите. Первоначальное отношение к алфавиту было сдержанным и настороженным «не только среди темных масс, но и среди культурных слоев населения». Источники свидетельствуют, что часть населения уже «ликвидировала неграмотность» на основе арабской графики и рисковала вновь оказаться неграмотной в условиях новой языковой реформы. Известный адыгский писатель А.К. Евтых в книге «Улица во всю ее длину» образно передает ощущения людей того времени. Герой романа Ибрагим вспоминает: «Адыги никогда не имели письменности, а тут сразу ввели, в двадцатых годах. Ибрагим выучился. А только однажды утром неграмотным проснулся: принесли газету, а в ней объявление, что новый латинский алфавит взамен арабского» [28, с. 28–29].

По данным о состоянии народного образования в 1923–1925 гг., число грамотных на арабской основе адыгов АЧАО составляло 8260 человек, т.е. 12,2% населения [29, с. 176]. В эту цифру вошло число грамотных до 1923–1924 гг. и число лиц, неграмотность которых была ликвидирована на арабизированном алфавите в 1924–1925 г. В 1925–1926 гг. процент грамотного населения среди адыгейцев в АЧАО¹¹ составил 12,4%. Н.Ф. Яковлев в курсе лекций, прочитанных в Первом МГУ, дает немного иные сведения – в 1926 г. грамотность адыгейцев (по его наименованию, «нижние кяхи») составляла 16,9% [30, с. 60]. На Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) в марте 1926 г., при обсуждении итогов Тюркологического съезда, говорилось о наличии «массы грамотного взрослого населения на арабской основе»¹².

11 Население Адыгеи по переписи 1926 г. составляло 113481, из них граждан СССР 112767 человек, из них адыгского населения 52287. См. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Код доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1002 (дата обращения 04.10.2020).

12 Протокол №31 заседания Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 10 мая 1926 г. // Ф. П-1. Оп. 1. Д. 181а. Л. 125.

В течение 1924 – первой половине 1927 гг. в Адыгее сформировалось определенное информационное пространство и читательская среда, в которой функционировал арабский шрифт, – за этот период на основе арабской графики было издано 25 названий книг объемом 115 печатных листов и тиражом 68475 экземпляров [31, с. 298].

Как и предостерегал С. Сиюхов, мусульманское духовенство и верующие негативно отреагировали на замену арабизированного алфавита. К моменту языковой реформы духовенство представляло собой авторитетный социальный слой, хотя и стремительно теряющий свои статусные и профессиональные позиции: происходила трансформация их социальных ролей, функции духовенства, кроме культовой, перераспределялись между советскими органами суда, образования, ККОВами, ЗАГСами. В Адыгее в 1923–1924 гг. служило 146 эфенди¹³, в 45 аулах действовало 126 мечетей¹⁴, из них 7 мечетей были построены в советское время.

Н.Ф. Яковлев, подводя итоги латинизации на Северном Кавказе, писал, что в Адыгее «латинскому алфавиту пришлось выдержать борьбу с распространенным здесь уже после революции массовым письмом на арабской основе» [30, с. 63].

Существует не так много источников, по которым можно судить о реакции адыгского мусульманского духовенства и верующих на реформу письма, и даже имеющиеся сведения чрезвычайно скупы. Большинство публикаций 1920–1930-х гг., посвященных итогам культурного строительства в Адыгее, содержит расплывчатую, лишенную конкретики информацию о противодействии духовенства латинизации. Неясно, в чем же конкретно выражалась «бешеная агитация против латинского алфавита», «стремление ориентировать адыгейский народ в национально-культурном строительстве на панисламистский Восток», о которых говорилось в партийных протоколах и северокавказских периодических изданиях 1920-х гг. [32, с. 365–366].

Одним из красноречивых событий, в ходе которого была впервые высказана позиция духовных авторитетов по поводу сохранения арабской графики, является съезд мусульманского духовенства и верующих Адыгеи в августе 1925 г. [33], состоявшийся практически сразу после конференции в Ростове-на-Дону.

Относительно информативный объем сведений о съезде содержит сводка ОГПУ за октябрь 1925 г. и протокол заседания съезда. Съезд был инициирован Областным исполкомом АЧАО и являлся способом найти компромисс между советской властью и духовными авторитетами, что в целом свойственно политике большевиков в отношении ислама в первой половине 1920-х гг.

Председателем съезда был уполномоченный по созыву съезда, сотрудник Облисполкома, М. Гатагогу, а секретарем – С. Сиюхов. Документы не содержат сведений о том, как делегировались его участники. Известно, что на съезд при-

¹³ Эфенди – принятое у адыгов обозначение служителей исламского культа.

¹⁴ Анкетирование Адыгейского областного статистического бюро // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-4. Оп.1. Д. 12. Лл. 6-5130б.

было 124 человека, эфенди и верующих. В президиум съезда было избрано 10 человек, в том числе самые влиятельные служители мусульманского культа – бывший кадий Екатеринодарского горского словесного суда и бывший член Областного советского суда Магомет Совмиз, эфенди Забит Идрисов, бывший кадий Майкопского горского суда Джанхот Хатков, эфенди Нух Меретуков. В центре внимания съезда находились вопросы создания Духовного управления мусульман в Адыгее и характера преподавания в медресе, которые предполагалось открыть.

Важный в контексте нашего исследования вопрос о замене латинского шрифта арабским был поднят при обсуждении проблем реформирования мусульманского образования. Влиятельный эфенди М. Набоков, выпускник университета Аль-Азхар, предложил на съезде заменить арабским алфавитом вводимый латинский шрифт¹⁵, однако его аргументация и решения съезда по этому вопросу не зафиксированы в выявленных источниках.

Вопрос замены латинского шрифта на арабский находился в одной плоскости с решением съезда об открытии в Адыгее двух школ-медресе (в Фарсском и Псекупском округах¹⁶) как последней возможности сохранения и трансляции знания арабского языка, Корана и ислама. Предполагалось, что медресе с числом учеников до 30 человек в каждом будут содержаться за счет добровольных пожертвований. На фоне количества детей, охваченных советской школой, это число невелико. После съезда кадии Псекупского и Фарсского округов начали собирать средства на постройку медресе.

По имеющимся источникам невозможно проследить, были ли решения съезда по открытию медресе реализованы. Многочисленность участников съезда позволяет рассматривать его как реакцию на продвижение светского атеистического образовательного проекта, а сам съезд как инструмент мобилизации верующих для противостояния этому проекту.

В разгар латинизации главная областная газета «Адыгейская жизнь» публикует на русском языке передовицу «К вопросу о латинизации адыгейского алфавита» Д. Ашхамафа¹⁷, работавшего с Н.Ф. Яковлевым над созданием адыгейской письменности. Ашхамаф был выпускником известного медресе «Галия» в Уфе и может быть условно отнесен к арабски образованной адыгской интеллигенции. Статья оказалась пропита смыслами, касавшимися судьбы арабского шрифта в условиях латинизации алфавита.

Ашхамаф уходит от негативных оценок арабского шрифта, характерных для властного дискурса 1920-х гг., общими фразами («религия не сильна алфавитом») обходит тему замены шрифта, переключая внимание читателей на другой аспект языковой реформы, а именно ее масштабность, позволяющую вписать реформу алфавита в Адыгее в широкий контекст международной и

15 Протокол заседания областного съезда мусульманского духовенства Адыгейской Черкесской Автономной области 5-7 августа 1925 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 96. Л. 36.

16 В 1923-1924 гг. Адыгея была районирована на два округа – Фарсский и Псекупский.

17 Ашхамаф Д. К вопросу о латинизации адыгейского алфавита // Адыгейская жизнь. 1926. 24 мая.

внутрисоюзной повестки, тем более, что аналогичная реформа письменности уже была реализована в Турции, в том числе и у турецких черкесов¹⁸.

Воспользовавшись утверждением Т. Мартина о том, что советское государство использовало практики «сигналирования» через газеты, можно сказать о том, что статья Д. Ашхамафа и была такого рода сигналом, направленным и на духовенство, и на часть адыгской интеллигенции, не поддержавшей форсированную латинизацию, означаящим, что вопрос о сохранении и реформировании арабского шрифта закрыт.

В июле 1926 г. Бюро обкома ВКП(б) Адыгеи одобрило латинизированный алфавит¹⁹. В это время был создан центр для руководства латинизацией в масштабах СССР – Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского алфавита с местопребыванием в Баку и с представительством его в Москве, его возглавил председатель ЦИК Азербайджана Самед Ага Агамали-оглы²⁰.

В 1927 г. в Адыгее был завершен переход с арабской на латинскую графику, в октябре появились первые книги и брошюры на латинице и все издания стали публиковаться на латинской основе²¹, с апреля 1928 г. черкесская часть газеты «Адыгейская жизнь» была переведена на латинскую основу²².

«Вопросы латинизации проходят очень туго», – говорилось в отчетном докладе Адыгейского обкома ВКП(б) на 4-ой партконференции в ноябре 1928 г.²³. Даже «ответственные работники» не спешили изучать черкесский алфавит на латинской основе²⁴. «Ликвидация на латинской основе идет недопустимо медленно», – писала «Адыгейская жизнь» о результатах проверки грамотности населения Особой комиссией при обкоме ВКП(б)²⁵. Психологически часть населения не была готова принять новый алфавит. Известно, например, что в ауле Пчегатлукай крестьянин проник в Штаб всеобщего обучения и уничтожил 25 новых букварей [35, с. 34].

В июне 1927 г. начинаются массовые ликвидации медресе, единственной структуры, где сохранялось преподавание арабского языка и воспроизводились кадры «духовного сословия». Согласно сводке ОГПУ, в Адыгее в июне 1927 г. учтены 23 медресе (11 для взрослых, 12 для детей). К концу июня 1927 г. было закрыто 19 медресе, закрытие 4 медресе планировалось в ближайшее время [36].

18 Интересно, что в это же время была предпринята латинизация алфавита сирийскими черкесами. В 1928-1929 гг. «Черкесское общество содействия науке и просвещению» создает новый латинизированный алфавит и выпускает букварь на латинской основе [34, с. 92].

19 Протокол № 39 заседания Бюро Обкома ВКП(б) Адыгейско-Черкесской автономной области от 5 июля 1926 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 109.

20 В первый год работы Комитета НТА была сформирована его структура и секторы на местах: Северный Кавказ и Закавказье; Поволжье; РСФСР и Крым; Средняя Азия (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Киргизия); Ленинград и Москва [15, с. 13, 16]. Северо-Кавказский Краевой Комитет НТА имел уполномоченных на местах [15, с. 26].

21 Отчетный доклад Адыгейского областного комитета ВКП(б) 4-ой партконференции ноябрь 1928 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 230. Л. 250б.

22 Протокол № 26 заседания Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 2 апреля 1928г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 84.

23 Отчетный доклад Адыгейского областного комитета ВКП(б) 4-ой партконференции ноябрь 1928 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 230. Л. 250б.

24 Протокол расширенного совещания секретарей райкомов ВКП(б) Адыгейской области // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 235. Л. 113.

25 Ни «бе», ни «ме» // Адыгейская жизнь. 1928. №79(170). 17 октября.

Одновременно с закрытиями медресе в аулах Джерокай, Блечепсин, Хакуринохабльском районе прошли аресты и обыски эфенди, настояжившие и некоторых членов партии, и сотрудников низового аппарата. Среди арестованных был эфенди Нух Меретуков, автор первого сочинения по адыгской истории на арабском языке, опубликованного в Казани в 1913 г.

Реакция верующих выразилась в появлении новых форм протестной активности, таких как поквартальные собрания верующих, составление рекомендательных писем в поддержку арестованных, делегирование почетных стариков, учителей, кулаков в Краснодар с ходатайствами за арестованных, собрания в районных центрах Адыгеи [37]. Люди были полны желания «отстоять своих эфенди чего бы это ни стоило». В общественном дискурсе аресты объяснялись «желанием советской власти ослабить религиозность населения и уничтожить мусульманскую религию, с каковой целью сперва были закрыты медресе, чтобы не дать подготовить новых эфенди, а впоследствии были арестованы старые эфенди, на которых держалась религия» [37].

Важную роль в протестных акциях против введения латинизированного алфавита, как и в целом против советских мероприятий, ведущих к секуляризации и атеизации общества и культуры, в конце 1920-х гг. сыграли женщины-черкешенки. Следует отметить, что процессы языковой реформы совпали с масштабным проектом колхозного строительства и форсированием темпов коллективизации.

Вовлечение женщин в протестные акции можно объяснить как политико-юридическими причинами (более мягкой позицией советского законодательства 1920-х гг. по отношению к женщинам, выступавшим против советских мероприятий), так и культурными (характерная и одобряемая в адыгской традиционной культуре актуализация женской активности в кризисные для общества или отдельной семьи моменты) и психологическими причинами (стремление женщины защитить свою символическую территорию, частью которой является религия). Наконец, к концу 1920-х гг. усиливается давление на мужчин-эфенди, что создало риски их открытого протеста и компенсировалось женскими протестными практиками (митингами, демонстрациями и съездами)²⁶.

24 августа 1928 г. в ауле Егерухай Хакуринохабльского округа состоялся съезд черкешенок. Ранее, в ауле Ходзь 23 августа прошла демонстрация 100 женщин, явившихся в сельсовет с требованием разрешить преподавать Коран в советских школах, открыть медресе, закрыть ясли, снизить налог с эфенди и прекратить хлебозаготовки²⁷.

26 В 1928 г. в Адыгее прогремело «Блечепсинское дело», выступление черкешенок против хлебозаготовок. К лозунгу прекращения хлебозаготовок прибавились «Долой углубленное классовое землеустройство», «Долой коллективизацию», «Долой рождающиеся новые формы быта» (женщины требовали закрытия детских яслей, прекращения отправки детей на учебу, отрицали пользу передачи шариатских сборов ККОВам). См.: Всем райкомам и ячейкам ВКП (б). Строго-секретно // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 130–130об.

27 Религиозный съезд в ауле Егерухай Адыгее-Черкесской области // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 804. Л. 115.

Женский религиозный съезд в Егерухае собрал 200 участниц из 12 аулов. На повестку дня съезда были вынесены следующие вопросы – сохранение неприкосновенности шариата; разрешение преподавания арабского языка и Корана в советских школах; снижение налогов с духовных лиц, лишившихся права собирать закят и потерявших часть своего дохода; предложение о государственном содержании мулл. Делегатки съезда направили письмо председателю Адыгейского Облисполкома Ш.У. Хакурате, в котором просили сохранить шариат, вернуть мечети, дать возможность учиться в медресе.

Ответственность за организацию съезда была возложена на «реакционное духовенство», которое, по мнению властей, перенесло уже апробированный в Блечепсине женский протест против хлебозаготовок на религию²⁸. Съезд был оценен как происки реакционного духовенства, подстрекавшего женщин к антисоветским выступлениям. Проведение съезда никак не сказалось на снижении темпов латинизации и не привело к корректировке методов ее проведения, хотя работа в сфере эмансипации женщин в Адыгее подверглась анализу и была усилена.

7 августа 1929 г. Пленумом ЦИК СССР и СНК СССР было принято постановление «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР». Постановление обязывало все общесоюзные государственные учреждения и предприятия, в которых документация ведется на арабском алфавите, применять латинизированный алфавит, прекратить издательскую деятельность на арабском алфавите, а вузам и научным учреждениям обеспечить использование нового алфавита. Постановление означало окончательную победу латинизации в стране.

Проанализированные историографический материал и источники позволяют сделать следующие выводы. В многочисленных исследованиях по культурной революции на Северном Кавказе справедливо отмечается, что латинизация создала широкие возможности для быстрой ликвидации неграмотности, формирования национальной советской интеллигенции, более сложного осмысления реальности, построения профессиональной системы институтов духовного воспроизводства. Обратная сторона реформы видится в другом: латинизация алфавита и в особенности ее пропагандистское обеспечение стали одним из средств, стигматизирующих немногочисленную в Адыгее мусульманскую интеллигенцию и духовенство как препятствие на пути построения нового общества.

Латинская графика и языковая реформа стали одним из инструментов борьбы с влиянием мусульманского духовенства, вытеснения мусульманских элит. Ресурс влияния наиболее образованных и авторитетных эфенди, потенциально эффективный при реализации социальных и благотворительных проектов молодой Советской власти, оказался невостребованным.

Перевод письменности с арабской графики на латинскую имел социальные и психологические последствия. Реформа существенно изменила социальные

28 Там же. Л. 115.

функции мусульманского духовенства и способствовала если не его социальной изоляции, то социальному дистанцированию по линии возможностей влияния на информационно-интеллектуальную повестку и потребление знаний. Власть, общество, с одной стороны, и духовенство, с другой, символически стали говорить на разных языках.

Реакция мусульманского духовенства и верующих Адыгеи выразилась в проведении съезда мусульманского духовенства в 1925 г. и женского религиозного съезда в ауле Егерухай в 1928 г.

Элита мусульманского духовенства не просто противилась введению латинского шрифта из «злостных соображений» и сознательно «тормозила прогресс», как это объяснялось и в советских источниках, и в сложившейся советской историографии. Безусловно, она боролась за доступ к образовательным ресурсам и отстаивала свои сферы влияния на общество, но в то же время защищала базовые сакральные смыслы арабского письма, на котором была написана («на языке арабском, ясном») священная книга мусульман – Коран, а сами буквы в сознании мусульман были ниспосланы Всевышним. Духовенство мыслило себя в качестве хранителя и транслятора традиций, видело свою миссию в их сохранении и воспроизводстве, являющихся залогом стабильности. Замена алфавита мыслилась им как нечто деструктивное, влекущее культурный разрыв, а нарушение религиозной графики кощунственным и опасным.

Вторая половина 1920-х гг., период реформирования систем письма и создания латинизированного алфавита для адыгов, стал последним периодом проявления социальной и политической активности мусульманского духовенства Адыгеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане, 1921-1940. М.: Наука, 1975. – 301 с.
2. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2006. – 551 с.
3. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. – 351 с.
4. Магидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1979. – 112 С.
5. Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК –

REFERENCES

1. Daniyalov AD. *Building socialism in Dagestan, 1921-1940 [Stroitel'stvo sotsializma v Dagestane, 1921-1940]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ).
2. Desheriev YuD. *Comparative-historical grammar of the Nakh languages and problems of the origin and historical development of the mountain Caucasian peoples [Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov]*. Ed. 2nd, revised. Moscow: URSS, 2006. (In Russ).
3. Isaev MI. *Language construction in the USSR [Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR]*. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ).
4. Magidov ShG. *Implementation of the Leninist national language policy in the North Caucasus [Osushchestvenie leninskoi*

«Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь: СГУ, 2012. – 312 с.

6. *Кумахова З.Ю.* Развитие адыгских литературных языков. М.: Наука, 1972. – 280 с.

7. *Кубов Ч.Ч.* Исторический опыт партийного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыг. отд-ние, 1990. – 462 с.

8. *Мекулов Д.Х.* Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922–1937 гг. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыг. отд-ние, 1989. – 160 с.

9. *Красовицкая Т.Ю.* Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. Вып. X. М. – Магнитогорск, 2010. С. 274–293;

10. *Мартин Терри.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 662 с.

11. *Michael G. Smith.* An Empire of Substitutions: The Language Factor in the Russian Revolution // *Harvard Ukrainian Studies.* 35/1-4 (2017-2018). Pp. 125-144.

12. *Томеллеры В.С.* Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе // IX Супруновские чтения: языковой контакт. Минск: РИВШ, 2015. С. 159–170.

13. *Мечковская И.Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

14. *Агазаде Ф., Карашаклы К.* Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. Казань: ВЦК НТА, 1928. – 134 с.

15. *Назиров Ю.* Проведение Нового Тюркского Алфавита в СССР и ближайшие перспективы // Культура и письменность Востока. М., 1928. Кн.1. С. 11–33.

16. *Резван М.Е.* Овеществленное слово: талисманы, обереги, амулеты // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. СПб., 2007. Вып. 1. С. 41–70.

17. Сведения о культурном развитии Адыгеи. 1934 // Культурное строительство Адыгеи (1922–1937 гг.). Сборник документов и материалов. Майкоп, 1958.

18. Протокол заседания коллегии подотдела просвещения национальных меньшинств Кубано-Черноморского областного отдела народного образования о состоя-

natsional'no-yazykovoi politiki na Severnom Kavkaze]. Makhachkala: Dagbuk Publ., 1979. (In Russ).

5. *Temirbolatova AI.* Problems of language policy and language construction in the North Caucasus (on the material of the manuscripts of the archive fund R-1260 GASK - "North Caucasian Mountain Historical and Linguistic Research Institute named after S.M. Kirov" (1926–1937)) [*Problemy yazykovoi politiki i yazykovogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze (na materiale rukopisei arkhivnogo fonda R-1260 GASK – «Severo-Kavkazskii gorskii istoriko-lingvisticheskii nauchno-issledovatel'skii institut imeni S.M. Kirova» (1926–1937))*]. Stavropol: SGU, 2012. (In Russ).

6. *Kumakhova ZYu.* Development of the Adyghe literary languages [*Razvitie adygsikh literaturnykh yazykov*]. Moscow: Nauka, 1972. (In Russ).

7. *Kubov ChCh.* Historical experience of party building in the national autonomies of the North Caucasus in the transition period to socialism [*Istoricheskii opyt partiinogo stroitel'stva v natsional'nykh avtonomiyakh Severnogo Kavkaza v perekhodnyi period k sotsializmu*]. Maykop: Krasnodar book publishing house: Adyghe department, 1990. (In Russ).

8. *Mekulov DKh.* Soviets of Adygeya in socialist construction, 1922–1937 [*Sovety Adygei v sotsialisticheskome stroitel'stve, 1922–1937 gg.*]. Maykop: Krasnodar book publishing house: Adyghe department, 1989. (In Russ).

9. *Krasovitskaya TYu.* Latinization of the graphics of the languages of the North Caucasus in the context of modernization [*Latinizatsiya grafiki yazykov Severnogo Kavkaza v kontekste modernizatsii*] *Problems of Russian history.* Issue. X. Moscow-Magnitogorsk, 2010:274-293. (In Russ).

10. *Martin Terry.* Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939 [*Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*]. Moscow: ROSSPEN: B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. (In Russ).

11. *Michael G. Smith.* An Empire of Substitutions: The Language Factor in the Russian Revolution. *Harvard Ukrainian Studies.* 35/1-4 (2017-2018):125-144.

12. *Tomelleri VS.* Struggle between Cyrillic and Latin in the North Caucasus. [*Bor'ba kirillitsy i latinitsy na Severnom Kavkaze // IIX Suprun*

нии просвещения среди горских народов // Сборник документов и материалов. Майкоп, 1958. С. 44–45.

19. Ламосова Н.В. Из истории издательского дела Адыгеи (1920-1930-е годы) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. М.; Краснодар: 2015. С. 265–277.

20. Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 4. С. 351–363.

21. Сталин И.В. Наши задачи на Востоке // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1947. С. 236–239.

22. Поливанов Е.Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. М., 1928. Кн. 23–24. С. 314–330.

23. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1974. Т. 1. - 545 с.

24. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997. – 190 с.

25. Крѣжановский Г.Я. Адыгейская национальная письменность // Советская Адыгея. Бюллетень Адыгоргбюро РКП(б), Адыгоблисполкома и Адыгоблплана. Краснодар, 1925. Вып. 1. С. 68–79.

26. Стенографический отчет II краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского края 16-23 июня 1925 г. Ростов-на-Дону: Изд. Крайно, 1926. – 308 с.

27. Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. Стенографический отчет. Баку: НагылЕви, 2011. – 550 с.

28. Евтых А.К. Шуба из двенадцати овчин. Роман в двух книгах. М.: Советский писатель, 1989. – 704 с.

29. Письмо Адыгейской областной плановой комиссии представительству Адыгейско-Черкесской автономной области при ВЦИКе о состоянии народного образования в 1923-1926 гг. // Культурное строительство Адыгеи (1922-1937 гг.). Сб. документов и материалов. Майкоп, 1958. С. 175–177.

30. Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Краткий обзор и классификация. Тифлис, Заккнига, 1930. – 69 с.

Readings: Language Contact. Minsk: RIVSh, 2015:159-170. (In Russ).

13. Mechkovskaya IB. *Social Linguistics [Sotsial'naya lingvistika]*. Moscow: Aspect Press, 1996. (In Russ).

14. Agazade F, Karashakly K. *Essay on the history of the development of the new alphabet movement and its achievements [Ocherk po istorii razvitiya dvizheniya novogo alfavita i ego dostizheniya]*. Kazan: VCC NTA, 1928. (In Russ).

15. Nazirov Yu. Implementation of the New Türkic Alphabet in the USSR and immediate prospects [Provedenie Novogo Tyurkского Alfavita v SSSR i blizhaishie perspektivy]. *Culture and writing of the East*. Moscow, 1928;1:11-33. (In Russ).

16. Rezvan ME. Reified word: talismans, amulets, amulets. Central Asia. Tradition in the face of change [Oveshchestvlennoe slovo: talismany, oberegi, amulet. Tsentral'naya Aziya. Traditsiya v usloviyakh peremen]. St. Petersburg, 2007;(1):41-70. (In Russ)

17. Information about the cultural development of Adygea. 1934. [Svedeniya o kul'turnom razvitiy Adygei. 1934.] *Cultural construction of Adygea (1922-1937)*. Collection of documents and materials. Maykop, 1958. (In Russ)

18. Minutes of the meeting of the board of the subdepartment of education of national minorities of the Kuban-Chernomorsky regional department of public education on the state of education among the mountain peoples [Protokol zasedaniya kollegii podotdela prosveshcheniya natsional'nykh men'shinstv Kubano-Chernomorskogo oblastnogo otdela narodnogo obrazovaniya o sostoyanii prosveshcheniya sredi gorskikh narodov]. *Collection of documents and materials*. Maikop, 1958:44-45. (In Russ)

19. Lamosova NV. From the history of the publishing business of Adygea (1920-1930s). [Iz istorii izdatel'skogo dela Adygei (1920-1930-e gody) *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: collection of scientific articles*. Moscow, Krasnodar, 2015:265-277. (In Russ)

20. Stalin IV. The policy of Soviet power on the national question in Russia [Politika Sovetskoi vlasti po natsional'nomu voprosu v Rossii]. *Works*. Moscow: State publishing house of political literature, 1947;(4):351-363. (In Russ).

21. Stalin IV. Our tasks in the East. [Nashi zadachi na Vostoke Works]. Vol. 4. Moscow: OGIZ. 1947:236-239. (In Russ)

31. Из статьи А. Хатанова в журнал «Революция и горец» «Адыгейская печать за 10 лет» о развитии книгоиздательства за период с 1924 года по 1932 год // Культурное строительство Адыгеи... С. 297–301.

32. Из протокола заседания бюро Адыгейского областного комитета ВКП(б) о переводе адыгейского алфавита на русскую графику. 30 октября 1937 г. // Культурное строительство Адыгеи. Майкоп, 1958. С. 365–366.

33. Обзор политического состояния СССР за октябрь 1925 г. // «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М.: Институт Российской истории РАН, 2002. Т. 3.

34. Черкесы Сирии латинизируют алфавит // Революция и горец. 1929. №1–2 (3–4). С. 92.

35. Римский Л.М. Адыгея в боях за сплошную грамотность. М.: Наркомпрос РСФСР, 1931. – 39 с.

36. Обзор политического состояния СССР за июнь 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно». Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1924 гг.). М., 2003. Т. 5. URL:

37. Обзор политического состояния СССР за июль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно». Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1924 гг.). М., 2003. Т. 5.

22. Polivanov ED. The main forms of the graphic revolution in the Turkish writings of the USSR [Osnovnye formy graficheskoi revolyutsii v turetskikh pis'mennostyakh SSSR]. *Novyi Vostok*. Moscow, 1928;(23-24):314-330. (In Russ)

23. Cultural construction in North Ossetia (1917–1941) [Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoi Osetii (1917–1941 gg.)]. *Collection of documents and materials*. Ordzhonikidze, 1974;(1). (In Russ)

24. Alpatov VM. *150 languages and politics: 1917-1997. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space [150 yazykov i politika: 1917-1997. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva]*. Moscow, 1997. (In Russ)

25. Kryzhanovsky GYa. Adyghe national writing [Adygheiskaya natsional'naya pis'mennost']. *Soviet Adygea. Bulletin of the Adygorgburo of the RCP(b), Adygobspolkom and Adygoblplan*. Krasnodar, 1925;(1):68-79. (In Russ)

26. *Verbatim report of the II regional conference on culture and education of the mountain peoples of the North Caucasus region, June 16-23, 1925 [Stenograficheskii otchet II kraevoi konferentsii po voprosam kul'tury i prosveshcheniya gorskikh narodov Severo-Kavkazskogo kraia 16-23 iyunya 1925 g.]*. Rostov-on-Don: Krayono, 1926.

27. *First All-Union Turkological Congress. Verbatim report [Pervyi Vsesoyuznyi Tyurkologicheskii S"ezd. Stenograficheskii otchet]*. Baku: NagylEvi, 2011.

28. Evtykh AK. *Fur coat from twelve sheepskins. A novel in two books [Shuba iz dvenadtsati ovchin. Roman v dvukh knigakh]*. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1989.

29. Letter from the Adyghe regional planning commission to the representative office of the Adyghe-Cherkess Autonomous Region under the All-Russian Central Executive Committee on the state of public education in 1923-1926. [Pis'mo Adygheiskoi oblastnoi planovoi komissii predstavitel'stvu Adygheisko-Cherkesskoj avtonomnoi oblasti pri VTsIKE o sostoyanii narodnogo obrazovaniya v 1923-1926 gg.] *Cultural construction of Adygea (1922-1937). Collected documents and materials*. Maykop, 1958:175-177. (In Russ)

30. Yakovlev NF. *Languages and peoples of the Caucasus. Brief review and classification [Yazyki i narody Kavkaza. Kratkii obzor i klassifikatsiya]*. Tiflis, Zakkniga, 1930.

Статья поступила в редакцию 9.09.2021 г.

31. From the article by A. Khatanov in the journal "Revolution and Highlander" "Adyghe Printing for 10 Years" about the development of book publishing for the period from 1924 to 1932. [Khatanova v zhurnal «Revolutsiya i gorets» «Adygeiskaya pechat' za 10 let» o razviti knigoizdatel'stva za period s 1924 goda po 1932 god] *Cultural construction of Adygea*: 297–301.

32. From the minutes of the meeting of the Bureau of the Adyghe Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the translation of the Adyghe alphabet into Russian graphics. October 30, 1937. [Iz protokola zasedaniya byuro Adygeiskogo oblastnogo komiteta VKP(b) o perevode adygeiskogo alfavita na russkuyu grafiku. 30 oktyabrya 1937g.]. *Cultural construction of Adygea*. Maykop, 1958:365-366. (in Russ)

33. *Overview of the political state of the USSR for October 1925. "Top Secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922-1934)*. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2002. (In Russ)

34. The Circassians of Syria Latinize the alphabet [Cherkesy Sirii latiniziruyut alfavit]. *Revolution and Highlander*. 1929;1-2(3-4):92.

35. Rimsky LM. *Adygea in the battles for complete literacy [Adygeya v boyakh za sploshnyuyu gramotnost']*. Moscow: Narkompros RSFSR, 1931. (In Russ)

36. *Review of the political state of the USSR for June 1927 (according to the data of the United State Political Administration). "Top Secret". Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1924)*. Moscow, 2003. Vol. 5.

37. *Review of the political state of the USSR for July 1927. (according to the data of the United State Political Administration). "Top Secret". Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1924)*. Moscow, 2003. Vol. 5.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18186-109>

Муслимова Наида Тагировна

к.и.н., младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

mus-nt@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНЦЕВ

Аннотация. В статье с использованием современных наработок в историографии, социологии, политологии, документальных источников: архивных материалов, периодической печати, мемуаров, воспоминаний; применяя принципы историзма, методов сравнительно-исторического, сравнительно-правового анализа исследована политическая культура дагестанских народов, объединенных после окончания Кавказской войны в административно-территориальных границах Дагестанской области Российской империи (1860–1921 гг.). Цель работы – дать характеристику базовым ценностно-нормативным установкам, убеждениям, политическим ориентациям и образцам политического поведения дагестанских народов как субъектов общеимперского политического, экономического и культурного процесса, проследить как сохранение традиционных исторически сложившихся правовых норм (адата и шариата) и сельской общины как основного структурного элемента дагестанского общества способствовало жизнеспособности и устойчивости новой политической системы и, одновременно, как динамика социально-экономического и культурного развития новой общественно-политической общности и связанные с ней процессы адаптации и приспособления социокультурных традиций к общественно-исторической реальности отразились на политической культуре дагестанцев. Исследование показало, что несмотря на изменение форм взаимодействия власти и общества, появление и функционирование новых общественно-политических институтов и концепций общественно-политического устройства, ко времени Октябрьской революции и Гражданской войны (1918-1921 гг.), политическая культура большинства дагестанцев в своих основных ценностно-нормативных установках и образцах политического поведения сохранила традиционные черты и ориентации – принадлежность к сельской общине и адату и шариату как нормам регуляции общественной жизни.

Ключевые слова: Дагестанская область; политическая культура; общеимперская идентичность; адат; шариат; имперские законы; социокультурные традиции и трансформации; российские революции начала XX века; дагестанская интеллигенция; политические ориентации.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18186-109>

Naida T. Muslimova
Cand. Sci. (History), Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mus-nt@yandex.ru

SOME ISSUES OF DAGESTAN'S INTEGRATION INTO THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE AND POLITICAL CULTURE OF DAGESTANIS

Abstract. The paper is based on modern approaches of historiography, sociology, political science, documentary sources: archive materials, periodicals, memoirs. Applying the principles of historicism, methods of comparative-historical, comparative-legal analysis, we have examined the political culture of the Dagestan peoples, united after the Caucasian War within the administrative-territorial borders of the Dagestanskaya Oblast of the Russian Empire (1860-1921). The paper aims to assess the basic norms and values, beliefs, political orientations, and standards of political behavior of the Dagestan peoples as subjects of the common political, economic and cultural process; to trace how the preservation of traditional historical legal provisions (Adat and Sharia law) and rural community as a main structural element of the Dagestan society contributed to the viability and stability of the new political system and, at the same time, how the dynamics of the socio-economic and cultural development of the new socio-political community and the processes of adaptation of socio-cultural traditions associated with it to the socio-historical reality were reflected in the political culture of the Dagestanis. The study demonstrates that despite the change in the forms of interaction between power and society, the emergence and functioning of new socio-political institutions and concepts of the socio-political structure, by the time of the October Revolution and the Civil War (1918-1921), the political culture of the majority of Dagestanis in its main values and patterns of political behavior has retained its traditional features and orientations – belonging to a rural community and Adat and Sharia as norms for regulating public life.

Keywords: Dagestanskaya Oblast; political culture; common imperial identity; Adat; Sharia; imperial laws; sociocultural traditions and transformations; Russian revolutions of the 20th century; Dagestan intelligentsia; political orientations.

Завершение военных действий на Северо-Восточном Кавказе в августе 1959 г. поставило перед российскими правящими кругами актуальный вопрос о формах и методах управления дагестанскими народами. Николай I определял цели имперской политики на Кавказе, которых самодержавие придерживалось до своего падения в 1917 году, следующим образом: «Я желаю слить его (Кавказский край. – прим. Н.М.) всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло единое целое».

Российские правящие круги вполне осознавали, что объединение народов Дагестана вокруг верноподданнических идей сплочения царя и народа, обеспечение спокойствия в крае, достижение лояльности населения к проводимой политике будет осложняться приверженностью населения традиционным формам общественной жизни. «Главный интерес России – связать разноплеменной край с империей, всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно..., поэтому надо действовать с большой осторожностью. Насильственные меры не принесут добра, но могут иметь дурные последствия», писал кн. Воронцов [1, с. 142].

«Разнородность племен, населяющих Кавказские горы, их разобщенность и особенности, резко отличающие одно племя от другого, не могли быть подчинены на первых порах общим правилам нашей администрации, которая по своей сложности не могла бы согласоваться ни с их понятиями, ни с их нравами и обычаями; а потому по указанию В.С. составлено положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом, в котором военное управление соединено с гражданским и народными установлениями горских племен [2, с. 1371].

5 апреля 1860 г. была создана Дагестанская область с системой управления, получившей название «военно-народной», вся власть в области – административная, хозяйственная, финансовая и военная – сосредотачивалась в руках начальника области (позже военного губернатора), а во внутренней жизни сохранялась в модифицированном виде сельская община как единый хозяйственный и общественный организм, регулируемый традиционными для дагестанцев правовыми системами обычного права (адат) и мусульманского права (шариат).

Административно-территориальное деление области было осуществлено без учета экономической целесообразности и особенностей территориального размещения дагестанских народов. Одни дагестанские народы были искусственно разделены, другие соединены [3].

Необходимые для отгонного животноводства зимние пастбища и огромные земельные угодья находились в Хасавюртовском округе, который входил теперь уже в Терскую область. Горцам приходилось перегонять скот на десятки и сотни километров в Закавказье и в Северный Кавказ [4, с. 114].

Новая модель управления дагестанскими народами, как впрочем и любая административная система, была далека от совершенства, но при этом мы согласимся с теми исследователями, которые считают, что «военно-народное

управление» в тех конкретно-исторических условиях было наиболее оптимальной административной системой, поскольку дагестанцы получили «более или менее понятную им форму правления» [5, с. 128-129; 6, с. 65–66; 7, с. 117].

После окончания Кавказской войны и присоединения Северного Кавказа к Российской империи царская власть проводит в Дагестанской области ряд реформ, которые должны были адаптировать новую административную модель с «существующим строем остальной части России», переживавшей в это время противоречивые процессы эволюции самодержавия, связанные с либеральными реформами 60-х годов XIX в.

До образования Дагестанской области политическая структура Дагестана была представлена феодальными владениями и «вольными обществами» с различным общественно-политическим статусом. Изменившаяся политическая обстановка позволили царской власти перейти от всемерной поддержки дагестанских владетелей, лояльность которых в условиях войны была важным условием успеха в восточной политике Российской империи, к ликвидации ханств, «как чужеродного элемента в общероссийском государственном механизме» [8, с. 122].

Ликвидация власти феодальных правителей, которая была оформлена как «добровольный отказ» от властных полномочий, вызвала необходимость организации системы сельского управления. Царская власть, создавая систему сельского управления, сохранила традиционное деление на сельские общества, местное самоуправление, поставив его под свой строгий контроль. Сельское управление в Дагестане составляли сельский сход (*джамаат*), сельский старшина, сельский кадий и сельский суд. Сход избирал сельских должностных лиц и сельского кадия с последующим утверждением их военной администрацией.

Результатом административной реформы, проведенной в Дагестанской области, было разделение на 9 округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский. Самурский и Темирханшуринский. Для приближения новой власти к местному населению округа были разделены на более мелкие административно-территориальные образования – наибства. Такая ступень управления существовала в начале XVIII в. в Дербенстком ханстве и позже в имамате Шамиля. В 1868 г. в Дагестанской области насчитывалось всего 46 наибств [4, с. 102–124].

Так как округами руководили исключительно царские офицеры, то на этом уровне управления предлагалось привлекать «людей, способных, заслуживающих доверия у дагестанского народа», по большей части это были люди, прежде находившиеся на службе у Шамиля и имевшие определенный опыт управления населением. Такая практика назначения имела место до восстания 1877 г., когда многие наибы перешли на сторону восставших. Председатель Кавказского комитета писал: «Многие дагестанские наибы не всегда бывают в состоянии обнаружить то беспристрастие и ту независимость, которые требуются от представителей администрации. Такие наибы всегда более склонны поддерживать местную обособленность, память о которой еще жива в населении» [4, с. 147].

Царские власти в управлении Дагестанской областью пытались противопоставить обычное право, как инструмент правовой регуляции общественной жизни каждой отдельной общины, шариату, считая, что адат может «ослабить действие шариата, а с ним парализовать силу мусульманского духовенства, ... всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края» [9, с. 35], «... адаты и вытекающие из них сельские управления служат нам твердой опорой в предстоящей нам надолго еще тайной борьбе за влияние на народ со здешним мусульманским духовенством» [10, с. 243–244]. Официальным руководством для народных судов должны были служить изданные царским правительством в 1868 г. «Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана», опубликованные А.В. Комаровым «Адаты и производство по ним», материалы по обычному праву горцев, подготовленные профессором Ф.И. Леонтовичем. В 1899 г. отдельным изданием вышли в свет «Адаты», под редакцией И.Я. Сандрыгайло [1, с. 151]. В результате судебной реформы процесс и право по всему Дагестану были несколько унифицированы.

Необходимость частичного допущения кадия в состав управления, диктовалась «нежеланием создавать оппозицию» своей власти со стороны духовного авторитета в недрах джамаата.

Но на протяжении существования Дагестанской области ни одна из традиционных систем не смогла вытеснить другую, поскольку в правосознании дагестанцев сложился правой синкретизм, горцы воспринимали адат как «неотъемлемую часть шариата» [11]. Традиционные правовые системы пронизывали все сферы общественной жизни дагестанцев, обеспечивая порядок и политическую стабильность.

В результате судебной реформы в Дагестанской области была выстроена вертикаль судебной власти. Население Дагестанской области в судебном отношении было причислено к Тифлисской судебной палате и Бакинскому окружному суду. В городах области были созданы мировые отделы, как в качестве суда первой инстанции, так и в качестве апелляционного суда. Население Дагестана, находящееся в ведении «военно-народного управления», было подсудно Дагестанскому народному суду и девяти окружным словесным судам, где дела разбирались по адату, и гарантом соблюдения постановлений адатных судов вместо сельских обществ горцев, местных беков и ханов выступало Российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения – единые сельские словесные суды. В отличие от дореформенной эпохи решения сельских судов не были окончательными, они могли быть обжалованы в месячный срок в окружных народных судах. Апелляционной инстанцией для окружных судов стал Дагестанский народный суд [12, с. 43].

Таким образом, нормативно-правовое регулирование общественной жизни в Дагестанской области строилось на основе и взаимосвязи норм обычного права (адат), шариата и общероссийских законов.

Объединение в рамках Дагестанской области народов, которым были «приуси базовые характеристики историко-культурной общности, однотипность социальной организации и структуры, единые основы этничности и гражданственности», способствовало их политической консолидации, стало новым этапом в их общественно-политическом развитии [13, с. 441].

Форсированное преобразование дагестанского общества на основе общероссийских моделей, не совмещающихся с местной системой ценностей, вступавших в противоречие с исторически сложившимся мироощущением и политическими традициями, вызвало поощряемое царским правительством переселение в Османскую империю. Среди покинувших родную землю было немало ученых, богословов, военачальников, которые успешно интегрировались в общественную жизнь Турции. Среди них можно назвать имена религиозных деятелей шейхов Омархаджи Зиявудина Дагестани, Шарапудина Дагестани, Сейид Ахмед ал-Руккали, ученых Мурад-бея Мизанжи, Ахмеда Саиба Дагестанлы (Капланова), поэта-сатирика Дагестанлы Дехри [14, с. 759].

Другая часть национальной интеллигенции осознавала «бесперспективность и пагубность последствий переселения для судеб Дагестана». Широкое распространение имело обращение всадника Дагестанского конного полка Гусейнова Алхаса на аварском языке («Наставление моим братьям по вере», в котором он предостерегал горцев от переезда в Османскую империю [15; 16, с. 756].

«Не только ревностные приверженцы шариата, но и рядовые уздени, привыкшие жить и быть лично свободными, воспринимали завоевание Дагестана, немедленные административные реформы царских властей, появление военных крепостей, гарнизонов, бюрократических и полицейских учреждений, заселение края колонистами как угрозу их вере и будущему их семейств» [17, с. 33].

В разных частях Дагестана, по разным причинам вспыхивали против восстания против царской администрации. Самое крупное восстание произошло в 1877 г. и было жестоко подавлено. Около 300 наиболее активных лидеров восстания повесили на глазах специально собранных для этого жителей. Были высланы в отдаленные регионы России около 3 тыс. человек с семьями [10].

Восстание 1877 г. и жестокость, с которой оно было подавлено, оставили свой след в общественном сознании дагестанцев. В начале 1917 г. поэт Курди Закуев, участник дагестанского просветительско-агитационного бюро», написал стихотворение «О благодетельстве», в котором, представляя свободу личности, как высшую ценность, упоминает и участников восстания 1877 года.

*Сколько узденей ради тебя вытерпели
Невзгоды чужбины и голод тюрьмы?
Сколько фиданов из-за любви к тебе
Оказались сосланными в золотые рудники Сибири*

Оценивая правление Александра III и его политику контрреформ, современные историки ставят ему в вину отсутствие продуманной политики в национальном вопросе: «национальный вопрос категорически не решался, а загонялся внутрь». Задачи стабилизации экономической и финансовой системы и реформирование России, как писал В. Ключевский «в духе христианских правил», привели к политическому курсу на нивелирование национальных особенностей в управлении национальными окраинами.

Само существование Дагестанской области было поставлено под угрозу. Министр финансов в целях экономии предложил ее упразднить, а ее территории разделить между соседними областями и губерниями. «Возобладала точка зрения, согласно которой Дагестан делить нельзя, потому что он представляет единое целое в экономическом, культурном и географическом отношении. Кроме того, отмечалось, что, поскольку дагестанцы воинственны и еще не остыли от многолетней Кавказской войны, их легче контролировать, когда они вместе, а не разбросаны по разным губерниям и областям [18, с. 15].

В этот период был усилен административный контроль структур местного самоуправления – отменялась выборность старшин, они стали назначаться царской администрацией [19, с. 108].

Ограничения местных особенностей в сфере управления проявились и в изменении терминологии. Царское правительство в лице Кавказского комитета в 1882 г. посчитало «более соответственным называть наиба просто участковым начальником или приставом. Нет никаких оснований сохранять в Положении это татарское название. Совершенно справедливо называть должности сельского управления соответственно тому, как оно называется в общих законах империи», в 1899 г. наибства были ликвидированы и преобразованы в участки [20, с. 85].

С 1883 г. в связи с преобразованиями в системе «военно-народного» управления должность начальника области была переименована в должность военного губернатора [21, с. 172].

Под влиянием политических процессов начала века, русско-японской войны, революции 1905 г. и в условиях нарастающей дестабилизации на Кавказе в феврале 1906 г. указом императора Николая II было восстановлено Кавказское наместничество. В феврале 1907 г. И.И. Воронцов-Дашков представил программу реформ на Кавказе, которая охватывала широкий спектр преобразований практически во всех основных сферах жизни народов Кавказа. Основной задачей программы было умиротворение Кавказа, ее опорные пункты консолидировались вокруг земельного и национального вопросов. И в решении этих вопросов Наместнику важно было сохранить равновесие между общегосударственной пользой и обеспечением интересов нерусского населения Российской империи, улучшения экономического положения населения, развития его духовных сил.

Решение аграрного вопроса в Дагестане, где в сельской местности проживало около 93,5% населения, для царской власти осложнялось необходимостью

сочетать решение общеимперских проблем модернизации государства с местными политическими, экономическими, социальными и религиозными особенностями.

Проведение аграрных преобразований в той форме, в какой они были проведены в 60-х годах, несомненно облегчили царской власти в условиях ликвидации традиционных форм властвования управление Дагестаном и сформировали слой «влиятельных туземцев, существенно заинтересованных настоящим порядком, и эта часть населения составляет нашу опору, всегда остающуюся на стороне спокойствия и в случае нарушения оно готовую подавить партию беспокойных людей и увлеченного ее населения» [22, с. 240]. Но одновременно они заложили зерно конфликтности в решении земельного вопроса в будущем. Земля была распределена очень неравномерно. К примеру на Кумыкской плоскости 166 бывших владельцев получили 186311 десятин земли, а 7122 двора, составлявших около 30 тыс. человек зависимого населения, 203123 десятины [8, с. 132] и владело им на правах частной собственности, а бывшее зависимое от них население получило землю на правах общинного землепользования. В фонд казны были отобраны 20 тыс. десятин лучшей земли, ею распорядилась кавказская администрация. Правительство сохранило зависимость раятов и свободных узденей от беков и чанка (члены семей владельцев), которые получали в управление их села и платили за это определенные бекские повинности, которые преподносились как традиционные, адатные и при этом узаконивались, соответствующими «бумагами».

С конца 90-х годов XIX в. расширение рыночных связей внутри Дагестана и развитие каспийского пароходства в связи со строительством железной дороги стимулировало развитие товарно-денежных отношений в хозяйстве области. Рост товарности сельскохозяйственного производства и торгового земледелия обусловил расширение аренды земли, особенно на плоскости. Феодальные формы землевладения постоянно сокращались, росло бессловное землевладение. Часть феодальной земли переходила в руки сельской буржуазии, торговцев, купцов, промышленников. Многие беки закладывали свои земли под ссуды банкам и частным лицам. Нередко заложенные имения за неуплату долга продавались с торгов [8, с. 268–269].

Царская власть на Кавказе пыталась административными мерами препятствовать распространению общеимперских хозяйственных и правовых институтов в земельной сфере. Их главной своей целью было не экономическое развитие края, а сохранение спокойствия в нем в сложной общественно-политической обстановке, и особенно в годы войны, когда Дагестан из-за открытия военных действий на Кавказском фронте стал стратегически важной территорией.

Военный губернатор Дагестанской области в своем предписании от 27 сентября 1901 г. писал: «При решении поземельных споров в Дагестане следует иметь речь только о праве пользования, а не правах собственности» [23, с. 178]. По определению общего Собрания отделения Бакинского окружного суда

от 31 мая 1903 г. нотариусы и мировые судьи не имели права заверять сделки по землям и недрам Дагестанской области¹. Тем не менее, в документах Канцелярии Дагестанской области часто отмечались случаи коллизий прав исполнительной власти начальников участков, судебных приставов и решений народных судов, которые «профанируют власть в глазах населения»².

Для «разрешения коллизий» предлагалось признать возможным мировым судьям Дагестанской области принимать к своему рассмотрению иски об изыскании недвижимого имущества должников только в том случае, если кредиторами будут предоставлены крепостные о принадлежности означенных имуществ должников на праве собственности³. Осложняло ситуацию и то, что в области приходилось принимать во внимание молчаливое согласие должников на продажу судебными приставами крупных земельных угодий за незначительные долги⁴. Так, в июле 1913 г. Судебным приставом Петровского мирового отдела продавался участок земли в 789 десятин под названием «Мугурчак», принадлежащий Умужат-бике Тарковской для удовлетворения долга в сумме 210 руб. портнихе Софье Пилицкой⁵. Для сравнения – ежемесячное жалованье депутата I Государственной Думы (1906 г.) – 350 руб.

В горной части Дагестана, в джамаатах, к этому времени происходит нивелирования заложенных в адатах (обычном праве) принципов равного представительства, участия, получения равных имущественных прав и возможностей [24, с. 82]. В этих условиях, как свидетельствуют документы, царская администрация в вопросах выбора между интересами индивида и общества отдает предпочтение интересам общества, становясь на сторону адата, чтобы «все общественные земли не перешли руки в *недобросовестных* (курсив наш. – М.Н.) односельцев»⁶. В феврале 1905 г. общество Кижали воспретило жителю села продажу участка принадлежащей ему земли. При этом мнение депутатов суда разделилось на три части: два голоса, в том числе кадий суда, считали, что участок может быть передан в другие руки, с условием, что новый владелец может приобрести землю без права последующей продажи; два депутата отказали истцу в праве продажи участка; два депутата выступили за безусловное право владельца распоряжаться своей землей⁷. Решение по этому конкретному делу демонстрирует, во-первых, противоположные мнения по вопросу общинного землепользования, во-вторых, определенную степень прагматизма, способности приспособливаться к создавшимся условиям, защите индивидуальных членов общины, со стороны дагестанских религиозных деятелей. Такая позиция духовенства вполне объяснима,

1 Переписка военного губернатора Дагестанской области с Наместником Кавказа // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 1-10б.

2 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 9-об.

3 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 15.

4 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79 а. Л. 17.

5 Там же.

6 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2 Оп. 4. Д. 71. ЛЛ. 1-17.

7 Переписка ... // ЦГА РД. Ф. 2 Оп. 4. Д. 4. ЛЛ. 190б-20.

если учесть, что шариат, считал мюльки, принадлежавшие узденям, их частной собственностью, которые могли быть проданы, подарены, завещаны.

В начале XX в. в области появляются учреждения государственной кредитной помощи крестьянам, ремесленникам, мелкой промышленности, было создано специальное Управление по делам мелкого кредита. В 1906 г. в г. Темир-Хан-Шуре был образован Дагестанский областной комитет по делам мелкого кредита. В 1913 г. в комитет входило 12 кредитных товариществ с суммой основного капитала 21915 руб., к концу 1915 г. их количество возросло до 28.

Либеральная часть дагестанской интеллигенции, чье мнение выражали «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», приветствовала появление этих учреждений в Дагестане, считая, «что мелкие кредитные учреждения завоюют в Дагестане всеобщие симпатии и проникнут во все темные уголки его, охватывая все больший и больший круг сельского населения и его деятельности в области труда» [25, с. 379]. В статье «Дагестанское земство и его задачи», опубликованной в «Дагестанских областных ведомостях» в 1910 г., выражая мнение дагестанской администрации по вопросу о введении земства в Дагестанской области, автор писал, «что Дагестану не нужно новых территориальных делений и самого окружного земства, расширение прав по изданию обязательных постановлений, заключению займов и установлению натуральных повинностей. Дагестану необходимы хлеб и умение его добывать»⁸.

С. Габиев, критикуя систему военно-народного управления и горский адатный суд: «Мы, горцы, вместе с «адатным судом» потеряем как будто нечто лестное для нашего самолюбия, но эта потеря должна будет вознаградиться тем, что на месте сумбура, брака «адатов», сопрягаться они будут с положениями российской администрации, нам будут даны юридические нормы культурных народов» [25, с. 352].

Расширение сферы применения общеимперских законов в условиях формирования рыночных отношений обнаружило, что ничем не ограниченная игра рыночных сил отнюдь не обеспечивает гармонию и справедливость.

Только в исключительно трудных обстоятельствах горец решался на продажу своего земельного участка, преодолевая вековую приверженность к мюльку, нередко являвшегося символом почитания памяти предков [8, с. 286].

В газете «Дагестанские ведомости» в из номера в номер печатались объявления о аукционных торгах на имущество. В номере за 3 июня 1916 г. мы находим сообщения об аукционных торгах на имущество, принадлежащее жителям сел Бацада и Меgeb, в которое, в том числе, входили и пахотные поля. Общая сумма исков составляла 679 руб.

Увеличение численности сельского населения, разрушение устоявшихся форм землепользования и стремительные перемены в аграрной сфере, изменения в налоговой системе требовали новых форм регуляции отношений сельских обществ с беками, и тех, и других с казной, отношений отдельных сельских обществ [8, с. 269].

⁸ Дагестанское земство и его задачи // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1.

Юридическим лицом, владевшим землей в Дагестанской области, как и в целом в Российской империи, являлась сельская община. Развитие законодательства в условиях низком уровня знания русского языка и правовой беспомощности населения привели к появлению в области, по аналогии с общеимперской земской культурой, нового социального института - присяжных поверенных.

Как свидетельствуют архивные документы, предметом спора, как правило, были зимние и летние пастбища, леса и недра, источники воды, которые владельцы активно сдавали в аренду. Угодья, особенно зимние и летние пастбища и леса, которыми по адату сельские общества и феодалы пользовались совместно, после реформы, как мы отмечали выше, оказались в исключительном ведении беков и чанка. Так, в 1905 г. поверенные села Атлынбоюн предприняли попытку переоформить общественный пахотный участок «Кокрек» размером в 1029 десятин, которым владел князь Тарковский, в пользу общества. «Выбрали поверенных, собрали деньги, стали судиться. Долго ходили по канцеляриям, по судам. Только ничего не вышло – у них были бумаги, а у нас нет». Послали поверенных в Тифлис, получив отказ, общество решило взять землю силой. Бунт был подавлен с помощью воинских частей, но волнения продолжались. В качестве компромисса на общество было оформлено 380 десятин земли. Общество не согласилось и опять возобновило спор. В том же году Таркинскому обществу отвели участок леса в 1000 десятин⁹.

Под влиянием аграрных выступлений и «для прекращения сей неслыханной смуты, восстановления тишины и мира на родной земле» правительство пошло на определенные уступки обществам и ряд споров между обществами и беками был решен в пользу первых [8, с. 262].

И позже, вплоть до февральской революции, институт поверенных активно привлекался для урегулирования отношений не только между беками и общинниками, но и по результатам столыпинской реформы по поводу использования хуторов и форм их аренды внутри общины.

Как показывают исследования, очень сложно в области проходила работа по межеванию земли между обществами, такая работа проводилась лишь под охраной военных [26, с. 114].

Зачастую стихийные и неорганизованные аграрные выступления в Дагестане приобретали особенно острый характер в тех округах, где сохранялись зависимые отношения раятов и зависимых узденей, требовавших освобождения [27, с. 251].

Правительство осознавало, что такое «натянутое между беками и их раятами состояние не может продолжаться долго» [8, с. 219]. По принятому в 1913 г. закону «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкевладельцам» раяты и зависимые уздени должны были выкупить свои повинности бекам, выкупная

9 Дагестан в 1905 году // Красный Дагестан. 29 декабря 1925 г.

сумма определялась по каждому селению отдельно. В результате реформы 1913 г. 70 тыс. крестьян из 95 селений были освобождены от податей и повинностей в пользу беков [8, с. 271].

В это время в стране уже появились общественно-политические объединения, которые предлагали, альтернативные правительственному варианты решения земельного вопроса. Кадеты и российские социал-демократы предлагали решение аграрного вопроса по принципу: вся земля без выкупа и вознаграждения должна перейти к крестьянам.

Начальникам округов и податным инспекторам Дагестана было поручено выяснить существующие повинности крестьян бекам по каждому селению и перевести в денежный эквивалент, размер повинностей должен был быть приведен в соответствие с количеством земли. Реформа привела к появлению в Дагестане института мировых посредников в количестве 20 человек и Дагестанского областного присутствия по крестьянским делам, в задачу которых входило урегулирование споров и жалоб, возникающих в процессе ее практической реализации [8, с. 270].

В отдельных случаях размер выкупных платежей превышал в денежном выражении отменные повинности. Например, сумма выкупных платежей узденей сел. Кадар по решению мирового посредника от 27 марта 1914 г. превышала во много раз сумму, которую они должны были выплачивать своим бекам и чанка, установленную в 1904 г. Темирханшуринским окружным судом¹⁰.

Нередко крестьяне десятков селений направляли совместные жалобы в различные инстанции, вплоть до царя. Неслучайно участники антиписарского движения в 1913 г. требовали удаления не только писарей, которые должны были выполнять и роль податных инспекторов в сельских обществах, но и мировых посредников, «под контроль которых царская власть ставила дагестанский аул» [8, с. 281].

Проведенная в рамках общеимперской политики модернизации экономических отношений реформа в Дагестанской области усилила градус напряженности в вопросах землепользования, перенаправив его в сторону государственной власти.

С падением самодержавия, которое вызвало «перераспределение привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости», уже беки призывают власть защитить их права. В декабре 1917 г. жители сел. Мугатыр Кайтаго-Табасаранского округа требовали от арендаторов вносить плату не владельцу кутанов, а обществу. Рашидбек Табасаранский обратился в Дагестанский областной исполком «во имя справедливости вернуть кутаны, которыми мы владели по наследству в продолжении многих столетий и которые являлись единственным источником доходов для семьи из 22 человек, или же предоставить нам другой

¹⁰ Переписка ... // ЦГА РД. Ф.2 Оп.4. Д.4. ЛЛ.190б-20.

жизненный источник». И далее владелец пишет: «полагая, что в задачу свободного народа не входит превращать некоторых из своих граждан в нищих»¹¹.

Кавказская администрация, в лице И.И. Воронцова-Дашкова, в выборе направления своей политики в Дагестанской области между общегосударственной пользой и обеспечением интересов местного населения склонялось в сторону создания стабильной системы управления, учитывая геополитическое положение области. Учитывалось, что «жесткий курс» может спровоцировать открытие Кавказского фронта и привести к революционному взрыву. Такое мнение подтверждается анализом, во-первых, цифр недоимок по Дагестану, во-вторых, упреками председателя Совета Министров Столыпина в письме И.И. Воронцову-Дашкову, в котором тот отмечает бездействие и беспомощность местной администрации ... в реализации широких полномочий и неспособности в полном объеме использовать возможности репрессии по отношению к нарушителям порядка [28, с. 235].

Оценка политики Кавказского наместника, данная П.А. Столыпиным, в общих чертах совпадает с ее характеристикой в советской историографии: «сохранение в течение длительного времени феодальных отношений, невыясненность правовых основ землевладения и землепользования, а также отсутствие всякой работы по размежеванию земель служили тормозом на пути развития экономики области» [8, с. 236].

В третьих, в пользу нашего вывода, можно привести и слова профессора Р.М. Магомедова о том, что в памяти дагестанцев «никтолай замана», годы до революции остались как самые спокойные и благополучные» [5, с. 78].

Русско-японская война и революционные события 1905 г. подвели царское правительство к пониманию необходимости «открыто и с полным доверием к общественным силам» идти навстречу наиболее назревшим вопросам ...» [29, с. 122-123].

«Кавказский вестник» в 1902 г. писал «когда, наконец, у нас станет аксиомой, что органическая связь окраины с центром создается и поддерживается не только общностью экономических интересов, но и сознанием у туземцев окраины своей равноправности с природными русскими и обеспеченности интересов высшего порядка» [30, с. 206].

Дагестанская интеллигенция приняла активное участие в обсуждении общественных проблем и перенесла ее в публицистическую среду периодической печати. Демократизация общественной жизни в начале XX в., подъем общественно-политической активности дагестанской интеллигенции усилили в крае интерес к издательской деятельности, в области стали открываться типографии. Помимо официальных изданий «Дагестанские областные ведомости» (1909) и «Обзоры Дагестанской области» печатались газеты «Дагестан», «Дагестанский вестник», «Джаридат Дагестан». В Петербурге Саид Габиев издавал «Мусульманскую газету» и газету «Заря Дагестана». Дагестанские

¹¹ Обращение Рашидбека Табасаранского // ЦГА РД. Ф. 8. Оп.3. Д. 252. Л.2.

просветители печатались в газете «Кавказ». После Февральской революции стали выходить в свет печатные издания сменяющих друг друга органов и власти и отдельных общественно-политических сил: «Время», «Вольный горец», «Вестник Дагестана», «Вестник Горской республики».

Дагестанская публицистика отражала широкий спектр взглядов и мнений, порой прямо противоположных, на современные проблемы и историю дагестанских народов. Например, по вопросу о переселенческом движении мусульман Кавказа в конце XIX – начале XX в. в вышедшем на аварском языке в 1905 г. сочинении шейха, мухаджира Мухаммада-хаджи Кикунинского и в статье ученого-богослова, представителя мусульманского просветительства Али Каяева, опубликованной в 1913 г. в газете «Джаридат Дагистан», высказываются противоположные мнения и оценки [31, с. 52; 32, с. 71].

С присоединением Дагестана к России в духовной жизни дагестанцев прослеживаются две линии развития «внутренняя» – воспринимаемая как местная арабо-мусульманская традиция и «внешняя», связанная с влиянием России. З.Г. Казбекова отмечала, что русская экспансионистская традиция, безусловно, расширяла и обогащала системы национальных культур, вместе с тем, они представляли подсистемами более сложного европейского единства, где русская культура уже приобретала функции посредника. Для дагестанцев «Петербург стал новым Багдадом» [33, с. 641].

Дагестанская интеллигенция XIX в. получала образование в гимназиях и университетах Ставрополя, Харькова, Киева, Москвы, Петербурга, Москвы, университетах Европы – Сорбонне, Геттингенском, Варшавском институте сельского хозяйства и русский язык, русская культура, общественная мысль России становились неотъемлемой частью их деятельности. Среди них можно назвать У. Буйнакского, М. Дахадаева, Г. Саидова, М. Далгат, С.-С. Казбекова, М. Хизроева, А. Тахо-Годи, З. Батырмурзаева. Русский язык, русская литература, общественная мысль России становились неотъемлемой частью их деятельности. Благодаря прогрессивным идеям, исходившим из России, укреплялось и чувство собственного национального самосознания [33, с. 642].

Влияние русской и европейской культуры испытывала не только светская интеллигенция, но и представители мусульманского духовенства, прошедшие арабскую школу через общую в пределах единого государства историческую, социально-экономическую и идеологическую действительность, и которые составляли наиболее многочисленную прослойку дореволюционной интеллигенции Дагестана [34, с. 141].

В 1906 г. в Темир-Хан-Шуре области была создана благотворительная организация «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». Общество ставило перед собой задачу приобщения дагестанского населения к европейской культуре с сохранением коренных основ его жизни и быта, как религиозных, так и общественно-нравственных, и тем облегчить его сближение с великим народом, с которым его тесно связала судьба [35, с. 1]. Одну из основных причин невежества народов Дагестана представители мусульманского

просветительства видели в устаревших методах обучения подрастающего поколения и предлагали реформировать традиционное мусульманское образование с учетом новых реалий [36, с. 118].

В начале века мусульманская интеллигенция стала активно использовать периодическую печать для пропаганды исламских и светских знаний на арабском языке. В типографии М.-М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре печатались книги по истории, медицине, филологии, издавалась газета «Джаридату Дагестан» [37]. Известный просветитель и лексикограф Абусупиян Акаев издал серию многоязычных словарей (арабско-кумыкско-аварско-русский), который был переиздан в 1915 г. [38, с. 440]. Наряду с религиозной литературой в типографии М. Мавраева печатались произведения авторов, которые отражали «глубинные, мировоззренческие, идейно-художественные изменения» [39, с. 819], происшедшие в творчестве дагестанских писателей и поэтов, чьи художественные произведения представляли собой реалистическое осмысление явлений действительности, привлекали внимание общества к социальным и нравственным проблемам.

О наличии социального запроса на литературу на арабском и национальных языках народов Дагестана указывает тот факт, что самым прибыльным из всех направлений коммерческой деятельности М.М. Мавраева была издательская. С недвижимого имущества предприниматель получал 220 рублей, с товаро-промышленных предприятий – 650 рублей, типография приносила 3 тыс. рублей ежегодно [1, с. 140].

Либеральная светская интеллигенция выступала за необходимость активного изучения в Дагестане русского языка, приобщению к русской культуре. М. Кажлаев в газете «Кавказ» писал: «Надо показать нашему бедному, рассеянному по всей России за куском хлеба, народу, что ни «русская школа», ни «русская наука» не могут испортить нас, как многие из них еще и теперь думают»¹².

Царской правительство в начале века инициировало открытие в области школ с профессиональным уклоном [34, с. 137]. В то же самое время М.Б. Абдуллаев, учитель из Темир-Хан-Шуры, считал, что дагестанцы должны получать широкое общее образование, а создание вместо существующих общеобразовательных школ, школ профессионального характера станет «мотыжением тех молодых ростков, которое сумело пустить наше убогое просвещение»¹³.

В печати широко обсуждались и общественно-политические проблемы: отношение к военно-народному управлению, формах участия в политической жизни и способах формирования местных политических элит.

В 1909 г. Саид Габиев опубликовал в журнале «Мусульманин» статью «На Гунибе», в которой задал вопрос: «Когда же Дагестану было лучше: тогда ли, когда Великий Шамиль до последнего изнеможения отстаивал независимость горцев, или под властью России? Оставаясь беспристрастным, можно дать ответ только такой: как ни безотрадно настоящее положение горцев с

¹² Заря Дагестана. 28 февраля 1912 г.

¹³ Заря Дагестана. 31 марта 1912 г.

анахроническим, бессмысленным Военно-народным управлением, разрушающим самые здоровые части народного организма, все же теперь лучше. Пусть же этот день, 25 августа 1909 года, будет праздником не только победителя, упорным долгим трудом усмирившего беспокойных соседей, но и всех кавказских горцев, для которых с этого дня должна начаться новая эпоха культурного и экономического процветания [25, с. 220].

Даниял Апашев, будущий руководитель Горского правительства, выступил в «Дагестанских областных ведомостях» со статьей «О мировых посредниках». Приветствуя отмену зависимых отношений в области как начало «новой эры вполне свободной гражданственности в Дагестане», он отметил важность привлечения к государственной деятельности дагестанцев, «получивших не только среднее, но высшее образование, и создавших себе прочное служебное положение», как людей, близко знакомых с бытом и особенностями жизни местного населения, «которые как верные сыны своей родины выступят устроителями судьбы темного населения с сознанием выполненного священного долга»¹⁴.

Февральская революция поставила местные политические элиты и все дагестанское общество перед необходимостью стратегического выбора путей развития государства. Дагестанскому обществу были предложены два пути интеграции – национальный и конфессиональный.

Махач Дахадаев в газете «Время» писал: «Революция уничтожила средостение между угнетенными народностями и русским народом, парализовало центробежные устремления недержавных национальностей и своим величием приковало их к сердцу России. Не отказываясь и желая самоопределения, каждая народность спешит теснее сомкнуть свои ряды с российской демократией, не отставая от лозунгов и принципов ее. Не штыками, нагайками и кулаком российская демократия сроднится с Дагестаном, а пробуждением сознания народа. Объявляю громко, во всеуслышание, что я самый рьяный сторонник Российской государственной идеи и ориентируюсь на революционную Россию. Никакой другой ориентации не признаю»¹⁵.

Дагестанское просветительско-агитационное бюро, «объединившее интеллигентную молодежь для облегчения трагического положения нашего края» выступило с идеей выделения горцев Северного Кавказа: дагестанцев, лезгин Кубинского уезда и горцев Закатальского округа в особую федеративную единицу в рамках Демократической федеративной Российской республики¹⁶.

Видный религиозный деятель, шейх Алигаджи Акушинский писал: «Дагестан желает продолжить жить своей жизнью, в ожидании разрешения в процессе революции общегосударственной ее формы, в выработке каковой он вправе участвовать с другими российскими народностями» [5, с. 164].

На основе общности религии предлагали государственное строительство лидеры «Союза объединенных горцев Кавказа»: «... у нас есть моменты,

14 Апашев Д. Мировой посредник // Дагестанские областные вести. 28 августа 1913 г.

15 Темные силы не дремлют // Газета «Время». 3 апреля 1917 (2).

16 Победное ликование революции прошло // Газета «Время». 24 мая 1917 г. №5

затрудняющие нашу работу, например, разность языка, но вместе с тем, мы имеем могучие цементирующие нас факторы: религию, право, условия экономического быта» [22, с. 145].

Победа Октябрьской революции в 1917 г. привела к формированию в Дагестане двух конфликтующих между собой идеологических и идейно-политических течений: Н. Гоцинский с идеей возрождения имамата и установления шариатского государства и социалисты - Уллубий Буйнакский, Кази-Магомед Агасиев, Махач Дахадаев, Дж. Коркмасов, А. Тахо-Годи, С. Габиев с идеей построения социалистического общества, идеологическим обоснованием которого было социальное равенство и справедливость, основанные на общественной (социалистической) собственности. Эти два направления представляли две идеологии, две культуры, каждая из которых по определению нидерландского философа И. Хейзинги, была «способна подчинить свою жизнь идеалу, какого бы свойства он не был» [40, с. 6].

У. Буйнакский писал: «Дагестан сейчас переживает сложную внутреннюю борьбу. Она соответствует местному «колориту» и ведется на несколько новых началах. В то время, когда у других происходит нормальная классовая борьба ради освобождения трудового народа, у нас сначала идет движение под временным восстановлением старого – того, что было приблизительно до завоевания страны» [41, с. 297].

В сентябре 1920 г. в горах Дагестана вспыхнуло восстание горцев, которое возглавил Н. Гоцинский, его целью было создание в национальных районах Северного Кавказа теократического государства – имамата, или, в крайнем случае, предоставления местным народам права автономного управления на принципах шариата [42, с. 112; 43, с. 73].

А. Цаликов, один из лидеров Горской республики, объяснял шариатизм современной ему стадии горского движения стремлением народа исходить из присущих ему национально-бытовых и религиозно-моральных моментов. «Шариатизм – это первая стадия национально-демократического движения горцев. Когда начнется национально-государственное строительство горских народов, шариат должен стать одним из формирующих его моментов. Только при этом условии это строительство получит естественный характер и будет санкционировано народной совестью. Конечно, это будет не тот схоластический шариат, который муллы и шейхи старой закваски выдвигали как плотину против всяких новшеств, а шариат, очищенный от рутины, строго согласованный с требованиями демократии и прогресса¹⁷.

Указывая на движущие силы общественных переворотов, Огюстен Тьерри писал: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и останется в истории. Но эти имена получают известность

17 Цаликов А. «Шариатизм горского движения» // «Вольный горец». 20 ноября 1919 г.

только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей [44, с. 255].

Как отмечал А. Даниялов в работе «Строительство социализма в Дагестане, «Социалистическая революция победила в Дагестане раньше, чем сформировался местный промышленный рабочий класс, который мог непосредственно влиять на крестьянскую бедноту. И поэтому в местных условиях диктатура пролетариата вначале утвердилась в форме крестьянских советов» [45, с. 38]. Крестьянские советы Дагестана - это сельские общества, в которых «сплочению сельского общества способствовало соблюдение принципа приоритета интересов джаммаата над интересами частными, а также преимущественное право малоимущих и бедных на вспоможение за счет вакуфа и закята» [46, с. 53].

Ко времени установления Советской власти сельские общества Дагестана сохраняли единые ценности, образцы поведения, традиционные структуры и институты, и консолидация основной части населения связана была с минимизацией социальной напряженности и функционированием механизмов социальной солидарности и сплочения.

Основопологающим принципам марксизма была непримиримая классовая борьба и диктатура пролетариата. Незрелость капиталистических отношений и, как следствие, отсутствие резкой социальной дифференциации, несмотря на общую бедность населения, не стала фактором нестабильности. Основоположник теории бедности П. Таусенд считал, что людей можно назвать бедными, когда у них не хватает ресурсов для получения питания, жилья, услуг и жизнедеятельности, привычной, или, по крайней мере, широко распространенной и одобряемой обществом, в котором они живут. Эту же мысль высказал Л. Толстой: «Нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть, в особенности, если он видит, что все окружающие живут также».

Сохранение сельской общины как социальной структуры, сочетание норм обычного права и шариата как форм регуляции общественной жизни в них, мусульманская школа диктовали необходимость сохранения традиционных правил, норм, иерархии власти и этим способствовали сохранению традиционных элементов в политической культуре дагестанцев.

В разгар борьбы с восставшими горцами 13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре был созван Чрезвычайный съезд народов Дагестана. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин, провозглашая Дагестанскую республику, особо отметил следующее: «Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги советской власти распространяют слухи, что советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени от имени правительства РСФСР уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены» [47, с. 395-396].

Политическая культура как ценностно-нормативная система, обеспечивающая устойчивость политической системы в Дагестанской области Российской империи была связана, прежде всего, с тем, что в ней были объединены народы с общими социально-культурными характеристиками, однотипной общественно-политической структурой. Ко времени падения самодержавия и создания новой политической системы Дагестанской автономной республики, несмотря на процессы трансформации политических институтов и изменений в социальной структуре, дагестанские народы сохранили традиционные составляющие политической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Губаханова Р.А. Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 140–153.
 2. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Т. 1 – 12. Тифлис, 1886 – 1904 Т. 12. Тифлис, 1904. С. 1371.
 3. Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX – начале XX в.: государственно-политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния. Махачкала. 2003.
 4. Губаханова Р.А. К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX в. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 102–124
 5. Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории. Махачкала. 2007.
 6. Агларов М.А. Андийцы: историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002. – 304 с.
 7. Труженникова Л.А. Дагестан в процессе трансформационных процессов в России (вторая половина XIX – начало XX в. // Научные ведомости. 2016. №15 (236) С.117
 8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии; редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) и др. XX век. Т. II. М., 2005.
 9. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882.
 10. Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. I. С.243-244.
 11. Магомедханов М.М., Гарунова С.М., Баканов А.В. Религиозно-правовые аспекты
1. Gubakhanova RA. *State institutions in Dagestan in the post-reform period. States and state institutions in pre-revolutionary Dagestan* [Gosudarstvennye uchrezhdeniya v Dagestane v poreformennyi period. Gosudarstva i gosudarstvennye uchrezhdeniya v dorevoljucionnom Dagestane]. Makhachkala, 1989:142. (In Russ)
 2. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei]. Vol. 1-12. Tiflis, 1886-1904; Vol. 12., Tiflis, 1904. p. 1371. (In Russ)
 3. Ramazanov AKh. *Russia and Dagestan in the 19th – early 20th centuries: state-political, socio-economic and cultural mutual influences* [Rossiya i Dagestan v XIX – nachale XX v.: gosudarstvenno-politicheskie, sotsialno-ekonomicheskie i kulturnye vzaimovlianiya]. Makhachkala, 2003. (In Russ)
 4. Gubakhanova RA. *To the question of the organization of administration of Dagestan in the second half of the 19th century. From the history of pre-revolutionary Dagestan* [K voprosu ob organizatsii upravleniya Dagestanom vo vtoroi polovine XIX v. Iz istorii dorevoljucionnogo Dagestana]. Makhachkala, 1976:102-124. (In Russ)
 5. Magomedkhanov MM. *Dagestanis: milestones of ethnosocial history* [Dagestantsy: vekhi etnocotsialnoi istorii]. Makhachkala, 2007. (In Russ)
 6. Aglarov MA. *Andi people: a historical and ethnographic study* [Andiitsy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie]. Makhachkala, 2002:65-66. (In Russ)
 7. Truzhennikova LA. *Dagestan in the process of transformational processes in Russia*

управления Дагестанской областью Российской империи // Исторические науки. 2018. № 4. С. 5–10.

12. Бобровников В.О. Судебно-административная реформа 1860-1868 гг. // Ислам в России и Евразии. М.: Марджани, 2009.

13. Магомедханов М.М. Общедагестанская идентичность: этнокультурный аспект // Дагестан и Северный Кавказ в культурно-историческом измерении. Махачкала, 2012. С. 426-441.

14. Муртузалиев А.М. Дагестанско-турецкие культурные связи XVII – начала XX века: общая картина развития традиции // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: гуманитарный контекст. М., 2011. С. 449-466.

15. Гусейнов А. Наставление моим братьям по вере. Темир-Хан-Шура. 1868. На авар. яз

16. Муртузалиев А.М. Историческая и социально-культурная характеристика дагестанской диаспоры Турции (вторая половина XIX – начало XX века) // Горизонты современного гуманитарного знания. 2008. С. 754-761.

17. Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. Махачкала, 1997.

18. Далгат Э.М. Образование Дагестанской области – важная веха в истории народов Дагестана // Дагестан в составе Российской государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 150-летию образования Дагестанской области и 90-летию образования Дагестанской АССР. Махачкала, 2011. С. 11–16.

19. Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 101–109.

20. Мирзабеков М.Я. Административно-территориальное устройство Дагестана во второй половине XIX – нач. XX вв. // История, археология и этнографии Кавказа. 2014. №2. С. 79–92.

21. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 750 с.

22. Исаев А.А. Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Махачкала. 2006

23. Памятники обычного права Дагестана. Махачкала. 1965.

(the second half of the 19th – the beginning of the 20th century [Dagestan v protsesse transformatsionnykh protsessov v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.]. *Nauchnye Vedomosti*. 2016; 15(236):117.

8. *History of Dagestan*. Vol. II. Moscow, 2005.

9. Leontovich FI. *Adats of the Caucasian highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus [Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza]*. Issue I. Odessa, 1882. (In Russ)

10. *Studies on the history of Dagestan [Ocherki istorii Dagestana]*. Makhachkala, 1957:243-244. (In Russ)

11. Magomedkhanov MM, Garunova SM, Bakanov AV. Religious and legal aspects of the management of the Dagestan region of the Russian Empire [Religiozno-pravovye aspekty upravleniya Dagestanskoj oblasti Rossijskoj imperii]. *Istoricheskie Nauki*. 2018;4:5-10. (In Russ)

12. Bobrovnikov VO. *Judicial-administrative reform 1860-1868. Islam in Russia and Eurasia [Sudebno-administrativnaya reforma 1860-1868 gg. Islam v Rossii i Evrazii]*. Moscow: Marjani, 2009. (In Russ)

13. Magomedkhanov MM. *General Dagestan identity: ethno-cultural aspect. Dagestan and the North Caucasus in the cultural and historical dimension [Obshchedagestanskaya identichnost: etnokulturnyi aspekt. Dagestan i Severnyi Kavkaz v kulturno-istoricheskom izmerenii]*. Makhachkala, 2012:426-441. (In Russ)

14. Murtuzaliev AM. *Dagestan-Turkish cultural relations of the 17th – early 20th centuries: a general picture of the development of tradition. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: a humanitarian context [Dagestansko-turetskie kulturnye svyazi XVII – nachala XX veka: obshchaya kartina razvitiya traditsii. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii: gumanitarnyi kontekst]*. Moscow, 2011:449-466. (In Russ)

15. Guseynov A. *Instruction to my brothers in faith [Nastavlenie moim bratyam po vere. Temir-Khan-Shura]*. Temir-Khan-Shura, 1868. (In Avar).

16. Murtuzaliev AM. Historical and socio-cultural characteristics of the Dagestan diaspora in Turkey (the second half of the 19th – early 20th

24. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. – 222 с.
25. Габиев С.И. Избранные труды. Махачкала, 2001.
26. Далгат Э.М. Крестьянское движение в Дагестане в период развития капиталистических отношений // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 104–121.
27. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 2000.
28. П.А. Столыпин. Переписка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 704. с
29. Исмаил-заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков – Наместник Кавказский. М., 2005.
30. Магомедханов М.М. Языковая политика в полилингвистическом Дагестане. Досоветский период. Социалистический опыт. Постсоветское время // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций. М.: Наука, 2011. С. 204–216.
31. Ибрагимова З.Б., Магомедова З.А. Дагестанские богословы о переселенческом движении мусульман Кавказа в конце XIX – начале XX в. // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 50–53.
32. Наврузов А.Р. Джаридат Дагистан – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Маржани, 2012.
33. Казбекова З.Г. Европейское восприятие дагестанской советской литературы // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций. М.: Наука, 2011. С. 641–666.
34. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана М., 1971.
35. Отчет о деятельности общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области за время открытия общества 21 октября 1905 года по 1 января 1907 года. Темир-Хан-Шура, 1907.
36. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М. Наука 2011. С. 116–129.
37. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. – 239 с.
- centuries) [Istoricheskaya i sotsialno-kulturnaya kharakteristika dagestanskoi diasporы Turtsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)]. *Horizons of modern humanitarian knowledge [Gorizonty sovremennogo gumanitarnogo znaniya]*. 2008:754-761. (In Russ)
17. Magomedkhanov MM. *Dagestanis in Turkey [Dagestantsy v Turtsii]*. Makhachkala, 1997.
18. Dalgat EM. *The formation of the Dagestan region is an important milestone in the history of the peoples of Dagestan. Dagestan as part of the Russian state: from the Dagestan region to the Republic of Dagestan. Proceedings of the republican scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the formation of the Dagestan region and the 90th anniversary of the formation of the Dagestan ASSR [Obrazovanie Dagestanskoi oblasti – vazhnaya vekha v istorii narodov Dagestana . Dagestan v sostave Rossiiskoi gosudarstva: ot Dagestanskoi oblasti do Respubliki Dagestan. Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu obrazovaniya Dagestanskoi oblasti i 90-letiyu obrazovaniya Dagestanskoi ASSR]*. Makhachkala, 2011. (In Russ)
19. Egorova VP. On the issue of rural management in Dagestan after joining Russia [K voprosu o selskom upravlenii v Dagestane posle prisoedineniya k Rossii]. *Questions of the history and ethnography of Dagestan [Voprosy istorii i etnografii Dagestana]*. Makhachkala, 1970;(1):101-109. (In Russ)
20. Mirzabekov MYa. The administrative-territorial structure of Dagestan in the second half of the XIX – early XX centuries [Administrativno-territorialnoe ustroistvo Dagestana vo vtoroi polovine XIX – nach. XX vv.]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2014;2: 79-92. (In Russ)
21. *The history of the centuries-old relationship and unity of the peoples of Dagestan with Russia [Istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya narodov Dagestana s Rossiei]*. Makhachkala, 2009. (In Russ)
22. Isaev AA. *Scientific heritage of A.A. Taho-Godi [Nauchnoe nasledie A.A. Taho-Godi]*. Makhachkala. 2006. (In Russ)
23. *Monuments of customary law of Dagestan [Pamyatniki obychnogo prava Dagestana]*. Makhachkala, 1965. (In Russ)
24. Osmanov MO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era:*

38. Абдуллаев И.Х. Из истории дагестанской лексикографии. Горизонты гуманитарного знания. М., 2008. с. 440.

39. Юсупова Ч.С. Творчество Махмуда из Хахаб-Росо в российском контексте // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: гуманитарный контекст. М., 2011. С. 816-837.

40. Карадже Т.В. Политическая культура как система: содержание, структура и принципы функционирования // Политическая культура как явление общественной жизни и объект социально-политического анализа. Москва. 2014. С. 4–26.

41. Гайдарбеков Б.К. Вопросы революций 1917 г. в дагестанской исторической науке // Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2010.

42. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924). СПб., Изд-во. С.-Петербург. ун-та, 2009.

43. Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. К вопросу об установлении Советской власти в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. №4. 2018. С. 63–77.

44. Тьерри О. Избранные сочинения. М.: Соцэгиз, 1937.

45. Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане. М.: Главная редакция восточной литературы, Издательство «Наука», 1975.

46. Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. №12 (74). С. 56-62.

47. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

patterns of development and transformation, washing out of traditional forms [Khozyaistvenno-kulturnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu epokhu: zakonomernosti razvitiya i transformatsii, vymyvanie traditsionnykh form]. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)

25. Gabiev SI. *Selected works [Izbrannye trudy].* Makhachkala, 2001. (In Russ)

26. Dalgat EM. *Peasant movement in Dagestan during the development of capitalist relations. Penetration and development of capitalist relations in Dagestan [Krestyanskoe dvizhenie v Dagestane v period razvitiya kapitalisticheskikh otnoshenii. Proniknovenie i razvitie kapitalisticheskikh otnoshenii v Dagestane].* Makhachkala, 1984. (In Russ)

27. Dalgat EM. *Peasantry of Dagestan at the turn of the XIX-XX centuries [Krestyanstvo Dagestana na rubezhe XIX–XX vv.].* Makhachkala, 2000. (In Russ)

28. Stolypin PA. *Correspondence.* Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russ)

29. Ismail-zade D.I. *Count I.I. Vorontsov-Dashkov – Viceroy of the Caucasus [Graf I.I. Vorontsov-Dashkov – Namestnik Kavkazskii].* Moscow, 2005. (In Russ)

30. Magomedkhanov MM. *Language policy in polylinguistic Dagestan. Pre-Soviet period. Socialist experience. Post-Soviet time. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations [Yazykovaya politika v polilingvisticheskom Dagestane. Dosovetskii period. Sotsialisticheskii opyt. Postsovetskoe vremya. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii].* Moscow: Nauka, 2011:204-216. (In Russ)

31. Ibragimova ZB, Magomedova ZA. Dagestan theologians about the resettlement movement of Muslims of the Caucasus in the late 19th – early 20th centuries [Dagestanskie bogoslovy o pereselencheskom dvizhenii musulman Kavkaza v kontse XIX – nachale XX v.]. *Manuscript.* Tambov: Gramota, 2019, 12(12):52. (In Russ)

32. Navruzov AR. *Jaridat Dagistan as an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids [Dzharidat Dagistan – araboyazychnaya gazeta kavkazskikh dzhadidov].* Moscow: Marzhani, 2012. (In Russ)

33. Kazbekova ZK. *European perception of Dagestan Soviet literature. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations [Evropeiskoe vospriyatie dagestanskoi sovetskoi*

Статья поступила в редакцию 24.11.2021 г.

literatury. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii]. Moscow: Nauka, 2011. (In Russ)

34. Kaimarazov GSh. *Studies on the history of the culture of the peoples of Dagestan [Ocherki istorii kultury narodov Dagestana]*. Moscow, 1971. (In Russ)

35. *Report on the activities of the society for the education of Muslim natives of the Dagestan region during the opening of the society on October 21, 1905 to January 1, 1907 [Otchet o deyatelnosti obshchestva prosveshcheniya tuzemtsev-musulman Dagestanskoi oblasti za vremya otkrytiya obshchestva 21 oktyabrya 1905 goda po 1 yanvaryu 1907 goda]*. Temir-Khan-Shura, 1907. (In Russ)

36. Kaimarazov GSh. Muslim education system in Dagestan. [Musulmanskaya sistema obrazovaniya v Dagestane] *Islam and Islamic culture in Dagestan*. Moscow: Nauka, 2011:116-129. (In Russ)

37. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev – pioneer printer and educator of Dagestan [Magomedmirza Mavraev – pervopechatnik i prosvetitel Dagestana]*. Makhachkala, 2003. (In Russ)

38. Abdullaev IKh. From the history of Dagestan lexicography [Iz istorii dagestanskoi leksikografii. Gorizonty gumanitarnogo znaniya] *Horizons of humanitarian knowledge*. Moscow, 2008:440. (In Russ)

39. Yusupova ChS. *The work of Mahmud from Kahab-Roso in the Russian context. Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: humanitarian context [Tvorchestvo Makhmuda iz Kakhab-Roso v rossiiskom kontekste. Dagestan na perekrestke kultur i tsivilizatsii: gumanitarnyi kontekst]*. Moscow, 2011:816-837. (In Russ)

40. Karadzhe TV. *Political culture as a system: content, structure and principles of functioning. Political culture as a phenomenon of social life and an object of socio-political analysis [Politicheskaya kultura kak sistema: sodержanie, struktura i printsipy funktsionirovaniya. Politicheskaya kultura kak yavlenie obshchestvennoi zhizni i ob"ekt sotsialno-politicheskogo analiza]*. Moscow, 2014;6:4–26. (In Russ)

41. Gaidarbekova BK. *Issues of the revolutions of 1917 in Dagestan historical science. Russia and Dagestan: the history of centuries-old relationships and unity. Proceedings of the republican scientific conference dedicat-*

ed to the final accession of Dagestan to Russia [Voprosy revolyutsii 1917 g. v dagestanskoi istoricheskoi nauke Rossiya i Dagestan: istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya. Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi okonchatelnomu prisoyedineniyu Dagestana k Rossii]. Makhachkala, 2010:297. (In Russ)

42. Daudov AKh, Meskhidze DI. *National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924) [Natsionalnaya gosudarstvennost gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924)]*. St Petersburg: SPBU Press, 2009:112.

43. Kaimarazov GSh, Kaimarazova LG. On the issue of establishment of the Soviet rule in Dagestan and the formation of the Dagestan ASSR [K voprosu ob ustanovlenii Sovetskoi vlasti v Dagestane]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(4):73.

44. Thierry O. *Selected works*. Moscow: Sotsgegiz, 1937.

45. Daniyalov AD. *Building socialism in Dagestan [Stroitelstvo sotsializma v Dagestane]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)

46. Magomedkhanov MM, Ramazanova ZB. Transformation of land use traditions in Nagorny Dagestan: historical experience and socio-economic effect [Transformatsiya traditsii zemlepolzovaniya v Nagornom Dagestane: istoricheskii opyt i sotsialno-ekonomicheskii efekt]. *Regional problems of transformation of the economy*. 2016,12(74):56-62. (In Russ)

47. Stalin JV. *Works*. Moscow, 1947;(4):395-396. (in Russ)

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181110-127>

Амиров Шахмардан Назимович
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
shahmardan@mail.ru

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ И ПОДГОРНОЙ РАВНИНЫ ЗАГРОСА

Аннотация. Статья посвящена общему обзору первых поселений эпохи докерамического неолита предгорий Загроса, который наряду с Левантом и Тавром является одним из очагов первичной доместикации растений и животных в Юго-Западной Азии. Во внутренних районах Загроса на высоте более 1000 м над у.м., в зоне естественного ареала диких предков культурных растений и мелких копытных животных, в настоящее время известны долговременные поселения самого раннего этапа докерамического неолита, на которых документирован процесс становления производящей экономики. Эти памятники датируются втор. пол. X-IX тыс. до н.э. Предгорья Загроса находятся вне зоны естественного ареала предков культурных растений и домашних животных. Наиболее ранние оседлые поселения в этой части гор Загроса представляют поздний этап докерамического неолита и датируются втор. пол. VIII тыс. до н.э. Эти памятники зафиксированы в различных природно-экологических зонах – от предгорно-степных ландшафтов до границы с аллювиальной равниной Южной Месопотамии. При этом все ранние неолитические поселения подгорной полосы Загроса находятся в зоне рискованного земледелия, недостаточного в настоящее время для получения устойчивого урожая. Этот факт свидетельствует в пользу того, что в период первичного оседания людей на землю, гумидность в этой части Месопотамской низменности была значительно большей, чем в настоящее время. Время первичного оседлого освоения предгорий и подгорной равнины Загроса совпадает с периодом климатического оптимума втор. пол. VIII тыс. до н.э., который прослежен в западной и восточной части Месопотамской низменности. Финал бытования поселений докерамического неолита в подгорной полосе Загроса может быть связан с исключительно аридным циклом, прослеженным с рубежа VIII-VII тыс. до н.э.

Ключевые слова: Месопотамская низменность, Загрос, докерамический неолит, оседлый образ жизни, доместикация растений и животных.

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181110-127>

Shakhmardan N. Amirov
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
shahmardan@mail.ru

THE FIRST SETTLEMENTS OF FOOTHILLS AND SUBMONTANE PLAIN OF THE ZAGROS

Abstract. The paper presents a general overview of the first Pre-Pottery Neolithic settlements in the foothills of the Zagros range, which, along with the Levant and Taurus, is one of the centers of primary domestication of plants and animals in Southwest Asia. Within the inner zone of the Zagros, at an altitude of more than 1000 m above sea level, in the zone of the natural range of wild ancestors of cultivated plants and small ungulates, long-term settlements of the earliest stage of the Pre-Pottery Neolithic are now known, on which the process of establishing a productive economy is recorded. These sites are dated to the second half of the 10-9th millennia BC. The foothills of the Zagros are located outside the zone of the natural habitat of the ancestors of cultivated plants and domesticated animals. The earliest settlements in this part of the Zagros Mountains represent the late stage of the Pre-Pottery Neolithic and date back to the second half of the 8th millennium BC. These sites have been recorded in various natural and ecological zones, from foothill steppes to the border with the alluvial plain of South Mesopotamia. At the same time, all the early Neolithic settlements of the foothill zone of the Zagros are in the zone of risky agriculture, which is currently insufficient to harvest. This testifies in favor of the fact that during the period of the primary settling of people, the humidity in this part of the Mesopotamian lowland was much greater than today. The time of the primary settled development of the foothills and the submontane plain of Zagros coincides with the period of the climatic optimum of the second half of the 8th millennium BC, which is traced in the western and eastern parts of the Mesopotamian lowland. The dawn of the Pre-Pottery Neolithic settlements in the foothill zone of the Zagros can be associated with an exclusively arid cycle, traced from the turn of the 8-7th millennia BC.

Keywords: Mesopotamian lowland; Zagros; Pre-Pottery Neolithic; settled lifestyle; domestication of plants and animals.

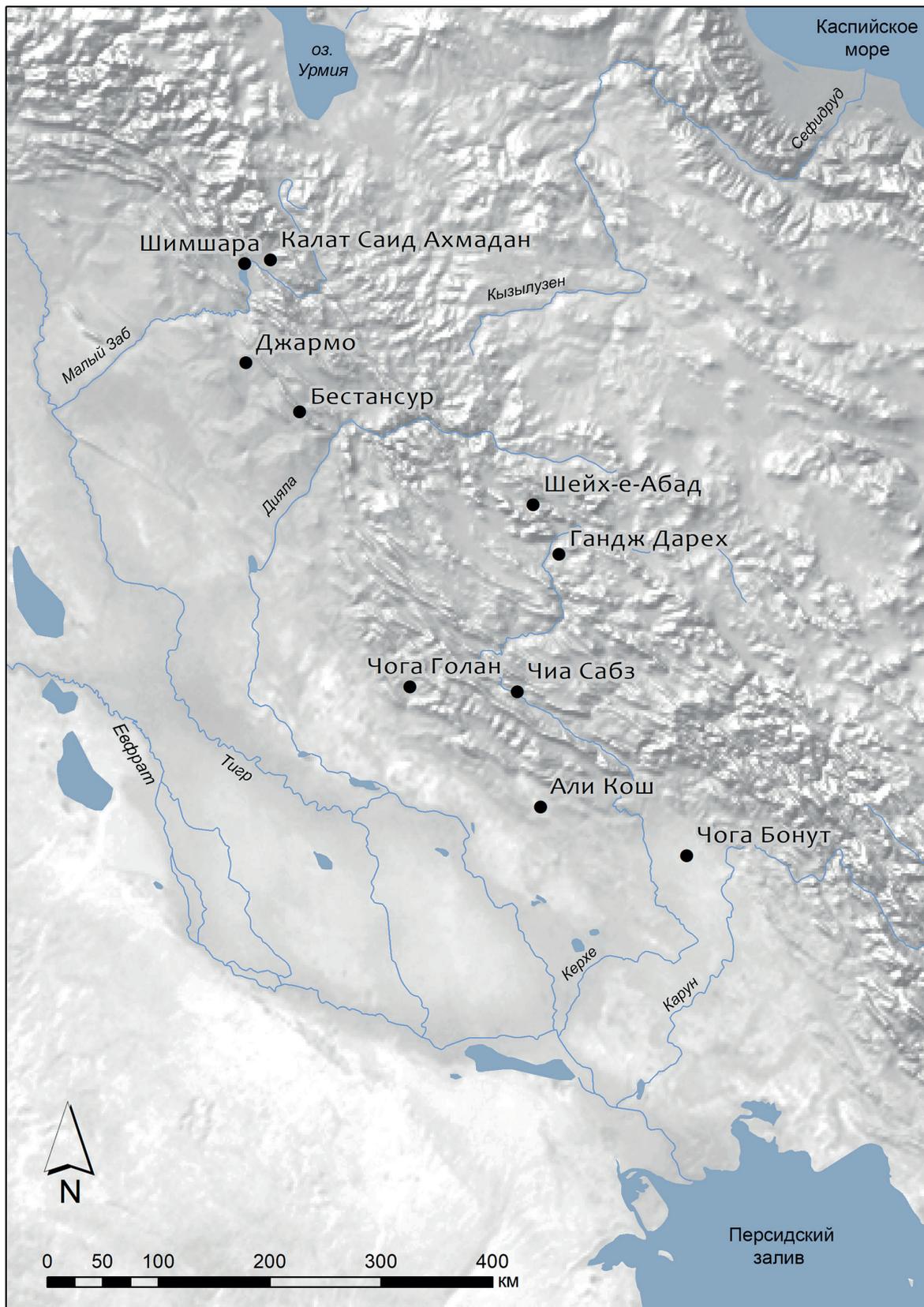

Рис. 1. Карта первых поселений эпохи докерамического неолита предгорной и подгорной зон Загроса

Fig. 1. Map of the first settlements of the Pre-Pottery Neolithic era of the foothill and submontane zones of the Zagros

Источниковая база начального этапа становления производящей экономики в предгорно-нагорном поясе Плодородного полумесяца свидетельствует о существовании в этом регионе, по меньшей мере, трех независимых и примерно одновременных очагов первичной доместикиции растений и животных: Левантийского, Таврского и Загросского. В дополнение к относительно хорошо документированному процессу доместикиции в Леванте и Южном Тавре¹, в Иранском Загросе были проведены исследования на ряде памятников, расположенных преимущественно на высоте св. 1000 м над у.м. Раскопки наиболее ранних поселений этой зоны, таких как Чиа Сабз [28, р. 255–266, 29, р. 55–75], Асиаб [30, р. 46–49], Гандж Даре [30, р. 49–52], Шейх-и Абад и Джани [31; 32, р. 61–66], Чога Голан² [33, р. 365–375; 34, р. 95–106; 35, р. 1–22; 36, р. 65–67] (рис. 1), и локализация других местонахождений [37] выявили исключительно ранние свидетельства начального становления производящей экономики, датируемые X–IX тыс. до н.э. Эти открытия документировали наиболее ранний этап перехода от присваивающей к производящей экономике на восточном фланге Плодородного полумесяца, который со времени исследований Р. Брей-двуда на поселениях Карим Шахир, Джармо, Телль М'лефаат, Асиаб, Сараб в Иракском и Иранском Курдистане считается одним из основных очагов «неолитической революции» на Ближнем Востоке [38; 39, р. 695–697; 40, р. 2008–2010; 41].

Самые ранние свидетельства хозяйственного освоения Месопотамской низменности носителями культур докерамического неолита также связаны с отмеченными очагами первичной доместикиции. Судя по современным источникам, подгорная равнина, примыкающая к Левантийскому флангу Плодородного полумесяца, и степная зона вдоль русла Евфрата начали осваиваться значительно ранее, чем равнина, примыкающая к Загросскому флангу. Активное освоение степного пояса с левантийской стороны началось в течение периода PPNA в IX тыс. до н.э. Здесь среди памятников этого времени следует упомянуть долговременные поселения Телль Асвад [42, р. 153–156; 43, р. 161–169], Дра' [44, р. 107–125], Телль Абр [45, р. 141–158], Мюрейбит, Джерф эль Ахмар [46, р. 29–44; 47, р. 55–60; 48, р. 103–104] Абу Хурейра [49, р. 544–547], Телль Карамель [50, р. 355–370] и др. [51; 3, р. 21–43; 52, р. 143–52; 53, р. 313–325]. В течение этого культурно-исторического периода была освоена почти вся равнина Джезиры до Хабурского треугольника включительно. Здесь зафиксированы, по меньшей мере, два памятника культуры PPNA – Хирбет Мустарийа и Телль Туваййим [54, р. 169–172]. В период PPNB джезирская степь была еще более плотно освоена вплоть до Синджарского хребта³, где наиболее восточным и

1 См., напр.: 1, р. 53–81; 2, р. 391–449; 3, р. 21–43; 4, р. 447–498; 5; 6; 7, р. 1–38; 8, р. 91–106; 9, р. 105–119; 10, р. 372–392; 11, р. 383–393; 12, р. 15–36; 13, р. 296; 14; 15, р. 159–174; 16, р. 151–168; 17, р. 113–32; 18, р. 1446–1450; 19, р. 179–196; 20; 21; 22, р. 179–282; 23, р. 59–82; 24, р. 39–40; 25, р. 151–158; 26, р. 267–280; 27.

2 Чога Голан – единственное поселение среди названных, которое находится в зоне предгорий.

3 Среди памятников периода PPNB Месопотамской низменности следует назвать поселения Айн аль Керх [55, р. 47–71; 56, р. 265–276], Айн Дара III [57, р. 190–193; 58, р. 85–99], Телль Асвад [59, р. 7–15], Эль-Коум 2 [60]; Джерф эль Ахмар [61, р. 563–595]; Букрас [62, р. 335–372], Халула [63, р. 35–52; 64, р. 9–12; 65, р. 65–69], Айанлар Хююк / Гре Хут [66, р. 360–367], Саби Абьяд II [67]; Секер аль Ахеймер [68, р. 457–464; 69, р. 64–79; 70, р. 55–68]. Обзор памятников PPNB см.: [71, р. 87–126].

значительным памятником этого времени является поселение Телль Магзалия [72; 73, р. 7–40].

С горами Тавра также связан ряд поселений предгорно-подгорной части запада Северной Месопотамии. Здесь к числу первых поселений с элементами производящей экономики относятся Халлан Чеми [74–76], Чайоню [5, р. 35–63; 77, р. 143–166; 78, р. 65–96], Демиркёй [75, р. 195–207], Невали Чори [79, р. 170–177], Чафер Хююк [80], Кёртык тепе [81, р. 113–136; 82, р. 930; 83, р. 3–8], Хасанкейф Хююк [84, р. 3–7], Гусир Тепе [85, р. 1–17], Хариф Пинар, Невала Деник, Малалики Магара, Солтени Магара, Папазгёлу [71, р. 87–126; 82, р. 9–10]. В Восточной Дездеире также известны поселения раннего этапа докерамического неолита, отчасти синхронные периоду PPNA – Немрик 9 [86–88] и Кермез Дерё [89, р. 336–347; 90, р. 19–24].

В то же время все наиболее ранние долговременные поселения, известные в настоящее время в подгорной равнине Загроса, датируются заключительным этапом эпохи докерамического неолита и синхронны памятникам позднего периода культуры PPNB. Среди памятников этого периода предгорно-подгорной зоны Загроса следует отметить поселения в бассейне реки Малый Заб на равнине Пешдар, на высоте ок. 700 м над у.м. (Калат Саид Ахмадан [91; 92; 93], Халавежа / Биджиан [94; 95]), на равнине Рания на высоте ок. 500 м над у.м. (Телль Шимшара [96; 97; 98]), на равнине Шахризор на высоте ок. 550 м. над у.м. (Бестансур [97; 99]), поселения в районе Диалы (Рихан III [100; 101], “SRP 10” [102], Тамерхан [103]), а также поселение Чога Голан на равнине Амирабад на высоте 485 м над у.м. [35, р. 1–2], поселение Таппе Али Кош на Дех-Луранской равнине на высоте 170 м над у.м. [104; 105; 106] и самое раннее из известных поселений равнины Хузестана – поселение Чога Бонут, которое расположено на высоте ок. 70 м над у.м. [107].

Таким образом, все известные в настоящее время наиболее ранние оседлые поселения эпохи докерамического неолита зафиксированы вдоль всей предгорно-подгорной территории Загроса, на гипсометрических отметках от нескольких десятков до нескольких сотен метров над у.м. Эти памятники находятся в различных природно-экологических зонах от предгорно-степных ландшафтов до границы с аллювиальной низменностью Южной Месопотамии и в разных условиях современного дождевания от засушливого до аридного климата.

Все первые поселения низких предгорий и подгорной полосы Загроса находятся вне зоны естественного бытования предков культурных растений и животных, представляют поздний этап докерамического неолита Загроса и датируются в рамках второй пол. VIII тыс. до н.э. В то же время, во внутренних, высокогорных районах Загроса, в зоне естественного бытования диких предков культурных растений и мелких копытных животных, известны долговременные поселения наиболее раннего этапа докерамического неолита, где прослежены первые опыты становления производящей экономики. Эти памятники датируются второй пол. X–IX тыс. до н.э. Соответственно зона степных ландшафтов высоких предгорий является маргинальной между высокогорьем

и подгорной полосой Загроса. Но все известные в настоящее время наиболее ранние оседлые поселения в этой зоне, подобно памятникам подгорной зоны, также представляют поздний этап докерамического неолита Загроса. Пока единственное известное поселение, расположенное в близких физико-географических условиях, где были исследованы слои предшествующего времени, – это Чога Голан в Иранской части предгорий Загроса [34, р. 113–121; 35, р. 1–22].

В эпоху раннего голоцена, непосредственно после климатического эпизода Младшего Дриаса, в высокогорном Загросе отмечено повышение температуры и увеличение изобилия и разнообразия растительных ресурсов. К сер. IX тыс. до н.э., в частности, на основании анализа отложений оз. Зерибар на высоте 1285 м над у.м., фиксируется значительное увеличение количества пыльцы трав, бобовых и деревьев с 15% до 50% [108, р. 747–756; 109, р. 19–85]. Близкая динамика для отложений раннего голоцена отмечена и для оз. Мирабад в Западном Загросе на высоте 800 м над у.м. [110, р. 494–500; 111].

Благоприятные природные кондиции отражены в материалах, демонстрирующих процесс становления производящей экономики во внутреннем Загросе на поселениях Гандж Даре [112, р. 201–224], Шейх-е Абад [113, р. 817–831], Чиа Сабз [28, р. 255–265; 29, р. 55–75]. В зоне же предгорий осадки не были достаточно стабильными для устойчивой культивации растений вплоть до сер. VIII тыс. до н.э. [114, р. 512–534; 34, р. 113–121; 36, р. 65–67; 35, р. 1–22].

Если время первичного становления производящей экономики в Загросе практически совпадает с соответствующими процессами в Леванте и Тавре, то начальное освоение нижних предгорий и подгорной равнины Загроса значительно уступает времени освоения западной части Месопотамской низменности, заселенной носителями докерамических культур Леванта и Тавра еще в IX тыс. до н.э. Наиболее рациональное объяснение причин этих хронологических различий может быть связано с большей аридностью восточной части Юго-Западной Азии, обусловленной ее географическим положением, и большей континентальности климата в сравнении с ее западной частью.

С другой стороны, документированное время первого оседлого освоения предгорий Загроса совпадает с отмеченным для памятников позднего периода культуры PPNB (LPPNB) достаточно гумидным периодом второй пол. VIII тыс. до н.э., прослеженным и в западной, и в восточной частях Месопотамской низменности [71, р. 95–97; 115, р. 3–22; 116, р. 81]. Этот период последовал за перестройкой поселенческих систем конца среднего этапа культуры PPNB (MPPNB), близкой к сер. – втор. пол. VIII тыс. до н.э., которая наглядно прослежена в Южном Леванте, в наиболее засушливом поясе Иорданского плато [117, р. 17–40; 115, р. 3–22; 118, р. 41–59]. Возможно, эта культурная трансформация могла быть связана с кратковременным аридным циклом, известным как климатическое событие 9200 BP [119, р. 64; 120, р. 23–39].

Что касается финала бытования поселений докерамического неолита в подгорной полосе Загроса, то он может быть связан с исключительно аридным циклом, прослеженным от рубежа VIII–VII тыс. до н.э., и завершившимся

климатическим эпизодом 8200 ВР [117, р. 17–40]. В течение этого времени на Месопотамской низменности прекращают свое существование большинство поселений позднего этапа культуры PPNB (LPPNB). В первой пол. VII тыс. до н.э. продолжает существовать в виде своеобразных локусов-рефугиумов лишь незначительное количество поселений наиболее позднего, пережиточного этапа культуры PPNB, известного как PPNС [72⁴; 117, р. 17–40; 119, р. 265–270; 120, р. 272–286; 115, р. 3–22; 118, р. 41–59]. Как и на большинстве поселений Леванта и Месопотамской низменности, на памятниках финала докерамического неолита предгорий Загроса также отмечается прерывание жизни, и следующий этап освоения этой территории связан с памятниками раннего керамического неолита [38; 41]. В то же время на поселениях подгорной равнины (Али Кош и Чога Бонут) в отличие поселений предгорий (Бестансур, Шимшара и Калат Саид Ахмадан) жизнь полностью прекращается в эпоху керамического неолита. На основании реконструкции хозяйственного уклада поселений Али Кош и Чога Бонут позднего этапа, равно как и наиболее раннего этапа их жизни, вероятно предположить сезонный характер их использования [107, р. 137–142; 105, р. 83].

Если опираться на абсолютные датировки, то наиболее ранним среди известных поселений предгорий Загроса является Чога Голан. Поселение существовало около 2000 лет – от второй пол. X до сер. VIII тыс. до н.э. Наиболее поздние слои этого поселения АН I and II примерно одновременны нижним слоям поселения Бестансур, функционировавшего в 7660–7000 гг. до н.э. Время бытования остальных поселений докерамического неолита предгорной зоны Загроса смещено к последней трети VIII тыс. до н.э. Несколько позднее, чем Бестансур, было основано поселение Шимшара, бытовавшее ок. 7330–7180 гг. до н.э. [97, р. 192–194, 628–631], и синхронное ему поселение Калат Саид Ахмадан [93, р. 26]. Второй пол. VIII тыс. до н.э. датируются и остальные наиболее ранние поселения региона, такие как Али-Кош (слои нижних фаз «Бус Морде» и «Али Кош») [104; 106, р. 153; 122, р. 317] и Чога Бонут [107]. Началом VII тыс. до н.э. датируется время появления в регионе раннекерамических неолитических поселений типа Джармо [92, р. 44–45] и Али Кош (верхние слои фазы «Мухаммад Джафар») [104; 106, р. 153], равно как ряда памятников в иранском Загросе, таких как Тепе Гуран и Тепе Сараб [38; 40, р. 2008–2010; 97, р. 192–194; 123, р. 125–146].

Для каменной индустрии памятников позднего докерамического неолита Загроса характерно доминирование пластин, изготовленных в отжимной технике расщепления. В зоне Плодородного полумесяца появление этой техники отмечено на ряде поселений докерамического неолита⁵ примерно с нач. IX до н.э. С точки зрения типологии каменной индустрии, коллекции памятников

4 Нужно отметить, что на некоторых поселениях отмечены примеры преемственности культур финала докерамического и раннего керамического неолита. Различные аспекты такой преемственности зафиксированы для памятников Леванта (напр., Ша>ар Ха-Голан, Айн Газаль, Кфар ХаХореш и др.) [121, р. 61–76], восточной Джезиры (напр., Секер аль Ахеймер на Хабуре) [70, р. 55–68] и, вероятно, на Телле Магзалия в Восточном Синджаре (личное сообщение Н.О. Бадера).

5 Соответствующие наблюдения были сделаны для поселений М'лефаат, Кермез Дерё, Немрик, Кертик-Тепе, Шейх-е Абад, Асияб, Гандж Даре, Карим Шахир, Али Кош, Чога Голан и др. [см., напр.: 127, р. 556–569; 128; 116, р. 23; 97, р. 478–484].

докерамического неолита Западного Загроста, таких как М>лефаат, Зави Чеми, Джармо, Асияб, Чага Сефид, Али Кош, Шимшара, и Бестансур, Чога Голан, Гандж Даре, Гуран, Абдул Хосейн и др., принадлежат к единой и длительной традиции изготовления каменных орудий, получившей название м>лефаатской [124, р. 161–170; 125; 126, р. 143–172; 35, р. 4]. Почти все орудия этой традиции изготовлены из пластин и пластинок. Также для этой индустрии характерны зазубренные пластины и изготовленные на пластинах различные остроконечники и скребки, включая концевые и боковые. Также характерны находки заполированных лезвий. Это отмечено для поселений Гандж Даре, Сараб, Асияб [97, р. 478–484], Абдул Хосейн [129], Али Кош (104, р. 82), Калат Саид Ахмадан и Шимшара [93, р. 2, 6]. Многие из пластин имеют следы битума от крепления в обойме, что зафиксировано, например, на поселениях Чога Голан, Асияб, Сараб [122, р. 313–326]. При этом в рамках единой индустрии отмечаются локальные различия: так орудия из Чога Голан имеют меньшие размеры, чем орудия из других поселений Загроста эпохи раннего неолита, таких как Гандж Даре, Асияб, Абдул Хосейн, Гуран [122, р. 324].

Одними из наиболее важных диагностических признаков для датировки исследуемых памятников является обнаружение орудий типа Чайоню. Эти орудия были зафиксированы на ряде неолитических поселений юго-восточной Анатолии, Северной Месопотамии и Центрального Загроста [97, р. 509–515; 130, р. 219–228; 99, р. 24; 131, р. 377–390]. Для орудий типа Чайоню характерны толстые лезвия, крутая и плотная отжимная ретушь на одном или обоих краях, и расширяющийся, часто закругленный конец. Вероятно, эти орудия использовались при производстве шлифованных предметов – сосудов и браслетов из известняка и алебаstra [97, р. 509–515].

Характерной категорией находок, широко представленной в юго-западной Азии, начиная с IX тыс. до н.э., являются изделия мелкой глиняной пластики – токены. В Загросте эти предметы зафиксированы, в частности, на поселениях Чога Голан, Гандж Даре, Шейх-е Абад, Бестансур, Али Кош, Чога Бонут [107, р. 78–79; 104; 99, р. 25; 35, р. 4].

Анализ сезонности всех видов фауны на поселениях высоких предгорий, таких как Бестансур и Шимшара, указывает на то, что эти поселения были обитаемы круглогодично [97, р. 637–638]. В то же время консолидированная точка зрения всех исследователей, изучающих вопрос первоначального освоения подгорной равнины восточной Месопотамии, связывает этот процесс с сезонными перегонами скота с предгорий Загроста. Но, если в памятниках эпохи керамического неолита VII тыс. до н.э. в западном Загросте domesticiрованный статус имеют коза, овца и свинья [132, р. 441–443; 133, р. 431–484; 134, р. 243–277], то для памятников эпохи докерамического неолита статус наиболее близкий к домашнему имеет только коза [97, р. 184–186]. На основании современных данных можно утверждать, что коза (*Capra hircus*) была независимо одомашнена в ряде регионов своего естественного обитания в Юго-Западной Азии, включая внутренний Загрост, еще в нач. VIII тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют как ос-

нованные на моделях забоя животных признаки управления стадом [30, р. 51; 123, р. 125–146; 134, р. 243–277; 135, р. 2254–2257], так и данные генетических исследований [136, р. 85–87], полученные на поселении Гандж Даре. Наиболее ранние признаки управления стадом коз в Предгорном Загросе были получены на поселении Бестансур – они основаны на наблюдениях, которые указывают на целенаправленное сохранение в стаде преобладания самок для размножения [99, р. 20]. Эти свидетельства позже самых ранних примеров целенаправленного использования коз на поселении Гандж Даре [97, р. 353–396, 628–631, 637–638], но несколько ранее, чем на поселении Али-Кош [104; 134, р. 243–277] и, тем более, Джармо [137, р. 33–37; 38, р. 160–163; 133, р. 431–484].

Набор одомашненных культурных растений был адаптирован в предгорьях Загроса только с нач. VII тыс. до н.э. [97, р. 636–637]. С другой стороны, с IX тыс. до н.э. на ряде памятников внутреннего Загроса (Чога Голан, Чиа Сабз, Шейх-е-Абад, Асиаб) отмечено значительное разнообразие растительных остатков диких растений, представленных основными крупно- и мелкозерновыми разновидностями злаков и бобовыми, включая ячмень (*Hordeum*), пшеницу (*Triticum*), чечевицу (*Lens*), чина (*Lathyrus sativus*) и горькую вику (*Vicia ervilia*), а также орехи и фрукты [30, р. 49; 31, р. 13–20; 34, р. 100]. На поселениях Чога Голан и Чиа Сабз начиная с сер. IX тыс. до н.э. прослежен целенаправленный отбор дикого ячменя. Доместицированный статус ячменя на поселении Чога Голан датирован ок. 8250 г. до н.э., а полбы – 7850 г. до н.э. [97, р. 636; 36, р. 65–67; 138, р. 109–118]. На памятниках позднего докерамического неолита предгорной зоны Бестансур и Шимшара были идентифицированы потенциально одомашненные злаки, преимущественно пшеница и бобовые [97, р. 184–186, 630–637; 99, р. 21, tab. 1].

Таким образом, для поселений высоких предгорий позднего докерамического неолита Загроса характерен оседлый образ жизни с ранним использованием в хозяйстве диких и культивируемых растений и первыми опытами целенаправленного использования стада коз. В то же время на наиболее ранних оседлых поселениях подгорной равнины Загроса кроме данных о доместикации мелкого рогатого скота имеются признаки, подтверждающие наличие хозяйственного уклада, основанного на культивации зерновых. При этом все ранне-неолитические поселения подгорной полосы Загроса находятся в зоне рискованного земледелия, недостаточного в настоящее время для получения устойчивого урожая. Это свидетельствует в пользу того, что в период первичного оседания на землю гумидность в этой части Месопотамской низменности была значительно большей, чем ныне. Но следов примитивной ирригации не отмечено ни на одном из памятников этого времени.

Большинство поселений докерамического неолита в предгорьях Загроса имеют размер ок. 1,0–1,5 га. Исключение составляет поселение Бестансур площадью ок. 4 га. Система расселения, в которой впервые появляются памятники более крупных размеров или центральные поселения, соответствует двухступенчатой поселенческой иерархии времени позднего периода культуры PPNB в

Леванте, когда здесь появляются центральные мега-поселения типа Айн Джаммам, Аль-Басит, Ас-Сифийа, Баста, Айн Газаль, Вади Шуайиб, Бажа и др. [139; 118, р. 43; 117, р. 17–40; 119, р. 54–75], имевшие размеры 6–14 га, с населением до нескольких тысяч человек [140, р. 473–481].

Для памятников докерамического неолита Загроса характерно многообразие форм погребальной обрядности. Здесь известны как интрамуральные захоронения, так и погребения вне помещений, индивидуальные и коллективные, первичные и вторичные погребения. Причем наблюдается наличие разных захоронений в пределах одного поселения. Так, на поселении Бестансур помимо интрамуральных погребений известны также первичные и вторичные, индивидуальные и коллективные погребения взрослых и детей, обнаруженные вне помещений [97, р. 646–648; 99, р. 18–20]. На поселении Гандж Даре, где исследовано 116 погребений, ведущим обрядом было захоронение под полами домов, но известны и коллективные погребения в ямах [141; 142]. На поселении Али-Кош отмечены погребения в скорченном положении, завернутые в циновки, и вторичные захоронения [104]. Большая часть погребений раннего неолита Загроса безынвентарна, но на поселении Али Кош есть отдельные погребения, окрашенные охрой и в сопровождении многочисленных бусин, раковин моллюсков, фрагментов кремневых орудий [104; 143, р. 78].

Интрамуральные погребения, включая и коллективные, известны в Левантийско-Месопотамском регионе, начиная со времени PPNA (напр., поселения Телль Карамель [144, р. 50–57; 145, р. 25–37], Джерф аль-Ахмар [61, р. 563–595]; Мюрейбит [51], Джаде аль-Мугара [146, р. 63–79]; Кёртык Тепе [83, р. 3–8] и др.), и, тем не менее, именно для времени среднего/позднего периода культуры PPNB здесь отмечается развитие и многообразие погребальных ритуалов [115, р. 10]. Для погребального обряда этого времени характерны погребения в домах под полами, отдельные погребальные участки и даже некрополи за пределами поселения. Так, участки, отведенные для погребений, известны в Кфар ХаХореш [147, р. 902–919; 148, р. 103–136; 149], Нахаль Хемар [150, р. 1–30], Нешер-Рамла [151, р. 353–364], Нахаль Ярмут 38 [152]. Обособленные участки на окраине поселений были исследованы также в Айн Газаль [153, р. 6–7; 154, р. 443–470; 155, р. 163–190], Телль Асвад [156, р. 109; 59, р. 7–15], Бейда [157, р. 639–666], Атлит Ям [158, р. 1–19; 119, р. 265–270; 120, р. 272–286]. Специальные здания типа «домов мертвых» известны на поселениях Телль Асвад [156, р. 110; 159, р. 561–590], Кфар ХаХореш [147, р. 902–919; 148, р. 103–136], Карасса [160, р. 205–216; 161, р. 1–16], Халула [162, р. 35–52]; Абу Хурейра [163, р. 277–299]; Чайоню Тепеси [164, р. 73–74; 165, р. 35–63; 166, р. 65–74].

На поселении Бестансур в конструкциях № 5 и № 8 были обнаружены многочисленные интрамуральные погребения. Эти строения были наиболее крупными зданиями среди всех сооружений, изученных на поселении [99, р. 19–20]. Своими размерами они сопоставимы с «домами мертвых» Северной Месопотамии, исследованными на поселениях Джааде эль Мугара, где в четырех

прямоугольных комнатах здания (фаза III: 8540–8290 гг. до н.э.) выявлено 70 погребенных, Абу Хурейра (период 8), где открыто 24 погребенных [163, р. 277–299], и Телль Халула, где обнаружено 15 погребений [63]. Следует отметить «дом черепов» в Чайою, в котором было погребено 450 черепов – считается, что этот некрополь функционировал с 8500 г. до н.э. [165, р. 35–63].

Таким образом, хотя в настоящее время конструкции № 5 и № 8 из Бестансура являются единственными известными примерами «домов мертвых» на памятниках докерамического неолита Загроса [97, р. 646–648], тем не менее, они принадлежат к распространенной погребальной традиции Плодородного полумесяца, практиковавшейся в IX–VIII тыс. до н.э.

Поселения раннего неолита предгорий Загроса были связаны системой обменных контактов с обширным регионом от Восточной Анатолии и Хорасана до Персидского Залива. В зоне Загроса, где для производства орудий использовался преимущественно низкокачественный кремль, наиболее важным объектом торговли было вулканическое стекло из района оз. Ван. Отмечается географическая и хронологическая динамика распространения орудий из обсидиана в регионе. Во-первых, очевидно уменьшение количества изделий из обсидиана по мере удаления от зоны месторождений. Во-вторых, прослеживается возрастание количества обсидиановых изделий в диахронном контексте. Так, на одном из наиболее ранних и долговременных поселений предгорий Загроса – Чога Голан изделия из обсидиана впервые появляются в горизонтах АН II-I и составляют примерно 0,5% по отношению к кремневым изделиям. Появление обсидиана в верхних слоях Чога Голан совпадает с тенденцией возрастания количества обсидиановых находок в регионе ближе к сер. VIII тыс. до н.э. [125]. Во второй пол. VIII тыс. до н.э. количество обсидиановых орудий в Загросе возрастает значительно. Так, на поселении Бестансур из обсидиана изготовлено 11% от всех каменных изделий [99, р. 24], на поселении Калат Саид Ахмадан – ок.17% [93, р. 26]. В коллекции Шимшары большая часть орудий изготовлена из обсидиана и менее 15% из местного кремня [98, р. 27]. В докерамических слоях Таппе Али Кош также было обнаружено относительно большое количество предметов из обсидиана [104, tab. 8], в то время как в докерамических слоях Чога Бонут их количество незначительно [71, р. 21–22, 91–121].

Торговля обсидианом в регионе сохраняет свои объемы в эпоху раннего керамического неолита, что отмечено находками на поселении Джармо, где обсидиановые изделия составляют примерно 11% от числа всех изделий из камня [128, р. 233–284], равно как и на других поселениях VII тыс. до н.э., таких как Али Кош (фаза «Мухаммад Джафар») [104], Тепе Гуран, Тепе Сараб [105, р. 82–83].

В заключении отмечу, что представленные археологические данные о первых поселениях Загроса свидетельствуют о том, что первичное освоение оседлым населением предгорий и подгорной равнины Загроса совпало с периодом климатического оптимума второй пол. VIII тыс. до н.э., в то время как финал бытования поселений докерамического неолита в подгорной полосе Загроса может быть связан с исключительно аридным циклом конца VIII-VII тыс. до н.э.

REFERENCES

1. Arbuckle B. Pace and process in the origins of animal husbandry in Neolithic Southwest Asia. *Bioarchaeology of the Near East*. 2014,8:53-81.
2. Arbuckle B, Hammer E. The Rise of Pastoralism in the Ancient Near East. *Journal of Archaeological Research*. 2019, 27(3):391-449.
3. Asouti E. Human Palaeoecology in Southwest Asia During the Early Pre-Pottery Neolithic (c. 9700–8500 Cal BC): The Plant Story. Benz M., Gebel H.G.K., Watkins T. (eds.). *Neolithic Corporate Identities*. Berlin: Ex oriente, 2017:21-43.
4. Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. The Origins of Sedentism and Farming Communities in the Levant. *Journal of World Prehistory*. 1989,3(4): 447-498.
5. Bar-Yosef O., Meadow R. The Origins of Agriculture in the Near East. Price T.D., Gebauer A.B. (eds.). *Last Hunters – First Farmers: New Perspectives on the Prehistoric Transition to Agriculture*. Santa Fe: School of American Research Press, 1995.
6. Borrell F., Junno A., Barceló J.A. Synchronous Environmental and Cultural Change in the Emergence of Agricultural Economies 10,000 Years Ago in the Levant. *PLoS ONE*. 2015, 10(8): e0134810.
7. Finlayson B., Kuijt I., Arpin T., Chesson M.S., Dennis S., Goodale N., Kadowaki S., Maher L., Smith S., Schurr M., McKay J. *Dhra' excavation project 2002, interim report*. Levant. 2003,35: 1-38.
8. Finlayson B., Makarewicz C. The Neolithic of Southern Jordan. Bar-Yosef O., Enzel Y. (eds.). *The Quaternary of the Levant*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
9. Finlayson B., Makarewicz C., Smith S., Mithen S. The transition from PPNA to PPNB in southern Jordan. *Studies in the History and Archaeology of Jordan*. 2014, 11:105-119.
10. Hillman G. Plant food economy of Abu Hureyra. Moore A., Hillman G., Legge T. (eds.). *Village on the Euphrates, from foraging to farming at Abu Hureyra*. Oxford: Oxford University Press, 2000:372-392.
11. Hillman G.C., Hedges R., Moore A., Colledge S., Pettitt P. New evidence of late glacial cereal cultivation at Abu Hureyra on the Euphrates. *The Holocene*. 2001, 11:383-393.
12. Levy T.E. The emergence of specialized pastoralism in the southern Levant. *World Archaeology*. 1983, 15:15-36.
13. Lev-Yadun S., Gopher A., Shahal A. How and When was Wild Wheat Domesticated. *Science*. 2006;313:296.
14. Lovell Ch.O. *A Peacock's Tale Runaway agricultural evolution and the development of Pre-Pottery Neolithic communities in the southern Levant*. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at The University of Queensland in 2014 School of Social Science, 2014.
15. Makarewicz ChA. *A pastoralist manifesto: breaking stereotypes and re-conceptualizing pastoralism in the Near Eastern Neolithic*. Levant. 2013, 45(2):159-174.
16. Makarewicz ChA. Caprine Husbandry and Initial Pig Management East of the Jordan Valley: Animal Exploitation at Neolithic Wadi Shu'eib, Jordan. *Paléorient*. 42.1. 2016: 151-168.
17. Nesbitt M. When and where did domesticated cereals first occur in southwest Asia. The Dawn of Farming in the Near East. *Studies in Near Eastern Production, Subsistence and Environment*. 6. Berlin: Ex oriente. 2002: 113–132.
18. Pringle H. The Slow Birth of Agriculture. *Science*. 282. 1998:1446-1450.
19. Savard M., Nesbitt M., Jones M.K. The role of wild grasses in subsistence and sedentism: new evidence from the northern Fertile Crescent. *World Archaeology*. 38.2. 2006:179-96.
20. Tanno K., Willcox G. How fast was wild wheat domesticated? *Science*. 311. No. 1886. 2006.
21. Tanno, K., Willcox G. The origins of cultivation of *Cicer arietinum* L. and *Vicia faba* L.: early finds from northwest Syria (Tell el-Kerkh, late 10th millennium BP). *Vegetation History and Archaeobotany*. 15. 2006:197-204.
22. Verhoeven M. Beyond Boundaries: Nature, Culture and a Holistic Approach to Domestication in the Levant. *Journal of World Prehistory*. 18.3. 2004:179-282.
23. Wasse A. *Final Results of an Analysis of the Sheep and Goat Bones from Ain Ghazal, Jordan*. Levant. 34. 2002:59-82.
24. Willcox G. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia. *Science*. 341. No. 6141. 2013:39-40.
25. Willcox G., Buxo R., Herveux L. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria. *The Holocene*. 2009, 19(1):151-158.
26. Willcox G., Savard M. Botanical evidence for the adoption of cultivation in southeast Turkey. Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey*. 2. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2011: 267-280.

27. Zohary D., Hopf M. Domestication of the Neolithic Near Eastern Crop Assemblage. Anderson P.C. (ed.). *Prehistory of Agriculture, New Experimental and Ethnographic Approaches*. Los Angeles: University of California, 1999.
28. Darabi H., Naseri R., Young R., Fazeli Nashli H. The Absolute Chronology of East Chia Sabz: A Pre-Pottery Neolithic Site in Western Iran. *Documenta Praehistorica*. 2011, 38: 257-266.
29. Darabi H., Fazeli Nashli H., Naseri R., Riehl S., Young R. The Neolithisation Process in the Seimarréh Valley: Excavations at East Chia Sabz, Central Zagros. Matthews R., Fazeli Nashli H. (eds.). *The Neolithisation of Iran, The Formation of New Societies*. Oxford: Oxbow Books, 2013: 557-75.
30. Darabi H., Richter T., Mortensen P. Neolithization Process in the central Zagros: Asiab and Ganj Dareh Revisited. *Documenta Praehistorica*. 46. 2019:47-56.
31. Matthews R., Matthews W., Mohamadifar Y. (eds.). *The Earliest Neolithic of Iran: 2008 Excavations at Sheikh-e Abad and Jani*. Oxford: Oxbow Books, 2013.
32. Matthews R., Matthews W., Richardson A. Radiocarbon Dating of Sheikh-e Abad and Jani. In Matthews R., Matthews W., Mohammadifar Y. (eds.). *The Earliest Neolithic of Iran: 2008 Excavations at Sheikh-e Abad and Jani. CZAP Report 1*. Oxford: British Institute of Persian Studies and Oxbow Books, 2013: 61-66.
33. Conard N. J., Zeidi M. The ground stone tools from the aceramic Neolithic site of Chogha Golan, Ilam province, Western Iran. Borrell F., Ibañez J. I., Molist M. (eds.). *Stone Tools in Transition: From Hunter-Gatherers to Farming Societies in the Near East*. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, Servei de Publicacions, 2013:365-375.
34. Riehl S. Variability in Ancient Near Eastern Environmental and Agricultural Development. *Journal of Arid Environments*. 2012, 86:137-121.
35. Riehl S., Asouti E., Karakaya D., Starkovich B.M., Zeidi M., Conard N.J. Resilience at the Transition to Agriculture: The Long-Term Landscape and Resource Development at the Aceramic Neolithic Tell Site of Chogha Golan (Iran). *BioMed Research International*, 2015.
36. Riehl S., Zeidi M., Conard N. J. Emergence of agriculture in the foothills of the Zagros Mountains of Iran. *Science*. 341. No. 6141. 2013: 65-67.
37. Mohammadifar Y., Motarjem A. Settlement Continuity in Kurdistan. *Antiquity*. 2008, 82 (317).
38. Braidwood L., Braidwood R., Howe B., Reed C., Watson P.J. (eds.) *Prehistoric Archaeology along the Zagros Franks*. / Oriental Institute Publications. 105. Chicago: The University of Chicago Press, 1983.
39. Braidwood R. J. Seeking the World's First Farmers in Persian Kurdistan. *Illustrated London News*. 1960, 237: 695-697.
40. Braidwood R. J., Howe B., Reed C.A. The Iranian Prehistoric Project: New Problems Arise as More Is Learned of the First Attempts at Food Production and Settled Village Life. *Science*. 133. No. 3469. 1961: 2008-2010.
41. Braidwood R., Howe B. *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. / Studies in Ancient Oriental Civilization. 31. Chicago: The University of Chicago Press, 1960.
42. Contenson H. de, Cauvin M.-C., Van Zeist W., Bakker-Heeres J.A.H., Leroi-Gouran A. Tell Aswad (Damascene). *Paleorient*. 1979, 5: 153-156.
43. van Zeist W., Bakker-Heeres J.A.H. Some Economic and Ecological Aspects of the Plant Husbandry of Tel Aswad. *Paleorient*. 1979, 5: 161-169.
44. Kuijt I. Lithic Inter-Assemblage Variability and Cultural-Historical Sequences: a Consideration of the Pre-Pottery Neolithic A Occupation of Dhra', Jordan. *Paléorient*. 27.1. 2001: 107-125.
45. Yartah T. Tell 'Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première approche. *Paléorient*. 30/2. 2004: 141-158.
46. Stordeur D., Brenet M., Der Aprahmian G., Roux J.-Cl. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet. Horizon PPNA. Syrie. *Paléorient*. 26. 2000: 29-44.
47. Willcox G. Charred plant remains from a 10th millennium B.P. kitchen at Jerf el Ahmar (Syria). *Vegetation History and Archaeobotany*. 11. 2002: 55-60.
48. Willcox G. Nouvelles données archéobotaniques de Mureybet et la néolithisation du moyen Euphrate. Ibañez J. *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord), en hommage à Jacques Cauvin*. BAR Int. Series. 2008: 103-114.
49. Roitel V., Willcox G. Analysis of charcoal from Abu Hureyra. Moore A.M.T., Hillman G., Legge T. (eds.). *A village on the Euphrates*. Oxford: Oxford University Press, 2000: 544-547.
50. Mazurowski R.F. Tell Qaramel excavations, 2003. *Polish Archaeology in the Mediterranean*. XV. Reports 2003. Warszawa, 2004: 355-370.
51. Cauvin J. *Le Premiers Villages de Syrie-Palestine du IXème au VIIème millénaire avant J.C*. Lyon: Maison de l'Orient, 1978.

52. Willcox G. Evidence for plant exploitation and vegetation history from three Early Neolithic pre-pottery sites on the Euphrates (Syria). *Vegetation History and Archaeobotany*. 5. 1996: 143-152.
53. Willcox G., Fornite S., Herveux L. Early Holocene cultivation before domestication in northern Syria. *Vegetation History and Archaeobotany*. 17. 2008: 313-325.
54. Wright H.T. Prepottery Neolithic Sites in Eastern Syria. *Paléorient*. 31/2. 2005: 169-172.
55. Tsuneki A., Arimura M., Maeda O., Tanno K., Anezaki T. The Early PPNB in the North Levant: A New Perspective from Tell Ain el-Kerh, Northwest Syria. *Paléorient*. 32.1. 2006: 47-71.
56. Arimura M. Exchange of points in the PPNB: points with the Palmyran retouch from Tell Ain el-Kerkh, northwest Syria. Borrell F., Ibáñez J.J., Molist M. (eds.). *Stone Tools in Transition: From Hunter-Gatherers to Farming Societies in the Near East*. Universitat Autònoma de Barcelona, 2013: 265-276.
57. Suleiman A. Ain Dara III. Al-Maqdissi M. (éd.). *Chronique des activités archéologiques en Syrie (II)*. Syria. 72. 1995: 190-193.
58. Arimura M., Suleiman A. A cultural unity in Northwestern Syria during the Neolithic. Tell Ain Dara III, a PPNB site in the Afrin Valley. *Paléorient*. 41.2. 2015: 85-99.
59. Stordeur D. Tell Aswad. Resultats preliminaires des campagnes 2001 et 2002. *Neo-Lithics*. 1/03. 2003: 7-15.
60. Stordeur D. *El Kowm 2: Une île dans le desert*. Paris: CNRS Éditions, 2000.
61. Stordeur D., Abbès F. Du PPNA au PPNB: mise en lumière d'une phase de transition à Jerfel Ahmar (Syrie). *Bulletin de la Société préhistorique française*. 99.3. 2002: 563-595.
62. Akkermans P.A., Boerma J.A.K., Clason A.T., Hill S.G., Lohof E., Meiklejohn C., Le Mièrre M., Molgat G.M.F., Roodenberg J.J., Waterbolk-van Rooyen W., van Zeist W. Bouqras Revisited: Preliminary Report on a Project in Eastern Syria. *Proceedings of the Prehistoric Society*. 49. 1983: 335-372.
63. Molist M. (ed.). *Tell Halula: Un Poblado De Los Pirmeros Agricultores En El Valle Del Eufrates, Siria*. T. 1. Madrid: Ministerio de Educación, Cultura y Deporte, 2013.
64. Tsuneki A., Rasheed K., Saber A.66. S., Nishiyama Sh., Watanabe N., Greenfield T., Ismail B.B., Tatsumi Y., Minami M. *Excavations at Qalat Said Ahmadan, Qaladizah, Iraq-Kurdistan: second interim report (2015 season)*. Al-Rafidan. 37. 2016: 89-142.
65. Borrell F., Lithic Tools and Agriculture in the Middle-Euphrates Valley during the Second Half of the VIIIth Millenium cal. B.C.: New Data from Tell Halula (Syria) and Akarçay Tepe (Turkey). Buxó R., Molist M. (eds.). *From the Adoption of Agriculture to the Current Landscape: Long-term Interaction between Men and Environment in the Near East Mediterranean Basin*. Barcelona: Museu d'Arqueologia de Catalunya, 2007: 65-69.
66. Çelik B. A new Pre-Pottery Neolithic site in Southeastern Turkey: Ayanlar Höyük (Gre Hut). *Documenta Praehistorica*. 44. 2017: 360-367.
67. Verhoeven M., Akkermans P.M.M.G. (eds.). *Tell Sabi Abyad II-The Pre-Pottery Neolithic B Settlement: Report on the Excavations of the National Museum of Antiquities Leiden in the Balikh Valley, Syria*. Istanbul: Nederlands-Historisch-Archaeologisch Instituut, 2000.
68. Nishiaki Y. Preliminary notes on the Pre-Pottery and Pottery Neolithic lithics from Tell Seker al-Aheimar, the upper Khabur, Syria: The 2000-2001 seasons. Healey E., Campbell S., Maeda O. (eds.). *Proceedings of the 6th Workshops on PPN Chipped Lithic Industries*. Manchester: University of Manchester, 2011: 457-464.
69. Nishiaki Y. PPNB flint blade production at Tell Seker al-Aheimar, the Upper Khabur, Syria // Nishiaki Y., Kashima K., Verhoeven M. (eds.). *Neolithic Archaeology in the Khabur Valley, Upper Mesopotamia and Beyond. / Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment*. 15. Berlin: Ex oriente. 2013: 64-79.
70. Nishiaki Y., Le Mièrre M. The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Khabur, northeast Syria. *Paléorient*. 31.2. 2005: 55-68.
71. Asouti E. Beyond the Pre-Pottery Neolithic B interaction sphere. *Journal of World Prehistory*. 20. 2006: 87-126.
72. Bader N.O. *The Oldest Farmers of Northern Mesopotamia [Drevneishie zemledel'tsy Severnoi Mesopotamii]*. Moscow: Nauka (In Russ.).
73. Bader N.O. Tell Maghzaliyah: an early Neolithic site in Northern Iraq. Yoffee N., Clark J.J. (eds.). *Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Iraq*. Tucson & London: The University of Arizona Press, 1993: 7-40.
74. Rosenberg M., Hallan Çemi. Özdoğan M., Başgelen N., Kuniholm P. (eds.). *The Neolithic in Turkey*. 1. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2011: 61-78.
75. Rosenberg M., Peasnell B.L. A Report on soundings at Demirköy Höyük, an aceramic

- Neolithic site in Eastern Anatolia. *Anatolica*. 24. 1998: 195-207.
76. Rosenberg M., Redding R. W. Hallan Çemi and early village organization in Eastern Anatolia. Kuijt I. (ed.). *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2000: 39-61.
77. van Zeist W., de Roller G.J. The Çayönü Archaeobotanical record. *Reports on Archaeobotanical Studies in the Old World*. 2003: 143-166.
78. Zeist W., de Roller G.J. The plant husbandry of Aceramic Çayönü, SE Turkey. *Palaeohistoria*. 33/34 (1991-1992). 1992: 65-96.
79. Pasternak R. Investigations of botanical remains from Nevalı Çori PPNB, Turkey. Damania A., Valkoun J., Willcox G., Qualset C. (eds.). *The origins of agriculture and crop domestication*. Syria, ICARDA. 1998: 170-177.
80. de Moulins D. *Agricultural changes at Euphrates and steppe sites in the mid-8th to the 6th millennium BC.* / *BAR International Series*. 683. 1997.
81. Arbuckle B., Özkaya V. Animal Exploitation at Körtik Tepe: An Early Aceramic Neolithic in Southeastern Turkey. *Paléorient*. 32.2. 2006: 113-136.
82. Benz M., Deckers K., Rössner C., Alexandrovskiy A., Pustovoytov K., Scheeres M., Fecher M., Coşkun A., Riehl S., Alt K.W. Özkaya V. Prelude to village life. Environmental data and building traditions of the Epipalaeolithic settlement at Körtik Tepe, Southeastern Turkey. *Paléorient*. 41.2. 2015: 9-30.
83. Özkaya V. Excavations at Körtik Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic a Site in Southeastern Anatolia. *Neo-Lithics*. 2/09. 2009: 3-8.
84. Miyake Y., Maeda O., Tanno K., Hongo H., Gündem C.Y. New Excavations at Hasankeyf Höyük: A 10th Millennium cal. BC Site on the Upper Tigris, Southeast Anatolia. *Neo-Lithics*. 1/12. 2012: 3-7.
85. Kozłowski S.K. Chipped Neolithic Industries at the Eastern Wing of Fertile Crescent (Synthesis Contribution). Gebel H.G., Kozłowski S.K. (eds.). *Neolithic chipped stone industries of the Fertile Crescent*. Berlin: Ex oriente, 1994: 143-172.
86. Kozłowski S.K. Nemrik 9, a PPN Neolithic site in Northern Iraq. *Paléorient*. 15/1. 1989: 25-31.
87. Kozłowski S.K. *Nemrik 9: Pre-Pottery Neolithic site in Iraq (General Report-seasons 1985-1986)*. Waszawa: Warsaw University Press, 1990.
88. Kozłowski S.K. *Nemrik. An Aceramic Village in Northern Iraq*. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2002.
89. Watkins T. The origins of house and home? *World Archaeology*. 21(3). 1990: 336-347.
90. Watkins T., Baird D., Betts A. Qermez Dere and the Early Aceramic Neolithic of N. Iraq. *Paléorient*. 15. 1989: 19-24.
91. Tsuneki A., Rasheed K., Saber A.S., Nishiyama Sh., Watanabe N., Greenfield T., Ismail B.B., Tatsumi Y., Minami M. Excavations at Qalat Said Ahmadan, Qaladizah, Iraq-Kurdistan: second interim report (2015 season). *Al-Rafidan*. 37. 2016: 89-142.
92. Tsuneki A., Rasheed K., Watanabe N., Anma R., Tatsumi Y., Minami M. Landscape and early farming at Neolithic sites in Slemani, Iraqi Kurdistan: A case study of Jarmo and Qalat Said Ahmadan. *Paleorient*. 45.2. 2019: 33-51.
93. Tsuneki A., Rasheed K., Saber A.S., Nishiyama Sh., Anma R., Ismail B.B., Hasegawa A., Tatsumi Y., Miyauchi Y., Jammo S., Makino M., Kudo Y. Excavations at Qalat Said Ahmadan, Slemani, Iraq-Kurdistan: First interim report (2014 season). *Al-Rafidan*. 36. 2015: 1-63.
94. Altaweel M., Marsh A., Landscape and geoarchaeology of the Bora Plain. Radner K., Kreppner F.J., Squitieri A. (eds.). *Exploring the NeoAssyrian frontier with Western Iran: The 2015 season at Gird-i Bazar and Qalat-i Dinka.* / Peshdar Plain Project Publications 1. Gladbeck: PeWe Verlag. 2016: 23-28.
95. Giraud J., Baldi J., Bonilauri S., Mashkour M., Lemée M., Pichon F., Mura M., Pot M.-A., Biglari F., Jamialahmadi M., Ameen A., Raeuf K., Saber S.A., Sofy R., Jameel J., Rasheed K. with the collaboration of C. Caze, R. al-Debs, C. Douché, A. Havé, A. Louchet, C. Verdelle, L. Walika. Human occupation along the foothills of Northwestern Zagros during the Late Pleistocene and the Holocene in the Rania and Peshdar plains. *Paléorient*. 45.2. 2019: 85-119.
96. Ingholt H. *The Danish Docan Expedition (1957)*. *Sumer*. 13. 1957: 214-215.
97. Matthews R., Matthews W., Rasheed Raheem K., Richardson A. (eds.). *The Early Neolithic of the eastern Fertile Crescent: Excavations at Bestansur and Shimshara, Iraqi Kurdistan Central Zagros Archaeological Project CZAP reports. 2.* Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2020.
98. Mortensen P. Tell Shimshara. *The Hassuna period.* / *Historisk-Filosofiske Skrifter*. 5.2. Copenhagen: Munksgaard, 1970.
99. Matthews R., Matthews W., Richardson A., Rasheed K., Walsh S., Raeuf K., Bendrey R., Whitlam J., Charles M., Bogaard A., Iversen I., Mudd D., Elliott S. The Early Neolithic of Ira-

- qi Kurdistan: Current research at Bestansur, Shahrizor Plain. *Paleorient*. 45.2. 2019: 13-32.
100. Tusa S. Post-Pleistocene Adaptation in the Hamrin Basin (Middle Diyala) after the Excavation at Tell Rihan. *Cahiers de l'Euphrate*. 4. 1985: 315-333.
101. Tusa S. Preliminary Report on the Telul El-Rihan Area (Himrin). *Sumer*. 40. 1984: 39-43.
102. Casana J., Glatz C. *The Land Behind Baghdad: Archaeological Landscapes of the Upper Diyala (Sirwan) River Valley*. Iraq. 79. 2017: 47-69.
103. Oates J. *Prehistoric investigations near Mandali, Iraq*. Iraq. 30. 1968: 1-20.
104. Hole F., Flannery K.V., Neely J.A., Haelbek H. *Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain*. Ann Arbor: Museum of Anthropology, 1969.
105. Mellaart J. *The Neolithic of the Near East*. London: Thames and Hudson, 1975.
106. Oates J. The background and development of early farming communities in Mesopotamia and the Zagros. *Proceedings of the Prehistoric Society for 1973*. 39. 1973: 147-181.
107. Alizadeh A. Excavations at the prehistoric mound of Choga Bonut, Khuzestan, Iran. Seasons 1976/77, 1977/78, and 1996. / *Oriental Institute Publications*. 120. Chicago: The Oriental Institute, 2003.
108. Stevens L.R., Wright H.E., Ito E. Proposed changes in seasonality of climate during the Lateglacial and Holocene at Lake Zeribar, Iran. *The Holocene*. 11. 2001: 747-756.
109. Zeist W., Bottema S. Palynological Investigations in Western Iran. *Palaeohistoria*. 19. 1977: 19-85.
110. Stevens L.R., Ito E., Schwalb A., Wright H. E. Jr. Timing of atmospheric precipitation in the Zagros Mountains inferred from a multi-proxy record from Lake Mirabad, Iran. *Quaternary Research*. 66.3. 2006: 494-500.
111. Zeist W., Bottema S. *Late Quaternary Vegetation of the Near East*. Wiesbaden: L. Reichert, 1991.
112. Zeist W., Smith P.E.L., Palfenier-Vegeter R.M., Suwijn M., Casparie W.A. An Archaeobotanical Study of Ganj Dareh. *Palaeohistoria*. 26. 1984: 201-224.
113. Whitlam J., Bogaard A., Matthews R., Matthews W., Mohammadifar Y., Ilkhani H., Charles M. Pre-Agricultural Plant Management in the Uplands of the Central Zagros: The Archaeobotanical Evidence from Sheikh-e Abad. *Vegetation History and Archaeobotany*. 27 (6). 2018: 817-831.
114. Riehl S. The Role of the Local Environment in the Slow Pace of Emerging Agriculture in the Fertile Crescent. *Journal of Ethnobiology*. 36(3). 2016: 512-534.
115. Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A. Highlighting the PPNB in the Southern Levant. *Neo-Lithics*. 20. 2020: 3-22.
116. Kozłowski S.K., Aurenche O. *Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East*. / BAR Int. Ser. 1362. Oxford: Archaeopress, 2005.
117. Bar-Yosef O. The "8200 Cal BP Cold Event" in the Levant. Marciniak A. (ed.). Concluding the Neolithic. *The Near East in the Second Half of the Seventh Millennium BCE*. Atlanta Lockwood Press, 2019: 17-40.
118. Rollefson G.O. Tumultuous Times in the Eighth and Seventh Millennia BC in the Southern Levant. Marciniak A. (ed.). Concluding the Neolithic. *The Near East in the second Half of the Seventh Millennium BC*. Atlanta: Lockwood Press, 2019: 41-59.
119. Finlayson B., Makarewicz C. Beyond the Jordan: multiformalities of the Pre-Pottery Neolithic. *Documenta Praehistorica*. 47. 2020: 54-75
120. Flohr P., Fleitman D., Matthews R., Matthews W., Black S. Evidence of Resilience to Past Climate Change in Southwest Asia: Early Farming Communities and the 9.2 and 8.2 Ka Events. *Quaternary Science Reviews*. 136. 2015: 23-39.
121. Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A. The Nature of the Beast: The Late Neolithic in the Southern Levant. Marciniak A. (ed.). *Concluding the Neolithic. The Near East in the second Half of the Seventh Millennium BC*. Atlanta: Lockwood Press, 2019: 61-76.
122. Zeidi M., Conard N.J. Chipped stone artifacts from the aceramic Neolithic site of Chogha Golan, Ilam Province, western Iran. Borrell F., Ibáñez J.J., Molist M. (eds.). *Stone Tools in Transition: From Hunter-Gatherers to Farming Societies in the Near East*. Barcelona: Bellaterra, 2013: 315-326.
123. Zeder M.A. A View from the Zagros: New Perspectives on Livestock Domestication in the Fertile Crescent. Vigne J.-D., Peters J., Helmer D. (eds.). *First Steps of Animal Domestication: New Zooarchaeological Approaches. Proceedings of the 9th Conference of the International Council of Archaeozoology, Durham, August 2002*. Oxbow: Oxbow Books, 2005: 125-146.
124. Kozłowski S. K. From Zawi Chemi to M'lefaat. Kozłowski S.K., Gebel H.G.K. (eds.). *Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile*

Crescent, and Their Contemporaries in Adjacent Regions. Berlin: Ex oriente, 1996: 161-170.

125. Kozłowski S.K. *The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian lithic industries*. / BAR Int. Series. 760. Oxford: BAR Publishing, 1999.

126. Kozłowski S.K. Chipped Neolithic Industries at the Eastern Wing of Fertile Crescent (Synthesis Contribution). Gebel H.G., Kozłowski S.K. (eds.). *Neolithic chipped stone industries of the Fertile Crescent*. Berlin: Ex oriente, 1994: 143-172.

127. Carter T., Grant S., Kartal M., Coşkun A., Özkaya V. Networks and Neolithisation: Sourcing Obsidian from Körtik Tepe (SE Anatolia). *Journal of Archaeological Science*. 40.1. 2013: 556-569.

128. Hole F. The Jarmo chipped stone. Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed C.A., Watson P.J. (eds.). *Prehistoric Archeology Along the Zagros Flanks*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1983: 233-284.

129. Pullar J. Tepe Abdul Hosein: A Neolithic Site in Western Iran, Excavations 1978. BAR Int. Series 563. Oxford: Archaeopress, 1990.

130. Matthews R., Matthews W., Rasheed K. Current investigations into the Early Neolithic of the Zagros foothills of Iraqi Kurdistan. Kopanias K., MacGinnis J. (eds.). *The Archaeology of the Kurdistan region of Iraq and adjacent regions*. Oxford: Archaeopress, 2016: 219-228.

131. Matthews R., Richardson A., Maeda O. 'Behind all those stones': Activity and society in the Pre-Pottery Neolithic of the Eastern Fertile Crescent. Horejs B., Schwall C., Müller V., Luciani M., Ritter M., Giudetti M., Salisbury R.B., Höflmayer F., Bürge T. (eds.). *Proceedings of the 10th ICAANE, Vienna, 25th-29th April 2016*. Vol. 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018: 377-390.

132. Price M.D., Arbuckle B.S. Early Pig Management in the Zagros Flanks: Reanalysis of the Fauna from Neolithic Jarmo, Northern Iraq. *International Journal of Osteoarchaeology*. 25. 2015: 441-443.

133. Stampfli H.R. The Fauna of Jarmo, with Notes on Animal Bones from Matarrah, the Amuq, and Karim Shahir. Braidwood L.S., Braidwood R.J., Howe B., Reed C.A., Watson P.J. (eds.). *Prehistoric Archeology Along the Zagros Flanks*. Oriental Institute of the University of Chicago Publication. 105. Chicago, 1983: 431-484.

134. Zeder M.A. Animal Domestication in the Zagros: An Update and Directions for Future Research. Vila E., Gourichon L., Choyke A.M., Buitenhuis H. (eds.). *Archaeozoology of the Near East*. VIII. Lyon Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 2008: 243-277.

135. Zeder M.A., Hesse B. The initial domestication of goats (*Capra hircus*) in the Zagros mountains 10,000 years ago. *Science*. 287. No. 5461. 2000: 2254-2257.

136. Daly K.G., Delser P.M., Mullin V.E., Scheu A., Mattiangeli V., Teasdale M.D., Hare A.J., Burger J., Verdugo M.P., Collins M.J., Kehati R., Ereğ C.M., Bar-Oz G., Pompanon F., Cumer T., Cakırlar C., Mohaseb A.F., Decruyenaere D., Davoudi H., Cevik O., Rollefson G., Vigne J.-D., Khazaeli R., Fathi H., Doost S.B., Sorkhani R.R., Vahdati A.A., Sauer E.W., Kharanaghi H.A., Maziar S., Gasparian B., Pinhasi R., Martin L., Orton D., Arbuckle B.S., Benecke N., Manica A., Horwitz L.K., Mashkour M., Bradley D.G. Ancient Goat Genomes Reveal Mosaic Domestication in the Fertile Crescent. *Science*. 361. No. 6397. 2018: 85-87.

137. Bendrey R. Care in the community? Interpretations of a fractured goat bone from Neolithic Jarmo, Iraq. *International Journal of Paleopathology*. 7. 2014: 33-37.

138. Weide A., Riehl S., Zeidi M., Conard N.J. Using New Morphological Criteria to Identify Domesticated Emmer Wheat at the Aceramic Neolithic Site of Chogha Golan (Iran). *Journal of Archaeological Science*. 57. 2015: 109-118.

139. Gebel H.G.K. Central to What? The Centrality Issue of the LPPNB Mega-Site Phenomenon in Jordan. Gebel H.G.K., Kafafi Z., Rollefson G. (eds.). *Central Settlements in Neolithic Jordan*. Berlin: Ex oriente, 2004: 1-19.

140. Rollefson G., Pine K. Measuring the Impact of LPPNB Immigration into Highland Jordan. *Studies in the History and Archaeology of Jordan*. 10. 2009: 473-481.

141. Merrett D.C. Infant Health: Assessing Adaptation and Stability of Transitional Early Neolithic Subsistence Economies in the Zagros Mountains. *American Journal of Physical Anthropology*. S42. 2006: 130.

142. Merrett D.C. Occupational Health: Bioarchaeology and Subsistence Transition at Ganj Dareh Tepe. *American Journal of Physical Anthropology*. S40. 2005: 152.

143. Sołtysiak A., Darabi H. Human remains from Ali Kosh, Iran, 2017. *Bioarchaeology of the Near East*. 11. 2017: 76-83.

144. Kanjou Y. Mortuary Practices at Tell Qaramel (North Syria) from the Early Bronze Age and the Neolithic Period. *Neo-Lithics*. 2/16. 2016: 50-57.

145. Kanjou Y. Study of Neolithic human graves from Tell Qaramel in North Syria. *International Journal of Modern Anthropology*. 2. 2009: 25-37.

146. Coqueugniot E. Dja'de (Syrie), un village à la veille de la domestication (seconde moitié du 9e millénaire av. J.C.). Guilaine J. (ed.). *Les premiers paysans du monde, naissance des agricultures*. Paris : Éditions Errance, 2000: 63-79.
147. Goring-Morris A. N., Kolska Horwitz L. Funerals and feasts during the Pre-Pottery Neolithic B of the Near East. *Antiquity*. 81/314. 2007: 902-919.
148. Goring-Morris A.N. The quick and the dead: The social context of Aceramic Neolithic mortuary practices as seen from Kfar HaHoresh. Kuijt I. (ed.). *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity and Differentiation*. New York: Kluwer Academic/ Plenum Publishers, 2000: 103-136.
149. Goring-Morris A.N., Ashkenazi H., Barzilai O., Birkenfeld M., Eshed V., Goren Y., Horwitz L.K., Oron M., Williams J.K. The 2007-8 excavation seasons at Pre-Pottery Neolithic B Kfar HaHoresh, Israel. *Antiquity*. 82/318. 2008: 1-3.
150. Bar-Yosef O., Alon D. Nahal Hemar Cave: The excavations. *Atiqot*. 17. 1988: 1-30.
151. Toffolo M.B., Ullman M., Caracuta V., Weiner S., Boaretto E. A 10,400-year-old sunken lime kiln from the Early Pre-Pottery Neolithic B at the Nesher-Ramla quarry (el-Khirbe), Israel. *Journal of Archaeological Science*. 14 (Supplement C). 2017: 353-364.
152. Gopher A., Eirikh-Rose A., Ashkenazi H., Marco E., May H., Makoviyuchuk Y., Sapir-Hen L., Galmor S., Schechter H.C., Ackerfeld D., Haklay G., Zutowski K. Nahal Yarmuth 38: A new and unique Pre-Pottery Neolithic B site in central Israel. *Antiquity*. 93/371. 2019: 1-8.
153. Rollefson G.O. Early Neolithic Ritual Centers in the Southern Levant. *Neo-Lithics*. 2/05. 2005: 3-13.
154. Rollefson G.O., Simmons A.H., Kafafi Z. Neolithic cultures at 'Ain Ghazal, Jordan. *Journal of Field Archaeology*. 1992, 19: 443-470.
155. Rollefson, G.O. Ritual and social structure at Neolithic 'Ain Ghazal. Kuijt I. (ed.). *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation*. New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers, 2000: 163-190.
156. Stordeur D. Des crânes surmodelés à Tell Aswad de Damascène (PPNB-Syrie). *Paléorient*. 2003, 29(2): 109-115.
157. Byrd B.F. Public and private, domestic and corporate: the emergence of the Southwest Asian village. *American Antiquity*. 1994, 59(4): 639-666.
158. Galili E., Eshed V., Gopher A., Hershkovitz I. Burial Practices at the Submerged Pre-Pottery Neolithic Site of Atlit-Yam, Northern Coast of Israel. *Bulletin of the American School of Oriental Research*. 2005, 339: 1-19.
159. Stordeur D., Khawam R. Une place pour les morts dans les maisons de Tell Aswad (Syrie). (Horizon PPNB ancien et PPNB moyen). *Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Madrid, April 3-8 2006. Madrid: Ediciones Universidad Autónoma de Madrid: Centro Superior de Estudios sobre el Oriente Próximo y Egipto, 2008: 561-590.
160. Santana J., Velasco J., Balbo A., Iriarte E., Zapata L., Teira L., Nicolle, F. Braemer C., Ibáñez J.J. Interpreting a ritual funerary area at the Early Neolithic site of Tell Qarassa North (South Syria, late 9th millennium BC). *Journal of Anthropological Archaeology*. 2015, 37: 112-127.
161. Santana J., Velasco J., Ibáñez J.J., Braemer F. Crania with Mutilated Facial Skeletons: A New Ritual Treatment in an Early Pre-Pottery Neolithic B Cranial Cache at Tell Qarassa North (South Syria). *American Journal of Physical Anthropology*. 149. 2012: 205-216.
162. Molist M. Halula, village néolithique en Syrie du Nord. Guilaine J. (ed.). *Communautés villageoises du Proche Orient à l'Atlantique (8000-2000 avant notre ère)*. Paris: Editions Errance, 2001: 35-52.
163. Moore A.M.T., Molleson T.I. Disposal of the Dead. Moore A.M.T., Hillman G.C., Legge A.J. *Village on the Euphrates: From Foraging to Farming at Abu Hureyra*. Oxford: Oxford University Press, 2000: 277-299.
164. Lichter C. Burial Customs of the Neolithic in Anatolia – An Overview. Yalçın Ü. (Hg.). *Anatolian Metal VII Anatolia and neighbours 10.000 years ago. / Der Anschnitt Beiheft 31 = Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbaumuseum Bochum 214*. Bochum, 2016: 71-84.
165. Özdoğan A. Çayönü. Özdoğan M., Başgeçen N. (eds.). *Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization, New Discoveries*. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 1999: 35-63.
166. Özdoğan M., Özdoğan A. Çayönü. *Paléorient*. 15. 1989: 65-74.

Статья поступила в редакцию
14.02.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181128-153>

Атаев Гамзат Дибирович,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ataevgd@mail.ru

Ахундов Туфан Исаак оглу,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт археологии, этнографии и антропологии
Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан
t_akhundov@rambler.ru

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МАНАССКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ И КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы преемственности и инноваций археологических образований Северо-Восточного Кавказа: манасской группы памятников раннего этапа среднего бронзового века и каякентско-хорочоевской культуры позднего этапа среднего бронзового века и раннего этапа позднего бронзового века. В результате анализа археологического материала: поселений, погребальных сооружений и обряда, керамики, украшений, орудий труда, предметов вооружения проведено исследование проблемы заката манасской группы памятников и сложение на ее основе нового археологического образования – каякентско-хорочоевской культуры.

Исследование материалов рассматриваемых памятников позволяет утверждать о плавном, эволюционном переходе манасской группы памятников в каякентско-хорочоевскую культуру. По своим основным признакам культуры (поселения и жилища, керамика, предметы вооружения, украшения и другой инвентарь, кроме погребальных сооружений и обряда, сурьмяных привесок) каякентско-хорочоевская культура генетически связана с предшествующей манасской группой памятников. Изучение памятников среднего и позднего бронзового века центрального Дагестана позволяют полнее и глубже раскрыть проблему трансформации манасской группы памятников раннего этапа среднего бронзового века в каякентско-хорочоевскую культуру. Исследования важны для выяснения проблем культурогенеза данного региона, развития на Северо-Восточном Кавказе культур эпохи средней и поздней бронзы, выявления закономерностей их развития в рассматриваемое время.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; степь; средний бронзовый век; манасская группа памятников; каякентско-хорочоевская культура; могильник; курганы; гробница; каменный ящик.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181128-153>

Gamzat D. Ataev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ataevgd@mail.ru

Tufan I. Akhundov,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology
National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
t_akhundov@rambler.ru

CONTINUITY OF THE MANAS GROUP OF SITES AND KAYAKENT-KHOROCHOY CULTURE OF THE BRONZE AGE IN THE NORTHEAST CAUCASUS

Abstract. The article deals with the study of continuity of archeological formations in the Northeast Caucasus: the Manas group of sites of the early Middle Bronze and the early stage of the Late Bronze Age. As a result of the analysis of the archeological material, which includes settlements, burial structures and rituals, pottery, jewelry, tools, military equipment, we examined the issues of the decline of the Manas group sites and the emergence of a new archeological formation on its basis – the Kayakent-Khorochoy culture. The examined material demonstrates a smooth, evolutionary transition of the Manas group of sites into the Kayakent-Khorochoy culture. In its key cultural features (settlements and dwellings, pottery, weapons, jewelry and other equipment, except for burial structures and rites, antimonic pendants), the Kayakent-Khorochoy culture is genetically related to the previous Manas group of sites. The study of sites of the Middle and Late Bronze of Central Dagestan allows for deeper understanding of the issue of transformation of the Manas group of sites of the Early Middle Bronze into the Kayakent-Khorochoy culture. These studies are relevant for the determination of the issues of cultural genesis of the said region, the development of cultures of the Middle and Late Bronze Ages in the Northeast Caucasus, the identification of patterns of their development in the period under study.

Keywords: Northeast Caucasus; Dagestan; steppe; Middle Bronze; Manas group of sites; Kayakent-Khorochoy culture; burial grounds; burial mounds; tomb; stone box.

Настоящая статья посвящена проблеме преемственности двух археологических образований Северо-Восточного Кавказа: манасской группы памятников раннего периода среднего бронзового века и каякентско-хорочоевской культуры позднего этапа среднего и раннего этапа позднего бронзового века, в частности, манасской группы памятников на финальном этапе своего развития и проблеме генезиса каякентско-хорочоевской культуры. Следует указать, что вопросы преемственности между гинчинской и каякентско-хорочоевской культурами рассматривались в статье Р.Г. Магомедова «Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: проблема преемственности» изданной в 1990 г. [1, с. 205–213], а также в статье Г.Д. Атаева «О преемственности присулакской и каякентско-хорочоевской культур эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа» опубликованной в 2010 г. [2, с. 165–175],

Рассматривая проблему преемственности и связи манасской группы памятников и каякентско-хорочоевской культуры, в первую очередь следует указать, что ареал этих культур частично совпадает. На территории распространения манасской группы памятников открыто много памятников последующей каякентско-хорочоевской культурой (далее КХК) (рис. 1). Здесь выделяются два локальных варианта КХК: таркинско-талгинский и манасско-мискинбулакский (рис. 2). Южнее присулакской культуры, в центральной части Приморского Дагестана, получили распространение памятники, объединяемые в манасскую группу (рис. 1). Для манасской группы памятников (далее МГП) характерны в основном подкурганные катакомбы, грунтовые ямы и каменные гробницы [3, с. 184; 4, с. 22–25]. Эпонимный памятник – курганный могильник в урочище Каркома-холау ст. Манас, в долине р. Манас-озень. К ним относится и могильник с подкурганными катакомбами исследованный в XIX в. в сел. Дешлагар (совр. Сергокала) [5, с. 582–584].

Исследование катакомб в Дербенте, Дешлагаре, Манасе, находки сосудов со шнуровым орнаментом в гробнице кургана Ярти-Тюбе позволило Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову выдвинуть гипотезу о проникновении части племен катакомбной культуры из южнорусских степей в Приморский Дагестан, которые вскоре были ассимилированы местными племенами [3, с. 187–189, 192–193]. Открытие подкурганных захоронений в катакомбах в Чечне позволило еще более широко поставить вопрос о взаимосвязях населения Северо-Восточного Кавказа и племен катакомбной культуры и о проникновении последних на данную территорию [6, с. 92–96]. Эта гипотеза получила поддержку у многих специалистов (В.И. Марковин, М.Н. Погребова, В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев).

Выявление захоронений в одних из древнейших из известных на территории СНГ катакомбах, обнаруженных в холме у сел. Великент, содержавших типичный местный инвентарь, открыло большие перспективы в изучении вопросов, связанных как с отношениями местного населения с носителями катакомбной культуры, так и с ролью Северо-Восточного Кавказа в сложении катакомбной культурно-исторической общности в степных областях Юго-Восточной

Европы. Ранняя группа великентских катакомб датируется, по мнению М.Г. Гаджиева, не позже середины III тыс. до н.э., III тыс. до н.э. [7, с. 129–140, 149, 150].

Исследование в Дагестане одних из древнейших на Кавказе катакомбных захоронений позволило М.Г. Гаджиеву предположить возможность взаимодействия местного оседло-земледельческого населения и подвижных скотоводов Юго-Восточной Европы и проникновения в степи Предкавказья катакомбного обряда вместе с ее носителями с территории Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы. После изучения материалов Великентских катакомбных могильников в настоящее время уже никто не рассматривает исследованные Р.М. Мунчаевым и К.Ф. Смирновым в Манасе и в других местах Приморского Дагестана подкурганные катакомбы среднего бронзового века как результат продвижения групп населения катакомбной культуры [3, с. 167–203].

Ряд исследователей (В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев) отнесли Манасский курганный могильник вместе с другими синхронными памятниками к так называемому среднему этапу эпохи бронзы Дагестана – манасско-гинчинскому (1700–1400 гг. до н.э.), наряду с ранним – карабудахкентско-гонобским (конец III–II тыс. до н.э.) и поздним – каякентско-хорочоевским этапами (XIV–XIII вв. до н.э.) [8, с. 11–28]. А в 1974 г. в статье «Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы» М.Г. Гаджиев выделил три группы памятников: присулакскую – в Северном Дагестане, в бассейне среднего Сулака; манасскую – в Приморском Дагестане; гинчинскую культуру – в горных районах Дагестана и Чечни и датировал их первой половиной II тыс. до н.э. [9, с. 16–17].

Поселения манасской группы памятников изучены слабо. Поселение у сел. Карабудахкент находилось в ложине между гор рядом с рекой. На данном поселении выявлены остатки глинобитных зданий и различные скопления камней. Здесь обнаружено большое количество кремневых отщепов, несколько кремневых наконечников стрел, кварцитовый пест-колотушка, обломок еще одного кварцитового орудия и фрагменты керамики [10, с. 173–175]. Керамика поселения по фактуре и цвету глины, по технике обработки поверхности и некоторым деталям орнамента занимает промежуточное положение между керамикой конца эпохи ранней бронзы и КХК и относится к начальному периоду среднего бронзового века. Поверхность многих фрагментов обмазана глиной. Близость с керамикой КХК намечается по формам сосудов и по орнаменту (налепной валик с вдавлениями). Также керамика Карабудахкентского поселения проявляет близость и с керамикой Манасского курганного могильника. Часть фрагментов имеет поверхность коричневого цвета с примесью шамота [10, с. 173–174].

Манасские курганы небольшие по размеру, имеют кромлехи [3, с. 184–203]. Курган № 1 – круглой формы; диаметр – 16 м, высота – 1,28 м, с кромлехом диаметром ок. 3 м, с толщиной 0,50 м, состоящим из небольших камней. Основное погребение ограблено (Рис. 3А, I). Могила вырыта на глубине 4,15 м от вершины кургана и смещена от центра к северо-западу. Могила овальной формы, длина – 2,1 м, ширина – 1,4 м. На высоте 0,75 м от дна могилы на уступах устроено перекрытие могилы из массивных плит ракушечника толщиной

0,2–0,26 м, в центре нарушенное грабителями. В грабительском ходе найдены фрагменты сосудов. Под перекрытием находилось нечто вроде камеры с земляным сводом (высотой 1,45 м), не заполненной землей (рис. 3А, II, III). Камера была частью грабительского лаза, увеличенного из-за провала земли в пустую могилу. На дне ямы, выстланном галечником, на глубине 2,1 м лежали кости полного скелета женщины (рис. 3А, I, III). Череп хорошей сохранности был искусственно деформирован в области теменных костей.

В кургане № 3 выявлены две катакомбы, связанные между собой проходом (рис. 3А, IV, V, VI). В них захоронено 14 человек, еще 3 погребения выявлены в насыпи.

Катакомба № 1 имела вход, закрытый большой каменной плитой, по обеим сторонам к которой прилегли два длинных камня. Вход имел вид вертикально идущего вниз колодца – дромоса. Глубина «колодца» – 2,8 м, высота и ширина входа в катакомбу – 1 м. Катакомба представляла собой обширную, вырытую в плотном материковом грунте, погребальную камеру округлой формы (2,3×2,4 м) (Рис. 3А, IV, VI). Свод камеры арочный. Максимальная высота арки 1,5 м. Дно камеры располагалось на 1 м глубже дна входного колодца. Под толчком в северо-восточной части камеры находился проход, который вел в катакомбу № 2. Стены и потолок ее были обложенными сырцовыми кирпичами и камнем. Ход закладывался камнями и обломками сырцовых кирпичей, имел ширину 0,55 м и высоту 0,35 м. На земляном полу камеры катакомбы № 1 обнаружены 5 скелетов в вытянутом положении на спине, головами ко входу – на ЮЗ. Скелеты лежали на подстилке из морской травы (водорослей) (Рис. 3А, IV, VI), от которой сохранился коричневато-фиолетовый тлен.

Катакомба № 2 имела свою входную яму. Дно входной ямы соответствовало глубине пола входной ямы катакомбы № 1 (Рис. 3А, V, VI). На глубине 1,9 м входная яма суживалась до ширины 0,65 м, образуя ступень высотой 1,2 м и узкий коридор длиной 2,4 м, соединяющий обе катакомбы. Данный коридор имел арочный потолок из камней и кусков обожженной глины. Высота свода – 0,65 м, ширина – 0,75 м. Пол катакомбы располагался ниже пола коридора на 1,05 м. Вход в катакомбу закладывался мелкими плитками сланца и двумя большими плитами, стоявшими наклонно, вплотную друг к другу (Рис. 3А, V, VI).

Погребальная камера была овальной формы (3,3×2,95 м). Потолок куполообразный. Высота камеры 2,2 м, в ней выявлено семейное захоронение мужчины, 2 женщин и 6 детей. Здесь, а также в других курганах, где открыты погребения в грунтовых ямах и каменных гробницах скелеты были обсыпаны охрой, имели плохую сохранность, но, судя по отдельным костям *insitu*, были погребены в вытянутом и скорченном положении [3, с. 184–203]. Костяки покоились на деревянных плахах и подстилках из морской травы (водорослей) и камышей (Рис. 3А, V, VI). Данные погребальные сооружения, очевидно, являлись семейно-родовыми усыпальницами.

Случайно обнаруженная у Манаса и расчищенная Г.С. Федоровым катакомба представляла обширную камеру почти круглой в плане формы диаметром

2,52 м. Вход овальной формы – шириной 62 см и высотой 83 см. Погребальная камера имела сводчатую форму. Дно ее находилось на глубине 1,70 м от нижнего края входного отверстия. Высота камеры 2,27 м. От входного отверстия в камеру были проложены три ступени. Дно камеры вымощено каменными плитами толщиной 0,8–0,11 см. На плитах кое-где уцелели фрагменты деревянной подстилки и подстилки из морской травы – камки [4, с. 22–25].

Отметим, что особенности инвентаря из Манасского могильника состоят в том, что только здесь обнаружены своеобразно орнаментированные миски с желобком под бортиком (рис. 4; 6 А). Они не встречаются в других районах Дагестана [3, с.193–194;4, с. 22–25]. Для манасской группы памятников характерна своеобразная керамика: сосуды, орнаментированные желобчатым, штампованным и ямочным узорами (рис. 4; 6 А). Специфичны и некоторые предметы из бронзы и дерева в памятниках манасской группы. Так, обнаруженные в Манасских курганах бронзовые очковидные привески не встречены в других местах Дагестана, если не считать находки подобных вещей из могильника Галгалатли в Горном Дагестане (рис. 4; 6 А). Наряду с характерными для памятников Дагестана керамическими сосудами (горшки с заглаженной и с обмазанной жидкой глиной поверхностью), другой инвентарь, в том числе и металлический, нередко распространен и на других памятниках Дагестана. Поэтому считать его характерным только для данной группы нельзя [3, с. 193–203; 4, с. 22–25].

Особенность погребального обряда Манасских курганов проявляется и в том, что здесь представлены захоронения в подкурганных катакомбах, которые отличаются от расположенных южнее катакомб Великентского могильника I, где были выявлены бескурганные катакомбы, вырытые в толще естественных холмов. Авторы раскопок могильника возле станции Манас Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов, характеризуя погребальный обряд, отмечают местную традицию, усложненную несомненным «проникновением сюда степных этнических элементов». Чисто степными элементами культуры они считали «сооружения в виде катакомб и древесно-камышовую подстилку дна могил» [3, с. 186–191]. Они также указали и на местные признаки культуры, к которым отнесли: погребения с вытянутыми костяками, некоторую часть скелетов с чертами расчленения, обычай сооружения вокруг курганов кромлехов.

Бытовые памятники на территории МГП, как указывалось выше, изучены плохо. К сожалению, приходится констатировать то же самое и для памятников КХК. Поселения КХК, найденные на рассматриваемой территории, обычно располагались в лощинах между гор (Карабудахкентское поселение), на высоких холмах (Каякент II), но всегда возле источников воды и рек. Поселения в предгорной части Северного Дагестана (Нижняя Сигитма, Бачазул-шоб) открыты на высоких речных террасах, на платовых поднятиях (Новолакское) и по склонам гор [11, с. 90]. К ним можно добавить поселения Верхнегунибское и Ирганайские I и III [8, с. 182–183; 12, с. 22–23]. Лучше всего исследовано Верхнегунибское поселение, расположенное на высокогорном плато. Материалы

его верхнего слоя (слоя I) относятся по времени к КХК. Ирганайские поселения I и III расположены в горной долине. Если сравнить с топографией поселений раннего бронзового века и раннего этапа среднего бронзового века данной территории, то можно заметить много общих черт. Хотя нетрудно и увидеть различия, которые выражаются в том, что для поселений КХК не играет большой роли при выборе места оборонительный фактор. В.И. Марковин отмечал, что «изменяются места расположения – с труднодоступных гор и скальных поднятий они спускаются в менее укрытые от посторонних глаз долинки, плато, склоны гор» [11, с. 90–91].

Характеризуя жилища КХК, можно утверждать, что особых изменений в их конструкции и планировке не имеется по сравнению с предшествующим периодом. В пользу этого говорят данные раскопок Верхнегунибского (слой I) и Нижнесигитминского поселений. На Верхнегунибском поселении выявлены многокамерные каменные жилища прямоугольной формы, ступенчато возвышающиеся друг над другом, с очагом внутри помещений [11, с. 159]. А на Нижнесигитминском поселении были открыты многокамерные жилые постройки прямоугольной формы и с плоской крышей на каменном основании, верхняя часть их была глинобитной. Внутри помещений имелись очаги двух видов: круглые и четырехугольные [8, с. 90]. Эти и другие данные, по-видимому, позволяют говорить о преемственной связи в архитектуре поселений и жилищ КХК и предшествующего времени.

Существенные различия наблюдаются в погребальных сооружениях и обряде МГП и КХК. Для МГП характерны коллективные захоронения в катакомбах, а также в основном одиночные погребения в грунтовых ямах и каменных гробницах. Погребения совершались в вытянутом и скорченном положении в ЮЗ направлении. Инвентарь довольно многочисленный и разнообразный. В то же время погребальные сооружения и обряд КХК имеют свои специфические особенности, которые отличают их от предшествующих культур. Характерной чертой КХК является: захоронения в каменных ящиках с одиночными, в редких случаях парными погребениями, с костяками, уложенными скорченно или сидя, с выдержанной ориентацией (рис. 3Б).

Набор инвентаря в каменных ящиках, как правило, относительно бедный и довольно однообразный (рис. 5; 6Б) [13, с. 3–20; 14, с. 51–96; 11, с. 30–33; 15, с. 54]. Однако следует указать на то, что за последние сорок лет выявлены относительно богатые комплексы, в которых найден разнообразный инвентарь (большой набор керамического материала, изделия из металла: предметы вооружения, орудия труда, разнообразные украшения, в том числе из золота и серебра).

Все это, свидетельствует о существенных различиях МГП и КХК в погребальных сооружениях и обряде (погребальной практике, идеологии), а также в характере инвентаря.

Для КХК характерны керамические комплексы, в которых представлены сосуды с грубо обмазанной жидкой глиной поверхностью и сосуды с заглаженной

поверхностью, характеризующие данную культуру (рис. 5; 6Б). Сосуды подразделяются на следующие типы:

1) крупные широкогорлые сосуды с раструбовидным венчиком, округлым туловом и непропорционально узким дном;

2) горшки округлых контуров с вздутым туловом, широким горлом со слегка отогнутыми венчиками и довольно широким дном, которые подразделяются на два подтипа: а) высокие и б) приземистые;

3) сосуды удлинённых пропорций, с небольшим дном, широким в виде раструба устьем (равным ширине тулова или шире его);

4) сосуды биконической формы, острорёберные, с широким дном и почти такой же величины устьем. Венчик почти не отогнут. Снабжены они по одной ручке;

5) широкоустные, без выделенного венчика, округлые или слегка угловатые баночные сосуды на узком дне. Встречаются высокие и приземистые горшки округлых контуров. По оформлению устья их можно разбить на два подтипа: а) с прямым бортиком; б) со слегка обращенным внутрь бортиком;

6) миски или чаши в основном конической формы. Они довольно приземисты, с узким дном, устье широко развернуто. Наружная поверхность, иногда краины и донца богато орнаментированы различными комбинациями резного елочного узора;

7) небольшие круглодонные сосуды [11, с. 42–58; 16, с. 341–345; 17, с. 248; 15, с. 56–58] (рис. 5; 6Б).

Украшения из металла и другой инвентарь КХК представлены следующими предметами: пластинчатые височные подвески с лопастями из бронзы; височные подвески из круглого в сечении бронзового стержня; наконечники украшений из бронзы (наконечники трубочки, полушарные и конусовидные колпачки); разнообразные браслеты из бронзы; секировидные подвески из бронзы и золота с петелькой для подвешивания; разнообразные сурьмяные подвески; каплевидные и другие подвески из бронзы; нашивные бляхи из бронзы; листовидные черешковые клинки (распространены в памятниках начального периода КХК, для заключительного периода характерны бесчерешковые клинки с тремя отверстиями для рукояти) [13, с. 3–20; 14, с. 51–96; 11, с. 42–71; 16, с. 341–350; 15, с. 59–69] (рис. 5; 6Б).

Ряд форм керамики и инвентаря выявлены, хотя и в значительно меньшем количестве, как в памятниках предшествующего времени, так и последующего периода. Но в таком устойчивом сочетании они встречаются и составляют отличительную особенность, характерную именно для памятников КХК.

Одновременно с отличиями, памятники МГП и КХК обнаруживают довольно большое сходство. Это проявляется в четкой планировке погребений (ящики и другие захоронения располагаются правильными рядами), в ориентировке могил, в наличии кромехов и стел, угольков в могилах, в вытянутом и скорченном положении погребенных.

Значительный интерес представляет для нашей темы открытие как в Дагестане и Чечне, так и ареале распространения МГП, погребальных сооружений

смешанного, переходного типа (гробница-ящик) и каменных ящиков с круглодонными сосудами и двуручными сосудами с раструбовидным горлом, выпуклым туловом и узким дном, которые дают возможность проследить постепенную трансформацию МГП в КХК (рис. 3 Б). Это сооружения смешанного типа и каменные ящики из курганного могильника Манаскент I¹, захоронения в каменных ящиках в других памятниках: погребение № 1 Урцекского 2-го могильника², погребения № 2 и № 3 могильника Айдильго³, могильника Каякент [18, с.100–102]. Во всех указанных памятниках найдена круглодонная посуда с гладкой поверхностью, имеющая близкие аналогии в гинчинско-гатынкалинской культуре (далее ГТК) и в меньшей мере – в присулакской культуре. В этих памятниках открыты одиночные или парные захоронения в каменных ящиках и гробнице-ящике в направлении СВ-ЮЗ или С-Ю, костяки которых лежали скорченно головой на Ю, ЮЗ (рис. 3Б). Указанные комплексы смешанного типа близки к сооружениям смешанного типа (склеп-ящик, гробница-ящик, яма-ящик), известных в ГТК (Гатынкале, Бельты II, Ирганай) и в присулакской культуре (Чиркей, Миатли, Манаскент I, Гертма I, II, III, Саласу). С другой стороны, находки круглодонных сосудов в каменных ящиках, характерных для памятников ГТК, а не для КХК, характеризуют эти комплексы как промежуточные, переходные от памятников начального этапа среднего бронзового века к КХК

Отмеченные комплексы не единичны. К ним примыкают по времени следующие памятники: каменный ящик у курорта Талги, где обнаружен фрагмент керамики со шнуровым орнаментом в виде елочки [17, с. 67], Таркинский подкурганый каменный ящик [19, с. 228–229], Кафыркумукская каменная гробница с бронзовым клинком архаичного облика, для которой имеется радиоуглеродная дата 1740 ± 60 г. до н.э. [15, с.70]. Из каменного ящика у сел. Каякент происходит также сосуд с шаровидным туловом, с короткой цилиндрической горловиной, орнаментированный шнуровым узором с заглаженной поверхностью и раскрашенный подтеками черной краски [18, с. 101, рис. 1]. Этот сосуд имеет близкие аналогии среди керамики Ирганайского поселения и могильника⁴ [20, с. 315, рис. 76,8]. Другой сосуд из Каякента с округлым туловом и раструбовидным венчиком, с обмазанной поверхностью [18, с.101, рис. 2]. Верхняя половина тулова покрыта подтеками краски. Как и первый, он украшен по плечикам налепным валиком. Этот сосуд по форме находит аналогии в Ирганае⁵ [20, с. 315, рис. 76, 7,10], Гатынкале [21, рис. 10,1, 13,2, 21,5], Бельты II [22, с. 9, рис. 4, 1-3], Миатли [23, с. 116–120, рис. 24, 2], Чиркее [11, с. 22, рис. 5,1, 6,2; 24, с.145–157, рис. 7,5], Гертме I, II, III [25, с. 66, рис. 2а, 2б; с. 68, 2а, 2б]. Укажем

1 Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И. Отчет о работах ДАЭ в 1985 г. // РФ ИИАЭ Ф. 3. Оп. 3. Д. 627. Л. 5–32.

2 Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1961 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. Л. 63–65

3 Гаджиев М.Г. Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1964 г. Махачкала, 1965 // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 190. Л. 27–29.

4 Атаев Г.Д. Отчет об исследованиях Ирганайской новостроечной археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1989 г. Махачкала, 1991 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 3. Рис. 67,8.

5 Там же. Рис. 67,8.

и на находку очковидной подвески, аналогичной найденной в Манасском могильнике [26, с. 101–102].

Описанные комплексы проявляют сходство с памятниками предшествующего времени, а также с КХК. Подводя итоги изучения Манасских курганов, Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов пришли к заключению, что культура, представленная рассмотренными памятниками, «имеет яркие черты преемственности по отношению к местной культуре как предшествующего, так и последующего времени» [3, с. 193]. Черты преемственности между МГП и КХК выявлены как на примере керамики, так и на примере остального инвентаря.

Более детально общие черты сходства между различными культурами и группами памятников начального периода среднего бронзового века Дагестана и Восточной Чечни и КХК удалось выявить В.И. Марковину и В.Г. Котовичу [11, с. 42–59; 15, с. 55–56, рис. 7]. После издания монографии В.И. Марковина, посвященной КХК, прошло 52 года, и за это время обнаружены новые памятники эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. В центральной части равнинно-предгорного Дагестана выявлены как памятники начального периода среднего бронзового века: могильники Зеленоморск, Манаскент, Таулар-гол [27, с. 110–111], Олелитюбе у сел. Карабудахкент [28, с. 66–68], так и переходного типа: Кафыркумух [15, с. 70], Манаскент I⁶, Урцеки 2⁷, а также памятники КХК – могильники Мискинбулак [29, с. 77–94], Тахиркала [30, с. 46–61], Нижний Дженгутай [31, с. 49–61], Новый Дейбук [32, с. 35–36], Канабур-ауз [33, с. 81–94], Ачису III и др. [26, с. 51–55; 29, с. 96–98]. Новые материалы во многом подтвердили выводы В.И. Марковина и В.Г. Котовича о преемственности культуры начального периода среднего бронзового века и КХК, а также уточнили и подкорректировали некоторые их взгляды. С другой стороны, они позволили более детально и глубже исследовать проблему преемственности и инноваций в развитии рассматриваемых нами культур.

Учитывая раскопки новых памятников на Кавказе и полученные новые радиоуглеродные даты, представляется возможным удревнить как нижний, так и верхний пределы культур среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа, в частности МГП и КХК. Раннюю фазу культур среднего бронзового века следует датировать XXV–XVIII вв. до н.э., а позднюю XVIII–XVII вв. до н.э. Что касается хронологии КХК, то ее периодизация представляется следующей: I – ранний этап – 1700–1600 гг. до н.э., время появления отличительных признаков; II – средний этап – 1600–1400 гг. до н.э., время расцвета характерных черт культуры; III – поздний этап – 1400–1200 гг. до н.э., время заката культуры. К сожалению, мы располагаем только несколькими радиоуглеродными датами, полученными для великентских памятников раннего и среднего бронзового века, а для памятников КХК только двумя датами. Поэтому не представляется

6 Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И. Отчет о работах ДАЭ в 1985 г. М., 1986 // РФ ИИАЭ Ф. 3, Оп. 3, Д. 627. С. 5–32.

7 Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1961 // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. С. 63–65.

возможным провести углубленную работу по хронологии, как это сделали в статье «Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях» С. Райнхольд, А.Б. Белинский, Б.Х. Атабиев [34]. Основная причина – все еще слабая изученность региона и отсутствие большой серии радиоуглеродных дат. Такую работу предстоит провести в будущем. Определение хронологических рамок и места памятников КХК позволит составить более точное представление о культурно-историческом развитии населения Дагестана в эпоху СБ и ПБ и осветить взаимосвязь культур ранних этапов эпохи СБ и КХК, которая сыграла большую роль на раннем этапе этногенеза населения Северо-Восточного Кавказа.

Рассмотрим вначале керамические комплексы. Так, сосуды I и II типа КХК по В.И. Марковину и I типа по В.Г. Котовичу – крупные сосуды с очень широким туловом, часто непропорционально узким дном и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 6Б) – восходят генетически к памятникам начального периода среднего бронзового века (могильники Манас, Великент I) [3, с. 178–183, рис. 7, 5; 35, с. 7–9, рис. 1, 18, 20; 36, с. 43–44, рис. 13, 9; 37, 10; 38, с. 43–104, fig. 59, 8–9] и даже ранней бронзы (поселения Каякентские – Геметюбе I, II, Великент I, могильники Карабудахкент II, Великент I – катакомба №8; Каякент VI) на территории Приморского Дагестана [14, с. 26, рис. 4, 5–9; 10, с. 152, рис. 5, 1, 2; 7, с. 130–134, рис. 22, 20, 27; 20, с. 67; 36, с. 13–19, рис. 4, 6; 11, 9–10]. Известны они и на территории Предгорного (Сигитма, Чиркей, Миатли, Гертма I, II, III, Саласу, Гентал)⁸ [7, с. 148, рис. 36, 16; 39, с. 69–74, рис. 5, 11; 8, 1; 23, с. 87–95, табл. 1, 11; 11, 4; 7, 1; 25, с. 66, рис. 1а, 1б, 2а, 2б; с. 67, рис. 1а, 1б, 2а, 2б, 3а, 3б; с. 68, рис. 2а, 2б; 40, с. 17–20, табл. II, 8–10] и Горного Дагестана (поселение Галгалатли, Верхний Гуниб, могильники Гинчи, Ирганай, Галгалатли II и др.) [41, с. 73–131, рис. 16–21, табл. IV–VII; 42, с. 51–52, табл. 10, 11–12; 8, с. 199–200, рис. 52, 9; 53, 12; 38, 8; 62, 17; 43, с. 128–130, рис. 15, 16; 36, с. 13–14, рис. 45, 5, 6; 44, с. 98, рис. 3, 12, 13; 11, с. 42–53, рис. 17–20; 15, с. 55–56, рис. 7, 1–5; 14–19; 32–43] и Чечни (Новый Аршти у сел. Бамут, Гатынкале, Саади-Котар, Бельты II, Малый Харсеной и др.) [45, с. 57–59, рис. 17, 1, 3; 21, рис. 2, 12; 12, 1; 27, 2; 28, 2; 33, 5; 46, с. 66–74, рис. 1, 1; 2, 3, 5; 3, 1, 6, 7, 12; 22, с. 9, рис. 4, 1–3; 47, с. 28–47, рис. 3, 6; 4, 14; 5, 7; 7, 7; 8, 1, 2].

Большое сходство проявляется и в орнаментации сосудов. Как отмечал В.И. Марковин, «декор в виде налепных валиков, резного узора, выпуклых рожек, трезубцев, «буквы М» и пр. известен на посуде более раннего времени... Таким образом, керамические находки лишней раз подчеркивают связь каякентско-хорочоевских памятников с предшествующими этапами эпохи бронзы» [16, с. 289–333, табл. 87, 22, 23, 26, 28, 35; табл. 95; табл. 99; табл. 103; 48, с. 345, табл. 107; табл. 108; 36, с. 13–57].

Остальные типы сосудов КХК – типы 3–7 по В.И. Марковину и 2–3 по В.Г. Котовичу (рис. 5, 6Б) – также проявляют генетическую преемственность с керами-

⁸ Атаев Г.Д. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2001 г. Махачкала, 2002. // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 6. С. 145–157, рис. 4, 4.

кой памятников эпохи средней и ранней бронзы, как на территории Приморского Дагестана, так и в предгорных и горных районах. Керамика 3-5 типов по В.И. Марковину и 2-го типа по В.Г. Котовичу подразделяется на два подтипа: 1) сосуды округлых контуров с туловом небольшого диаметра, довольно широким дном и слегка отвернутым венчиком (не превышает ширину тулова); 2) сосуды удлинённых пропорций, с небольшим дном, широким, в виде раструба, устьем (оно равно ширине тулова или превышает его) встречается в памятниках Северо-Восточного Кавказа предшествующего времени (поселение Верхний Гуниб, могильники Манас, Гоно, Миатли, Ирганай, Гатынкале, Гинчи и др.) [3, с. 175–183, рис. 4, 7; 7, 6; 10, 2; 49, с. 35, рис. 20, 3; 23, с. 113, табл. III, 1, 5, 6; 50, с. 116, рис. 9,1; 21, с. 54, рис. 30, 13; 8, с. 146–175, рис. 59, 3, 6; 43, с. 59, рис. 4, 5, 7; 26, 5; 42; 48, 7].

Керамика 6 типа по В.И. Марковину и 3 по В.Г. Котовичу (рис. 5, 6Б) – высокие и приземистые сосуды баночной формы округлых контуров с устьем, слегка обращенным внутрь сосуда. По оформлению устья они делятся на подтипы с прямым и слегка скошенным внутрь бортиком. Данный тип керамики также встречается в памятниках Дагестана и Чечни предшествующего времени (поселение Великент I, могильники Гоно, Гинчи, Ирганай, Гатынкале и др.) [7, с. 148, рис. 36, 16; 49, с. 35, рис. 20, 2, 4, 5; 8, с. 146–175; 43, с. 123–125, рис. 6, 12, 14; 27, 6; 50, с. 116, рис. 7,1; 51, с. 5; 21, с. 72–73, рис. 13, 1; 14, 1; 30, 13].

Сосуды 7 типа по В.И. Марковину (рис. 5, 6 Б) – миски и чаши, широко известные в памятниках Северо-Восточного Кавказа еще с эпохи энеолита (поселения Гинчи, Чинна и др.) [7, с. 64–78, рис. 13, 2-5, 15; 15, 6, 10, 12, 18], ранней бронзы (поселения Геметюбе I, II, Великент I, Джемикент, Мамайкутан, Мекеги, Гагалатли I, Чиркей, Сигитма, Верхний Гуниб – нижний слой, могильники Карабудахкент II, Гоно, Великент I и др.) [14, с. 41–42, рис. 10, 1; 11, 5, 6; 10, с. 150, рис. 3, 1; 7, с. 130–148, рис. 21, 5; 22, 9, 21, 24; 23, 4, 5; 24, 3; 26, 1-4; 28, 15-18; 30, 5-7; 32, 2-4; 35, 1, 4, 13; 36, 4; 36, с. 15–56, рис. 10, 3, 5; 13, 1-3; 18, 1-9; 49, с. 35, рис. 19, 8, 9; 8, с. 146–175, рис. 53, 1, 4, 8, 11, 13, 15; 52, с. 187–188, рис. 29, 7] и средней бронзы (поселения Верхний Гуниб – средний слой, Ирганай, Гагалатли II и др.) [8, с. 146–175, рис. 58, 2, 5, 7, 10; 59, 1, 2; 61, 6; 20, с. 305–306, рис. 64; 65; 44, с. 98, рис. 1, 3], могильники Манас, Миатли, Чиркей, Гертма III, Гентал, Ирганай, Гатынкале, Гинчи, Гагалатли и др.) [3, с. 175–183, рис. 4, 1, 4, 5, 6; 6, 1, 2; 7, 1, 2, 3, 4; 10, 1, 4; 23, с. 87–95, рис. 16, 5; табл. III, 7; 24, с. 154–155, рис. 7, 3; 25, с. 68, рис. 1а, 1б; с. 69, рис. 1а, 1б; 40, с. 17–19, табл. II, 11-12; 50, с. 116, рис. 3, 3; 48, с. 345; 43, с. 59, рис. 5, 1, 3-6; 6, 9-11; 8, 3, 4; 10, 11-12; 12, 15; 13, 5; 15, 13 и далее; 49, с. 98, рис. 3, 1-4; 5, 2]⁹. По мнению Р.М. Мунчаева, сосуды типа мисок эпохи ранней бронзы «можно считать местной формой керамики дагестанского, или восточнокавказского варианта куро-араксской культуры» [52, с. 188].

⁹ Атаев Г.Д. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2001 г. Махачкала, 2002 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 6. С. 13–14, рис. 45, 4, 7; 28. С. 116–117.

Черты преемственности наблюдаются и в изделиях из металла, камня, кости. К примеру, украшения из бронзы – браслеты, височные кольца, пластинчатые височные украшения, конусовидные и полушарные колпачки встречаются в памятниках начального периода среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа. На эти вопросы обратили внимание и специально рассмотрели в своих работах В.И. Марковин и В.Г. Котович [11, с. 61–76; 48, с. 345–350; 15, с. 59–64].

В комплексах смешанного, переходного типа и КХК не обнаружены каменные наконечники булавы, выпрямители древков стрел, известны лишь единичные находки клинков ножей или кинжалов. Из металлических украшений уже не встречаются булавы, подвески в виде медальона, некоторые пронизки. Одновременно с этим в некоторых памятниках появляются изделия из бронзы: широколопастные височные подвески, наконечники украшений – трубочки и колпачки полушарной формы, секировидные подвески и другие бронзовые украшения, а также привески из сурьмы. Хотя в некоторых памятниках они встречались и раньше, но в рассматриваемых памятниках количество их существенно возрастает. К новым находкам следует отнести и появление подвесок из сурьмы, а также бронзовых изделий, где увеличивается использование олова в качестве примесей.

Качественные изменения происходят и в керамике. Еще в единичных экземплярах встречаются находки сосудов со шнуровым орнаментом. Некоторые формы сосудов еще сохраняют преемственную связь с сосудами из памятников предшествующего периода. Но, с другой стороны, заметно уменьшается количество таких форм, как кружки, чашки и миски. Значительно чаще применяется прием обмазки жидкой глиной сосудов. Новым является использование расписного орнамента в виде красок черного, бурого или коричневого цветов.

В целом, мы можем констатировать плавный процесс трансформации МГП в КХК. Об этом свидетельствует распространение новых погребальных сооружений смешанного типа гробница-ящик. Эволюция прослеживается и в погребальном обряде, проявлением чего является исчезновение обряда коллективных захоронений и замена его на индивидуальный обряд погребения в каменных ящиках. Распространение каменных ящиков с круглодонными сосудами и с двуручными сосудами с раструбовидным горлом и выпуклым туловом, а также погребальных сооружений смешанного типа знаменует промежуточный переходный период между памятниками ранних этапов среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа и КХК. Интересно, что указанные комплексы открыты в равнинных и предгорных частях Дагестана, а также в прилегающих к предгорьям районах Горного Дагестана (Ирганай).

Закат куро-араксской культурно-исторической общности на рубеже эпох ранней и средней бронзы привел к распаду прежнего культурного единства региона и сложению новых образований начального периода среднего бронзового века [7, с. 236–238]. В центральной части Приморского Дагестана формируется манасская группа памятников с подкурганскими захоронениями в катакомбах, грунтовых ямах и каменных гробницах. Данные памятники имеют черты

преемственности по отношению к местной культуре предшествующего времени. Масштабность перемен свидетельствует об инфильтрации в Приморский Дагестан степного и северокавказского населения. Они привнесли сюда неизвестные здесь традиции – курганный обряд захоронений, применение охры в погребальном обряде, некоторые формы керамики степного и северокавказского происхождения, шнуровые мотивы в орнаментации керамики и металлических изделий, выпрямители древков стрел, костяные фигурные пряжки, каменные топоры и т.д. Последствием этого было изменение облика местной культуры.

В конце III тыс. до н.э. племена присулакской культуры (далее ПК) распространяются на юг в центральную часть Приморского Дагестана на территорию манасской группы памятников. Об этом говорят следующие памятники: подкурганный гробница в Ярти-тюбе, курганы у поселка Зеленоморск, Манаскент, Олелитюбе у сел. Карабудахкент, Урцеки 2. Определенное время племена из присулакского района мирно сосуществовали с обитавшими южнее по соседству племенами великентской культуры. Но в дальнейшем племена ПК проникают на территорию великентской культуры. Здесь появляются конструкции смешанного типа гробница-ящик, а также каменные ящики с одиночными захоронениями, с круглодонными сосудами и двуручными сосудами с горлом в виде раструба и с выпуклым туловом (Мамайкутан, Каякент и др.)¹⁰ [18, с. 100–102], т.е. с инвентарем характерным для начального периода среднего бронзового века. С другой стороны, в этих погребениях, наряду с названными двуручными сосудами, чаще встречается керамика с обмазанной поверхностью и ряд категорий металлического инвентаря, ставшие наиболее распространенными и характерными для последующей КХК. Проникновение носителей ПК на территорию великентской культуры и утамышской группы памятников привело к их затуханию.

Резюмируя сказанное, укажем, что МГП вместе с другими культурами и группами памятников стала фундаментальной подосновой, на базе которой сформировалась КХК. Трансформация культуры начального этапа среднего бронзового века протекала плавно. Какое-то время ранние памятники КХК, возможно, сосуществовали с поздними памятниками начального периода среднего бронзового века Дагестана, которые позднее постепенно трансформируются и уступают место памятникам КХК в историческом процессе региона.

¹⁰ Гаджиев М.Г. Отчет о работе Прикаспийской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1977 г. Махачкала, 1979 // РФ ИИАЗ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 600. Л. 42-45.

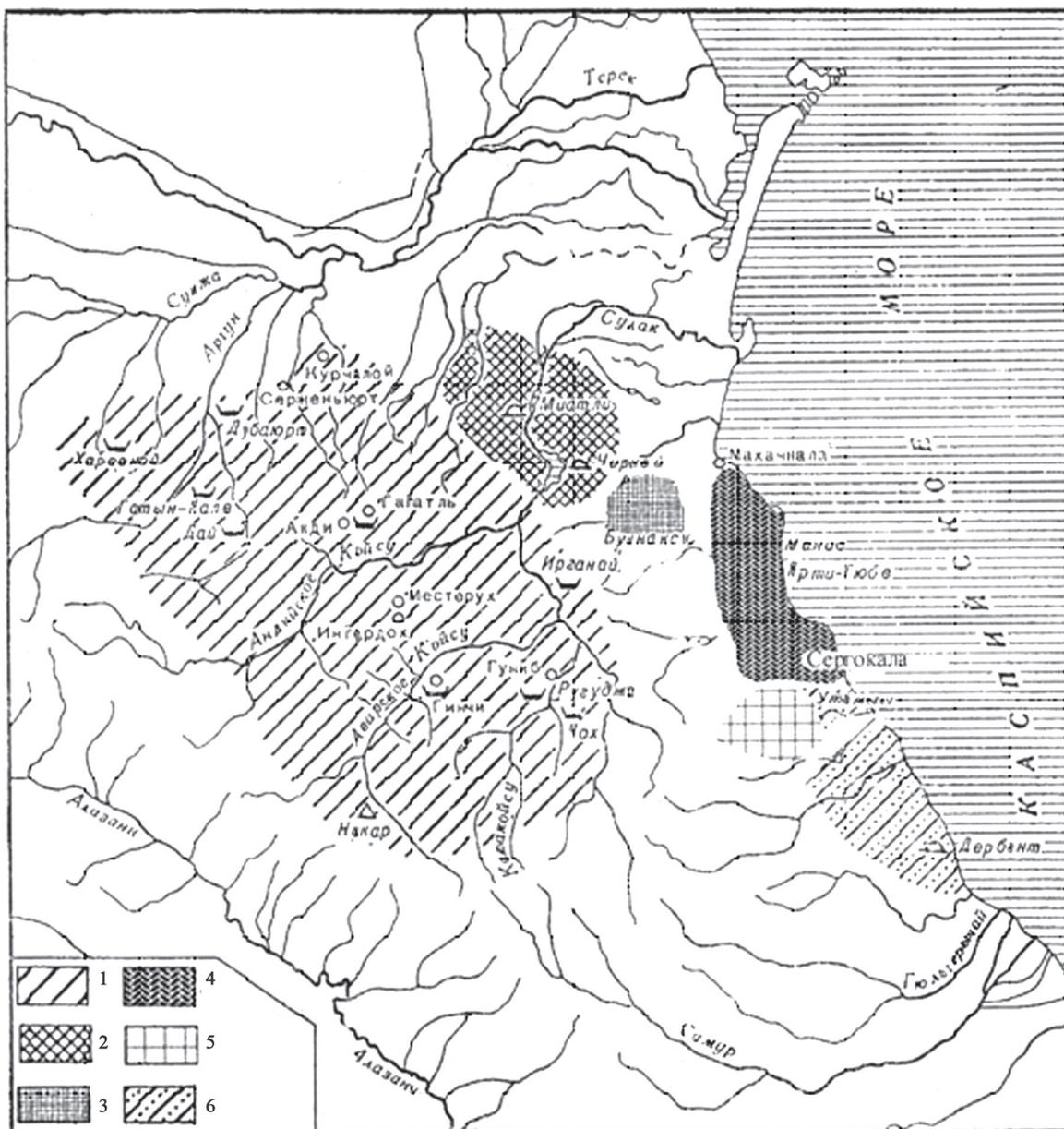

Рис. 1. Археологические культуры и группы памятников раннего этапа эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа: 1 - гинчинско-гатынкалинская культура; 2 - присулакская культура; 3 - гентальская группа памятников; 4 - манасская группа памятников; 5 - утамышская группа памятников; 6 - великентская культура

Fig. 1. Archaeological cultures and groups of sites of the early stage of the Middle Bronze Age of the Northeast Caucasus: 1 – Ginchin-Gatynkala culture; 2 – Prisulak culture; 3 – Gental group of sites; 4 – Manas group of sites; 5 – Utamysh group of sites; 6 – Velikent culture

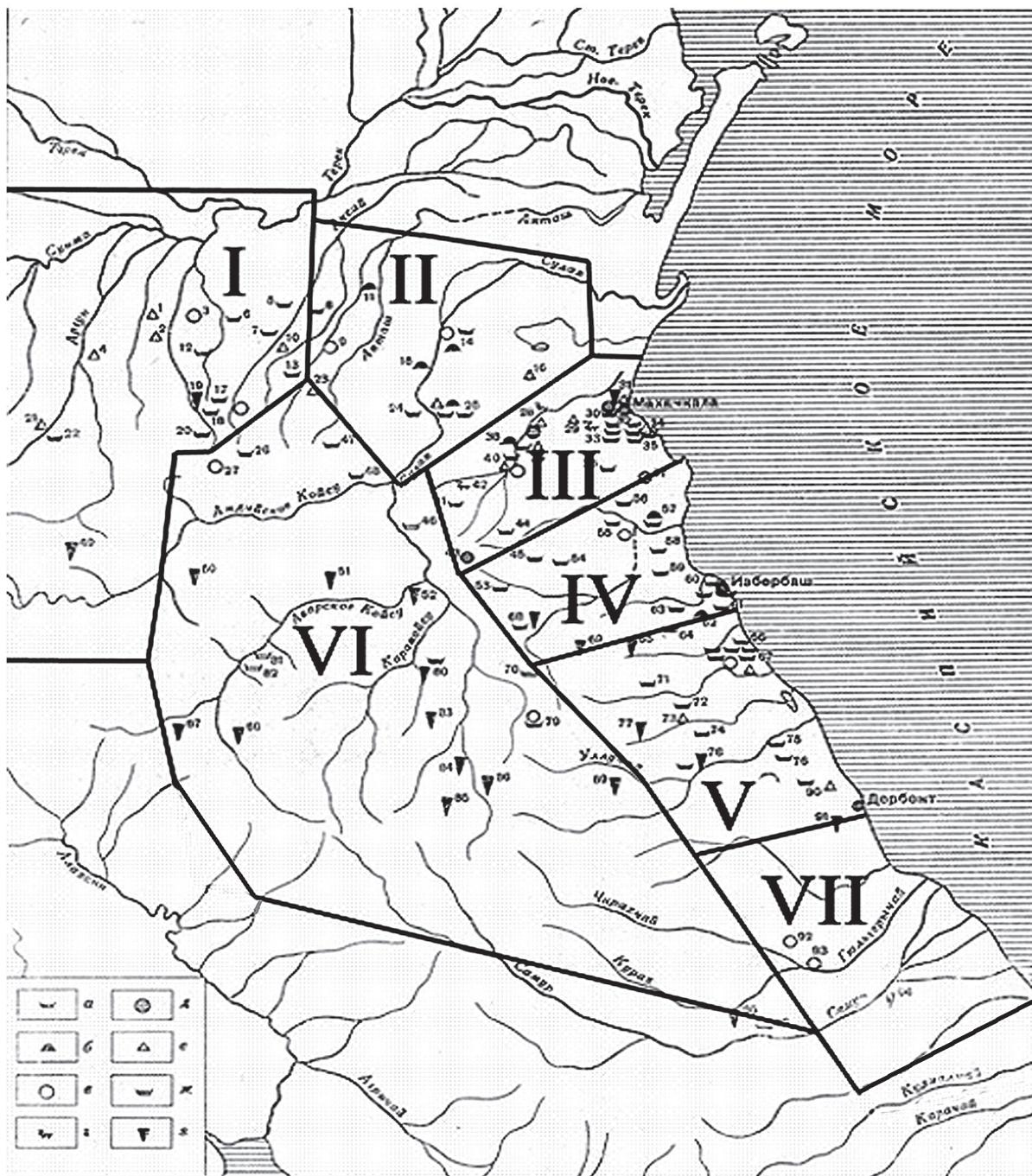

Рис. 2. Каякентско-хорочоевская культура. Локальные варианты.
 I - восточно-чеченский; II - присулакский; III - таркинско-талгинский;
 IV - манаско-мискинбулакский; V - каякентско-берикейский; VI - горно-дагестанский;
 VII - присамурский

Fig. 2. Kayakent-Khorochoy culture. Local variants.
 I – East Chechen; II – Prisolaksky; III – Tarka-Talginsky;
 IV – Manas-Miskinbulaksky; V – Kayakent-Berikei;
 VI – Mountain-Dagestan; VII – Prsamurskaya

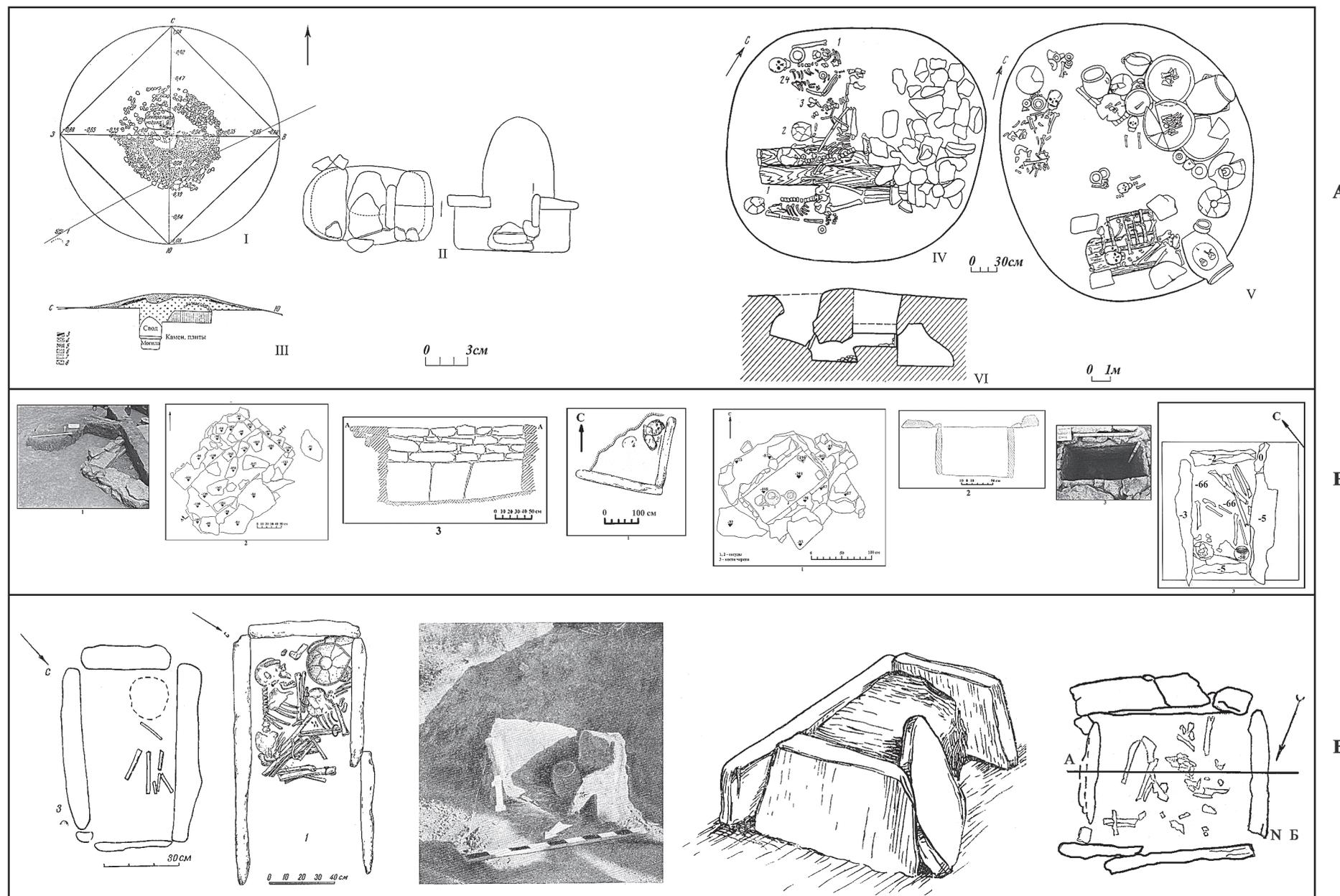

Рис. 3. Сводная таблица развития погребальных сооружений и обряда манасской группы памятников (А) и каякентско-хорочоевской культуры (Б,В)

Fig. 3. Summary table of the development of burial structures and rites of the Manas group of sites (A) and Kayakent-Khorochoy cultures (B, C)

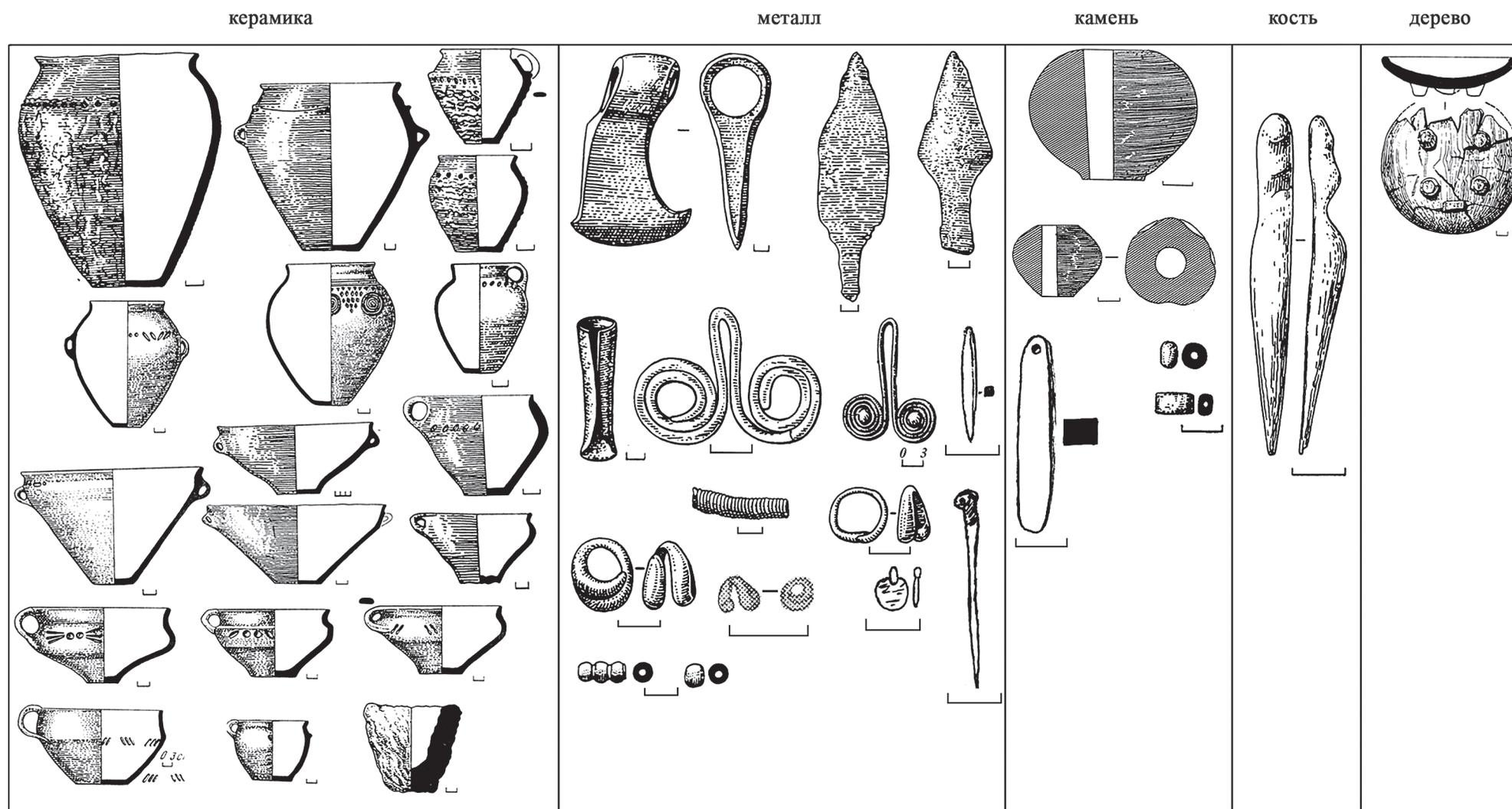

Рис. 4. Сводная таблица погребального инвентаря манасской группы памятников

Fig. 4. Summary table of funerary goods of the Manas groups of sites

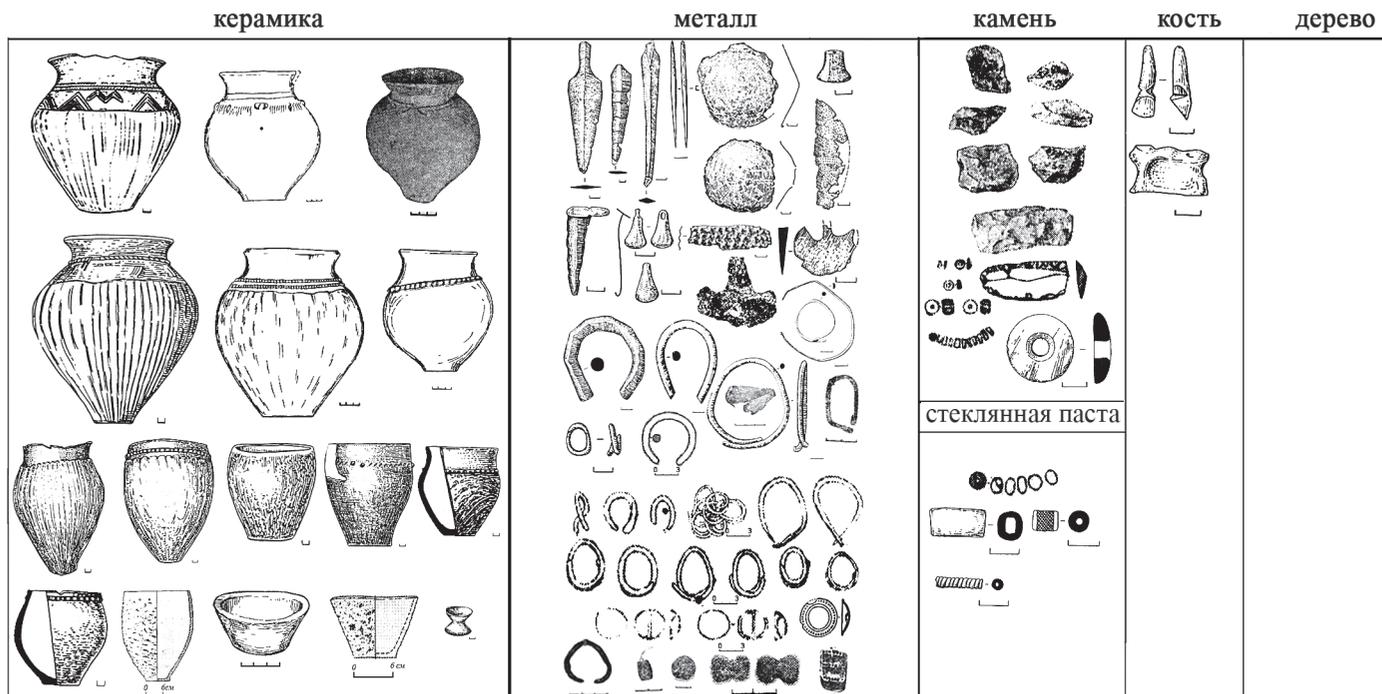

Рис. 5. Сводная таблица инвентаря манасско-мискинбулакского локального варианта каякентско-хорочоевской культуры

Fig. 5. Summary table of funerary goods of the Manas-Miskinbulak local variant of the Kayakent-Khorochoy culture

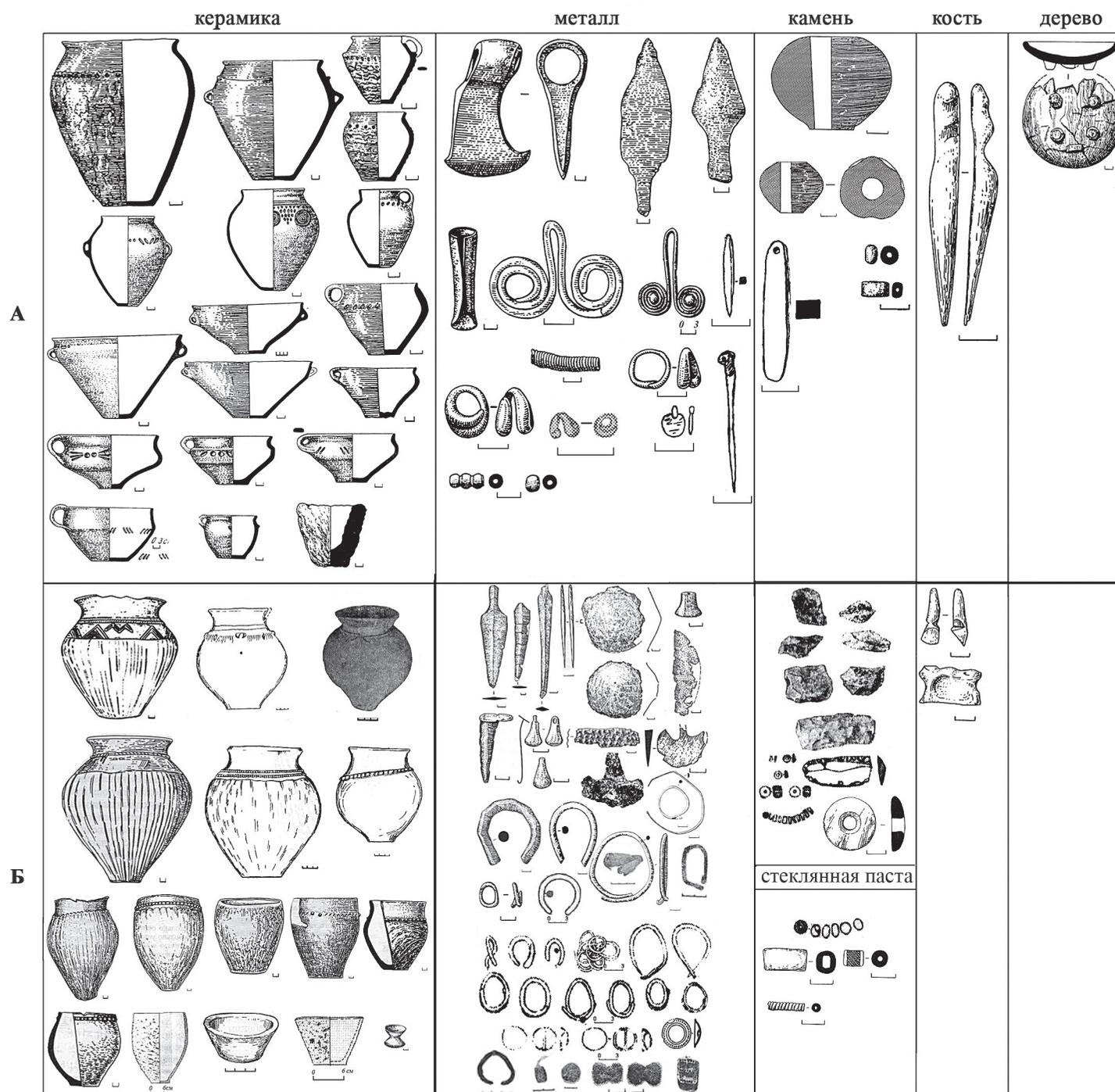

Рис. 6. Сводная таблица развития погребального инвентаря манасской группы памятников (А) и каякентско-хорочоевской культуры (Б)

Fig. 6. Summary table of the development of funerary goods of the Manas groups of sites (A) and the Kayakent-Khorochoy culture (B)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов Р.Г. Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: проблема преемственности // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей (Сборник докладов). Ереван, 1990. С. 205–213.
2. Атаев Г.Д. О преемственности присулакской и каякентско-хорочоевской культур эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 5 (84). Екатеринбург. 2010. С. 165–175.
3. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганная группа у станции Манас) // Советская археология. Вып. XXVI. 1956. С. 167–203.
4. Федоров Г.С. Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1977. С. 22–25.
5. Русов А.А. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Труды предварительных комитетов. V археологический съезд. М., 1882. С. 582–584.
6. Мунчаев Р.М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 92–96.
7. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. – 264 с.
8. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III–II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. – 261 с.
9. Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28.
10. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент: (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. М.; Л., 1958. С. 146–175.
11. Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура // МИА № 122. М.: Наука, 1969. – 116 с.
12. Атаев Г.Д., Мирзоев Р.Н. Итоги исследований памятников эпохи средней и начала

REFERENCES

1. Magomedov RG. Ginchin and Kayakent-Khorochoy cultures: the issues of continuity [Ginchinskaya i kayakentsko-khorochoyevskaya kul'tury: problema preyemstvennosti] *Interdisciplinary studies of cultural genesis and ethnogenesis of the Armenian highland and adjacent regions (Collection of reports)*. Yerevan, 1990:205-213. (In Russ)
2. Ataev GD. On the continuity of the Sulak and Kayakent-Khorochoy cultures of the Bronze Age of the Northeast Caucasus *News of the Ural State University. Series 1. Problems of education, science and culture* [Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury]. Ekaterinburg. 2010, 5(84): 165-175. (In Russ)
3. Munchaev RM, Smirnov KF. Sites of the Bronze Age in Dagestan: (Mound group at the Manas station) [Pamyatniki epohi bronzy v Dagestane: (Kurgannaya gruppa u stancii Manas)]. *Soviet archeology*. 1956(26): 167-203. (In Russ)
4. Fedorov GS. Another Manas catacomb [Eshche odna manasskaya katakomb]. *Ancient monuments of the Northest Caucasus*. Makhachkala, 1977:22-25. (In Russ)
5. Rusov AA. Report on summer and autumn archaeological studies in South Dagestan [Otchet o letnih i osennih arheologicheskikh rabotah v Yuzhnom Dagestane]. *Proceedings of the preliminary committees. V archaeological congress*. Moscow, 1882:582-584. (In Russ)
6. Munchaev RM. Catacomb culture and the Northeast Caucasus [Katakombnaya kul'tura i Severo-Vostochnyy Kavkaz] *New in Soviet archeology*. Moscow, 1965:92-96. (In Russ)
7. Gadzhiev MG. *Early agricultural culture of the Northeast Caucasus: (Eneolithic and early Bronze Ages)* [Rannezemledelcheskaya kultura Severo-Vostochnogo Kavkaza: (epohi eneolita i rannej bronzy)]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
8. Kotovich VM. *Verkhnegunibsky settlement – a monument of the Bronze Age of Mountainous Dagestan: on the history of the Dagestan tribes at the end of III-II millennium BC* [Verkhnegunibskoe poselenie pamyatnik epohi bronzy gornogo Dagestana: K istorii dagestanskih plemen v konce III-II tys. do n.e.]. Makhachkala, 1965. (In Russ)
9. Gadzhiev MG. *Dagestan and South-Eastern Chechnya in the Middle Bronze Age. Antiquities of Dagestan* [Dagestan i Yugo-Vostochnaya Chechnya v epokhu sredney bronzy].

эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2007 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 22–23.

13. Крупнов Е.И. Каякентский могильник – памятник древней Албании // Труды ГИМ. Вып. 8. М., 1940. С. 3–21.

14. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА № 68. М.; Л., 1958. С. 51–146.

15. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 237 с.

16. Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 287–333.

17. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н.э.) МИА № 93 М.; Изд-во АН СССР, 1960. – 150 с.

18. Магомедов А.Р. Археологические находки в с. Каякент // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Вып. VI. Махачкала, 1976. С. 100–102.

19. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. № 23 М.; Л. 1951. С. 226–272.

20. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала, 1998. – 379 с.

21. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. С. 49–135.

22. Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 6–24.

23. Костюченко И.П. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. С. 86–120.

24. Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // Советская археология. № 1. 1987. С. 145–157.

25. Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Илюков Л.С. Магистраль в будущее – сохраняя

Drevnosti Dagestana]. Makhachkala, 1974: 11–28. (In Russ)

10. Munchaev RM, Smirnov KF. Archaeological sites near the village of Karabudakhkent: (Dagestan ASSR) [Arheologicheskie pamyatniki bliz sela Karabudakhkent: (Dagestanskaya ASSR). Ancient tribes and peoples of the Caucasus. *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow; Leningrad, 1958;(68):146–175. (In Russ)

11. Markovin VI. Dagestan and Mountain Chechnya in antiquity: Kayakent-Khorochoev culture [Dagestan i Gornaya Chechnya v drevnosti: Kayakentsko-horochoevskaya kul'tura] *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1969;(122). (In Russ)

12. Ataev GD, Mirzoev RN. Results of studies of sites of the Middle and the beginning of the Late Bronze Age in the construction zone of the Irganai hydroelectric power station in 2002–2007 [Itogi issledovaniy pamyatnikov epohi srednej i nachala epohi pozdnej bronzy v zone stroitelstva Irganajskoj GES v 2002–2007 gg]. *The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov readings. Proceedings of the International scientific conference*. Makhachkala, 2012:22–23. (In Russ)

13. Krupnov EI. Kayakentsky burial ground – a monument of ancient Albania [Kayakentskij mogil'nik-pamyatnik drevnej Albanii]. *Proceedings of the State Historical Museum Issue*. 8. Moscow, 1940; (8):3–21. (In Russ)

14. Kруглов А.П. North-Eastern Caucasus in the II-I millennium BC. Ancient tribes and peoples of the Caucasus [Severo-Vostochnyj Kavkaz vo II – I tys. do n.e. Drevnie plemena i narodnosti Kavkaza]. *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow; Leningrad, 1958;(68):51–146.

15. Kотович В.Г. *Problems of cultural-historical and economic development of the population of ancient Dagestan [Problemy kul'turno-istoricheskogo i hozyajstvennogo razvitiya naseleniya drevnego Dagestana]*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)

16. Markovin VI. North-Eastern Caucasus in the Bronze Age [Severo-Vostochnyj Kavkaz v epohu bronzy]. *Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1994:287–333. (In Russ)

17. Markovin VI. The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age: (II millennium BC) [Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epohu bronzy: (II tys. do n.e.)].

прошлое: Археологические исследования в зоне строительства газопровода-отвода к с. Ботлих Ботлихского района республики Дагестан. Махачкала, 2007. – 99 с.

26. Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Саидов В.А., Будаичиев А.Л. Археологические разведки в Приморском Дагестане в 2007 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2008. № 1. С. 51–55.

27. Гаджиев М.С. Раскопки могильника Таулар-гол // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 4. С. 110–111.

28. Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г. Курган – святилище эпохи бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. ХХІХ Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 2016. С. 66–68.

29. Котович В.М. Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. МАД. Т. 8. Махачкала, 1978. С. 77–98.

30. Магомедов А.Р. Раскопки Тахиркалинского могильника // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 46–61.

31. Давудов О.М., Хангишиев Г.Д. Гюхракский могильник // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 49–61.

32. Марковин В.И. Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // Археологические открытия 1978 г. М., 1980. с. 35–36.

33. Бакушев М.А., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Могильник Канабур-Ауз // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 1. С. 81–94

34. Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. В.18. Berlin. 2020. С. 405–455.

35. Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 7–27.

Materials and research on the archeology of the USSR. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960.;(93). (In Russ)

18. Magomedov AR. Archaeological finds in Kayakent [Arheologicheskie nahodki v s. Kayakent]. *Questions of history and ethnography of Dagestan: Collection of scientific reports.* Makhachkala, 1976;(5):100-102. (In Russ)

19. Smirnov KF. Archaeological research in the area of the Dagestan village of Tarki in 1948-1949 [Arheologicheskie issledovaniya v rajone dages-tanskogo seleniya Tarki v 1948-1949 gg.]. *Materials and research on the archeology of the USSR.* Moscow; Leningrad, 1951;(23):226-272. (In Russ)

20. Magomedov RG. *Ginchin culture (Mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age) [Ginchinskaya kul'tura: (Gory Dagestana i CHEchni v epohu srednej bronzy)].* Makhachkala, 1998. (In Russ)

21. Markovin VI. *A new site of the Bronze Age in mountainous Chechnya. Antiquities of the Checheno-Ingushetia [Novyj pamyatnik epohi bronzy v gornoj Chechne. Drevnosti Checheno-Ingushetii].* Moscow: Nauka, 1963: 49-135. (In Russ)

22. Vinogradov VB, Khashegulgov BM. *Beltinsky burial ground of the Bronze Age: questions of chronology. Problems of the chronology of the funerary monuments of Checheno-Ingushetia [Bel'tinskij mogil'nik epohi bronzy: (Voprosy hronologii). Problemy hronologii pogrebal'nyh pamyatnikov Checheno-Ingushetii].* Grozny, 1986:6-24. (In Russ)

23. Kostyuchenko IP. Excavations of the Miatly mound field in 1955 [Raskopki Miatlinskogo kurgannogo polya v 1955 g.]. *Materials and research on the archeology of the USSR.* Vol. I. Makhachkala, 1959;(1):86-120. (In Russ)

24. Ataev GD. Chirkey burial mounds of the Bronze Age [Chirkejskie kurgany bronzovogo veka]. *Soviet archeology.* 1987;(1):145-157. (In Russ)

25. Magomedov RG., Gadzhiev MS., Ilyukov LS. *Highway to the future - preserving the past: Archaeological research in the construction zone of the gas pipeline branch to the village. Botlikh, Botlikh District, Republic of Dagestan [Magistral v budushchee – sohranyaya proshloe: Arheologicheskie issledovaniya v zone stroitel'stva gazoprovoda-otvoda k s. Botlikh Botlihskego rajona respubliki Dagestan].* Makhachkala, 2007.

26. Magomedov RG, Gadzhiev MS, Davudov ShO, Saidov VA, Budaichiev AL. Archaeological exploration in Primorsky Dagestan in 2007 [Ar-

36. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. – 120 с.
37. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Гадиев У.Б. Раскопки могильника Таулар-гол в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 3(7). С. 128–130.
38. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent(DAV) // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur ArchaeologieEurasiens. Band 6. 2000. P. 47–122.
39. Канивец В.И., Березанская С.С. Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. с. 60–85.
40. Магомедов М.Г. Гробницы эпохи бронзы в урочище Гентал // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. с. 14–21
41. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М., 1961б. 191 с.
42. Мунчаев Р.М. Куро-араксская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8–57.
43. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969. – 178 с.
44. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 81–100.
45. Мунчаев Р.М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА. № 84. 1961. С. 56–62.
46. Багаев М.Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 66–74.
47. Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Вып.1. Армавир; М., 1995. С. 28–47.
48. Марковин В.И. Каякентско-хорочоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 334–355.
- heologicheskie razvedki v Primorskom Dagestane v 2007g]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2008,(1):51-55.
27. Gadzhiev MS. Excavations of the burial ground Taular-gol [Raskopki mogilnika Taular-gol]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2005, (4):110-111.
28. Erlikh VR, Magomedov RG. Kurgan – a sanctuary of the Bronze Age in Primorsky Dagestan [Kurgan – svyatilishche epohi bronzy v Primorskom Dagestane] *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov Readings. Proceedings of the International scientific conference*. Grozny, 2016:66-68. (In Russ)
29. Kotovich VM. Miskinbulaksky burial ground. Monuments of the Bronze and Early Iron Age in Dagestan [Miskinbulakskij mogilnik. Pamyatniki epohi bronzy i rannego zheleza v Dagestane]. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1978;(8): 77-98. (In Russ)
30. Magomedov AR. Excavations of the Takhirkala burial ground [Raskopki Tahirkalinskogo mogilnika]. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Makhachkala, 1980:46-61. (In Russ)
31. Davudov OM, Khangishiev GD. *Gyuhtrak burial ground. Mountains and plains of the North-Eastern Caucasus in antiquity and the Middle Ages [Gyuhtrakskij mogilnik. Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka]*. Makhachkala, 1991:49-61. (In Russ)
32. Markovin VI. Exploration in the southeastern regions of Kalmykia and the foothills of Dagestan [Razvedki v yugo-vostochnyh rajonah Kalmykii i predgornom Dagestane]. *Archaeological discoveries of 1978*. Moscow, 1980: 35-36. (In Russ)
33. Bakushev MA, Gadzhiev MS, Davudov ShO. Burial ground Kanabur-Auz [Mogil'nik Kanabur-Auz]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2005, 1:81-94. (In Russ)
34. Reinhold S, Belinsky AB, Atabiev BKh. Late Bronze Age in the mountains of the North Caucasus and the surrounding territories. *The Caucasus between Eastern Europe and the Near East: a dialogue of cultures, a culture of dialogue. International Scientific Archaeological Conference and Humboldt Lecture Hall. Archäologie in Iran und Turan*. Band 18. Berlin. 2020:405-455.
35. Gadzhiev MG, Korenevsky SN. Metal of the Velikent catacomb. Ancient crafts and trade in Dagestan [Metall Velikentskoj katakomby. Drevnie promysly, remeslo i trgovlya v Dagestane]. Makhachkala, 1984:7-27. (In Russ)

49. Котович В.Г. Археологические исследования в горном Дагестане // МАД. Т. II. Махачкала, 1961. С. 5–56.
50. Погребова М.Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т. II. Махачкала, 1961. С. 109–123.
51. Атаев Г.Д., Малагитинов М.М. Керамика Ирганайского поселения I // ТД НСПИ-ЭИ Института ИЯЛ 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. С. 4–5.
52. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М: Наука, 1975. 416 с.
36. Magomedov RG. *Materials for the study of cultures of the Bronze Age in Primorsky Dagestan [Materialy k izucheniyu kul'tur epohi bronzy v Primorskom Dagestane]*. Makhachkala, 2000.
37. Gadzhiev MS, Davudov ShO, Gadiev UB. Excavations of the burial ground Taular-gol in 2006 [Raskopki mogil'nika Taular-gol v 2006 g.]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2006, 3(7):128-130. (In Russ)
38. Gadzhiev M, Kohl Ph, Magomedov R, Stronach D, Gadzhiev Sh. *Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV)*. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archaologie Eurasiens*. Band 6, 2000:47-122.
39. Kanivets VI, Berezanskaya SS. Mounds of the Bronze Age on Sulak [Kurgany bronzovogo veka na Sulake]. *Materials on the archeology of Dagestan*. Vol. I. Makhachkala, 1959;(1):60-85. (In Russ)
40. Magomedov MG. Tombs of the Bronze Age in the Gental tract [Grobnicy epohi bronzy v urochishche Gental]. *Ancient monuments of the North-Eastern Caucasus*. Makhachkala, 1977:14-21. (In Russ)
41. Munchaev RM. The most ancient culture of the North-Eastern Caucasus [Drevnejshaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza] *Materials and research on the archeology of the USSR*. Moscow, 1961(100). (In Russ)
42. Munchaev RM. *Kuro-Araxes culture. Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia is the early and middle Bronze Age of the Caucasus [Kuro-araxskaya kul'tura. Archeologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednej Azii rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1994:8-57. (In Russ)
43. Gadzhiev MG. *From the history of culture of Dagestan in the Bronze Age: (Ginchi burial ground) [Iz istorii kul'tury Dagestana v epohu bronzy: (Mogil'nik Ginchi)]*. Makhachkala, 1969. (In Russ)
44. Gadzhiev MG, Magomedov RG. *Monuments of Ginchin culture near the village of Gagatl. Ancient cultures of the North-Eastern Caucasus [Pamyatniki ginchinskoj kul'tury u sel. Gagatl. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza]*. Makhachkala, 1985:81-100. (In Russ)
45. Munchaev RM. New data on the archeology of Checheno-Ingushetia [Novye dannye po arheologii CHEcheno-Ingushetii]. *Brief*

Статья поступила в редакцию 18.10.2021 г.

Communications of the Institute of Archeology. 1961;(84):56-62. (In Russ)

46. Bagaev MKh. *New burial ground of the Bronze Age in Checheno-Ingushetia. New in the archeology of the North Caucasus [Novyj mogil'nik epohi bronzy v Checheno-Ingushetii. Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1986:66-74. (In Russ)

47. Markovin VI. *Bronze Age burial ground near the village of Maly Kharsenoy in Chechnya. Historical and archaeological almanac [Mogil'nik epohi bronzy u seleniya Malyj Harsenoy v Chechne. Istoriko-arheologicheskij al'manah]*. Armavir; Moscow, 1995;(1): 28-47. (In Russ)

48. Markovin VI. *Kayakent-Khorochoy culture. Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus [Kayakentsko-horochoevskaya kul'tura. Arheologiya. Epoha bronzy Kavkaza i Srednej Azii. Rannyaya i srednyaya bronza Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1994:334-355. (In Russ)

49. Kotovich VG. *Archaeological research in mountainous Dagestan [Arheologicheskie issledovaniya v gornom Dagestane]*. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1961;(2):5-56. (In Russ)

50. Pogrebova MN. *Irganai crypt of the Bronze Age [Irganajskij sklep epohi bronzy]*. *Materials on the archeology of Dagestan*. Makhachkala, 1961;(2):109-123. (In Russ)

51. Ataev GD, Malagitinov MM. *Pottery of the Irganai settlement [Keramika Irganajskogo poseleniya I]*. *Scientific session devoted to the results of expeditionary research of the Institute of History, Language and Literature 1990-1991.1990-1991 gg.]*. Makhachkala, 1992:4-5. (In Russ)

52. Munchaev RM. *Caucasus at the dawn of the Bronze Age: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age [Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, rannyaya bronza]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181154-166>

Айба Тамара Гурамовна
младший научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
tamar.ayba@gmail.com

АБХАЗО-АБАЗИНСКАЯ ДИАСПОРА В ЕВРОПЕ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ И АБАЗИН ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения абхазо-абазинской диаспоры в Европе и основные центры её расселения в европейских государствах. Абхазы (апсуа) и абазины (абаза) за рубежом идентифицируют себя как единый абхазо-абазинский (абаза) этнос, ввиду этого мы будем рассматривать две эти этнические группы как одну. В результате проведённого исследования было выявлено, что трудовые эмигранты (выходцы с Кавказа) столкнулись с частичной ассимиляцией в принимающих государствах, поэтому мы уделили особое внимание инструментам, позволяющим абхамам и абазинам сохранить свою традиционную и культурную идентичность. Неизбежный процесс адаптации привёл к утрате важных этнических компонентов. Наблюдая негативное влияние этого процесса, инициативная часть общества пытается общими усилиями сохранить традиционную культуру (апсуара, абазара, адыгэ хабзэ) и национальные языки в новых условиях существования. В этом вопросе значительную помощь оказало создание общественной организации «Всемирный абхазо-абазинский конгресс» (ВААК). Подводя итоги проведённого исследования, нам удалось показать роль и значение ВААК для европейской диаспоры абхазов и абазин, направленных на сохранение самобытной культуры этих двух родственных этнических групп.

Ключевые слова: абхазы; абазины; диаспора; Европа; этнос, самосохранение, идентичность.

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181154-166>

Tamara G. Ayba

Junior Researcher

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

tamar.ayba@gmail.com

ABKHAZ-ABAZIN DIASPORA IN EUROPE. SOME ISSUES OF PRESERVING THE TRADITIONAL CULTURE OF ABKHAZIANS AND ABAZINS ABROAD

Abstract. The paper examines the history of the formation of the Abkhaz-Abazin diaspora in Europe and its main settlements in European states. The Abkhazians (Apsua) and Abazins (Abaza) abroad identify themselves as a single Abkhaz-Abazin (Abaza) ethnos, therefore, we discuss these two ethnic groups as one. As a result of the study, we have identified that the labor migrants (natives of the Caucasus) experienced partial assimilation in the receiving states, thus we pay special attention on the instruments, allowing the Abkhazians and Abazins to retain their traditional and cultural identity. An inevitable process of adaptation led to the loss of important ethnic components. Observing the negative impact of this process, an initiative part of the community has been trying to preserve the traditional culture (Apsuara, Abazara, Adyghe Khabze) and national languages in the context of modern reality. A significant support in this issue has been provided by the creation of the public organization “World Abkhaz-Abazin Congress” (WAAC). Summarizing the results of the study, we have managed to demonstrate the role and importance of WAAC for the European diaspora of Abkhazians and Abazins, directed at preserving the original culture of these two related ethnic groups.

Keywords: Abkhazians; Abazins; diaspora; Europe; ethnos; self-preservation; identity.

Западный Кавказ с незапамятных времён населяли близкие по происхождению и культуре народы, говорящие на языках абхазо-адыгской языковой семьи: адыги (черкесы), абхазо-абазин (абаза) и убыхи¹. До середины XIX в. их насчитывалось здесь свыше миллиона, из которых адыгов (т.е. адыгейцев и кабардинцев) было около миллиона, абхазов и абазин – около 180 тысяч, убыхов – около 40 тысяч человек [1, с. 22]. Точных данных, о численности абхазов и абазин на исторической родине на данный момент нет, есть только результаты приблизительных подсчётов.

В середине XIX в. они массово начали покидать места автохтонного проживания и переселились на территории Османской Империи. Эмиграция этносов, населяющих территорию Кавказа, известна в истории под названием мухаджирство (от арабо-турецкого *muhacir* - «переселенец») [2, с. 9]. Использование данного термина в отношении всех народов, населявших Кавказ в тот период, не во всех случаях корректно, так как мухаджирство в исламе – это хиджра² пророка Мухаммада, когда он со своими сторонниками в 622 г. бежал из Мекки в Медину. Коннотация термина такова – переселение из области войны на территорию, находящуюся под шариатским правлением. Ввиду того, что первопричиной переселения кавказских народов было решение Российской Империей своих внешних и внутривосточных задач, в среде кавказоведов и исламоведов можно встретить мнение, что более справедливым является использование термина «депортация», в значении «изгнание, высылка из страны; насильственное переселение отдельных лиц, групп, народов». Но и термин «депортация» не учитывает значительной религиозной составляющей [3, с. 7].

Самая раннее переселение кавказцев указано у З.И. Чичинадзе (известного общественного деятеля и историка Грузии конца XIX – начала XX в.), в 1690-1760 гг., однако с уверенностью сказать, что это является начальной датой вынужденного переселения, нельзя [4, с. 36]. Систематическое, вынужденное переселение началось во время присоединения Кавказа к Российской империи. В 1810 г. на фоне вхождения Абхазского княжества в состав Российской Империи произошел раскол внутри абхазского общества, в частности, среди правящих элит. В результате политических распри 5 тысяч абхазов покинули Абхазское княжество и оправились в Османскую Империю [5, с. 169].

Вынужденное переселение абхазов и абазин, как и других народов Кавказа, происходило в течение всего XIX в. После событий 1810 г. любое военно-политическое выступление заканчивалось депортацией на территорию Османской Империи [6, с. 80]. В 1821 и 1824 гг. в результате жестоких карательных экспедиций царских войск в район Цебельда местное население было выслано на территории тогда ещё Османской Империи. Далее переселение происходило в

1 Убыхи – часть кавказоведов относили убыхов к адыгской этнической группе, другие – к абхамам, а третьи считали их остатком некогда сравнительно большого и самостоятельного народа, подвергшегося в значительной своей части ассимиляции со стороны своих более сильных северо-западных и юго-восточных соседей, то есть адыгских и абхазских племён.

2 Хиджра – переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.

несколько этапов: 1853-1855 гг. – в период Крымской войны, 1864 г. – в связи с упразднением ставшего уже ненужным власти Абхазского владетельного княжества и, конечно же, в связи с окончанием Кавказской войны, 1866 г., во время Лыхненского антиколониального и антифеодального восстания 1877–1878 гг., самого крупного восстания, ставшего результатом русско-турецкой войны.

Как уже было сказано выше, депортация происходила на территорию Османской Империи. Пунктами распределения для дальнейшего расселения служили портовые города Константинополь (Стамбул) и Трапезунд. Далее, исходя из политических соображений, Верховная комиссия по переселению направляла выходцев с Кавказа в основном на территории ныне существующих государств, таких как: Сирия, Иордания, Палестина, Израиль, Ирак. Кавказцев отправляли и на европейские территории, находившиеся в то время под протекторатом Османской Империи: в Болгарию (София, Варна, Бургас); Черногорию; Сербию (Косово, Приштина) [7, с. 26]. «Северокавказская» диаспора была многоэтнической и объединяла в своем составе адыгов, абазин, абхазов, убыхов, осетин, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, представителей народов Дагестана [8, с. 3].

Вынужденная миграция абхазов, абазин, адыгов связана не только с длительным периодом завоевания Кавказа Российской Империей, Кавказской войной, Крымской войной и т.д. Не в меньшей степени повлияла на миграцию населения с территории Кавказа за рубеж, в Западную и Восточную Европу, и Революция, а следом и Гражданская война [9, с. 105]. После прихода Советской власти и в силу своих политических убеждений дворянское сословие, сторонники белого движения решили покинуть историческую родину и вести борьбу за независимость Республики Горцев Северного Кавказа³ за пределами России [10, с. 148]. Абхазы и абазин вместе с адыгами, убыхами, осетинами, карачаевцами, балкарцами, чеченцами, ингушами и представителями народов Дагестана вели активную национально-политическую деятельность, поддерживая идею независимого развития Кавказа, налаживая связь с единомышленниками из диаспор в Турции, на Ближнем Востоке и в Африке, мобилизуя и объединяя вокруг себя всех выходцев с Кавказа. Эмигранты нуждались в среде, которая помогла бы им адаптироваться в принимающих обществах и обеспечила мягкий переход в иное культурное пространство. Как результат представители разных национальностей инициировали создание национально-культурных и социально-общественных объединений. Здесь нужно отметить, что не каждый этнос способен к формированию диаспоры и консолидации вокруг неё, а также обладает способностью к интеграции в принимающее общество без высокой доли ассимиляции [11].

Общекавказские организации создавались и Европе: Черкесский комитет в Лондоне, основателем и идейным вдохновителем которого был Дэвид Уркварт

³ Союз Горцев Северного Кавказа и Дагестана (с мая по октябрь 1917 г.), Республика Союза Народов Северного Кавказа, или кратко Горская республика (с 1918 г.), – автономное государственное образование, провозглашённое на съезде северокавказских народов 1 мая 1917 г. на территории Дагестана и горских округов Терской области.

(британский дипломат шотландского происхождения, публицист и первый в Европе создатель сети общественных организаций) [12, с. 59], Антибольшевистское общество «Прометей» (создано в Польше в 1926 г.), Северокавказский национальный комитет в Германии (1942–1945), Северокавказская антибольшевистская организация «Свободный Кавказ» (1951–1954), Черкесский комитет в Мюнхене (1953) [7, с. 125].

Значимый период, в который абхазы, абазины, адыги и т.д. мигрировали с автохтонных территорий, охватывает 1939–1945 гг. В это время вынужденными мигрантами стали те, кто попадал в плен во время Второй мировой войны. Возвращение на родину грозило тюрьмой или более жёсткими репрессивными мерами. Также опасным было это тем, кому вменяли связь с нацистской Германией [8, с. 148].

После окончания Второй мировой войны политическая карта мира сильно изменилась, образовались новые государства. Соответственно начало выстраиваться новые внешнеэкономические отношения. Абхазы и абазины, которые осели на территории Турции, вместе с потоком турецких трудовых мигрантов стали продвигаться в страны Западной Европы.

По Конституции 1961 г. граждане Турции получили законное право на свободный въезд и выезд из страны. С этого времени началась массовая миграция турецкой рабочей силы в развитые государства Западной Европы [13, с. 57]. 30 октября 1961 г. Германия и Турция подписали договор о трудовых мигрантах. Гастарбайтеры не могли оставаться в ФРГ навсегда. Изначально их пребывание было ограничено по времени, кроме того, мигрантам запрещалось воссоединение с семьями. Однако постепенно текст договора обновлялся: гастарбайтерам было продлено пребывание в ФРГ, а затем рабочим мигрантам – выходцам из Кавказа – разрешили перевозить в страну их семьи [14, с. 81]. Подобные договоры были подписаны в 1964 г. с Нидерландами, Бельгией, Австрией, в 1965 г. с Францией, в 1967 г. со Швецией и в 1970 г. со Швейцарией [15, с. 7]. Таким образом в Германии, Нидерландах, Франции, Австрии образовалась абхазо-абазинская диаспора.

В настоящее время численность европейских абхазов и абазин достигает примерно 7500 человек, из них в Германии проживает около 6000 человек. По примерным подсчётам, около 800 человек проживает в Голландии, преимущественно в Роттердаме. Остальные расселены в небольших количествах по другим государствам Европы.

География расселения европейских абхазов и абазин достаточно обширная: на территории Германии они проживают в Ингольштадте, Кёльне, Вуппертале, Мюнхене, Штутгарте, Бремене, Франкфурте, Манхейме и Гамбурге; в Бельгии в Антверпене; в Нидерландах в Роттердаме (в большей степени представители северокавказских меньшинств), Утрехте; в Австрии в Вене; в Великобритании в Лондоне; во Франции в Париже и Лионе.

Представители абхазского и абазинского этносов, как и другие трудовые мигранты из Турции и других стран, бывших в составе Османской империи,

переселялись в Европу поодиночке, большая семья или род оставались в Турции. Трудовая миграция не рассматривалась абхазами и абазинами как способ для переезда в новую страну. Но так как экономическая и политическая ситуации в Турции не становилась лучше, абхазы и абазины были вынуждены обосновываться на территориях европейских государств. Характерным явлением среди упомянутых этносов была обратная репатриация в Турцию после выхода на пенсию.

Вследствие более приемлемых социально-экономических условий представители абхазского и абазинского этноса стали оседать в принимающих странах, перевозить свои семьи и создавать новые. Потомкам абхазов и абазин, рождённым в принимающем государстве или совсем юным мигрантам, было в разы легче интегрироваться в европейское общество. Они уже были полноценными членами принимающих государств. Первое поколение мигрантов не испытывало тех проблем, с которыми сталкивались абхазы и абазины по приезде в Европу. Трудности были вызваны языковым барьером, отсутствием социальной защиты, ограничением в применении своих профессиональных навыков, а так как миграция была трудовая и реализовать себя, не имея нужных навыков, не зная языка и менталитета принимающей стороны, было почти невозможно. Ситуация усложнялась отсутствием коммуникаций с местными жителями, которые воспринимали их как гастарбайтеров, людей «второго сорта».

Новая жизнь, с иными требованиями, предъявляемыми новыми государствами, привела к потере многих очень важных этномаркирующих признаков абхазского и абазинского этносов. Активная интеграция в европейское общество стала причиной ослабления национального самосознания. Практически все новое поколение мало знакомо со своим историческим и культурным наследием, утрачен родной язык, растёт мировоззренческий разрыв между поколением, сформировавшимся в Турции, и младшим, рождённым уже на территории европейских государств. Старейшины абхазского и абазинского этносов чётко осознавали проблему ассимиляции для своего малочисленного представительства на европейском континенте. В связи с этим начались попытки консолидации всех абхазо-абазин и представителей других этнических групп горцев Кавказа в национальные объединения.

Было основано несколько культурных центров. Их основной целью было обучение родному языку, народным танцам, традициям и обычаям. Больших результатов достичь не удавалось, так как работа и учеба занимали почти все время, также усугубляло ситуацию дисперсное проживание. Здесь же нужно отметить, что большая часть подобных центров была образована общественными организациями, не имеющими финансовой поддержки. Это ограничивало их возможности, так как не было нужных методических разработок и профессиональных педагогов, готовых работать бесплатно.

Активный рост этнического самосознания абхазов и абазин произошёл в период грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.⁴, «Рост этнического самосознания

4 Отечественная война народа Абхазии, начало 14 августа 1992 по 30 сентября 1993 г.

в среде этнических диаспор особенно отчетливо проявляется во время обострения политической ситуации на исторической родине – во время войн, межэтнических конфликтов и т.п. Диаспоры начинают оказывать помощь народу своей исторической родины. Так, армянские диаспоры оказывали помощь народу Армении и армянам в Карабахе во время армяно-азербайджанских конфликтов во второй половине 80-х – 90-е гг. XX в. Зарубежные абхазские и черкесские диаспоры оказывали народу Абхазии гуманитарную помощь во время грузино-абхазской войны (август 1992 – сентябрь 1993 г.)» [10, с. 148]. Ими организовывались пикеты и митинги в странах, где проживают народы Кавказа, сделаны обращения в Совет Европы и Европейский Парламент с целью ознакомления парламентариев и заинтересованных лиц о ситуации в Абхазии. Организаторами и активными участниками всех этих мероприятий, внёсшими большой вклад в информационно-пропагандистскую работу по поддержке Абхазии, были члены Кризисного комитета из Германии - Ацлыхуа Неджметтин, Эшба Рухи, Агуасба Митхат, Адзагу-ипа Рейхан, Абыгба Джошкун, Ажиба Месут, Ажиба Ферит, Ашуба Юмит; из Голландии – Кукун Низам, Атарба Озкан, Купалба Алааттин, Куадзба Саади, Куркунаа Дурсун; из Швейцарии – Хагушыы Ердал и многие другие⁵.

Трагические события грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., происходившей на исторической родине, активизировали представителей абхазо-абазинских обществ. Появилось понимание о необходимости изучения истории, культуры, языка и традиционных обычаев. Несмотря на дисперсное проживание в странах Европы, представители абхазского и абазинского этносов организуют культурные центры, где систематически проводятся встречи и праздничные вечера. Обязательным местом встречи выступает большая абхазская и абазинская свадьба. По традиции на свадьбе собираются все представители национальных меньшинств во главе со старейшинами. У поколения, родившегося за рубежом и оторванного от родины, есть возможность увидеть традиционную свадьбу. На любых национальных мероприятиях старшее поколение старается передать свои знания об «апсуара», «абазашт» и «адыхэ хабзэ». Нужно пояснить, что понятие «апсуара» трудно поддается определению. Оно не имеет лексического аналога в русском языке, а его буквальное значение — «абхазство» — весьма условно и образно, у адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев) «адыхэ хабзэ», являются отображением этнической идеологии и нравственно аргументированного поведения человека. Наблюдается совпадение в строевании, терминологии, в логическом и психологическом обосновании адыгской, абхазской, ингушской и чеченской этик. Идентичны (не только по смыслу, но и по назначению, по характеру использования в повседневной жизни) основные моральные принципы и категории: человечность, почтительность, мужество и т.п., значительно сходство и в терминологии, ср.: адыг. *псапэ* = абх. *апсапата* – благодеяние; адыг. *гуэныхь* = абх. *агунаха* — грех; адыг. *адыгэ хабзэ* = абх.

⁵ Капба Зеки. Абхазская диаспора в Европе. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <http://kapba.de/AbxazDiasporaEurope-Rus.html>

ансуа кьабз – этикет; адыг. нэмыс = абх. аламыс – почтительность. Известный чеченский этнолог Саид-Магомед Хасиев в ценностной шкале чеченцев выделил три уровня категорий: 1) «радующие глаз», «видимые», т.е. бросающиеся в глаза: *адамалла* – человечность, *цIано* – духовная чистота, *юьхь* – лицо, *гIулакх* – этикет; 2) «радующие сердце», т. е. менее демонстративные: *кIинхетам* – милосердие, *нийсо* – справедливость, *изхь (бехк, изс)* – стыд, *оьздангалла* – благородство; 3) «невидимые», из которых вырастают другие ценности, их «корни»: *ларам* – почтительность, *бакьо* – правдивость, *сий* – честь, *собар* – выдержка, терпение [16, с. 172].

Как было сказано выше, обряды жизненного цикла, похоронная обрядность, в той или иной мере сохранили свою актуальность. А с появлением инициативных представителей диаспоры возросли контакты с другими культурными центрами в Турции, Иордании, Израиле и др. В культурных центрах Вупперталя и Франкфурт-Мангейма существуют ансамбли, которые исполняют национальные танцы и песни на всех торжественных мероприятиях. У поколения, выросшего за рубежом, появился запрос на изучение и сохранение традиционной культуры и языка, что означает интеграцию без полной ассимиляции. Новое поколение, в отличие от первых трудовых мигрантов, занимает иное место в социальной и экономической жизни принимающей страны. Они больше не ограничены в выборе места работы, не ущемлены в правах и имеют возможность для сохранения традиционной культуры и языка. Выходцев Кавказа можно встретить работающими в таких отраслях экономики как промышленность, туризм, торговля, малый бизнес, строительный бизнес. Есть существенные успехи в спорте. Особенно это касается жителей Германии. Многократным победителем чемпионатов Германии по борьбе является Капба Барышь, выступающий за национальную сборную Германии, борец Куачба Зафер, футболист Хрипс-ипа Тайфур, бывший игрок национальной сборной Турции по футболу (репатриант из Германии), серебряный медалист по европейским видам борьбы Куачба Омер. Также особую гордость представляет Капба Нихаль, выступавшая в составе национальной сборной Германии по азиатским видам спорта. В последнее десятилетие идет активное взаимодействие представителей зарубежной диаспоры со своей исторической родиной.

Тяжёлые для Республики Абхазия 1993–1993 гг. стали поводом для организации I Всемирного Конгресса абхазо-абазинского (абаза) народа, который состоялся 7 и 8 октября 1992 г. в селе Лыхны. В работе Конгресса приняли участие представители диаспор из Турции, стран Ближнего Востока и Европы. Также приняли участие братские народы Северного Кавказа. «Это событие стало исключительно важным для поднятия духа и поддержки абхазского народа в период Отечественной войны 1992-1993 гг. Разделенный на полтора века в результате исторических перипетий абхазский народ остался единым, сплотившись в самый трудный для себя момент новейшей истории»⁶.

6 Кушхабиев А.В. Международная черкесская ассоциация». Интернет-ресурс. Доступно по ссылке <http://intercircass.org/?p=2570>

Создание такого органа позволило достичь значительных результатов в области консолидации народов «абаза». «Первое заседание Исполнительного комитета Всемирной Ассоциации народа абаза или Международной Ассоциации абхазо-абазинского (абаза) народа (МАОАН), как в последующем она стала именоваться, состоялось 9 октября 1992 г. в городе Гудаута. На заседании был принят устав, который отразил основные цели организации: возрождение этнокультурного единства абхазо-абазинского (абаза) народа; создание необходимых условий для добровольного возвращения на историческую родину представителей диаспоры; участие соотечественников в экономическом, социальном и культурном развитии Абхазии; восстановление подлинной истории, сохранение национальной самобытности, традиций и обычаев абхазо-абазинского (абаза) народа»⁷.

Самый существенный прорыв в этом вопросе произошел в связи с выборами в 2017 г. нового руководителя «Всемирного абхазо-абазинского конгресса», ученого, бизнесмена и мецената Муссы Хабалевича Экзекова. По его инициативе был утверждён план рабочих поездок делегации Конгресса в страны Европейского союза в декабре 2019 г. В результате проведённой работы удалось открыть четыре региональных отделения в странах Европы: в Великобритании руководителем Регионального отделения Конгресса избран Йешим Илкуджар (Атрышба); в Нидерландах – Эргюн Ышык (Ашуба); в Бельгии – Даур Ломия; в Германии – Тайфун Малчок (Пачули).

Согласно ст. 7. п. 1. устава общественной организации «Всемирный абхазо-абазинский конгресс», региональные отделения Конгресса создаются решением Высшего совета Конгресса в Республике Абхазия, Российской Федерации, Республике Карачаево-Черкесия, Турецкой Республике, в странах Ближневосточного региона, Европе, Великобритании и США, а также в других странах и регионах проживания представителей абхазо-абазинского (абаза) и убыхского народов. Региональные отделения действуют на основе «Положения о региональном отделении Конгресса», утверждённом Высшим советом Конгресса⁸.

Цели и задачи диаспор, находящихся в разных концах света и общественной организации «Всемирный абхазо-абазинский конгресс», во многом совпадают. В частности, такие важные цели, как укрепление этнокультурного единства абхазо-абазинского (абаза) и убыхского народов, создание необходимых условий для возвращения представителей абхазо-абазинской диаспоры на историческую родину. Основополагающими задачами «Всемирного абхазо-абазинского конгресса» являются такие пункты, как содействие социально-экономическому и культурному развитию абхазо-абазинского (абаза) и убыхского народов, способствование сохранению и изучению родного языка представителями абхазо-абазинской диаспоры, восстановление и укрепление родственных связей, расширение и укрепление связей абхазо-абазинской диаспоры с исторической

⁷ Там же.

⁸ Устав общественной организации «Всемирный абхазо-абазинский конгресс». Интернет-ресурс. Доступен по ссылке: <https://abaza.org/site/documents>

родиной, содействие установлению контактов между живущими в разных странах абхазами и абазинами, укреплению их единства, оказание материальной и другой необходимой помощи представителям абхазо-абазинской диаспоры, желающим вернуться на свою историческую родину, оказание правовой и другой необходимой помощи лицам абхазо-абазинской национальности вне зависимости от места их проживания⁹.

Данные инициативы иллюстрируют огромную конструктивную работу, направленную на сохранение такого малочисленного коренного народа России, как абазины и близкородственного ему народу абхазов «апсуа», на решение демографических и экономических проблем, а главное на возрождение и сохранение традиционной культуры. Для абхазо-абазинских национально-культурных меньшинств, землячеств и диаспор популяризация и сохранение традиционной культуры, налаживание этнокультурных связей и в тоже время интеграция в принимающие общества без жёсткой ассимиляции, является животрепещущей «повесткой дня» на протяжении всего периода нахождения вне родины.

Вследствие того, что абхазы и абазины являются близкородственными народами и говорят фактически на одном языке, они считают себя единым народом. Миграция на Европейский континент была не такой массовой, как это было на территориях бывшей Османской империи. Изучение истории образования абхазо-абазинской (абаза) диаспоры выявляет перманентную проблему для всех мигрантов - ассимиляцию этноса в принимающих странах. Анализ периодов подъёма этнического самосознания у абхазов и абазин позволяет выяснить основную причину консолидации этносов: чаще всего это происходит в период военных конфликтов, будь то Гражданская война в России 1917–1922 гг., или Вторая мировая война 1939–1944 гг. Особую роль в консолидации народа сыграла война 1992–1993 гг., которая сплотила абхазов и абазин, что выразалось не только в гуманитарной помощи и политических акциях. Провозглашение независимости Республики Абхазия способствовало установлению более тесных связей между Родиной и диаспорами. Среди представителей абхазо-абазинской диаспоры укрепилось самосознание, появилось желание сохранить себя, как народ, сохранить свою древнюю и богатую традиционную культуру и не менее древний язык. К началу 2000-х гг. европейские абхазо-абазины столкнулись почти с полной ассимиляцией. Дисперсное проживание не способствовало к частым коммуникациям внутри национального меньшинства.

Возможно, ввиду исторически сложившегося политического устройства, у большинства народов Кавказа в период военных конфликтов включается инстинкт самосохранения. После войны в Южной Осетии и Абхазии 2008 г. произошёл очередной виток в подъёме самосознания, так как произошло уже юридическое признание независимости Республики Абхазия¹⁰. На этом фоне абхазо-абазинская часть северокавказской диаспоры выделилась и образовала

⁹ Там же.

¹⁰ Признание Россией независимости Абхазии 26 августа 2008 г. после войны в Южной Осетии и Абхазии (8 августа 2008).

одноименную диаспору. Здесь уже появились иные социально-политические инструменты и механизмы для сохранения всех этномаркирующих признаков народа за рубежом.

Подводя итоги, необходимо отметить, что абхазы и абазинцы в Европе сохранили этническое самосознание. Главным образом на это повлияло «апсуара», являющееся движущей силой в борьбе за сохранение традиционной культуры и консолидации народа. Но несмотря на это, они утратили основную часть своих этнических компонентов, главным из которых является язык. Ни на абхазском, ни на абазинском языках в Европе не говорят. За редким исключением язык сохранен у представителей первой волны трудовой миграции, которые не вернулись в Турцию после выхода на пенсию, что являлось частой практикой. Все культурные центры, которые существуют в Европе, являются сугубо личной инициативой активной части диаспоры. Надо сказать, что Республика Абхазия не оказывает существенной поддержки абхазо-абазинской диаспоре, хотя и надеется на репатриацию большей части абхазов и абазинцев из Европы в Республику Абхазия. На фоне сложившейся ситуации, общественная организация «Всемирный абхазо-абазинский конгресс» реализует инициативу об открытии отделений Конгресса в местах компактного проживания абхазов и абазинцев, а также установлению связей с главами культурных центров для объединения общих усилий по сохранению традиционной культуры и языка. Ввиду того, что значительная часть абхазов и абазинцев оказалась за пределами исторической родины, то одна из основных задач, которую перед собой ставит Конгресс, состоит в репатриации соотечественников на историческую родину. В настоящее время Конгресс занимается выстраиванием междиаспоральных связей (между абхазо-абазинскими диаспорами по всему свету) и выступает с различными инициативами по сохранению языка. В 2020 г. были открыты онлайн курсы абазинского языка с выходом во все социальные сети. Также велась работа над созданием единого абхазо-абазинского алфавита, но в настоящее время проект приостановлен.

В дальнейшем важно исследовать как работают инициативы представителей диаспор и общественной организации «Всемирный абхазо-абазинский конгресс» по сохранению традиционной культуры и языка в условиях современной Европы с её меняющимися в этнокультурных ориентациях приоритетами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. М., 2012. Вып. 1. С. 22-96.

2. Инал-Ипа Ш. Зарубежные абхазы. Историко-этнографические этюды. Сухуми: Алашара, 1990. 138 с.

3. Ганич А. Черкесы в Иордании. М.: ИСАА МГУ, 2007.

4. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум: «Алашара», 1982.

5. Чичиннадзе З.И. Большое переселение грузин-магометан в Османскую Турцию. Тифлис, 1915.

6. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазов. С: Алашара, 1976.

7. Гургулия Э. Абхазы в структуре северокавказской диаспоры в арабском мире (XVIII-XX вв.). Автореферат. М: Реглет 2014.

8. Ганич А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние. Автореферат. М.: Гуманитарий, 2003.

9. Бабич И.Л. Политика и круги общения Северокавказцев во Франции в 1920-1930 годы // Этнографическое обозрение М., 2020. № 3.

10. Кушкхбиев А.В. История зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: КБНЦ РАН, 2018.

11. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – 544 с.

12. Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуяна: Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – 420 с.

13. Масумова Н.Р. Миграция турецкой рабочей силы в страны Западной Европы // Мировое и национальное хозяйство. 2(9). 2009. С. 55–67.

14. Аюпова Н.И. Основные направления и проекты сотрудничества Турции с ФРГ в области культуры в период правления Партии справедливости и развития // Вестник Вятского государственного университета, 2017, № 9. С. 81–97.

15. Ксендзык Н.Н. Турецкая трудовая иммиграция в странах Западной Европы

1. Chirikba VA. Resettlement of Abkhazians and Abazins in Turkey [Rasselenie abhazov i abazin v Turcii]. *Dzhigetsky collection*. Moscow, 2012;(1):22-96. (In Russ)

2. Inal-Ipa Sh. *Foreign Abkhazians [Zarubezhnye abhazy]*. Sukhum: Alashara, 1990. (In Russ)

3. Ganich A. *Circassians in Jordan [Cherkesy v Iordanii]*. Moscow: ISAA MSU, 2007.

4. Dzidzaria GA. *Makhadzhirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century [Mahadzhirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletiya]*. Sukhum: Alashara, 1982. (In Russ)

5. Chichinnadze ZI. *Large migration of Mohammedan Georgians to Ottoman Turkey [Bol'shoe pereselenie gruzin-magometan v Osmanskuiu Turtsiiu]*. Tiflis, 1915. (In Russ)

6. Anchabadze ZV. *Essay on the ethnic history of the Abkhazians [Ocherk etnicheskoi istorii abkhazov]*. Sukhum: Alashara, 1976. (In Russ)

7. Gurgulia E. *Abkhazians in the structure of the North Caucasian diaspora in the Arab world (XVIII-XX centuries) [Abhazy v strukture severokavkazskoj diaspori v arabskom mire (XVIII-XX vv.)]*. Abstract of thesis. Moscow: Reglet, 2014. (In Russ)

8. Ganich A. *Circassian diaspora in Jordan: genesis and current state [Cherkesskaya diaspora v Iordanii: genезis i sovremennoe sostoyanie]*. Abstract of thesis. Moscow: Gumanitary, 2003. (In Russ)

9. Babich IL. *Politics and social circles of the North Caucasians in France in the 1920-1930s [Politika i krugi obshcheniia Severokavkaztsev vo Frantsii v 1920-1930 gody. Etnograficheskoe obozrenie]*. *Ethnographic Review*. Moscow. 2020, 3: 105.

10. Kushkhabiev AV. *History of the foreign Circassian diaspora [Istoriya zarubezhnoj cherkesskoj diaspori]*. Nalchik: KBNTs RAS, 2018. (In Russ)

11. Tishkov VA. *Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology [Rekviyem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii]*. Moscow, 2003. (In Russ)

12. Danchenko S. (ed.). *Slavs and Russia: Slavic and Balkan peoples in the periodical press. To the 90th anniversary of A. A. Uluynan: Collected articles [Slavyane i Rossiya:*

(70 — 80-е гг.) / АН УССР. Ин-т соц. и экон. пробл. заруб. стран; Отв. ред. И.Ф. Черников. — Киев: Наук. думка., 1991.

16. Айба Т.Г. Основные положения «Кодекса чести» у народов Суверенного и Западного Кавказа // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 167–173.

Статья поступила в редакцию 13.09.2021 г.

slavyanskie i balkanskie narody v periodicheskoy pechati. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Ulunyana: Sb. statej]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. (In Russ)

13. Masumova NR. *Migration of the Turkish labor force to the countries of Western Europe. World and national economy [Migraciya tureckoj rabochej sily v strany Zapadnoj Evropy. Mirovoe i nacionalnoe hozyajstvo]*. 2009, 2(9): 55-67. (In Russ)

14. Ayupova NI. The main directions and projects of cooperation between Turkey and Germany in the field of culture during the reign of the Justice and Development Party [Osnovnye napravleniya i proekty sotrudnichestva Turcii s FRG v oblasti kultury v period pravlениya Partii spravedlivosti i razvitiya. *Bulletin of the Vyatka State University*. 2017,(9):81-97. (In Russ)

15. Ksendzyk NN. *Turkish labor immigration in the countries of Western Europe (70-80s) [Tureckaya trudovaya immigraciya v stranah Zapadnoj Evropy (70-80-e gg.)]*. Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. I.F. Chernikov (ed.). Kyiv, 1991. (In Russ)

16. Ayba TG. The main provisions of the “Code of Honor” among the peoples of the Sovereign and Western Caucasus [Osnovnye polozheniia "Kodeksa chesti" u narodov Suvєrennogo i Zapadnogo Kavkaza. Vestnik SPb-GU]. *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2013, 2(4):167-173. (In Russ)

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181167-195>

Гаджалова Фатима Амирбековна

к.и.н., научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

f-gadzhhalova@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЬБА В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРНОГО СЕЛА КУБАЧИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2017-2018 гг.): КЛЮЧЕВЫЕ ОБРЯДЫ, ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Статья написана на основе полевых этнографических материалов, собранных в с. Кубачи Дахадаевского района Дагестана. Для сбора материала были использованы методы включенного наблюдения, опроса и интервью с жителями села Кубачи и городскими кубачинцами. Кубачинская свадьба представлена как комплекс обычаев и обрядов, которые проходят в течение трех дней в определенной последовательности в условиях горного селения. Выделены локальные особенности и ключевые моменты современной сельской свадьбы. Рассматривается традиционная праздничная женская одежда кубачинцев как одна из ярких составляющих всей свадебной церемонии: это наряд невесты и самых близких замужних женщин рода. Раскрыты особенности коллективных шествий, выполняющих определенную функцию в каждый из трех дней праздника: повторение обряда сватовства с подарками в первый день свадьбы, перевод невесты в окружении близких в дом жениха на второй день и перенос приданого в третий день свадьбы. Рассматривается обычай свадебного обряда-представления на открытом воздухе, обставленное угощениями, сопровождающегося музыкой, танцами и играми ряженых. Собран материал о видах свадебных блюд, традициях их приготовления. Также рассматриваются благопожелания и магические ритуалы сопровождающие свадебные обряды, раскрывается символика и их назначение. Это обряд осыпания невесты сладостями, закрывание лица платком, угощение медом, раскрыты особенности магических представлений о четных числах. В статье также приведены материалы о городских свадьбах кубачинцев, выделены традиционные обряды, используемые в городских условиях: женский праздничный наряд, традиционные танцы и др.

Ключевые слова: сельская свадьба; эндогамия; Кубачи; локальные обряды; праздничная женская одежда; коллективные шествия; свадебные блюда; магические ритуалы; благопожелания.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181167-195>

Fatima A. Gadzhalova
PhD (History), Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
f-gadzhalova@mail.ru

MODERN WEDDING IN THE MOUNTAIN VILLAGE OF KUBACHI (BASED ON THE FIELD MATERIAL OF 2017-2018): KEY RITES, LOCAL FEATURES

Abstract. The paper is based on the field ethnographic material, collected in the village of Kubachi, Dakhadaevsky district of Dagestan. The methods of participant observation, survey and interview with the villagers of Kubachi and the urban Kubachins have been applied for collecting the material for the study.

The Kubachi wedding is a complex of specific customs and rituals, which last for three days in a certain sequence within the context of the mountain village. Local features and key points of a modern rural wedding are described. The author considers the traditional festive women's costume as part of the whole wedding ceremony: these are dresses of a bride and closest married women of the family. Features of a collective wedding procession, which carries a certain function for each of the three days of the ceremony, are discussed: repeating the rite of matchmaking with gifts on the first day, the relocation of the bride with relatives to the groom's house on the second day, and the transfer of dowry on the third day of the wedding. The custom of the wedding ritual-show in the open air, accompanied with food and music, dances and mummers' games is revealed. The material on the types of wedding food, traditions of its cooking is considered. The paper also discusses the custom of good-wishing and magic rituals, performed during the wedding, as well as the symbolism and their function. Among these rituals are: showering the bride with sweets, concealing the face with a veil, honey treating; features of popular magic beliefs on even numbers are also mentioned. The study also proposes material on city weddings of the Kubachins, their traditional rites, performed in an urban setting: women's festive dress, traditional dances, etc.

Keywords: rural wedding; endogamy; Kubachi; local rituals; festive women's costume; collective procession; wedding food; magic rites; good-wishing.

Введение

Свадьба – многогранное явление традиционной культуры, красочное, насыщенное действо с комплексом обычаев и обрядов, в которых отражаются мировоззренческие установки народа. Сегодня свадьба составляет основу семейных праздников, она стала явлением, отражающим инновационные явления современной культуры.

Дагестан – регион этнического и культурного многообразия. В начале третьего тысячелетия свадьба здесь представляет собой симбиоз традиций с нововведениями, привнесенными из культур других народов. Дагестанская свадьба на сегодняшний день является неповторимым, мультикультурным праздником.

Изучением современных свадеб в последнее десятилетие широко занимаются дагестанские этнографы и историки [1, 2, 3, 4, 5, 6]. В исследованиях рассматриваются сохранившиеся и частично трансформировавшиеся традиции городских и сельских свадеб, влияние религиозного компонента на их проведение, а также нововведения в свадебной культуре народов Дагестана. Интерес представляют материалы не только по дагестанским свадебным традициям в целом, но и локальные формы свадебной культуры, которые сегодня можно наблюдать в некоторых населенных пунктах Дагестана [7, 8].

В данной статье, написанной на основе полевых материалов 2017–2018 гг., мы остановимся на современной свадебной культуре дагестанского сел. Кубачи.

Свадьба – это многоплановое торжество, состоящее из предсвадебных, свадебных и послесвадебных обрядов. Задачей нашей статьи является выделение и описание ключевых моментов свадебной обрядности кубачинцев. Предварительные наработки по этой теме ранее опубликованы в тезисах [9].

Полевые исследования являются важной составляющей этнографической науки. С начала XXI в. черты народной культуры стремительно меняются, трансформируются. Это отмечается почти всеми учеными. Но несмотря на эти изменения, сегодня можно наблюдать очаги сохранившейся архаичной культуры в отдельных горных селах Дагестана. Сельское мироустройство имеет свою специфику и укоренившиеся вековые традиции преобладают во многих элементах материальной и духовной жизни сельских жителей. Поэтому, на наш взгляд, необходимо зафиксировать бытующие в век урбанизации и глобализации локальные, традиционные практики дагестанских народов, как в бытовой, так и в праздничной культуре, выявить причины, способствующие такой преемственности и сохранности, что позволит проследить и охарактеризовать изменения в последующих исследованиях.

Основными методами сбора материалов для статьи послужили методы включенного наблюдения, опроса и интервьюирования, а также фото- и видеофиксация. За два летних сезона полевой работы в сел. Кубачи мы посетили пять свадеб и опросили около десятка жителей села и кубачинцев, проживающих в городах Махачкала, Дербент, Каспийск.

Кубачинцы – этническая группа даргинцев, часть которой компактно проживает в Дахадаевском районе в сел. Кубачи. Во многих российских и зарубежных энциклопедиях о народах мира кубачинцам посвящены отдельные разделы [10]. Сегодня кубачинцев можно назвать «городским этносом», так как более 70–80 % его представителей живет почти во всех городах и нескольких населенных пунктах (Акуша, Карабудахкент, Губден) Дагестана, в Центральной России, Северном Кавказе, Азербайджане, ряде республик Средней Азии. По приблизительным подсчетам кубачинцев около 14–17 тыс. человек. В Кубачи, кроме, собственно, кубачинцев (носителей кубачинского языка и традиционной культуры), живут и переселенцы из соседних даргинских сел [11, с. 7].

Благодаря общественным порядкам, преемственности ювелирного ремесла и народных традиций, бережного отношения к своей культуре, высокой степени идентичности кубачинцы не слились с представителями других дагестанских народов. Ассимиляции препятствуют и устойчивые традиции эндогамных браков (кубачинцы в основном заключают браки только в пределах своей этнической группы). Эту особенность отмечали средневековые путешественники и подтверждали спустя столетия ученые-кавказеды советского периода [12, с. 200]. Хотя год от года количество межнациональных браков растет, все же этих правил негласно придерживаются, и значительный перевес в сторону внутриэтнических браков сохраняется. На современные брачные практики кубачинцев обращают внимание и другие этнографы [13, с. 22; 14, с. 1095].

Кубачи сегодня является большим горным селением, состоящим из двух частей – старой исторической части и нового поселка. Новый поселок сильно вырос в последнее десятилетие. Дома строят как местные, так многие городские кубачинцы, которые семьями приезжают в родное село чтобы сыграть свадьбу детям и на другие события.

Благодаря горожанам-кубачинцам летом село оживает. Это сезон свадеб. Как и по всему Дагестану, свадьбы в Кубачи не играют в месяц поста Рамадан и в дни праздника Курбан-Байрам. Сегодня кубачинская сельская свадьба в основе своей традиционный самобытный народный праздник, с незначительными трансформациями и нововведениями, больше связанными с развитием современных технологий и коммуникаций. Надо отметить, что на локальные традиции села мало влияют общие тенденции развития свадебной дагестанской культуры. В частности, у кубачинцев не было выявлено проведения свадеб-мавлидов, которые широко распространены в десятках сел горных районов Дагестана [15, с. 130–135], где они большей частью заменили традиционные родные свадьбы.

Сельская свадьба для кубачинцев не только домашнее торжество, она становится событием для местных жителей, приезжих горожан, туристов. Сельчане с радостью воспринимают новости о свадьбах, даты предстоящих торжеств разносятся заблаговременно и обсуждаются на сельских посиделках. Также для

удобства на интернет-портале «Баркалла.ру»¹ кубачинская молодежь размещает даты свадеб, имена, фамилии женихов и невест. Здесь можно узнать, где будет проходить свадьба: в городском банкетном зале или в самом Кубачи.

Свадьба в Кубачи *михъ*² длится три дня. Первый день – свадьба невесты *юс-силла михъ*, второй – свадьба жениха *галла михъ* и третий – поздравление молодоженов *давлалла бе*³. В каждый из дней в определенной последовательности участники праздника проводят обряды и ритуалы, выполняющие определенные функции и имеющие свое значение.

Если рассматривать в целом современную свадьбу, проходящую в селении Кубачи, можно выделить ключевые обряды и главные составляющие этого мероприятия. Мы сгруппировали свадебные ритуалы трех дней свадьбы по общим характерным чертам. Хотя последовательность действий всех свадебных обрядов при этом несколько нарушается, все же такая подача полевого материала нам кажется удобной и более логичной.

Праздничный женский комплекс одежды

Первое, что бросается в глаза на кубачинской свадьбе – женщины в традиционной праздничной одежде. Она состоит из парчового туникообразного платья *агва* и белого вышитого головного покрывала *кIаз*. Такую одежду при исполнении свадебных обрядов надевают самые близкие замужние родственницы жениха и невесты. Более подробно свадебная одежда кубачинок рассматривалась в одной из научных публикаций [16]. Все остальные женщины, участницы торжества, из числа соседок, друзей, дальних родственников, незамужних девушек одеты в городскую одежду или так называемые «даргинские» платья. На голову при этом также обязательно накидывают *кIаз*.

Традиционную одежду надевает и новобрачная. Впервые девушка примеряет ее для совершения обряда-перехода в дом жениха. Помимо платья (ткань платья обязательно должна быть красного цвета) и головного покрывала, украшенного вышивкой, на невесту поверх накидывают большой белый узорный платок-шаль с бахромой *ккатIе*, которое закрывает лицо. Все предметы одежды – это подарки невесте от матери жениха.

Каждая кубачинская девушка на своей свадьбе непременно надевает национальный наряд, меняя его варианты несколько раз на протяжении праздника, чтобы продемонстрировать свои лучшие платья и головные покрывала. Практики ношения белых свадебных платьев в селении нет. В связи с этим, надо отметить, что в настоящее время на свадьбах в других дагестанских селениях

1 Сайт «Баркалла.ру» создан молодыми кубачинцами. Наиболее популярен стал благодаря свадебным объявлениям. <http://barkalla.ru/wedding/viewNew>

2 Для более точного написания кубачинских слов, выражений, благожеланий использован словарь: Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И. Кубачинско-русский словарь. Отв. ред. Х.А. Юсупов. Наука, 2017. – 543 с.

3 Три дня проходит и городская свадьба. Где проводить праздник, в Кубачи или в городе, решают на семейном совете.

традиция использования женского старинного народного комплекса одежды столь активно и разнообразно, как это практикуется в Кубачи, не зафиксирована. Еще со второй половины XX в., повсеместно по всем сельским районам Дагестана, европейское свадебное платье вытеснило традиционные наряды, которые в прошлом бытовали у каждого народа и представляли собой богатую и разнообразную по крою и способу ношения одежду и украшения.

В сел. Кубачи ношение национального праздничного костюма – традиция, которую берегут и поддерживают. Парчовое платье из старинной золототканой парчи или тафты и богато украшенное головное покрывало считается у кубачинцев символом достатка. Вышедшая на танец невеста, облаченная в такой наряд, вызывает неизменное восхищение у местных знатоков и любителей старины. По традиции лучшие парчовые платья, головные покрывала *Клазы* и старинные украшения переходят по наследству по женской линии.

Так как в гардеробе современной замужней кубачинки должно быть несколько праздничных традиционных нарядов, ткани для пошива такой одежды специально привозят для продажи знатоки «кубачинской моды». Большой выбор восточных парчовых тканей, белые тонкие ткани для головных покрывал современного производства, нитки для вышивания и плетения бахромы везут из ОАЭ, Пакистана, Индии. Оживленная торговля материалами для праздничного наряда идет на базаре, который проходит в Кубачи каждый четверг на центральной площади. Здесь можно приобрести и старинные ткани (парчу, тафту, шелк); торговцы повсеместно скупают их на блошиных рынках по всей России, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Старинные ткани, бахрому, шерстяные узорные платки-шали для кубачинцев поставляют и жители селения Губден. Торговые взаимоотношения жителей этих двух сел – исторически сложившаяся полувековая традиция, что отмечено современными исследователями [17, с. 142].

Пошивом туникообразных праздничных платьев на заказ и на продажу занимаются несколько женщин в Кубачи и Махачкале. Мастерицы специализируются именно на их изготовлении, выполняя покрой по старинным лекалам. Отдельные мастерицы занимаются реставрацией платьев из старинной парчи и надо отметить, что в этом они достигли особого совершенства. Нам довелось увидеть несколько платьев, в которых с первого взгляда сложно разглядеть восстановленные части тканей.

Еще один декоративный старинный элемент праздничной одежды – это манжеты для платья *Гигналла дулке*, вышитые жемчугом и дополнительно украшенные серебряными ювелирными нашивками. Как отметила информатор⁴ старинные навыки вышивания были возрождены в последние несколько лет. Жемчуг (мелкий, речной) привозят из Азербайджана, городов центральной России, а серебряные мелкие декоративные нашивки для рукавов изготавливают местные ювелиры-филигранщики. Такие рукава обычно изготавливают на заказ у местных мастериц.

4 Информант Кишова Ф. 1976 г.р. сел. Кубачи.

Если рассматривать головное покрывало *кIаз*, предназначенное для праздничных выходов, кубачинки отделявают его особо тщательно, украшая вышивкой золотой нитью, подзором из старинной парчи и плетеной золотой бахромой. Сегодня приемы вышивального искусства традиционно передаются от бабушки к внучке, от матери к дочери, и вышивкой занимаются многие женщины как проживающие в самом Кубачи, так и городские кубачинки. Приемам традиционного рукоделия обучают и в местной школе искусств. Как справедливо отмечает Е.Л. Капустина, «кубачинки через вышивальное искусство смогли не только в очередной раз подчеркнуть значимость художественных промыслов для своего села, но и в настоящее время при помощи образцов своего мастерства выражают свою специфическую локальную идентичность» [17, с. 125]. Об особенностях изготовления и ношения кубачинского *кIаза* детально описано в нескольких научных статьях [16; 17; 18].

С традиционной праздничной одеждой невеста надевает и украшения, они неотъемлемая часть праздничного наряда. Это массивный серебряный браслет с шарнирным соединением *кьюшчибулахха* (букв. «браслет с кулаком сверху») и крупный серебряный перстень *бикIчиб тIуппигала* (букв. «кольцо с головой»). Украшения выделяются архаичностью форм, крупными вставками камней и массивностью. Традиционные серебряные украшения, также как и праздничная одежда передаются по материнской линии. Помимо этих украшений на невесте надеты и фабричные золотые украшения: кольца с разными вставками, цепи всевозможного плетения, браслеты, часы, серьги, подвески и т.д. Ювелирные изделия входят в состав даров для невесты со стороны жениха. Украшениями одаривают невесту также на третий день свадьбы близкие родственники, которые тут же невеста надевает на себя. По традиции в праздничном наряде и с обилием колец и браслетов на руках новобрачная должна ходить после свадьбы 40 дней. После истечения этого срока замужняя женщина наряжается в архаичный комплекс одежды уже на праздники близких и родных.

Праздничные шествия

Характерной чертой свадьбы в селении Кубачи являются коллективные шествия. В каждый из трех свадебных дней они выполняют строго определенную функцию.

Четное количество мужчин и женщин в первый день свадьбы направляются с подарками в дом к невесте. Этот ритуал носит название *хьадйаччи бюкьи* «идти сватать». Это повторение предсвадебного обряда сватовства с таким же названием, но уже более пышное и масштабное⁵.

5 Предсвадебный обряд сватовства проходит за год-полгода до официальной свадьбы. Родители проводят обряд в своем городском или сельском доме, в месте основного проживания. При этом если жених из города, а невеста живет в Кубачи, и наоборот, заранее договариваются, где будут проводить сватовство. Проведение объединенного свадебного мероприятия в городском ресторане или кафе редкое явление. В обряде обычно участвует небольшой круг родственников и близких. В число подарков

Большая процессия, состоящая из празднично одетых женщин и мужчин, несет дары для невесты: традиционные парчовые платья, головные покрывала, узорные шерстяные платки-шали, ювелирные украшения, всевозможные отрезки винтажных и современных тканей, современную городскую одежду и обувь. Среди подарков выделяется завернутая в декоративное покрывало глубокая медная тарелка на низкой ножке-поддоне⁶ *лутле виб хатла*, наполненная рисом, в которую вкладывают золотые и серебряные украшения. Наиболее уважаемый мужчина рода (тухума) возглавляет процессию с таким подарком. Сватов уже ждут в доме невесты, мужчины принимают, оценивают дары, идет шуточный небольшой торг, всех угощают праздничной едой, перед уходом сваты танцуют. Это ключевой ритуал первого дня, помимо которого проводят и другие, не менее важные. «Доверенные лица» жениха и невесты в этот день встречаются у местного муллы для заключения обязательного религиозного брака *магъара*. Интересно, что помимо основного названия первого дня свадьбы *юссилла михъ*, в народе говорят и *магъара бе* «день, в который совершается *магъар*». Гражданский обряд бракосочетания, с получением свидетельства о браке, молодые по договоренности проводят до свадьбы или после нее, в районном центре или же в городском отделе ЗАГСа.

Шествия второго дня свадьбы связаны с ритуалом *цЛиквай сачи* «привести невесту»: девушку переводят из родительского дома в дом жениха. Обычно это происходит ближе к вечеру после свадебного представления, о котором мы расскажем ниже, в другом разделе статьи. За невестой направляется группа мужчин и женщин. Главная в этой процессии женщина с сумкой-*хурджином*, в которую вложены ритуальные предметы: две овечьи берцовые кости и хлеб. На двух свадьбах мы отметили, что бараньи кости и нарядная сумка-*хурджин* были принесены из другого дома. Чистые, целые кости (но не вареные) родственница жениха, сыгравшая ранее свадьбу своего сына, хранила в морозильнике для последующего пользования на свадьбах родных и близких. Во временной передаче ритуальных предметов для проведения обрядов, можно проследить традицию взаимовыручки на сельских свадьбах. Сумку передают матери невесты и по устоявшейся архаичной традиции предметы из *хурджина* она заворачивает в девичий *кIаз* дочери-невесты. Такой ритуальный сверток передается в руки женщины (обычно это ближайшая родственница по линии отца невесты), которая поведет невесту в дом жениха. Смысл обрядового ритуала нам выяснить не удалось.

Сегодня обряд проводов невесты в дом жениха проходит на машинах⁷. Село разрослось, дома жителей и городских кубачинцев расположены далеко друг от

со стороны жениха входит ювелирное украшение, традиционная праздничная одежда, текстиль, сладости. Торжество непременно сопровождается трапезами, музыкой и танцами. Со дня сватовства девушка и юноша официально становятся женихом и невестой.

6 На некоторых свадьбах мы видели, как для этой цели использовали современную фарфоровую глубокую вазу на низкой ножке-поддоне.

7 Как отметили многие информанты, в прошлом процессия была пешая, обряд перевода проходил под свет самодельных факелов, под звуки зурны и барабанов. Участники останавливались, танцевали, веселились.

друга, поэтому для удобства в таких коллективных шествиях пользуются автотранспортом. Музыка звучит из автомобильных магнитол, факелы по желанию иногда сооружают молодежь. В обряде перевода невесты выделяется ритуальная игра. Когда процессия подходит к дому жениха, идущий впереди мужчина (родственник невесты), несущий ковер (часть приданого), неожиданно «ломает ногу» и «падает» с ковром на пороге дома, требуя от родных жениха «лечения недуга» щедрыми подарками, чтобы пропустить невесту внутрь. После шуточного «торга», проход освобождают и невесту заводят в дом жениха. Невесту по традиции сажают в углу комнаты и угощают медом.

Старшие женщины, сопровождавшие невесту, готовят постель для молодых и возвращаются в дом невесты. Брачную ночь никто не контролирует, по традиции молодых оставляют одних; родители и члены семьи уходят к соседям, родственникам. Часто первую совместную ночь молодые проводят за общением и угощениями в кругу своих общих друзей, которые, зная о новой традиции, приходят на ночные посиделки⁸. К утру новобрачные наводят порядок в доме, убирают постель и готовятся к приему гостей, приходящих поздравлять молодых.

Праздничные шествия характерны и для третьего дня свадьбы, когда процессия из мужчин, женщин, детей, молодежи с музыкой и танцами переносит приданое невесты в дом жениха. Обряд носит названия *цликвайля хатI-вакь дукъи* «нести посуду невесты», *цликвайля чантуппе дукъи* «нести сумки невесты». Каждый участник процессии несет какой-либо предмет приданого: домашний текстиль, посуду, бытовые предметы и т.д.

Своей оригинальностью и своеобразием выделяется традиционная медночеканная утварь, которая является обязательной составляющей приданого и современной кубачинской невесты. Женщины особым образом несут на спине большие водоносные кувшины *мучIалы* и малые водоносы *къуткъа*, в руках других участников шествия ритуальные сосуды-ведерки *нукънус*, литые бронзовые котлы разных объемов *гъашак* с чеканными крышками и медные чеканные сосуды *чибсаттагваран*. Всю посуду переносят в дом наполненной: кувшины – водой, ритуальные ведерки и сосуды – мукой, сахаром, рисом, сладостями. По традиции родители передают по наследству дочери и старинный фарфор (декоративные тарелки из керамических центров Ирана, Ирака, Китая, Сирии, Японии, России и европейских стран) [19]. Увлечение и коллекционирование кубачинцами предметов старины (чеканной иранской посуды, фарфора, текстиля) факт, на который обращают внимание российские ученые [20].

Несмотря на то, что сегодня медная утварь фактически не имеет своего практического назначения, она обязательно входит в состав приданого современной невесты. По устоявшейся традиции родители обязательно дают дочери сундук

8 Это новые традиции, характерные для последних 7-10 лет. В прошлом молодые проводили первую ночь одни. Традиции свидетельствования невинности невесты, как это было характерно для свадебной обрядности у других народов Дагестана, у кубачинцев не отмечено. Наши информанты не смогли припомнить такого ритуала.

с постельными принадлежностями, который украсит одну из комнат сельского дома. Даже перины, одеяла и подушки кубачинки шьют из нарядных парчовых тканей красного и зеленого оттенков, перечень спальных принадлежностей и их последовательность раскладывания на сундуке строго определены.

Свадебное представление

Наиболее ярким масштабным по событиям является второй день кубачинской свадьбы *таммла бе* (букв.: «день, когда играют в барабан»⁹). Это коллективное действо на открытом воздухе с музыкой, танцами и угощениями, в котором участвуют не только родные и близкие брачующихся, но и любой житель или гость села. Для местного населения и приезжих горожан-кубачинцев это возможность выйти с детьми, в компании друзей, близких, чтобы стать частью свадебного, своего рода театрализованного представления.

Действо происходит на близлежащей к дому жениха ровной площадке. Праздничный круг обставляется едой, напитками, фруктами. За столами обычно сидят мужчины, женщины с детьми стоят позади, наблюдая за праздником. Невеста не участвует в свадебном представлении, она готовится к обряду перехода (о нем мы писали выше) в дом жениха после завершения свадебного представления, ближе к вечеру. Жених в компании своих друзей веселится на празднике.

Основу свадебного действа составляют танцы. На площадке обычно танцуют от двух и до 10 пар одновременно. В танцах участвуют родные, близкие, друзья, соседи со стороны жениха и невесты. Танцы на современной кубачинской свадьбе носят разноплановый характер. Здесь видно смешение традиционных кубачинских¹⁰, дагестанских (парные танцы на основе лезгинки), а также популярных в городе танцевальных форм, исполняемых под соответствующие мелодии. Танцами обычно никто не руководит, чем больше тухум у жениха и невесты, тем насыщеннее и организованней проходит свадебное представление.

Среди танцующих выделяются четыре девушки, это подружки невесты *юсбалла юсбе*. На них городская нарядная одежда, которую дополняет белое покрывало *кIаз* и накинутый поверх цветной узорный платок с бахромой. Платок обычно старинный (восточная шаль или изделие российских фабрик начала XX в.), из домашней коллекции традиционных предметов женской одежды. Девушки танцуют не только в этот день, но и на протяжении всех трех дней свадьбы.

9 На кубачинском слово тамм означает барабан. Музыкантов в прошлом было двое, один играл на барабане, другой на зурне. Хотя сегодня на сельских свадьбах музыканты традиционную мелодию и песни играют на электронных музыкальных инструментах, название этого обряда сохранилось.

10 Кубачинские традиционные танцы – это танцы в паре. Мужчина танцует с женщиной по кругу, двигаясь под такт музыки назад. Допустим такой же танец в паре женщина с женщиной. Реже на свадьбах можно увидеть старинный танец *кIикIвилатла*: на свадебной площадке участвуют только две пары танцующих, двигаясь, как и в паре, так и между собой продвигаясь навстречу к друг другу и возвращаясь на исходной положение.

Традиционным персонажем свадебного представления является ряженный *пялтар* (мн.ч *пялтурте*) – элемент древней культуры кубачинцев [21]. Костюм ряженого состоит из разрисованной войлочной маски, белой рубахи, поверх которой надета кольчуга, белых штанов, сапог, а также колокольчиков в виде браслетов, фиксирующихся на запястьях: их звон оповещает собравшихся о приближении ряженных.

Сегодня в Кубачи местные умельцы продолжают шить войлочные маски или обновляют старые. Благодаря сохранившейся традиционной свадебной культуре в Кубачи возродилось кольчужное производство [22, с. 51–52]. Примерить костюм ряженого и выступить в роли *пялтара* может любой молодой мужчина, который всячески старается быть неузнанным (для этого он даже старается исказить свой голос).

Еще один вид кубачинского ряженого *хъяче* (мн. ч. *хъючме*) – мужчина с маской на лице в женской одежде и головном уборе. Маска современного *хъяче* резиновая, фабричная, в виде гримасы¹¹, одежда – юбка и трикотажная кофта, под которой бутафорская грудь, чтоб женский образ выглядел наиболее правдоподобно. На голове поверх маски намотано женское покрывало *кIаз*, на ногах колготки. Вид у шута несуразный и в отличие от архаичного *пялтара*, это трансформированный образ ряженого, описанного известным этнографом Е.М. Шиллингом¹² [12, с. 173–174, 177–179].

В руках шуты держат плетень, чтобы отгонять от себя назойливых и небоязливых. Количество ряженных может достигать до 10 человек, среди которых больше *пялтурте*. Костюмы *пялтара* и *хъяче* всегда в распоряжении юношей, которые хотят стать участниками шуточных представлений на свадьбе. Обычно такой реквизит принадлежит группе товарищей или одному лицу. Его могут дать «на прокат». Самая главная деталь наряда одного из ряженных – кольчуга, которую особенно берегут.

Чем больше ряженных участвует в свадебном представлении, тем оживленнее и веселее оно проходит. Свадьбу без их участия считают неинтересной и скучной. Наш информант¹³, который однажды был *пялтаром* отметил, что это было не так уж просто. Надев костюм и войлочную маску, он растерялся, не зная, как себя вести, чтобы его действия веселили зрителей свадебного представления. Для успешного участия в качестве ряженого на свадебном представлении, как оказалось, нужны актерские способности. Завершается свадебное представление затемно. Из дома жениха группа мужчин и женщин, делегированных родителями, направляется в дом невесты для ее перевода (об этом мы писали в разделе о праздничных шествиях).

11 Как отметили информанты, в советские годы *хъяче* натягивали на лицо капроновый чулок, который искажал лицо и делал неузнаваемым переодетого мужчину.

12 В книге ученый говорит о них во множественном числе коучми (верное написание этого слова на кубачинском языке – *хъючме*)

13 Информатор Гаджалов М., 1992 г.р., г. Москва.

Праздничная пища

Особенность сельской свадьбы – это коллективное приготовление блюд. Праздничные угощения готовят близкие, родственники, соседи, друзья. Здесь не принято приглашать специальных поваров и официантов, как это встречается на городских дагестанских свадьбах. Праздничное меню состоит из традиционных кубачинских блюд *ушкалла халякуцце* пельмени с мясом, *ниссала халыкуцце* тонкие пироги-чуду из тянучего творога, *дигля халыкуцце* пироги-чуду с мясом и картошкой, а также блюд заимствованных из национальных кухонь народов Дагестана, Закавказья и Средней Азии (плов, голубцы, долма, пирожки, самса и т.д.).

Все блюда готовятся сообща: старшие женщины лепят традиционные пельмени, пекут чуду, молодежь занята сервировкой праздничных столов, подачей блюд, фруктов, напитков и т.д. За таким коллективным приготовлением свадебных угощений женщины общаются, хозяйка свадьбы ухаживает за ними, подносят еду, чай, напитки, фрукты. Мужчины во дворе в котлах варят мясо, пельмени, готовят плов. Интересно, что традицию приготовления узбекского плова мужчинами на открытом огне привнесли в традицию села кубачинцы, проживающие в республиках Средней Азии.

Коллективные трапезы женщин и мужчин, являющихся участниками и гостями свадьбы, происходят раздельно. Только неженатая молодежь, юноши и девушки сидят в одной комнате, проводя время за знакомством и общением. Гости рассаживаются большей частью на полу на коврах, сидя на подушках готовят и пробуют угощения.

При приготовлении блюд женщины одевают достаточно нарядную городскую одежду или свободные платья на кокетке из велюра, панбархата. А для совершения свадебных обрядов, танцев, шествий они переодеваются в национальный наряд, о котором мы рассказывали выше.

Свадебные благопожелания. Магические ритуалы

Неотъемлемой частью свадьбы являются благопожелания, которые гости выражают родителям и родственникам новобрачных. Благопожелания произносятся на кубачинском языке, являющимся диалектом даргинского.

В первый и второй день свадьбы все, кто приходит в дом жениха и невесты, поздравляют с началом свадьбы *Гяхь сягIят бухаб!* «В добрый час!».

Вечером второго дня, когда невесту приводят в дом жениха, произносят благопожелание *Бака-давралла бухаб!* «Пусть молодые живут в достатке и в здравии!». Сопровождавшие невесту женщины и мужчины, при возвращении также произносят это пожелание, обращаясь к родителям девушки.

Обычай поздравления молодых утром третьего дня свадьбы начинается с благопожелания *Давралла бухаб!* «Достатка и счастья!». Молодых приходят

поздравлять многочисленные родственники и гости; они преподносят подарки (обычно это деньги, ювелирные украшения, предметы быта и обихода). Невеста в свою очередь вручает сладкий подарок каждому, кто ее поздравил. Первыми поздравляют свою сноху родители жениха, они дарят украшения, драгоценности, старинный фарфор.

После завершения всех обрядов уходя, гости напоследок желают хозяевам свадьбы *Ццихъле ттабидухъаб!* «Пусть живут счастливо!». Мы обратили внимание на то, что даже если городские кубачинцы плохо владеют кубачинским языком, свадебные фразы-благопожелания знают все.

В современной кубачинской свадьбе сохранились определенные ритуалы, которые несут в себе символы магического, благопожелательного и охранительного свойства.

Ритуальную составляющую имеет подготовка тарелки с рисом и украшениями – основного свадебного дара, о котором мы писали выше. Она проводится в определенной последовательности. На расстеленное декоративное покрывало ставят тарелку вверх дном. В углубление ножки-поддона мать жениха или уважаемая женщина рода с проговариванием благопожеланий молодым, засыпает рис. Наполнив до краев чашеобразный поддон, тарелку переворачивают и рис рассыпается на ткань покрывала. После, тарелку устанавливают поверх высыпанного зерна и уже саму наполняют до краев рисом. В глубь вкладывают крупное серебряное ювелирное изделие (обычно это браслет), а поверх раскладывают другие украшения и собрав углы покрывала, заворачивают тарелку с украшениями и рисом, не завязывая узлов.

Как объяснил нам информант¹⁴, такая последовательность подготовки имеет свое значение. Зерна риса¹⁵ в поддоне – это та основа, которую дают родители своему сыну (дом для семейной жизни, дары для будущей жены и т.д.). Рис в тарелке, количество которого в разы больше, чем было в ножке-поддоне – это то, чего желают молодой семье и к чему она должна стремиться (достатку, благополучию). Здесь можно наблюдать действия, имеющие благопожелательное магическое содержание. Удивительно, как локальный архаичный ритуал не утратил своей актуальности: свадебный подарок, в котором сохранились древние представления кубачинцев продолжает бытовать в наши дни.

Охранительную магию несет в себе обряд перевода невесты в дом жениха. Девушка, одетая в праздничный наряд, при выходе из родного дома, обязательно закрывает лицо белым платком, накинутым поверх головного покрывала. Ведут невесту большое количество женщин, окружив ее небольшим кольцом. Тут прослеживаются действия оберега от «дурного» глаза и злых духов.

Девушку, которая выходит из родительского дома, в обряде перевода в дом жениха, мама щедро осыпает сладостями, орехами и рисом, являющимися своего рода символами богатства и изобилия. Подобный ритуал совершает и мать

14 Информант Шахаева П. 1953 г.р., Кубачи.

15 Рис в культуре многих народов, в том числе и дагестанских, является древним символом богатства, успеха, плодородия.

жениха, встречая молодую сноху. При этом невеста старается поймать в складки своего головного покрывала *кIаза*, как можно больше сладостей, риса, орехов. Считается, чем больше их соберет девушка, тем сноровистей и расторопней она будет в хозяйстве. Во всем этом прослеживается магия достатка и благополучия.

Пожеланием «сладкой» жизни является ритуал угощения медом. Это первое, что пробует невеста в доме своего избранника; угощает медом по традиции мать жениха. Ложку меда дают попробовать всем женщинам, сопровождающим невесту.

Во всех вышеперечисленных ритуалах прослеживаются иррациональные, магические действия, по народным представлениям направленные на всяческую защиту молодой девушки от негативного воздействия в ответственный момент ее перехода в статус замужней женщины, а также параллельно совершаются действия, которые, как считается, призваны обеспечить счастливую, богатую жизнь молодой семье.

К магическому можно отнести и предпочтение чисел четного порядка, сопровождающих свадебные обряды. Именно четное количество мужчин и женщин должно было участвовать в свадебных шествиях (обычно от 20 и до 40 человек). Парно упаковывают женщины дары для невесты в обряде сватовства. Четное количество хлебов (6 шт. и 8 шт. на двух подносах) раскладывают на ритуальных подносах в обряде перевода невесты. Парное количество (матрасов, одеял, подушек и т.д.) постельных принадлежностей дает мать в приданое дочери т.д. Магия парных чисел, подразумевающая семейную пару, предположительно также направлена на пожелание молодоженам взаимопонимания и счастливой семейной жизни рядом друг с другом.

Городские свадьбы

Так как кубачинцы городской этнос, поэтому свадьбы часто проводят в банкетных залах. Кубачинская свадьба в городском пространстве мало отличается от свадьбы других дагестанцев-горожан. Здесь присутствуют все атрибуты городского праздника: невеста в белом платье и жених в строгом костюме сидящие за одним столом, цветы, свадебный торт, большое количество гостей за накрытыми столами, тамада, эстрадные исполнители и т.д.

И все же кубачинцы сумели внести свою «изюминку» в однотипные торжества. Народный парный танец, исполняемый женщинами в традиционных праздничных нарядах, обряд, который уже более 20 лет органично вписывается в городские свадьбы кубачинцев и делает их узнаваемыми. Близкие родственницы молодоженов, приносят с собой в зал торжеств парчовые платья и вышитые *кIазы*. Их покрой и форма позволяют с легкостью трансформировать городской праздничный образ в национальный. В разгар свадьбы тамада объявляет об исполнении народного танца и женщины, облаченные в старинный

комплекс одежды выходят на танцевальную площадку банкетного зала. Обряд делает торжество зрелищным и придает особую окраску в целом унифицированной городской свадьбе.

В связи с этим хотелось бы привести курьезный случай, произошедший в зале торжеств на кубачинской свадьбе, рассказанный нам информантом¹⁶. Один из гостей на городской свадьбе, который был не кубачинцем, удивленно спросил женщин, переодевшихся в национальную одежду, с какого ансамбля они пришли выступать. И был очень удивлен, когда узнал, что это родственницы хозяев свадьбы, которые одевают старинный наряд и исполняют танец, отдавая дань обычаям и традициям своего народа.

Старинный наряд надевает в городе и невеста, но уже на следующий день после свадебного мероприятия в зале торжеств. В этническом образе она принимает подарки и поздравления от родных и близких в городском доме жениха. Приданное кубачинской невесты не имеет обязательного перечня предметов. В основном это посуда, текстиль, одежда, постельные принадлежности, ковры. В последние 10-15 лет родители невесты приобретают спальный комплект мебели. По договоренности его покупают или в сельский дом, или в городской дом/квартиру. Традиционным приданным (медная утварь, сундук с постелью), мать невесты обычно обставляет комнату в доме жениха в Кубачи, после городской свадьбы, по договоренности.

По возможности родители приобретают и дополнительную обстановку интерьера (занавеси, мягкую мебель, кухонный гарнитур, бытовую технику и т.д.) для дома или квартиры, в которой будут жить молодожены. Часто молодым родители жениха выделяют или покупают отдельную квартиру/дом.

В городской свадьбе праздничные шествия не столь оригинальны и торжественны, как это проходит в с. Кубачи. В основном это свадебные кортежи, которые в каждый из трех дней свадьбы выполняют функцию традиционного обряда.

Из традиционных элементов свадебной культуры кубачинцев реже используемых в городской свадьбе, отметим такие как, исполнение старинного парного танца *КикИвилатла*, участие ряженных *пялтаров*, использование традиционных музыкальных инструментов зурны и барабана для исполнения народной мелодии. Подобные практики включения традиционных элементов свадебной культуры в сценарий городской свадьбы у других народов Дагестана (это отмечено у аварцев, лакцев, даргинцев) так же имеют место, но они единичны.

В современной городской свадьбе многое поставлено на профессиональную основу. Организация торжества, подготовка праздничных блюд, одаривание молодых (установка в зале ящиков для денег), привлечение профессиональных музыкальных и танцевальных коллективов, тамады и т.д. – все это в достаточной степени отдаляет народную свадебную традицию от новых реалий. В этих условиях нивелируется роль помощи друзей жениха,

16 Информант Абдурахманова Н., 1957 г.р., г. Махачкала.

родственников, соседей в организации свадебного торжества. Вместе с тем, в городской свадьбе кубачинцев еще сохраняются некоторые старинные традиции (одежда, блюда, танцы и др.).

Заключение

Как показали наши полевые материалы современная свадьба, проходящая в условиях горного селения Кубачи, яркий, зрелищный праздник, с множеством самобытных обрядов, ритуалов, проходящих последовательно и выполняющих определенную функцию.

Традиционная праздничная одежда кубачинок является одним из самобытных составляющих всей свадебной церемонии, которая позволяет выделить женщин тухума на свадебном торжестве. Коллективные шествия, приготовление свадебных блюд членами семьи и близкими, взаимопомощь, традиционные танцы, праздничные действия на открытом воздухе способствуют объединению родовых связей и сельской общины в дни праздника. Все эти обряды и ритуалы указывают на то, что через соблюдение традиционных практик кубачинцы поддерживают и актуализируют свою идентичность, даже несмотря на общие тенденции изменения свадебной культуры в целом по всей территории Дагестана в условиях глобальных процессов.

Бытование традиционных благопожеланий и соблюдение ритуалов, несущих в себе действия магического, благопожелательного свойства свидетельствует о сохранности духовной культуры народа и ее архаичных составляющих.

Если говорить о предметном мире кубачинской свадьбы (антикварный фарфор и медная чеканная утварь, ювелирные украшения и старинный восточный текстиль, традиционная женская одежда и народные предметы быта) можно отметить, что для кубачинцев характерна удивительная «историческая стойкость» в увлечении антикварными, дорогостоящими, объектами материальной культуры. Обладать такими предметами старины престижно, они подчеркивают специфическое кубачинское происхождение и достаток владельцев, свойственный локальному пространству.

Рукодельные навыки кубачинских мастериц и ювелиров, применяемые в изготовлении архаичного комплекса одежды, чеканной посуды, ювелирных украшений так необходимых для подарков и приданого невесты, востребованы в селении и это позволяет сохранять и развивать исторические ремесленные традиции. Здесь можно наблюдать тесную взаимосвязь занятий со своеобразной свадебной культурой. Традиционные обряды способствуют также возрождению старинных техник в металлообработке (плетение кольчуг для ряженных) и женском рукоделии (шитье жемчугом манжет). Здесь даже сложно понять, ремесло поддерживает праздничную культуру села или наоборот.

Преемственность традиционных обычаев и обрядов особенно актуальна в реалиях современной жизни, когда стремительно происходит нивелирование

самобытности и формирование во многом безликой массовой культуры. Свадьба здесь выступает одним из важных элементов в процессе передачи молодежи материального наследия, духовных ценностей характерных для традиций прошлого Дагестана.

Исследования народного быта, праздников, которые до настоящего времени еще хранят в себе уникальные элементы культуры, важная часть современной этнографии. Такое изучение может дать многое для понимания динамики изменения в культуре народных праздников, досуга, ремесленных занятий, одежды, декоративно-прикладного искусства, поможет развитию культуры народов, а также в целом поможет рассматривать развитие дагестанских сел в XXI в.

Рис. 1. Вид старой части селения Кубачи

Fig.1. View of the old part of the village of Kubachi

Рис. 2. Новая часть селения Кубачи

Fig.2. New part of the village of Kubachi

Рис. 3. Кубачинки в праздничных нарядах

Fig. 3. Kubachinkas in festive outfits

Рис. 4. Современная кубачинская невеста

Fig. 4. Modern Kubachin bride

Рис. 5. Ювелирные украшения на руках невесты

Fig. 5. Jewelry on the hands of the bride

Рис. 6. Коллективный обряд первого дня свадьбы
Fig. 6. Collective ceremony of the first day of the wedding

Рис. 7. Ритуальная тарелка с рисом как часть даров для невесты
Fig. 7. Ritual plate with rice as part of the gifts for the bride

Рис. 8. Праздничные шествия перевода невесты в дом жениха

Fig. 8. Festive processions of the transfer of the bride to the groom's house

Рис. 9. Коллективный обряд переноса приданого

Fig. 9. Collective rite of transfer of dowry

Рис. 10. Традиционная медная утварь и фаянс обязательная часть приданого кубачинской невесты

Fig. 10. Traditional copper utensils and faience are an obligatory part of the dowry of a Kubachin bride

Рис. 11. Сундук с постельными принадлежностями

Fig. 11. Bedding chest

Рис. 12. Свадебное представление второго дня свадьбы

Fig. 12. Wedding performance of the second wedding day

Рис. 13. Подружки невесты в танце

Fig. 13. Bridesmaids in dance

Рис. 14. Кубачинский ряженный

Fig. 14. Kubachinsky mummer

Рис. 15. Коллективное приготовление праздничных блюд

Fig. 15. Collective cooking of festive meals

Рис. 16. Ритуал осыпания невесты

Fig. 16. The bride's shower ritual

Рис. 17. Ритуал угощения медом

Fig. 17. The ritual of treating with honey

Рис. 18. Танец кубачинок в традиционной праздничной одежде на городской свадьбе

Fig. 18. Kubachinka dance in traditional festive clothes at a city wedding

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Магомедов А.Дж. Современная дагестанская свадьба как феномен культурной глобализации // Искусство и наука в современном мире. М.: Российская академия наук, Российская академия художеств. 2009. С. 305-317.
 2. Магомедов А.Дж. Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа // Исламоведение. 2012. № 3 (13). С. 60–72.
 3. Алимова Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М. Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: Потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. Санкт-Петербург, 2013. С. 176–199.
 4. Алигаджиева З.А. Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). Махачкала, 2015. 210 с.
 5. Амирханова А.К., Магомедова П.М. Современная городская свадьба в Дагестане в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Материалы VI Международной научной конференции. ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». Издательство: ООО «КЕП», 2018. С. 179–188.
 6. Амирханова А.К. Основные итоги полевых исследований, посвященных изучению современной свадьбы и её основных этапов в городах Дагестана в 2016-2018 гг. // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Издательство: ООО «КЕП», 2019. С. 185–190.
 7. Магомедова П.М. Свадьба в с. Маали как социальное действие в контексте особенностей социальных отношений в Дагестанском горско-сельском социуме // Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политической, социальной и религиозной трансформации. М., СПб, «Бранко», 2017. – С. 111 – 130.
 8. Гаджалова Ф.А. Традиционная свадьба села Кубачи Республики Дагестан // Научный диалог. 2018. № 11. С. 163–171. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-163-171
 9. Гаджалова Ф.А. Традиционные обычаи и обряды в современной кубачинской
1. Magomedov AJ. Modern Dagestan wedding as a phenomenon of cultural globalization. Art and science in the modern world [Sovremennaya dagestanskaya svad'ba kak fenomen kul'turnoy globalizatsii]. *Iskusstvo i nauka v sovremennom mire*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Arts; 2009:305-317. (In Russ)
 2. Magomedov AJ. Islamic innovations in the modern wedding of the peoples of the North Caucasus [Islamskiye novatsii v sovremennoy svad'be narodov Severnogo Kavkaza]. *Islamovedenie*. 2012; 3(13): 60-72. (In Russ)
 3. Alimova BM, Musaeva MK, Magomedkhanov MM. Modern Dagestan City Wedding [Sovremennaya dagestanskaya gorodskaya svad'ba] *Caucasian City: The Potential of Ethnocultural Relations in the Urban Environment*. St. Petersburg; 2013:176-199. (In Russ)
 4. Aligadzhiyeva ZA. *Modern wedding rituals of the Avars (traditions and innovations)* [Sovremennaya svadebnaya obryadnost' avartsev (traditsii i innovatsii)]. Makhachkala; 2015. (In Russ)
 5. Amirkhanova AK, Magomedova PM. Modern urban wedding in Dagestan in the context of globalization [Sovremennaya gorodskaya svad'ba v Dagestane v usloviyakh globalizatsii]. *Humanitarian and socio-political problems of the modernization of the Caucasus. Proceedings of the VI-th International Conference*. Ingush State University; 2018:179-188. (In Russ)
 6. Amirkhanova AK. The main results of field research devoted to the study of modern wedding and its main stages in the cities of Dagestan in 2016-2018. [Osnovnye itogi polevyh issledovaniy, posvyashchennyh izucheniyu sovremennoj svad'by i eyo osnovnykh etapov v gorodakh Dagestana v 2016-2018 gg.]. *Humanitarian and socio-political problems of the modernization of the Caucasus*. Publisher: LLC «KEP», 2019: 185-190. (In Russ)
 7. Magomedova PM. Wedding in the village of Maali as a social action in the context of the peculiarities of social relations in the Dagestan mountain-rural society [Svadba v s. Maali kak socialnoe dejstvie v kontekste osobennostej socialnyh otnoshenij v Dagestanskom gorsko-selskom sociume] *Caucasian local communities in the global world: an experience of studying political, social and religious transformation* [Kavkazskie lokalnye soobshestva v globalnom mire: opyt izucheniya politicheskij, socialnoj i religioznoj transformacii]. Moscow, St. Petersburg: Branko, 2017:111-130. (In Russ)

свадьбе // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. Сборник материалов XII Конгресса антропологов и этнологов России: Ижевск, 3–6 июля 2017. С. 455.

10. Encyclopedia of World Cultures. Volume VI. Russia and Eurasia / China. Volume Editors: Paul Friedrich и Norma Diamond. New York: G. K. Hall & Company, 1994. p. 215–219.

11. Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И. Кубачинско-русский словарь. Отв. ред. Х.А. Юсупов. М.: Наука, 2017. 543 с.

12. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 223 с // Переиздание. Махачкала: Типография Лотос, 2012. 240 с.

13. Капустина Е.Л. Кубачи: судьба традиционного ремесла и современная миграционная стратегия сельчан // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 20–24.

14. Капустина Е.Л. Свадьба трансмигранта: некоторые аспекты изучения транслокальности в современном Дагестане // История археология и этнография Кавказа, Т.16. № 4, 2020. С. 1083–1098. DOI:10.32653/CH1641083-1098

15. Магомедов А.Дж. Исторические и современные проблемы дагестанской художественной культуры: из исследовательского опыта автора / К 70-летию со дня рождения. – Махачкала: АЛЕФ, ИЯЛИ ДНЦ РАН; 2019. – 284 с.

16. Алимова Б.М., Гаджалова Ф.А. О некоторых особенностях традиционного женского свадебного костюма кубачинок // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 48. С. 50–55.

17. Капустина Е.Л. Кубачинский кIаз: технология, практики, идентичности // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – 214 с. (Сборник МАЭ. Т. LXIV). С.125–151.

18. Гаджалова Ф.А. Головное покрывало «кIаз» как знаковый элемент одежды женщин с. Кубачи // Материалы V Всероссийских (с международным участием)

8. Gadzhalova FA. Traditional wedding of the village of Kubachi of the Republic of Dagestan [Traditsionnaya svad'ba sela Kubachi Respubliki Dagestan]. *Nauchnyi dialog*. 2018; 11: 163–171. (In Russ)

9. Gadzhalova FA. Traditional customs and rituals in a modern Kubachin wedding [Traditsionnyye obychai i obryady v sovremennoy kubachinskoy svad'be] *Mission of anthropology and ethnology: scientific traditions and modern challenges. Collection of materials of the XII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia*. Izhevsk, July 3–6, 2017:455. (In Russ)

10. Encyclopedia of World Cultures. Volume VI. Russia and Eurasia / China. Volume Editors: Paul Friedrich и Norma Diamond. New York: G. K. Hall & Company, 1994. p. 215–219.

11. Magomedov AJ, Saidov-Akkutta NI. *Kubachi-Russian dictionary [Kubachinsko-russkiy slovar]*. HA. Yusupov (ed.). Moscow: Nauka, 2017. (In Russ)

12. Shilling EM. *Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies [Kubachintsy i ikh kul'tura. Istoriko-etnograficheskiye etyudy]*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. Reissued. Makhachkala: Printing House Lotos; 2012.

13. Kapustina EL. Kubachi: the fate of traditional craft and the modern migration strategy of villagers [Kubachi: sud'ba traditsionnogo remesla i sovremennaya migratsionnaya strategiya sel'chan]. *Radlovsky collection: scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2010*. St. Petersburg; 2011:2024:20–24. (In Russ)

14. Kapustina EL. A transmigrant wedding: some aspects of studies on translocality in modern Dagestan [Svad'ba transmigranta: nekotorye aspekty izucheniya translokal'nosti v sovremennom Dagestane] *History of archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(4): 1083–1098. (In Russ)

15. Magomedov AJ. *Historical and Contemporary Problems of Dagestan Artistic Culture: From the Research Experience of the Author [Istoricheskie i sovremennyye problemy dagestanskoy hudozhestvennoj kul'tury: iz issledovatel'skogo opyta avtora]* Dedicated to the 70th Birthday Anniversary. Makhachkala: ALEF, ILLH DSC RAS, 2019.

16. Alimova BM, Gadzhalova FA. On some features of the traditional female wedding dress of Kubachins [O nekotorykh osobennostyakh traditsionnogo zhenskogo svadebnogo kostyuma kubachinok]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2013; 48: 50–55. (In Russ)

17. Kapustina EL. Kubachin kIaz: technology, practices, identity [Kubachinskij kIaz: tekhnologi-

историко-этнографических чтений, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Махачкала, 2018. С. 68-70.

19. Маммаев М.М. О медночеканном искусстве сел. Кубачи. Истоки и некоторые особенности его современного функционирования // Искусство Дагестана в контексте современной художественной культуры: Сборник статей. Махачкала, 1988. С. 136–137.

20. Магомедов А.Дж. Народные традиции собирательства и коллекционирования художественных изделий в Дагестане // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2009. С. 280-285.

21. Гаджалова Ф.А. Ряженный пьалтар: обрядовые практики и трансформации образа (на примере с. Кубачи) // Традиционная культура народов Юга России: история, динамика, современное состояние. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 139-149.

22. Магомедов А.Дж. Город мастеров: очерки художественной культуры Кубачи. Махачкала: Издательство «Наука ДНЦ», 2011. 248 с.

ya, praktiki, identichnosti] *Peoples of the Caucasus: museum collections, research of objects and phenomena of traditional and modern culture*. Collection of the Museum on Anthropology and Ethnography. Vol. LXIV. 125-151.

18. Gadzhalova FA. Head veil “kIaz” as a symbolic element of women’s clothing of Kubachi [[*Golovnoye pokryvalo «kIaz» kak znakovyy element odezhdyy zhenshchin s. Kubachi*] *Proceedings of the Vth All-Russian (with international participation) historical and ethnographic readings dedicated to Professor Magomedov Rasul Magomedovich*. Makhachkala; 2018: 68-70. (In Russ)

19. Magomedov AJ. Folk traditions of collecting art products in Dagestan [Narodnye tradicii sobiratel’sstva i kollekcionirovaniya hudozhestvennykh izdelij v Dagestane]. *Historical, cultural and natural heritage of the peoples of the South of Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2009:280-285. (In Russ)

20. Mammaev MM. On the copper-embossing art of the village of Kubachi. The origins and some features of its modern functioning [O mednochekannom iskusstve sel. Kubachi. Istoki i nekotoryye osobennosti yego sovremennogo funktsionirovaniya]. *Art of Dagestan in the context of modern art culture: collected articles*. Makhachkala; 1988:136-137. (In Russ)

21. Gadzhalova FA. Mummer “pyaltar”: ritual practices and transformations of the image (on the example of the village of Kubachi) [Ryazhenyy pyaltar: obryadovyye praktiki i transformatsii obraza (na primere s. Kubachi)]. *Traditional culture of the peoples of the South of Russia: history, dynamics, current state. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2016:139-149. (In Russ)

22. Magomedov AD. *The city of crafters: works on the Artistic Culture of Kubachi* [Gorod masterov: ocherki khudozhestvennoy kul’tury Kubachi]. Makhachkala: Nauka Publishing House, 2011.

Статья поступила в редакцию
04.05.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181196-215>

Patimat Sh. Alieva,
Cand. of Historical Sciences, Associate Prof. at the Dept. of Foreign Languages
K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management,
Moscow, Russia
patima.alieva@yandex.ru

Svetlana N. Bogatyreva,
Cand. of Philological Sciences, Associate Prof., Head of the Dept. of Foreign
Languages
K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management,
Moscow, Russia
svetlana-690204@mail.ru

TRADITIONAL THERAPEUTIC FOOD OF PLANT AND ANIMAL ORIGIN AMONG PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AND DAGESTAN (XIX–XX cc.)

Abstract. The culture and traditions of peoples associated with nutrition, like all other traditions adopted by a certain ethnic group, represent a separate independent and original category. Nevertheless, only due to a comprehensive analysis of spiritual and material culture that we can identify the commonality and distinctive features of the traditional elements of various ethnic groups. This article presents and describes the historical variations of use of medicinal food of plant and animal origin among the peoples of the North Caucasus. We have carried out a comparative analysis of the composition, technologies of cooking and use of traditional medicinal food among various ethnic groups, as well as an analysis and structuring of literature sources on this subject. The study of the traditional food of peoples combines a huge layer of ethnographic oral and written evidence, archaeological sources, medical, physiological, biochemical, psychological studies, folklore, hundreds of various rites and rituals, prohibitions and calendar regulations, religious beliefs. The relevance of the conducted research lies in addressing the sources of numerous possibilities of applying the centuries-old and diverse experience of the peoples of Russia in the field of health-improving use of plant and animal-based products. Numerous scientific conferences devoted to the problems of application, effects on the body, synergy of the chemical composition of medicinal and animal products indicate an increasing interest in the healing power of nature. In addition, it highlights the issues of the unique beneficial properties of phytopreparations, organopreparations and animal-based preparations. As a result of the conducted research, it is possible to conclude about the geographical variability of the composition of products of plant and animal origin depending on the territory of residence of a certain ethnicity. The formation of traditional features has a specific orientation in the field of economic activity and largely depends on the natural conditions of residence.

Keywords: ethnic food culture; healers of the peoples of the North Caucasus and Dagestan; diet therapy; herbal medicine; organotherapy.

© P.Sh. Alieva, S.N. Bogatyreva, 2022

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181196-215>

Алиева Патимат Шапиулаевна
к.и.н., доцент кафедры иностранных языков
Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Россия
patima.alieva@yandex.ru

Богатырева Светлана Николаевна
к.филол.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков
Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Россия
svetlana-690204@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ ЛЕЧЕБНАЯ ПИЩА РАСТИТЕЛЬНОГО И ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА (XIX–XX вв.)

Аннотация. Культура и традиции народов, связанные с питанием, как и все другие традиции, принятые определенным народом, представляют его как отдельную самостоятельную и самобытную единицу, отличную от других. Тем не менее, именно на основе всестороннего анализа духовной и материальной культуры можно выявить общность и отличительные черты традиционных элементов различных этносов. В данной статье представлены и описаны исторические варианты использования лечебной пищи растительного и животного происхождения у народов Северного Кавказа и Дагестана. Проведен сравнительный анализ состава, технологий приготовления и использования традиционной лечебной пищи у различных этносов, проведен анализ и структурирование источников литературы по данной теме. Исследование традиционной пищи народов объединяет огромный пласт этнографических устных и письменных свидетельств, археологических источников, медицинских, физиологических, биохимических, психологических исследований, народный фольклор, сотни разнообразных обрядов и ритуалов, запретов и календарных регламентаций, религиозных верований. Актуальность проведенного исследования состоит в обращении к истокам неисчерпаемых возможностей применения многовекового и многообразного опыта народов России в сфере оздоровительного использования продуктов растительного и животного происхождения. Многочисленные научные конференции, посвященные проблемам применения, влияния на организм, синергии химического состава продуктов лекарственного и животного происхождения, и в плане исторического опыта развития в народной медицине и этнографических исследований свидетельствуют о возрастающем интересе к целительной силе природы, к уникальным полезным свойствам фитопрепаратов, органопрепаратов и препаратов на основе продуктов жизнедеятельности животных. В результате проведенного исследования можно прийти к выводам о географической вариативности состава продукции растительного и животного происхождения в зависимости от территории проживания определенного народа. Формирование традиционных особенностей имеют специфическую направленность в сфере хозяйственной деятельности и во многом зависит от природных условий проживания.

Ключевые слова: этническая культура питания; целители народов Северного Кавказа и Дагестана; диетотерапия; фитотерапия; органотерапия.

© Алиева П.Ш., Богатырева С.Н., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

Food is one of the key elements of the material and spiritual culture of an ethnic group. The numerous variety of specifics and technologies for obtaining food is a fundamental reflection of the economic development of the environment, as well as the cultural and economic way of the ethnic group. In addition, the study of the history of culture and the specifics of the nutrition of various peoples makes it possible to identify the adaptive capacity to changing environmental factors.

Ecosystem differentiation directly affects and determines the variability of food resources. To assess ethnic specific aspects of nutrition, it is necessary to take into account differences in terms of the impact of economic development of the environment, which in turn determines the types of nutrition. From this perspective, we can single out three main groups: 1) hunting (including fishing) and pastoral communities; 2) agricultural groups; 3) societies engaged in both agriculture and cattle breeding. If we describe the composition of food in these groups in general, the first group can be characterized by food with a high content of protein and animal fats due to widely consumed meat and fish products. The second group is mainly carbohydrate food, which is low in protein and animal fats, but rich in vitamins, bone-forming minerals and microelements, while the third is mixed.

The issues of proper nutrition, as a necessary condition for maintaining the vital activity of the body and as the main component of human health, are particularly acute in modern times. The neglect of food culture, lack of time and, as a result, the tendency to consume fast food products, lead to various endocrine, cardiovascular diseases, diseases of the gastrointestinal tract and hormonal imbalance.

Hippocrates mentions in his works that our food substances should be a remedy, and our remedies should be food substances. Ethnic food culture is the most stable element of the spiritual and material culture of society, which determines the identity and degree of development of this ethnic group throughout various historical eras.

Ethnic features of the use and composition of therapeutic nutrition, in their universality, are one of the vital factors determining the identity of people. Folk traditions, customs and rituals associated with folk medicine are preserved in constantly changing conditions and are passed down from generation to generation either unchanged or in new versions adapted to reality.

Food in the concept of ethnography is a reflection of daily activities, trade, habits, opportunities and traditional characteristics of a particular ethnos. Depending on the type of plant or animal food used, it is possible to determine the identity and originality of the ethnic group, which is the basis of the spiritual culture of the studied people. This issue is especially relevant in terms of the use of medicinal food, both in historical progress and in the

modern world, as there is a tendency to return to the origins of the traditions of the use of herbal and animal medicines in terms of healthy and therapeutic nutrition, diet therapy, and phytotherapy.

The presented article covers the use of food of plant and animal origin, which is used as an adjuvant in the treatment of certain diseases. It is no secret that vitamins, microelements and other nutrients enter our body with food. Currently, qualified nutritionists make up many diet plans that can be used in the treatment of various diseases, but in the present article, we consider the traditional options for consuming medicinal food among the peoples of the North Caucasus and Dagestan, what they inherited in this area from the experience of their ancestors. As for the concepts of food – organism, first it should be noted that the organism is considered as an independent quantity in relation to the independent variable quantity – food. This means that we can regulate the quantity and quality of the food consumed at will, but the health and energy of the body depends on the ingredients that make up the basis. In regards to the amount of consumed food, we should emphasize that most of the peoples living in the North Caucasus and Dagestan have always been restrained in food – moderation in food was considered a virtue. For many centuries, peoples have accumulated vast experience in the use of food, its compatibility and quantity, its healing properties. Nutritional science, starting with hygienic nutrition standards that protect against the adverse effects of food, ends with diet therapy. This approach to food and other methods of treatment was widespread everywhere, and experience in this area was very valuable.

The issues of the use of food for medicinal purposes are touched upon in many ethnographic works, where it is considered as one of the elements of the traditional culture of people. In this perspective, it should be analyzed as a separate socio-cultural element of ethnic tradition and a fundamental phenomenon reflecting the spiritual and material culture and self-consciousness of peoples. Many foreign scientists are engaged in research in the field of nutritional science [1-3].

An invaluable contribution to the study of the traditional food of the Russian peoples was made by Soviet ethnographers such as S.A. Tokarev, S.A. Arutyunov, N.L. Zhukovskaya and many other ethnographers who studied particular ethnic groups [4–28].

In Soviet ethnography, an original scientific methodology was developed for studying the nutritional systems of various peoples, which includes the following main elements: 1) a set of basic food products; 2) types of dishes prepared from them; 3) the presence of characteristic additional components such as seasonings and spices; 4) methods of food processing and food preparation; 5) food restrictions and preferences; 6) rules of conduct associated with cooking and eating [29].

In the present article, considering the system of therapeutic nutrition of various ethnic groups, we can include the following elements:

1. Therapeutic food of plant origin.
2. Therapeutic food from animal parts.
3. Therapeutic food based on mixed plant and animal origin.

Many scientists and researchers of the peoples living in Russia have collected a significant amount of ethnographic material, information about the system and psychology of nutrition, about the use of medicinal food for various diseases, about the social function and socio-cultural aspects of nutrition.

In the article titled “On the methodology of ethnographic study of material culture”, one of the leading Soviet ethnographers S.A. Tokarev writes “... the functions of food in human society are very diverse. Food and drink serve man not only for purely physiological satiation, i.e. not only to satisfy the elementary biological need for nutrition, which takes place throughout the organic world, both in animals and plants. Food also plays another important role – a mediator for social communication” [30, pp. 3-17].

On the territory of the North Caucasus and Dagestan, the composition of food is determined by ecological and climate-geographic conditions; therefore, the type of food, both of plant and animal origin, is different among different peoples.

The ethnic specificity of many peoples of the North Caucasus and Dagestan, their material and spiritual culture is due to many factors. The main one is the interaction and mutual influence of such economic and cultural types as settled-agricultural, nomadic-pastoral. There was also a military-commercial type, which was mainly inherent more to the Cossacks. Caucasian cuisine and meals represent a variety of options for food models. Developing over the centuries, it adopted elements of the culinary traditions of neighboring peoples, but local variants were also clearly traced.

For example, if we consider the historical evolution of the nutrition system of Russians living in Dagestan, we can observe changes not only in terms of geographical expansion, but also in terms of gradual variations in the application, preparation and production of products of plant and animal origin.

These changes can be observed in first courses, which were originally prepared on a different basis, but over time acquired common features in basic products. The first dish was prepared on the basis of hogweed (*Heracleum*) and flour. Some representatives of the Russian ethnic group prepared soup from the same plant – the well-known borscht. Other plants were added to the dish, depending on the region. It could be both cultivated and wild plants. Over time, people started to add beets to the soup, and in some dialects a

new term emerged – svekolnik. However, historically the name borscht was fixed. Another example is the sour soup schi, originally based on barley or flour, to which later vegetables were added – cabbage, potatoes, etc.

Both first courses are considered different in Russian cuisine, but in the course of historical variations, they have retained a common quality – the presence of a sour taste and a flour component¹.

Considering the traditional medicinal food used in Russian cuisine, we can note the tendency to prioritize salty, pickled, sour dishes. For example, pickle soups, sour cabbage soup, pickled and marinated apples, sauerkraut are the most distinctive dishes. Over time, scientific medicine has proven that the best way to preserve vitamins and microelements in food is to soak, pickle, ferment and salt vegetables and fruits. In addition, lactic acid forms in products prepared in this way, which kills pathogenic microbes.

The use of plant- and animal-based products for medicinal purposes is also described in the monograph “History of Medicine”: “The main place in ancient Russian medicine was occupied by ‘potions’ of plant origin: cloves were recommended for visual impairment, ginger was given as a remedy for colds, pepper was considered a panacea for all diseases, nutmeg was used as a diuretic. Medicines prepared from plants were very popular: wormwood, nettle, plantain, wild rosemary, spongilla (bodyaga), lime blossoms, birch leaves, ash bark, juniper berries, as well as horseradish, birch sap and many other folk remedies. The onion family, especially onions and garlic, had a special place. Ancient herbalists noted their ability to stimulate skin regeneration in case of burns, bruises, and wounds. Among medicines of animal origin, honey, raw cod liver, mare’s milk, deer antlers, animal bile, and lard occupied a special place. For heart disease, epilepsy, the mentally ill, and drinking binges, the secret of the gland of the musk deer was used” [14, p. 135].

The tradition of using therapeutic nutrition, methods and technology of cooking and processing food of the representatives of the Russian ethnic group in the Caucasus are somewhat different from other representatives of the Russian people living in other natural areas. The ethnic groups of the Caucasus, who lived in various natural zones in the conditions of mountainous, foothill, steppe space, retained their original way of life. It also preserved the material and spiritual culture of the peoples unchanged. This also certainly applies to the ethnic food culture, the use of plant and animal food for medicinal purposes. The historically established habitation of humans in various geographical areas influenced the ability of the indigenous population to adapt to environmental conditions, which, in turn, affected the national cuisine, aimed mainly at increasing the adaptive capabilities of the body. It is known that the traditional model of nutrition of the mountain

¹ Field ethnographic material of the authors, informants: Neonila Lavrentievna Tishchenko, 1938; Yulia Nikolaevna Eremina, 1956, Makhachkala, Republic of Dagestan.

peoples of the North Caucasus and Dagestan was based mostly on products of animal origin, since cattle breeding was the leading form of economic activity in the highlands. Hunting and gathering supplemented the diet in the form of game, wild berries and medicinal plants.

A set of medicinal plants, which they add to food or use in the form of infusions and decoctions, represented the vegetation of forest-steppe and forest zones. These are plants such as yarrow, wormwood, tansy, plantain, St. John's wort, sweet clover, mountain bird, burnet, mother-and-stepmother, cudweeds, red clover, etc.

The Cossacks had a certain influence on the composition of the medical nutrition of representatives of the Russian ethnic group living in the southern regions, in addition to the geographical location and environmental conditions. They were more engaged in gardening and knew about the beneficial properties of berries such as blueberries, lingonberries, currants, blackberries, raspberries, cranberries, elderberries, viburnum; cultivated such medicinal herbs as thyme, sage, oregano, lemon balm, chamomile, rosemary, etc.

As for animal products, the Cossacks knew about the beneficial properties of animal fats, honey, milk, eggs, etc.

For treating colds and cough, they suggest hot milk with the addition of interior goat fat. In the case of fever, it was advised to drink a tincture of wormwood; in case of stomachache, they cooked porridge from honey and crushed plantain leaves and gave it to eat on an empty stomach. Highlander grass was considered as a good remedy for women's pains. Various poisonings they treated with warm milk mixed with a raw egg².

According to informants, people who practiced traditional medicine were called kurrenniye kashevary. They prepared infusions and decoctions from medicinal herbs, and prepared healing ointments based on animal fats³.

Folk medicine was also widespread among the Terek Cossacks. The causes of diseases, according to the Terek Cossacks, were the wrath of God, evil spirits, as well as spells of witches, sorcerers. The Cossacks used various herbs and plants as medicines: chamomile, mint, wormwood, garlic, oak bark. In addition, live spiders were used, sewn into amulets (ladanka) along with snakeskins or prayers, which were believed to help with fever. The healers were highly respected among Terek Cossacks. With the introduction of official medicine, folk healers did not stop practicing, especially since they experienced no serious competition [31].

Phytotherapy – herbal treatment – was the main way of healing both in the Kuban villages and among the Don Cossacks. I.D. Popka testified that for

2 Field ethnographic material of the authors, informants: Zainulabidova Lyudmila Dolgatovna, 1949, Kizlyar, Republic of Dagestan.

3 Field ethnographic material of the authors, informants: Saypudinova Valentina Maksimovna, 1952; Chechelova Nadezhda Fedorovna, 1950, Kizlyar city, Republic of Dagestan.

the Black Sea Cossacks “herbal treatment, in various forms, was reality. Of the plants used in the manufacture, medicine and in the kitchen, there are: woad, madder, licorice root, elderberry, chamomile, wintercress, sesame, mustard, asparagus, wild garlic, horseradish...” [21, p. 25].

“The medicinal power contained in nature – herbs, trees, minerals – was understood as vitality, health, fertility and determined their priority use. The Cossack and nonresident population of the Kuban at the beginning of the 19th century, as contemporaries testified, had “a great aversion to medicines, and apart from some herbs they use nothing else” [32, p. 75]. In the folk medicine of the Cossacks, the beneficial properties of birch sap (berezovitsa), mistletoe, betony leaves infusion, nettle, decoction of oak bark, centaury, wormwood, mugwort tincture, plantain broth and many others were recommended. Garlic was widely used to protect against plagues – infectious diseases!; for gastric diseases doctors recommended using gentian [33]. For heartburn, they recommended to drink a decoction of gentian, considering that it lowers the acidity of gastric juice.

In folk medicine of the Kuban Cossacks, a decoction of parsley was given to drink with "constipation of urine", with pain in the bladder. Thyme in herbalists and medical books was recommended to be used to treat “female” ailments: “and whose wife’s chest hurts, sip and steam, God have mercy”; “... girls whose breasts hurt, drowning goat's milk will help.” In folk medicine of the Don Cossacks, thyme was used as an anti-inflammatory remedy for the treatment of gynecological diseases [34, p. 92–105].

Many methods of using medicinal products of plant and animal origin among the Cossacks are identical with other ethnic groups living in the North Caucasus and Dagestan.

Both the geographic environment and the peculiar living conditions and, largely, the rationality of folk remedies contributed to the approval and conservation of traditional medicine in the life of the highlanders [5, p. 170].

It is important to note that in the traditional medicine of the peoples of the North Caucasus and Dagestan, along with rational methods of treatment, some elements of irrational were also applied. We are talking about prayers, conspiracies, spells and whispers read on medicinal food, supposedly to enhance the effect. This reflects the religious or mythical way of thinking inherent in each ethnic group, depending on the type of religion, and on the forms the basis of traditional oral culture.

In folk medicine of the Nakh-Dagestanian ethnic groups (Chechens, Ingush, Avars, Laks, Dargins, Tabasarans, Lezgins, Aguls, Rutuls, Tsakhurs) and the Abkhazian-Adyghe group (Abkhazians, Kabardins, Abazins, Circassians, Adyghe, Shapsugs), animal products occupied a significant place in the treatment of diseases. More often, they were hunting products. As organotherapy, they used meat, bile, blood, bone marrow, liver, and fat of bear, deer, hare, wild boars, wolves and birds. In folk medicine of the Turkic

group (Nogais, Kumyks, Karachays, and Balkars), phytopreparations occupy a huge layer among the set of medicines. Folk healers had the skills to properly collect, dry and store medicinal herbs, roots, flowers, tree bark. Medicinal plants were collected in spring or early summer. Infusions and decoctions were prepared from dried medicinal plants; also, they crushed and added them to various dishes. For preparing tinctures and decoctions, dried herbs were put in clay pots, filled with water and steamed at a certain temperature. These decoctions and tinctures were used to treat colds, diseases of the gastrointestinal tract, kidneys, liver, etc.

A significant place in the arsenal of traditional remedies of the Karachays and Balkars was occupied by food. The use of good quality, vitamin-rich food and compliance with hygiene rules in itself was the key to health. The traditional food of the Balkars and Karachays was characterized primarily by high nutritional value, and most importantly – high calorie content, which was due to the constant hard physical work performed by the residents of the region due to their traditional occupations. When performing particularly heavy physical work, the most high-calorie food was specially prepared, if possible in each family [24, p. 5].

Plants were the most popular among medicines. A variety of soups based on the flour from germinated grains with the addition of nettle and sorrel were considered healthy. Various porridges made from millet, pea, barley, rice groats with the addition of melted animal fat, melted butter and milk were thought useful for the body.

Adequate nutrition contributed to the success in the treatment of diseases. Priority was given to dairy cuisine. Hot whole milk (goat or cow) with honey and butter was given to drink for sore throats and coughs. Food poisoning was treated with milk, ointments were prepared based on butter and medicinal plants that healed skin diseases.

Fermented milk products were considered useful for the digestive tract and were widely used for the prevention and treatment of gastrointestinal diseases. Mare's milk was considered a panacea for many diseases. It was given to people with tuberculosis, weakened after a severe and prolonged illness. Of particular value was the fermented milk product from mare's milk – koumiss.

Studies have shown the presence of useful enzymes, microelements, amino acids in koumiss. Natural antibiotics have also been found in koumiss, which increases its effectiveness in the treatment of bacterial diseases.

A fermented drink like koumiss, made from goat's milk, was also considered a good remedy among the Karachay people. Dried cheese diluted in broth was used with fever. It was also used to expel helminths, with loose stools, to stimulate appetite, with nausea.

Milk was part of the arsenal of traditional medicine of almost all the peoples of the North Caucasus and Dagestan. For colds, warm cow or goat's

milk was considered especially useful. It was used with honey, sometimes milk was boiled together with chopped onion or garlic. With bronchitis and cough, herbs collected in spring and dried in the sun were mixed with fresh milk and put to languish in the oven, after which the liquid was filtered and drunk hot with sugar.

The number of medicinal products included other products of animal origin. Fats were mainly used, in particular cooked inner fats. They could be used for both external and internal use. Animal fats in dried or melted form were added to various dishes. In mountainous areas, chicken fat was used more often, in lowland regions goat and goose fat were more common. In addition to fats, different parts of animal carcasses were used to prepare medicines. For example, chicken stomachs were considered curative for diseases of the stomach, gallbladder. They were dried, crushed and added to food. People with weakened immunity were given hot broths from poultry and goat meat to drink. In the case of anemia and general exhaustion of the body, it was considered useful to drink fresh blood of a pet.

The peoples of the North Caucasus and Dagestan considered honey, propolis, milk, formic acid as medicinal.

Elements of homeopathy were not uncommon in folk medicine of the peoples of the North Caucasus. So, for example, with hearing problems, they offered to eat boiled animal ears, for heart diseases, they gave a boiled animal heart, and animal liver was also used in the treatment of liver diseases.

Among the peoples of the high-altitude zone, bear organs could be used for this purpose. If a person had weakness in his legs, it was advised to eat a bear's paw. The heart of large wild animals was eaten, believing that it would give courage and fortitude, and, conversely, avoided eating the heart of a killed hare⁴.

When using the "like treats like" method in traditional medicine, color analogies should be mentioned. For example, in diseases of the liver, it was advised to use yellow plants and products, such as: decoction or tincture of St. John's wort, oats, sunflower petals, carrots, egg yolk, with rubella – compote from red berries such as currants, viburnum. A strange way to treat jaundice, according to locals, was secretly adding lice to the patient's food, which, according to legend, cleansed the blood and liver⁵.

As the flora of the North Caucasus and Dagestan is rich and includes more than 6,000 plant species, of which more than 1,000 are medicinal, then, accordingly, plant products are of basic importance in therapeutic food. Medicinal plants are widely distributed in the North Caucasus and Dagestan in forests, steppes, meadows, rocks, gardens and backyard fields.

⁴ Field ethnographic material of the authors, informant: Akhmednabiev M., 1953, Mekhelta, Gumbetovsky district, Republic of Dagestan.

⁵ Field ethnographic material of the authors, informants: Akhmedov M., 1947, Nizhny Batlukh, Shamilsky district.; Akhmedova K.L. 1923, Gigatli, Tsumadinsky district, Republic of Dagestan.

Rowan, viburnum, cherry, cherry plum, pine, chestnut, locust, dogwood, sea buckthorn, feijoa, raspberries, blackberries and many others are considered medicinal trees and shrubs. Chechens and Ingush prepared diaphoretic and expectorant decoctions from medicinal plants. For the treatment of joint diseases, a tincture of chestnut and white acacia was used. Herbal baths, as well as therapeutic mud and mineral waters, helped with skin diseases. Herbal decoctions were prepared from St. John's wort, plantain, yarrow. They used these plants for treatment of stomach ailments [35].

Juniper, horsetail and rosehip fruits have been successfully used for curing the diseases of the kidneys and urinary tract. It was believed that azulene-containing plants have a beneficial effect in various diseases of the digestive system, erosions and stomach ulcers. These include chamomile and yarrow. They were mixed with honey and recommended to eat on an empty stomach. Plants containing bitter glycosidic substances and plants containing essential oils were considered plants that increase gastric secretion and stimulate appetite. These include wormwood, yarrow, oregano, and onion-garlic. Flaxseed was prescribed to cleanse the small intestine. For treatment, they ate boiled onions, drank warm milk with onions and pepper. Nogays and Kumyks actively used wormwood in the treatment, considering it a strong drug for diseases of the gastrointestinal tract. Cherry berries were used to treat diarrhea. They also knew about the beneficial properties of rosehip.

Among the Vainakhs, medicines of animal origin were widely used. They prepared broths from meat, which they fed the sick and wounded. Chicken broth was more common. The most favorite dishes of national cuisine were zhizhig-galnash (dumplings with a side of meat and garlic sauce), chepalgash (pies with cottage cheese and onions), khingalsh (pumpkin pies), beram (cottage cheese with sour cream), siskal (corn bread), tsu (flour from fried barley and corn grains) [26, p. 350-354]. Pulmonary diseases were treated with bee honey, and the patient was also rubbed with badger and bear fat. They drank hot milk, to which they added badger, goat and bear fat. In cases of dislocations, sheep's wool was fired, then applied to the damaged area and tied up.

Buffalo milk and butter were in great demand. They ate dum (kurdyuk – dried fatty back part of a ram), the healing properties of which are recognized even today. For various diseases, it is cut into a thin layer and applied to the head. Kurdyuk with honey was considered a favorite remedy [36, p. 76-78].

In the folk medicine of the Adyghe, Balkars, Karachays, Kabardians, therapeutic nutrition was widely used. One of the oldest dairy products was koumiss. It was believed that it strengthens and renews the body. The abundance of medicinal herbs in the highland pastures made milk nutritious and healing. To restore their strength, the Kabardians and Balkars prepared a soup of crushed barley, seasoned with milk or cream. In medical nutrition, much attention was paid to the usage of honey, onion and garlic. Walnut was

given to emaciated patients, while walnut juice was believed to have life-empowering properties. Animal products were also used, for example, goat meat, fat and goat milk with finely chopped pieces of fat were used for lung diseases. Sick kidneys, stomach and even heart were treated with the same drink. For stomach pains, crushed dried meat was consumed. Tuberculosis patients were fed fatty bear meat, badger, goat meat, mutton, watered with fat, melted from the chicken, internal fat. To improve vision and anemia, Kabardians and Balkars ate half-raw liver [37, p. 59]. As for the therapeutic nutrition of numerous peoples of Dagestan, it had a lot in common with other ethnic groups, since the experience and skills of treatment were assimilated into neighboring ethnic groups. Food prepared on a plant basis was considered more useful. Knowing the value of plants, people took care of them and tried to follow the rules of their collection and storage.

Diseases of the respiratory system of most peoples of the Caucasus were treated with vitamin infusions and tea in large quantities. Infusions of rosehip, coltsfoot, pine buds, mint, St. John's wort, savory, dried apricot compotes, rowanberry, black currant and pinecones were used. Hot milk with honey, hot urbech (fried flax seed paste) with butter and honey or urbech with hot goat fat; hot meat or chicken broth with garlic; hot buza (fermented oatmeal drink) or ripe vine; figs cooked in milk⁶. For headaches or colds, healers of Dagestan recommended hot compotes, cow and mare's milk mixed with a decoction of thyme, St. John's wort, and cumin seeds.

For the sick, they tried to cook food of a sparing nature, for example, dumplings stuffed with cottage cheese or dried and pounded medicinal herbs, with eggs and finely chopped lard, with pumpkin and fried onions. They prepared light barley porridge with urbech, milk soup with garlic. Dumplings from 10 parts of savory and 1 part of buttercup with eggs were considered a sedative for headaches and insomnia. It was recommended to prepare the following pie: beat up a mixture of 3-4 eggs, add 1 glass of milk, put onions fried in sheep fat, 1 tablespoon of crushed savory and buttercup, add half a glass of corn flour and boil.

In case of lung disease, Kumyk healers put the patient on a diet: it was recommended to consume milk and dairy products as often as possible (goat is best). In addition, a complex medicine was prepared from a mixture of fish oil, hot milk, raw eggs, melted fat and sugar.

In the case of bronchitis and cough, Nogay healers treated the patient with badger fat, sour milk with crushed garlic.

People suffering from pulmonary diseases were fed twice a day unpeeled ground toasted pumpkin seeds mixed with milk. Healers treated cough attacks with various kinds of liquids: hot cow's milk, with and without butter, hot berry and fruit decoctions without sugar, decoctions of nettle, nettle root,

⁶ Field ethnographic material of the authors, informants: Amiraliev M., 1948, village Orota of the Khunzakh region; Ahmad-haji, 1956, village Upper Chugli, Levashinsky District, Republic of Dagestan.

quince seeds [16, p. 113].

Diseases of the digestive system (gastritis, gastric ulcer, colitis, etc.) were treated with a salad of plantain leaves, collected early in the morning with honey and fresh sour cream. Wormwood, savory, yarrow, cumin and other medicinal plants were used in the form of infusions and tea with honey. From bouts of colitis, they prepared scrambled eggs with caraway seeds and onions, which were fried in the lard of a sheep, and the patients were given a decoction of wild rose or blueberries, sour milk, mashed cottage cheese. Mountain healers used fresh and warm curd whey, sour milk, unboiled water, one-day curdled milk as a laxative, and they gave rye, yeast crackers, boiled beets, prunes, dried apricots, and rice.

In the case of bloating (flatulence), folk healers suggested eating overcooked grains of cereals or charcoal with rainwater, a decoction of juniper fruits with honey, infusions of blackcurrant, cumin, and St. John's wort.

To get rid of diarrhea, it was recommended to drink infusions of plants with astringent properties, for example, blueberries, bird cherry, alder cones, oak bark, chamomile. With persistent forms of diarrhea, patients consumed ground dried wild pear or its flour during the day. This remedy was considered a panacea for various forms of diarrhea; especially it was used in difficult cases of curing diarrhea in children.

Diseases of the gastrointestinal tract were among the most common in Dagestan. The treatment of patients with bear bile, which was often referred to by Avar healers, was well known to other ethnic groups. Bear bile should have been mixed with whey.

For internal bleeding, infusions of nettle and yarrow were given. In the presence of worms, healers prescribed a bread day; in the morning and throughout the day, the patient can eat boiled corn, without fat and salt. In addition, in this case, pumpkin seeds with green husks, wormwood and enzyme seeds were used.

As a means of cleansing the gastrointestinal tract and normalizing the activity of the digestive system, many peoples of Dagestan considered white clay. The clay was dissolved in warm water and drunk on an empty stomach. Some peoples, for example, Avars, Dargins, Aguls, Lezgins dried "lollipops" from white clay.

For diseases of the liver and gallbladder, healers recommended drinking warm curd whey on an empty stomach; millet and rice porridge, boiled low-fat meat (veal, chicken), berry and fruit jelly, milk soups were allowed. With jaundice and various liver diseases, it was considered a proven remedy in folk medicine to give the patient live lice with honey. Patients were allowed to eat only soups, fresh cottage cheese, buckwheat and rice porridge, potato, carrot, pumpkin puree, boiled beets, herbal teas and abundant use of boiled whey.

Healers advised patients with jaundice to take decoctions of birch leaves,

wild rose, recommended to use them several times a day in small portions with fresh cottage cheese. A decoction of barberry seeds in a weak honey solution was considered curative. With cholelithiasis, the patient was prescribed a diet that excluded fatty, spicy, and advised to consume more dishes consisting of vegetables, fruits and compotes. In the treatment of patients, some Dagestan folk healers used dried rabbit or hare liver. Therefore, for example, the healer Magomed-Arip from Kahib gave the sick dried and crushed wolf liver mixed with walnut oil⁷.

Kidney diseases were treated with infusions of corn shoots, soup from unripe peas and green beans, oregano tea. There were watermelon days: for three days, they ate as many watermelons as they could and tried not to eat anything else. They recommended drinking birch sap, eating soft young stems of burdock, using wild pear and its leaves, wild lingonberries, corn flowers, petiole pumpkins with honey and figs, an infusion of cherry pedicels, carrot seeds, cumin (Gunibsky and Gergebilsky districts). In case of kidney diseases, patients were also given berries (cherries, currants, strawberries, blueberries), a decoction of corn stigmas. No less importance was attached to the use of products of animal origin. For example, Avar healers gave the sick broths from the meat of wild animals. Doctors and other peoples of Dagestan often mentioned the healing properties of game and broths from it. So, for example, in case of inflammatory processes in the kidneys, bear meat broth was given to drink, thick partridge broth was recommended to patients [16, p. 118].

In the old days, renal colic was treated with a hot drink from various herbs: marjoram, birch branches, chamomile flowers, and cudweed. With painful difficulty urination, two onions were heated in the oven and eaten every night. In case of involuntary urination, an infusion of lingonberries (fruits and leaves) was given with the addition of 2 teaspoons of St. John's wort (0.5 cup before bedtime). They also recommended an infusion of seeds of basil, St. John's wort and centaury. With frequent urination, tea from corn shoots or cherry stalks was recommended.

Doctors and other residents of Dagestan often resort to the healing properties of meat and soups of wild animals. So, for example, inflammatory processes in the kidneys were treated with bear broth.

In the treatment of diseases of the cardiovascular system, a diet was prescribed that limited the intake of salt and animal fats. The combination of honey with foods rich in vitamin C was considered exceptionally beneficial for health: apricot, sea buckthorn, mountain ash, sour sorrel. According to folk observations, pumpkin and Caucasian hemp seeds in a combined composition give a tangible result in the treatment of heart disease. In case of heart disease, decoctions of barberry leaves and juice of ripe fruits were given

⁷ Field ethnographic material of the authors, informant: Ibragimov U.O., 1954, village Chvadab, Charodinsky district, Republic of Dagestan.

to drink. Widely used vegetable and fruit juices from pumpkin, watermelon, and apricot, peach. Quince was of particular importance because it is rich in potassium and calcium salts. Very often, the highlanders prepared chudu (stuffed pies) of nettle and sorrel. To relieve back pain and various joint pains, mountain healers mixed black cumin with honey and ate it on an empty stomach. For the same purpose, flax seeds were used.

Nogay healers successfully treated internal diseases, infectious diseases, intestinal diseases, and diseases of the head, throat and nose, diseases of the joints, neuropsychiatric diseases, childhood and gynecological diseases. The Nogay healers considered the heart (yurek) to be one of the most important organs of the human body. They gave them an infusion of plantain (baka yaprak) and black radish (kara tura) with honey. Tabasaran doctors also recommended that their patients take honey mixed with black radish for pain in the heart [13, p. 134].

In severe forms of heart disease, the patient was given porridge made from flour prepared from germinated spring corn with the addition of honey or linseed oil without salt. Animal products were also used. In the old days, tachycardia was treated by eating sheep's heart. Highlanders attributed great importance to the observance of a milk-vegetable diet. The most useful in this diet were cottage cheese and sour milk.

In diseases of the joints, salt-free rice diets were used. Pain in the joints was also treated by fasting. Pine resin was chewed as a preventive measure against cancer⁸.

Many peoples of the Caucasus were able to diagnose and treat anemia. Patients were advised to drink beef or bear blood, add fat tail to food, and increase the consumption of walnuts and hazelnuts with honey, vegetables and fruits.

In a weakened and exhausted state of the body, some peoples (Laks, Kumyks, Tabasarans) ate black beans. They germinated them, baked them a little on a stone slab, poured them into a clay pot, and poured boiling water over them. Then they put the pot in hot ashes for 2-3 hours. For the same purpose, khinkal was prepared from black bean flour with kurdyuk, as well as with sheep cheese, pouring garlic sauce over them⁹. As a means of calming, strengthening and healing, they used apricot kernel paste – apricot urbech.

Tumors were treated with a highly concentrated infusion of spruce and pinecones, roots and young trunks of burdock, plantain, beetroot juice, onion and garlic. There was a tradition to treat tumors with an extract of thorn apple seeds (stramonium).

Dagestan Azerbaijanis attached great importance to the diet of patients. The first place among the products used for curing many diseases was

⁸ Field ethnographic material of the authors, informant: Akhmedov S., 1949, village Tsumada, Tsumadinsky district, Republic of Dagestan.

⁹ Field ethnographic material of the authors, informant: Islamova Z.D., 1942, village Aksai the RD.

occupied by fresh and sour milk, tea with medicinal herbs (mint, thyme, barberry, rosehip, oregano, etc.), fruit juices and syrups (grape, watermelon, pomegranate). In addition, many diseases were treated with honey [12, p. 324].

The article covers only a small part of the entire system of therapeutic nutrition. Although much knowledge in the field of therapeutic nutrition has been lost due to the development of official drug therapy, the main basic knowledge associated with the therapeutic use of plant and animal products has been preserved through family traditions, rituals and customs.

Many modern studies confirm the rationality and importance of the use of traditional medicine, which has brought and brings great benefits in the treatment of diseases. Summarizing the presented material, we can conclude that the herbal and animal remedies used by folk healers had some similarities not only with neighboring peoples, but also with ethnic groups of other regions of the country, since it was mostly based on the forms of economic activity that had developed in the region. Nevertheless, the composition of food has huge variations depending on the ecological and natural-geographical environment. Despite the fact that traditional medicine was based on general principles and methods of treatment and manufacture of medicines, in specific regions, even specific healers had their own recipes and methods of healing. The richness and uniqueness of natural and climatic conditions allowed the peoples of the North Caucasus and Dagestan to accumulate a wealth of experience in the treatment of diseases and the preservation of health.

In the centuries-old experience of the people in the field of therapeutic nutrition, diet therapy, one can find a lot of useful material, especially since this experience is passed from generation to generation, bringing new knowledge and discoveries.

REFERENCES

1. Ethnography of the peoples of Kabardino-Balkaria [Etnografiya narodov Kabardino-Balkarii]. Nalchik, 1977.
2. Beardsworth A, Teresa K. Sociology on the Menu: An Invitation to the Study of Food and Society. London: Routledge, 1997. p. 277.
3. Carol Ann Rinzler. Nutrition for Dummies. Canada, 2006. p. 383.
4. Aglarov MA. *Andi people: Historical and ethnographic research* [Andiytsy: Istoriko-etnograficheskoye issledovanie]. Makhachkala: Upiter Publishing House, 2002.
5. Alieva PSh, Folk medicine of the Avars. Ethnographic study [Narodnaya meditsina avartsev. Etnograficheskoye issledovaniye]. Makhachkala: Publishing House of the SCF RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2009.
6. Alimova BM. *Food and nutrition culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries* [Pishcha i kul'tura pitaniya tyurkoyazychnykh narodov Dagestana v XIX – nachale XX vv.]. Makhachkala: Nauka Plus, 2005.
7. Arutyunov SA. *Peoples and cultures. Development and interaction* [Narody i kul'tury. Razvitiye i vzaimodeystviye]. Moscow: Nauka, 1989.
8. Arutyunov SA. *Ethnography of nutrition of the peoples of the countries of foreign Asia* [Etnografiya pitaniya narodov stran zarubezhnoy Azii]. Moscow: Nauka, 1981.
9. Bataev KhM. History of folk medicine of the Chechens and Ingush (XVIII-XX centuries) [Istoriya narodnoy meditsiny chechentsev i ingushey (XVIII-XX vv.)]. Grozny, 2007.
10. Bulatov BB, Gashimov MF, Seferbekov RI. Life and culture of the Tabasarans in the XIX-XX centuries [Byt i kul'tura tabasarentsev v XIX-XX vekakh]. M.O. Osmanov (ed.). Makhachkala: Epokha, 2004.
11. Bulatov BB, Lugev SA. Essays on the history of the spiritual culture of the highlanders of central Dagestan in the 18th – 19th centuries [Ocherki istorii dukhovnoy kul'tury gortsev tsentral'nogo Dagestana v XVIII – XIX vv.]. RAS, Dagestan Scientific Center, Institute of History, Archeology and Ethnography, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State University. Ed. 2nd, add. Makhachkala, 2004.
12. Gadzhieva SSh. *Dagestan Azerbaijani. XIX – early XX century: Historical and ethnographic*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977. – 180 с.
2. Beardsworth A., Teresa K. Sociology on the Menu: An Invitation to the Study of Food and Society. London: Routledge, 1997. 277.
3. Carol Ann Rinzler. Nutrition for Dummies. Canada. 2006. 383.
4. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Издательство «Юпитер», 2002. – 304 с.
5. Алиева П.Ш. Народная медицина аварцев. Этнографическое исследование. Махачкала: Издательство СКФ РПА Минюста России, 2009. – 206 с.
6. Алимova Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Наука плюс, 2005. – 242 с.
7. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. – 243 с.
8. Арутюнов С.А. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М.: Наука, 1981. – 256 с.
9. Батаев Х.М. История народной медицины чеченцев и ингушей (XVIII-XX вв.) / Х. М. Батаев, З. И. Яхьяева. Грозный, 2007. – 179 с.
10. Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX-XX веках. / Отв. ред. М. О. Османов; Рос. акад. наук, Дагест. науч. центр [и др.]. – Махачкала: Эпоха, 2004 (ООО ИД Эпоха). – 266 с
11. Булатов Б.Б., Лугев С.А. Очерки истории духовной культуры горцев центрального Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала, 2004. – 230с.
12. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Вост. лит., 1999. – 358 с.
13. Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала: Эпоха, 2005. – 187 с.
14. История медицины (первобытное общество – XVIII век): уч. пособие. Ч. 1 / Сост.: Н.Х. Шарафутдинова, Т.В. Лукманова, А.У. Киньябулатов, М.Ю. Павлова. – Уфа: Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава

research [Dagestanskiye azerbaydzhantsy. XIX – nachalo XX v.: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]. RAS, Dagestan Scientific Center, Institute of History, Archeology and Ethnography. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.

13. Gimbatova MB. *Spiritual culture of the Nogais in the 19th – early 20th centuries* [Dukhovnaya kul'tura nogaytsev v XIX – nachale XX v.]. Makhachkala: Epokha, 2005.

14. History of medicine (primitive society – XVIII century): textbook. Part 1. [Istoriya meditsiny (pervobytnoye obshchestvo – XVIII vek.)]. Ufa: Publishing House of SBEI HPE BSMU of the Ministry of Health of Russia, 2016.

15. Kurbanov MYu. *Surgins: historical and ethnographic research: XIX – early XX century* [Syurgintsy: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye: XIX – nachalo XX v.]. Makhachkala: Epokha, 2006.

16. Luguev SA, Bulatov BB. *Spiritual culture of the peoples of Dagestan in the XVIII – XIX centuries. (Avars, Dargins, Laks)* [Dukhovnaya kul'tura narodov Dagestana v XVIII – XIX vekakh. (Avartsy, dargintsy, laktsy)]. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 1999.

17. Luguev SA. *Traditional norms of culture of behavior and etiquette of the peoples of Dagestan (XIX – early XX century)* [Traditsionnyye normy kul'tury povedeniya i etiket narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)]. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2006.

18. Magomedkhanov MM. Dagestanis: Ethno-linguistic and socio-cultural aspects of self-consciousness [Etnoyazykovyye i sotsio-kul'turnyye aspekty samosoznaniya]. Moscow: DINEM, 2008.

19. Mikhailov VS. *Culture of nutrition and family health* [Kul'tura pitaniya i zdorov'ya sem'i]. Baku: Ishyg, 1991.

20. Musaeva MK. Khvarshins. XIX – early. XX century: Historical and ethnographic study [Khvarshiny. XIX – nachalo XX v.: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]. Makhachkala, 1995.

21. Popka ID. Black Sea Cossacks in their civilian and military life [Chernomorskiye kazaki v ikh grazhdanskom i voyennom bytu]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1998.

22. Ramazanova ZB. *The food culture of the peoples of Dagestan in the 19th – early 21st centuries* [Kul'tura pitaniya narodov Dagestana v XIX – nachale XXI v.]. Makhachkala: Alef, 2017.

23. Smolensky BL. *Faith and Nutrition: Rites*

России, 2016 – 192 с.

15. Курбанов М.Ю. Сюргинцы: историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала: Эпоха, 2006. – 186с.

16. Лугуев С.А., Булатов Б.Б. Духовная культура народов Дагестана в XVIII–XIX веках. (Аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 218 с.

17. Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 304 с

18. Магомедханов М.М. Дагестанцы: этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ДИНЭМ, 2008. – 271 с.

19. Михайлов В.С. Культура питания и здоровья семьи. / В. С. Михайлов, Л. А. Трушина. – Баку: Ишыг, 1991. – 191с.

20. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. – 245 с.

21. Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Краснодар: Советская Кубань, 1998. -192с.

22. Рамазанова З.Б. *Культура питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в.* Махачкала: Алеф, 2017. – 311 с.

23. Смоленский Б.Л. Вера и питание: Обряды и народные традиции питания в мировых религиях. СПб.: Санкт-Петербургская государственная медицинская академия имени И.И. Мечникова, 1994. – 324 с.

24. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М.: Наука, 1989. – 447 с.

25. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 615 с.

26. Шавлаева Т. М., Садулаев Э.С. Традиционные народные рецепты лечения больных как часть народной культуры жителей Кавказа (по полевым исследованиям районов Чечни) // Социология № 5, 2020. С. 350-354.

27. Мусаева М.К., Рамазанова З.Б. Этноэкологические аспекты «народной» медицины у населения нагорного Дагестана // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник статей VIII-ой Международной конференции / Отв. ред. проф. Сампиев И.М.

and Folk Food Traditions in World Religions [Vera i pitaniye: Obryady i narodnyye traditsii pitaniya v mirovykh religiyakh]. St. Petersburg, 1994.

24. Tekeev KM. Karachays and Balkars. Traditional life support system [*Karachayevtsy i balkartsy. Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya*]. Moscow: Nauka, 1989.

25. Tokarev SA. Ethnography of the peoples of the USSR. Historical foundations of life and culture [*Etnografiya narodov SSSR. Istoricheskiye osnovy byta i kul'tury*]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1958.

26. Shavlaeva TM, Sadulaev ES. Traditional folk recipes for the treatment of patients as part of the folk culture of the inhabitants of the Caucasus (according to field studies of the regions of Chechnya). [*Traditsionnyye narodnyye retsepty lecheniya bol'nykh kak chast' narodnoy kul'tury zhiteley Kavkaza (po polevym issledovaniyam rayonov Chechni)*]. Moscow. *Journal of Sociology*. 2020, 5: 350–354.

27. Musaeva MK., Ramazanova ZB. Ethno-ecological aspects of “folk” medicine among the population of highland Dagestan *Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of articles of the VIII International Conference / Ed. ed. prof. Sampiev I.M. / Nazran: LLC “KEP”, 2020:232-246.*

28. Musaeva MK. Traditional nutrition of a woman in labor and a newborn among the peoples of Dagestan and the North Caucasus. *Modern problems of science and education*. 2015. No. 2-3.

29. Noskova A.V. Nutrition: methodological approaches to research and everyday practices [*Pitaniye: metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu i povsednevnyye praktiki*]. *Vestnik MGIMO*. Moscow. 2014, 6(39): 209–218.

30. Tokarev SA. On the methodology of ethnographic study of material culture [*K metodike etnograficheskogo izucheniya material'noy kul'tury*]. *Soviet ethnography*. Moscow, 1970. p. 3–17.

31. Vasilenko VG, Ktitorova OV, Khludova LN, Tsybulnikova AA. The use of traditional medicine to assist the population of the North Caucasus in the pre-revolutionary period [*Ispol'zovaniye narodnoy meditsiny dlya okazaniya pomoshchi naseleniyu Severnogo Kavkaza v dorevol'yutsionnyy period*]. Theory and practice of social development. Moscow, 2013. No. 9. Available at: <https://readera.org/14932374>

32. Sementsov MV. Herbal medicine and the use of herbal remedies in folk medicine of the Kuban Cossacks [*Travolecheniye i ispol'zovaniye sredstv rastitel'nogo proiskhozhdeniya v narodnoy med-*

/ Назрань: ООО «КЕП», 2020. С. 232-246.

28. Мусаева М.К. Традиционное питание роженицы и новорожденного у народов Дагестана и Северного Кавказа // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2-3.

29. Носкова А.В. Питание: методологические подходы к исследованию и повседневные практики // *Вестник МГИМО*. М., 2014. №6 (39). С. 209–218.

30. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // *Советская этнография*. М., 1970. С. 3–17

31. Василенко В.Г., Ктиторова О.В., Хлудова Л.Н., Цыбульникова А.А. Использование народной медицины для оказания помощи населению Северного Кавказа в дореволюционный период // *Теория и практика общественного развития*. М., 2013. №9. <https://readera.org/14932374>

32. Семенов М.В. Траволечение и использование средств растительного происхождения в народной медицине кубанских казаков // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год. Дикаревские чтения*. Краснодар: Изд-во «Крайбибколлектор», 2003. – 188 с.

33. Малахова А.С., Малахов С.Н. Традиции древнерусского врачевания в народной медицине кубанских и донских казаков // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. №8 (93). С. 74–79.

34. Власкина Т.Ю. Применение средств растительного происхождения для лечения и профилактики заболеваний интимной сферы в народной медицине донских казаков (гинекология, акушерство, сексопатология) // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Дикаревские чтения* (10). – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 92–105.

35. Ахмадов Т.З. Здоровоохранение Чечни: очерки истории. Грозный: «ИПК «Грозненский рабочий», 2010.

36. Гантмиров Т.Т. Народная медицина вайнахского этноса (чеченцев и ингушей) // *Научные известия. Грозный*, 2020. №18. С. 76–78.

37. Жугова Т.Ч., Шوماхов А.О., Кимо-

itsine kubanskikh kazakov]. *Results of folklore and ethnographic studies of ethnic cultures of the North Caucasus for 2001. Dikarevsky readings*. Krasnodar: Kraibibcollector Publishing House, 2003.

33. Malakhova AS, Malakhov SN. Traditions of ancient Russian healing in folk medicine of the Kuban and Don Cossacks [*Traditsii drevnerusskogo vrachevaniya v narodnoy meditsine kubanskikh i donskikh kazakov*]. Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 8 (93): 74–79.

34. Vlaskina TYu. The use of herbal remedies for the treatment and prevention of diseases of the intimate sphere in the folk medicine of the Don Cossacks (gynecology, obstetrics, sexopathology) [*Primeneniye sredstv rastitel'nogo proiskhozhdeniya dlya lecheniya i profilaktiki zabolevaniy intimnoy sfery v narodnoy meditsine donskikh kazakov (ginekologiya, akusherstvo, seksopatologiya)*]. *Results of folklore and ethnographic studies of ethnic cultures of the North Caucasus for 2003. Dikarevsky readings*. Krasnodar: LLC RIC «Mir Kubani», 2004. p. 92–105.

35. Akhmadov TZ. *Health care of Chechnya: essays on history* [*Zdravookhraneniye Chechni: ocherki istorii*]. Grozny: Grozny Rabochiy, 2010.

36. Gantamirov TT. Folk medicine of the Vainakh ethnic group (Chechens and Ingush). [*Narodnaya meditsina vaynakhskogo etnosa (chechentsev i ingushey)*]. *Nauchnie izvesita*. Grozny. 2020, 18: 76-78.

37. Zhugova TC, Shomakhov AO, Kimova LF. *From the history of medicine in Kabardino-Balkaria. Problems of social hygiene, public health and the history of medicine* [*Iz istorii meditsiny Kabardino-Balkarii. Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*]. Nalchik. 2001, 6: 59.

ва Л.Ф. Из истории медицины Кабардино-Балкарии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Нальчик, 2001. №6.

Статья поступила в редакцию 17.03.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181216-233>

Andrey A. Konovalov
Cand. Sci. (History), Associate Prof. at the Dep. of History of Russia
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
homunculus2@yandex.ru

Tamara V. Bitokova
Postgraduate at the Center of Gender Studies
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
tamara.bitok@gmail.com

Madina A. Tekueva
Dr. Sci. (History), Head of Dep. of Ethnology, History of Peoples of KBR and
Journalism
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
tekuevamadina@gmail.com

RUMORS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF WOMEN'S EVERYDAY LIFE IN THE URBAN SPACE OF KABARDINO-BALKARIA

Abstract. The present paper attempts to study a number of sources that examine the daily life in a Soviet and post-Soviet provincial town, in particular its female population, from a new perspective; to turn to events that have not been previously the subject of consideration in the Caucasian studies. The approach used in the history of everyday life makes it possible to identify the quality of life that developed during the Soviet era (the culminating period of which in the context of this article is the Khrushchev Thaw), which subsequently acquired a stable character. It is shown that the ordinary life of women was transformed by the socio-economic and political reconstruction of society. Using these examples of the normal course of life within the transitional periods, it becomes possible to approach the study of the everyday living conditions of the citizens of the republic. The paper focuses its attention on the less popular form of oral sources – rumors. Several rumors of the 1960s and two stories from the preceding and subsequent periods reflect the spirit of the times. Their analysis shows how in the peaceful course of everyday life, in the depths of women's consciousness, emotions mature, seizing the masses.

Keywords: women; urban everyday life; city; rumour; urban rumours; Kabardino-Balkaria; Nalchik.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181216-233>

Коновалов Андрей Анатольевич
к.и.н, доцент кафедры Истории России
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия
homunculus2@yandex.ru

Битокова Тамара Владимировна
аспирантка Центра гендерных исследований
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
tamara.bitok@gmail.com

Текуева Мадина Анатольевна
д.и.н, завкафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия
tekuevamadina@gmail.com

СЛУХИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Аннотация. Предметом настоящей статьи стало исследование ряда источников, позволяющих взглянуть на повседневную жизнь советского и постсоветского провинциального города, в частности его женского населения, под новым углом зрения, обратиться к событиям, ранее не становившимся предметом рассмотрения в кавказоведении. Подходы, применяемые в истории повседневности, позволяют выявить качества жизни, сложившиеся в советское время (кульминационным периодом которого в контексте настоящей статьи является оттепель) – и приобрели в последующем устойчивый характер. Прослежено, как привычный образ жизни женщин трансформируется социально-экономической и политической перестройкой общества. В этих сравнениях нормального течения жизни с переходными периодами становится возможным приблизиться к изучению обыденных условий существования горожанок республики. В настоящей статье внимание сосредоточено на не самом популярном виде устных источников – слухах. Несколько громких слухов 1960-х годов и два сюжета из предшествовавшего и последующего периодов, отражают дух времени. Их анализ показывает, как в мирном течении повседневной жизни, в глубине женского сознания зреют эмоции, овладевающие массами, последствия которых формируют новую повседневность.

Ключевые слова: женщины; городская повседневность; город; слух; городской слух; Кабардино-Балкария; Нальчик.

© Коновалов А.А., Битокова Т.В., Текуева М.А., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

One of the forms of existing oral sources are rumors. There have been no comprehensive studies in Caucasiology on this subject until now. However, since the 1990s, a shift took place in anthropology due to the introduction of new types of sources. What had previously not been perceived as informative material was attracting more and more attention from researchers. New sources, one of which is rumors, allow us to recreate in more detail the real picture of a person's ordinary life. Modern science requires the application of interdisciplinarity, the ability of authors to use methods of processing empirical material of adjacent to history and ethnology disciplines [1, p. 52].

The study of rumors has significant heuristic potential. Obviously, it would be naive to reconstruct events basing on them. The value of rumors is different: they show the attitude of their creators, distributors and recipients to reality, reveal their psychological characteristics due to the social and temporal context.

Being an integral part of oral history, rumors occupy a special place in this area of research. Due to their instability, factual unreliability, rumors, nevertheless, reflect the underlying and often not otherwise fixed features and processes of mass and individual consciousness, mental constants and social psychology of an individual or population groups [2, p. 162; 3, p. 20]. In the system of "state-society", rumors become a phenomenon reflecting the perception of power politics by the population, its interpretation in everyday behavioral and communicative practices [4, p. 24; 5, p. 34]. Rumors clearly demonstrate the state of individual and mass consciousness during the period of sharp transformations of this system: wars, revolutions, large-scale reforms [6, p. 81; 7, p. 111]. The present study traces the rumors that arose both during periods of social transformations – collectivization, the collapse of the Soviet Union and the construction of the new Russian statehood, – and during periods of relative stability of the society. The distributors of rumors often propagate fears and anxiety, taking into account mainly negative information [8, p. 113].

Periods of extraordinary historical experience (the need to make a fateful choice, the disorganization of state structures and the hardships of big changes) become fertile ground for the spontaneous or intentional creation and circulation of rumors embodying thoughts, feelings, protest and hopes of various groups of the population [9, p. 47].

The research interest in rumors during the periods of change is explained not only by the possibility of reconstructing consciousness, but also by the real consequences of the dissemination of information contained in rumors, both in people's minds and in external reality. The significance of rumors should not be underestimated. The facts circulating in them are often devoid of the

property of existence, but sometimes they have a very significant potential for action. Unreliable information is subsequently perceived as true.

Rumors are a specific source that “anthropologize” the historical context, when a person with their worldview, axiological and psychological mindset, prejudices, emotional and sensory sphere, level and nature of education comes out in the first place. The study, which is based on oral history, allows to change the research perspective, focus on new and important areas [10, p. 19].

In the context of this paper, it seems productive to use the approach formulated in the 1970s by Alan Dundes, according to whom a researcher should not only study the plot of a rumor or legend, but also interpret its meaning [11, p. 33]. It is necessary to trace why this or that rumor has spread in the urban female environment of such a specific, and at the same time interpolated into the Soviet reality region as Kabardino-Balkaria. Such an operational-theoretical model was called by A. Arkhipova and A. Kirzyuk as interpretive approach. According to it, the procedure of searching for social factors articulated in the female urban space (understood as a complex of factors of female socialization within the urban space) and creating psychological discomfort causing aggression, state of fear and anxiety has been repeatedly carried out in this study [12, p. 28].

Mass riots, which are one of the subjects of this paper, have become the object of V.A. Kozlov’s study [13, p. 10]. He sees their origins mainly in the socio-economic policy of the Soviet state. The specificity of the studied region is the predominant influence of the ethnic factor.

An important characteristic of rumors is its collectivity, deindividualization. According to the British anthropologist and evolutionary psychologist Robin Dunbar, being the basis for building social connections in large communities [14, p. 111], rumor starts to exist independently from the individual who created it, having objectified and becoming part of the collective mind of the crowd. At the same time, a rumor can have a significant rate of propagation. “In 1920s, a prominent popularizer of science Y.I. Perelman showed that a provincial town of 50 thousand people can receive the latest news brought by a metropolitan resident in no time: from 1 hour to 2.5 hours” [15, p. 63].

Rumors are especially important in the mental space of a population under the authoritarian regime. As I.B. Orlov points out, “they are especially common in the authoritarian and totalitarian states that deprive their citizens of the right to open and free access to information” [15, p. 62]. In an unfree society, the importance of rumors increases, which make up for the insufficiency of truthful unbiased news.

There are two components in the structure of rumors. The first is an actualized layer lying on the surface and carrying information content that

reflects the current reality. The second layer of the structure of rumors is an underlying space of archaic, archetypal ideas about oneself, society and the world. It can find its correlation with the image of Fernand Braudel about the “time of structures” – a slowly flowing, non-obvious layer of the “river of time”, which is “an organization, an order, a system of fairly stable relations between social reality and the masses... It is an ensemble, an architecture of social phenomena, but above all it is a historical reality, stable and slowly changing over time” [16, p. 124].

With regard to the subject of our study, it can be noted that being a city (and having to represent the space of modernity), in the 60s of the 20th century Nalchik occupied a leading position in the KBASSR. At the same time, such a large country as the USSR was geographically, culturally and economically in a position to which the concept of a “peripheral town” can be applied, retaining mental proximity to a village. Nalchik had little experience of modernization, becoming a large city only in the time under study. The Khrushchev development began to displace the private sector. Due to urbanization, the population was replenished with newcomers from rural regions, which meant the introduction of conservative mindsets into the social space.

The process of urbanization of Kabarda and Balkaria, designated by the Soviet government, manifested itself only in the 1920s with the transformation of Nalchik Sloboda into an urban administrative center. The 1950s and 1960s marked the foundation of new cities (Tyrnyauz, Baksan, Prokhladny, Terek). The integration of the local population into the urban environment was slow; the process intensified after the Great Patriotic War and gained special importance during the “thaw” due to the increase in the personnel of the national intelligentsia, engineers and the emergence of new jobs in production in the city.

The 1950-1990s in Kabardino-Balkaria were a time of replacing many traditional stereotypes of consciousness with modern discourse and complex processes of intertwining innovative and conservative types of consciousness with the revival of archaic cognitive elements in the post-Soviet period. To illustrate the external manifestation of archaism in women’s worldview, it is necessary to dwell on one of the rumors that arose among women in the 1920s. This rumor appeared on the basis of large-scale social transformations undertaken by the Soviet government.

The rumour about the “collectivization of children”

At the end of the 1920s, traditional institutions were rapidly displaced in Kabarda and Balkaria, and manifestations of “remnants of the past” were severely suppressed. Among other things, such events included the closure of mosques. The fight against religious ideology was perceived as an infringement of authentic consciousness and a gross violation of private life, which met strong resistance mainly among women. This was due to the connection between ethnic traditions and spiritual and religious practices. Such a symbiosis determined the main stages of women’s life: birth, marriage, death, regulated the range of her daily cares, and “threshold” events related to childbirth, feeding and raising children [17, p. 306].

The Soviet authorities tried to reformat the life of a woman in accordance with their ideological orientation. In particular, instead of the traditional customs of the children’s cycle – the first swaddling of a newborn in the cradle – gushekhepkhe (Kab.) / beshikge salyu (Balk.)¹ and the celebration of the first step of the child – l’eteuve (Kab.) / birinchi atlam (Balk.)², – alternative ceremonies were introduced, which paradoxically turned out to be similar to Christian ritual practices. Thus, the “red Octobrines”, designed to replace the abovementioned rituals, were in fact a modernization of Orthodox baptisms. These attempts were forced, unnatural and caused a strong rejection among women. The innovations contradicted the mindset of traditional folk upbringing, which is the most important factor of ethnic socialization, the translation of skills and behavioral stereotypes adopted in the archaic ethnic environment [18, p. 151]. These reasons have triggered women’s opposition to attempts to replace home parenting with public education.

The archive of the prominent journalist R.T. Afaunova contains the memories of the organizer of the women’s movement in the Kabardino-Balkarian Autonomous Region Galina Romenskaya:

...The Village Council did not provide us with premises [for nurseries] for a long time, because there were rumors among the population that their children would be sent to Germany (*italics – auth.*), and only a year later [1925] we got a room in a school. Elder children of the age of twelve, thirteen were sent to the playgrounds, as our equipment was designed for preschoolers; we didn’t know whether to laugh or cry...³

In 1928, a rumor began to spread among the women of the North-Western Caucasus that children who were sent to nursery on the instructions of the

1 From Kabardian (lit.) – binding to a cradle; from Balkar (lit.) – laying in a cradle.

2 From Kabardian (lit.) – getting on your feet; from Balkar (lit.) – the first step.

3 From the personal archive of R.T. Afaunova (1932-2013), Nalchik.

authorities would be socialized (i.e. ‘collectivized’), taken away from their parents and sent to Germany or China. The uncertainty is emphasized (illiterate women in the region had little idea where these countries were located), and the remoteness of the address, which would make communication impossible and assumed the loss of the child. This rumour is illustrated by Sheila Fitzpatrick’s thesis about the dual nature of rumours. On the one hand, rumours had an adaptive function, which allowed them to adjust to the changes carried out by the authorities. On the other hand, when these changes affected or even destroyed the basic ideological constants, rumours acquired the function of a catalyst for resistance [19, p. 184].

These rumors resulted in spontaneous, local protests by women. Passive discontent gradually turned into direct statements in connection with the aggravation of the general situation in the country at the turn of the 1920s and 30s caused by the grain procurement crisis. Thus, at the beginning of June 1928, in the Adyghe village of Blechepsin, a group of middle-aged women gathered at the village council, demanded the cessation of grain procurements, the closure of nurseries and kindergartens, etc. At the same time, a spontaneous rally of women gathered in Baksan (Kabardino-Balkaria), who, armed with kitchen utensils (knives, scissors, grips), behaved aggressively, shouting that they would not give up their children to a nursery or to China [20, p. 87].

Rumors and women’s riots from Adygea and Kabarda spread to the territories of other national formations of the North Caucasus. They became an expression of resistance to the socialization of the peasant way of life accompanying collectivization carried out by the central government [20, p. 89].

The rumor about the “seizure” of children, for all its ridiculousness and absurdity, reflected the state of consciousness of traditional society and became an external manifestation of deeper social problems. It was one of the reasons for the anti-Soviet protests that broke out a little later. The gender aspect of this case lies in the fact that it was women who created and spread the rumor about the socialization of children. This rumor became an expression of women’s deep anxiety about the loosening of the conservative way of life, the age-old order of things that ensures the continuity of generations. Women feared the loss of ancestral and family memory of the significance of the ancestral experience. Similar protests can be traced in other regions of the country during this period. They reflected the reaction of the traditional peasant world to the loss of communal cohesion, the replacement of traditional values, which were based on family, with abstract state ideals for a small society. This shows the gender unity that can be traced in a quite ethnically and culturally diverse Soviet society. The emergence of this rumor in the 1920s is indicative. In difficult, critical periods for the country, anxiety

for the preservation of traditional values intensifies. Rumors of this kind reflect the struggle of women against innovations coming from a large alien world, more individualized, with no place for close family ties. The difference between urban and rural communication is also indicative here. In the only republican city at that time, women of indigenous ethnicities were surrounded by strangers, unlike Kabardian and Balkarian villages, where people were closely related. The rapid spread of rumors demonstrates this closeness of interactions and the dominance of the rural type of communication. The villagers viewed each other as a collective “we”, opposed to the socio-cultural “they”. The latter is endowed with hostile or threatening characteristics.

The regional specificity of this case lies in the extremely important difference between the social structure of the North-Western Caucasus and the Russian regions. In the vast majority of the latter, rural residents had permanent ties with the city, were familiar with the urban mentality through visits to city markets, seasonal works; immigrants to the cities, replenishing the working class, kept in touch with their home village. In the region described, this connection was absent or minimal. The culture of Pyatigorsk and other settlements of the Caucasian Mineral Waters did not have a significant impact on the consciousness and lifestyle of the mountaineers mainly due to ethnic differences: these cities were originally Russian, inhabited by people whose culture was significantly different from the social world of the highlanders.

In the context of the present paper, this case is important as a preamble, demonstrating the consciousness of the women of the agrarian society. We are not talking about the urban space itself yet, but this case is important as a demonstration of the specifics of the consciousness of the villagers, who would later populate the cities of the republic and form an opposition to the then “indigenous” urban population. The analysis of episodes about the dissemination of deliberately unreliable information by women in the national peasant environment shows how painfully the female consciousness can respond to the dangers from another culture, an attempt by the authorities to encroach on the private sphere, the stability of family life. Social practices of Russian urban everyday life with great difficulty made their way among ethnically and culturally different populations.

The episode at the bazaar

The following case is recorded 40 years after the events described above and refers to the era when Nalchik turned from a settlement at the fortress into an industrial city. This rumor originated in Nalchik, but the setting of the incident was a market – a place where two types of life (rural and urban) and two types of consciousness (archaic and modern) met.

In July 1968, mass riots took place in the central market of Nalchik, which

were suppressed by the military. A local policeman Vladimir Tokarev was beaten to death by the crowd. His death occurred from “multiple extensive traumatic injuries to the head, neck, chest, with damage to large vessels of the neck, multiple fractures of the ribs on the left and right, with a rupture of the pleura”⁴.

The reason for such inhuman behavior was the rumors that V. Tokarev killed a certain Nurgali, a young Kabardian man, whom he had detained at the bazaar that morning for minor hooliganism under alcoholic influence and took him to the nearest police office. Nurgali opened the window of the office and began shouting that he was being killed. The rumor instantly spread and was supplemented with information about the death of two more men: Alik and Zhamaldin. Upon hearing this, a relative of one of the men, 38-year-old Zhanzilya Kunizheva, ran through the bazaar shouting about police brutality. The conduct of Kunizheva became the catalyst for actions of an angry mob calling for the punishment of a policeman for reprisal against young people. V. Tokarev, surrounded by a few police officers, received several blows. The absence of Nurgali and Alik in the premises of the police station reinforced people’s confidence in the legitimacy of the rumor about their death, which aggravated the situation.

The rumor spread rapidly and had serious consequences. An angry mob, having lynched V. Tokarev, did not release the body to police officers and the military, did not respond to the exhortations of the first secretary of the regional party committee T. Malbakhov, Chairman of the Government of the Republic A. Akhokhov, secretary of the Nalchik City Committee N. Gromyko. As it would be established at the trial, mass riots took place with a crowd of circa 3,000 people.

The initiator of the “bazaar riot” Zhanzilya Kunizheva was sentenced to fifteen years of general regime colony. The court did not impose capital punishment because of the woman’s young daughter. Zhanzilya was accused of spreading provocative rumors about the murder of her brother, she became one of the organizers of the mob outrages, “...hysterically sobbing, in an inhuman voice she called for lynching. Dragging the crowd with her, she rushed to the police office. She wrung her hands, tore her hair and clothes, and incited a violent crowd for several hours”⁵. Many witnesses and participants of those events highlighted that if it were not for Kunizheva, the riot would have stopped much earlier⁶.

This case is similar to the previous one – false information generated real consequences. According to A. Arkhipova and A. Kirzyuk, “urban legends can be very dangerous, because in panic, another retelling of a “reliable”

4 From the forensic report (cit. by: O. Guseynov. Nalchik, July 68. // Gazeta Yuga. № 24-26. 1998).

5 Guseynov O. Nalchik, July 68. // Gazeta Yuga. № 24-26. 1998).

6 Author's field material. Expedition to Nalchik. November-December of 2020 (Informants: M.A. Daova, born in 1956, B.G. Kagermazov, born in 1935, O.H. born in 1978).

story can push a person or a group of people to violence” [12, p. 50]. In both cases, there is a reaction to the antagonist – an alien culture. However, there are also significant differences. The events of this case took place in a city where the presence of the Russian population is noticeable, the environment ceased to be ethnically uniform, while the villages remained nationally homogeneous. The members of the indigenous population who came to the city felt their unity and, as can be seen, their readiness to actively resist the alien world. Thus, we can distinguish two lines of division here: city vs. village, and Russian-speaking population vs. locals. The marketplace has become a communication platform, a place of junction of the urban and rural worlds. Most of the merchants were rural residents, the customers were townspeople. The rural world of the North Caucasian Republic is characterized by close family ties to a much greater extent than the urban social space, in which the proportion of newcomers is noticeable. It is these connections that largely determine emotions and behavior.

A relationship of mutual threat arises between “we” and “they”. This rumor became evidence of articulation, suppressed problems and emotions that women were not able to express in another way [12, p. 29]. In this regard, it is important to note that the Nalchik city market, like other similar places, was primarily a women’s space – most of the buyers and sellers were women.

The event at the bazaar demonstrated the power of rumor that does not possess the category of truth, but has the property of effectiveness. The women behaved as if the content of the rumor was real; moreover, the rumor caused more consequences than the information corresponding to reality. At the same time, rumors rarely emerge out of nowhere. People’s confidence in the policeman’s guilt and the brutality of the lynching are partly explained by the hatred towards him caused by his extortion from market sellers⁷.

The high rate of rumour propagation is associated with anxiety – a phenomenon that manifests itself in a person’s tendency to often experience severe uneasiness on relatively small occasions. Unlike fear, anxiety is characterized primarily by vagueness and uncertainty [21, pp. 174-180].

The most convincing of the rumors revolve around basic fears, the main one of which is death. A rumor is a mental virus that thrives because of its ability to create the very anxieties that cause them to spread and change to fit new situations. “The more people are scared by a rumor, the more likely they are to pass it on,” – notes an American researcher P. Kimmel [22]. Social and economic changes in Nalchik, which was becoming an industrial city, were so rapid that they gave rise to a sense of loss of familiar ideological constants among the indigenous population and caused a sense of anxiety before the uncertainty of the future and, as a result, aggression.

The women trading at the bazaar had already been mobilized for social action by the illegal deeds of the policeman. At the same time, the transmission of

⁷ Field material of Tekueva M.A. Informant: B.G. Kagermazov, born in 1935.

the rumor itself was an attempt to verify it: one of the motives for repeating frightening rumors is the hope of discovering that it is false. “By repeating something that makes you anxious, you can learn the opposite fact that will calm you down,” – said Dr. Kimmel. “On the other hand, it can increase your fears if the person you are addressing to believes it.” [22]

It is noteworthy that in this case, the rumor became an alternative to the version produced by the authorities (“there was no murder”). People preferred to draw information from the “black information market”, filling the vacuum. Its informality, perceived as a virtue, was opposed to the information coming through official sources [23, p. 84]. The mundane episode acquired a broader meaning – the variety of individual reactions led to a series of political events [24, p. 316].

Using this rumor as a source makes it possible to understand not only the organization of urban space and its perception by rural residents, but also to trace the fault lines between emancipated and traditional semantic spaces. Nalchik – a developing Soviet city with an emerging industrial potential – engaged both the indigenous population and newcomers in working in the industry. They became carriers of a new type of consciousness. The market was pushing the carriers of urban and rural mentality. The worldview of the collective farm peasantry largely remained traditional, archaic. The vast majority of the urban population was employed in industry, science and administration. At the same time, a significant proportion of the intelligentsia were newcomers Russians – “envoys” of the Soviet government in the 20s and their children, or those who were sent for post-war personnel strengthening in the republic. The urban population was to some extent opposed to rural workers, mainly of indigenous nationalities, which created social tension on ethnic and settlement grounds at the same time. According to V.A. Kozlov, the explanation of mass riots in our country in this era “should be sought ... in more general socio-political factors” [13, p. 111]. An essential feature of Kabardino-Balkaria, as well as other national administrative entities of the North Caucasus, is the determining importance, along with the socio-political, ethnic factor. The lynching at the Nalchik bazaar was atypical and did not correspond to ethnic customary norms. With all the eccentricity of this story, the described case is an indicator of social tension, and women in this situation became a catalyst for a social outburst.

The active role of Zh. Kunizheva was no coincidence. Her behavior became a trigger, aggravating the situation from the latent to the active stage. Rural women were carriers of traditional mindset, among which one of the basic patterns is the opposition “friend or foe” or “ours-theirs”. At the same time, “they” are endowed with the property of malevolence and there is no rational analysis of their “hostile” behavior. In this case, this hostile attitude initially attributed to the opponent was overlaid by a conscious factor – extortion on the part of the policeman. Not being able to solve social problems, women at

the bazaar directed their energy to fight an imaginary enemy endowed with negative characteristics.

The gossip about the actress

Archaic stereotypes of consciousness turned out to be very resistant to change and manifested themselves in philistine morality, which largely retained conservative features in the conditions of “building socialism” and the processes of female emancipation associated with it.

Children born in the villages of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War or who saw the war in adolescence, in the 1950s and 60s formed a new generation of national intelligentsia. After getting an education and job, they moved to live in cities with traditional values instilled in them and a mental proximity to the countryside, which often conflicted with urban “modernity”.

In the 1960s the A.A. Shogentsukov Kabardian Drama Theater premiered the play “The Drummer Girl”, where a young actress A.B. (initials changed for ethical reasons) played in the positive main role of a partisan. In one of the scenes, A.B. appeared “semi-naked” in front of the audience – her entire body was covered with a tight fabric, over which she wore underwear. In this appearance, the actress performed a dance. This impressed the audience, brought up in a sexually ascetic culture, so much that gossips about the “low social morale” of the actress immediately spread through Nalchik. Unable to withstand these gossips, her husband insisted on divorce.

This case illustrates Frank McAndrew’s idea that the purpose of gossips is to strengthen “morality” and responsibility or punishment for “its absence” and the identification of passive-aggressive behavior, the isolation of moral violators [25]. Usually the subject of gossips is the private life of bright, prominent personalities, going against the traditional consciousness. At the same time, the distributors of gossips pay special attention to intimate details, which become the subject of the greatest attention [26, p. 228].

When analyzing this story about how rumors and gossips reflect the stereotypes of everyday consciousness, how their circulation can affect the life of individuals, it is necessary to pay attention to the ability of the individuals to resist them, developing coping mechanisms and forming new mindset. After some time, they become habitual, ordinary ones and create a new everyday life. Thus, the actress in question, despite the derogatory gossip, did not quit her job, continued to play in that scandalous performance, appeared in public “confident in her rightness and dizzyingly beautiful”⁸, was happy in the second marriage, which, in the end, earned the respect of the townspeople. The philistine gossip turned out to be correlated with an

⁸ Field material of Bitokova T.V. Informant: M.A. Daova, born in 1956.

iconic, well-known figure. According to a study by American psychologists T. Reynolds, R. Baumeister, J. Maner, “the more a woman is generally inclined to compete, the more willing she is to spread gossips” [27, p. 207].

The two above stories related to the same period and characterized the presence of archaic features in the consciousness of society. The first reflected the specifics of the mindset of the rural population, expressed in the emotional form of protest against social problems. The second episode demonstrates how stereotypes about “correct” female behavior turned out to be too straightforward and rigorous and caused gossips about the actress. Both cases had tragic or dramatic consequences for the actors and are associated with the traditional consciousness of their distributors.

The rumor about the “miraculous child”

During the Soviet period, the process of women’s emancipation went far enough, but at the end of the 20th century, the socio-cultural and demographic situation in Kabardino-Balkaria changed drastically. In the cities of the republic, there has been a significant outflow of population to the central regions of the Russian Federation of people who are carriers of modern consciousness, and an influx of rural residents. This process coincided on the one hand with the historical turning point experienced by the whole country, on the other – with the strengthening of the importance of the religious factor and, in general, the rearchaization of the worldview of a significant part of the population of the republic.

On April of 2010, an ordinary day in the republic started with a discussion of the main news: at night a child covered with hair, who had all his teeth in place, was born in the city hospital. In the first minutes of his life, he spoke Kabardian and predicted a great disaster to the people, for the prevention of which he called for “frying lakums”, after which he died unexpectedly. Here it refers to the memorial ritual of Kabardians and Balkars or a kind of female offering. Lakums are puffs made of pastry fried in hot oil, which are given to all neighbors and relatives. It is believed that the smell of fried butter rises to heaven to deliver people’s aspirations there [28, p. 29].

The news about the miraculous child was discussed everywhere and by everyone – from schoolchildren to the elderly people. The rumor captured the minds of the townspeople so much that by evening many women were frying lakums, as the “miraculous baby” had bequeathed. It lasted 40 days. Many people were skeptical about the information described, but they did it “just in case”.

The fantastic plot reflected a serious concern about the threat of terrorism. Shortly prior to that, in 2005, Nalchik survived a terrorist attack, and later a number of closely spaced terrorist attacks were carried out against scientists,

representatives of the traditional Muslim clergy, policemen and officials. The legend about the child was actually an expression of women's anxiety for the life and well-being of their beloved ones. Thus, the distributors of the rumor about the child, transmitting one information, actually implied another "hidden message" [29, p. 165].

It is noteworthy that this rumor became a self-sustaining one and capable of developing mental structures. After a while, it received a new development. People said that the previous rumor had been started by the widow of the leader of a religious underground organization liquidated by the special services in order for the whole republic to make a memorial offering for him.

In neighboring North Ossetia, this rumor was adapted to the peculiarities of local consciousness. The content suitable for the culture of this region was borrowed from the said rumour. Ossetian writer A. Gabuyev in his book "A Cold Day In The Sun", writes about the residents of Vladikavkaz:

...Dzera told this wild story. About a hairy boy from Kabarda. It is said that he was born last week or a little earlier, in Nartkale or somewhere there, and uttered in Ossetian: "Pray for the Ossetian people", and shortly after died... It turned out that many people had heard it. Vika said that the child's parents were Ossetians – Ozrek Digorians and Regina – and that the real father was not a human at all, but a dalimon⁹.

This development of the rumour illustrates the thesis about the ambiguity of the rumor's content, which, along with the original component, includes additional details [30, p. 165]. The ritual and memorial component was reduced, and a character of Ossetian folklore appeared.

Based on the conducted research, we have come to the conclusions formulated in the following theses:

1. Using rumors as a source for historical and anthropological research, we have been able to trace social interactions in the urban environment. Rumor as an information structure has two interrelated functions. Firstly, it forms and expresses not so much the events that actually happened as their perception by the mass consciousness. This is a passive function of a rumour. On the other hand, rumour can be a call for social action, it forms public mood and encourages certain actions.

2. The study of rumors makes it possible to determine the content of the space of everyday life, to identify the main components (modern and archaic socio-cultural mindsets), to trace their complex interactions (relations of conflict and synthesis).

Urban women's space is a complex system. Possessing the features of modernity, the city destroys archaic traditional mental structures, replacing

⁹ Dalimon is the lord of evil (translated from Ossetian).

them with the system of meanings of industrial society. At the same time, traditional structures are not completely destroyed, forming a latent, underlying layer of symbols and socio-cultural ideas. Ethnic features have an implicit influence. Under the influence of certain grounds that blow up the surface layer of modernity, it breaks through, actualized in the form of spontaneous, little-thought, suppressed social protest. The latter, however, most often does not have far-reaching political and social consequences. Urban space brings modern and archaic components to a new level. The case of the Nalchik bazaar in 1968 demonstrates this moment of social outcry. If in the Soviet era there was a consistent modernization of women's urban space, then in the post-Soviet period there are phenomena of rearchaization, which is demonstrated by the case of the "miraculous child" of 2010.

3. The study of rumors makes it possible to determine the specifics of the female urban space of Kabardino-Balkaria allows us to talk about a weak degree of modernization, a large influence of traditional patterns characteristic of the Caucasian agrarian society.

Women took an active part in the described cases. At this stage of societal development, they were carriers and implementers of conservative models of behavior. Women, especially rural women, later than men adapted to a new system of meanings, often painfully reacting to changes and performing the function of stabilizing and sometimes preserving society.

4. Anxiety plays an essential role in the spread of rumors as a cultural and psychological basis for their appearance and circulation.

These cases confirm the mindset of everyday consciousness that it is women who are carriers and catalysts of anxiety and actors in the proliferation of rumors. They are more capable of generating and modifying rumors. Women have an emotional influence on the living space, encouraging ordinary people to social actions. Rumors in a concentrated form express the anxiety of society and allow one to adapt or, on the contrary, resist changes.

5. Forming and expressing traditional attitudes of consciousness, rumours often carry an ethical function, provoking actions and forming an environment corresponding to traditional rigorous moral foundations. Being carriers of more traditional categories of thinking, women are especially careful about them. At the same time, the 20th century for mountain women was a time of emancipation, sometimes voluntary, sometimes conditioned by state policy. In these conditions (as illustrated by the rumor about the actress), women began to have the opportunity to break out of the shackles of traditional morality and insist on their right to live in accordance with a broader socio-cultural framework. Urban space made it possible to increase the degree of this freedom, singling out women from their environment, able to accept new, broader conditions of existence, thereby marking landmarks for other women.

REFERENCES

1. Pushkareva NL. Women's and gender history: results and development prospects in Russia [Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii]. *Historical psychology and sociology of history*. 2010, 3(2): 51-64. (In Russ)
2. Rodigina NN. "Rumors" about resettlement as a source for studying the migration activity of Russian peasants in the second half of the 19th century ["Slukhi" o pereselenii kak istochnik izucheniya migratsionnoi aktivnosti russkikh krest'yan vtoroi poloviny XIX v.]. *Ethnography of Altai*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 1996. p. 161-164. (In Russ)
3. Somov VA. Rumors as a factor of labor behavior in the initial period of the Great Patriotic War [Slukhi kak faktor trudovogo povedeniya v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny]. *Historical psychology and sociology of history*. 2011, 4(1): 19-32. (In Russ)
4. Bessonov IA. Rumors and gossips of the times of collectivization and dispossession [Slukhi i tolki vremen kollektivizatsii i raskulachivaniya]. *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2009, 3(2): 23-25. (In Russ)
5. Paramonov VN. "The Great Break" in the Perception of Contemporaries ["Velikii perelom" v vospriyatii sovremennikov]. *Bulletin of the Samara University History, pedagogy, philology*. 2016, 3(1): 33-41. (In Russ)
6. Kozhevnikov VL. Rumors as a source on the history of the socio-political life of the city during the Russian revolution of 1917 [Slukhi kak istochnik po istorii obshchestvenno-politicheskoi zhizni goroda vremen rossiiskoi revolyutsii 1917 goda]. *Problems of culture of cities in Russia: theory, methodology, historiography*. Omsk: Publishing House of OmGPU, 2008. p. 80-84. (In Russ)
7. Pyankevich VL. *People lived by rumors: the informal communicative space of besieged Leningrad [Lyudi zhili slukhami: neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada]*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. (In Russ)
8. Aksyonov VB. "Black car" as a symbol of revolutionary violence in 1917: phobia, mythology, emotional stimulus ["Chernoe avto" kak simvol revolyutsionnogo nasiliya v 1917 g.: fobiya, mifologema, emotsional'nyi stimul]. *Anthropological Forum*. 2017, 32: 112-141. (In Russ)
9. Gailit OA. Research possibilities of rumors and problems of their study in the works of modern historians [Issledovatel'skie vozmozhnosti slukhov i problemy ikh izucheniya v rabotakh sovremennykh istorikov]. *Bulletin of the Omsk*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. №2. С. 51-64.
2. Родигина Н.Н. "Слухи" о переселении как источник изучения миграционной активности русских крестьян второй половины XIX в. // Этнография Алтая. Барнаул: Барнаульский гос. педагогический ун-т, 1996. С. 161-164.
3. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4, № 1. С. 19-32.
4. Бессонов И.А. Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3-2. С. 23-25.
5. Парамонов В.Н. "Великий перелом" в восприятии современников // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 33-41.
6. Кожевников В.Л. Слухи как источник по истории общественно-политической жизни города времен российской революции 1917 года // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 80-84.
7. Пянкевич В.Л. Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014.
8. Аксёнов В.Б. "Чёрное авто" как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 12-141.
9. Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Серия "Исторические науки". 2018. №4 (20). С. 45-52.
10. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003.
11. Dundes A. On the Psychology of Legend // American Folk Legend: A Symposium / Ed. By W. Hand. Berkeley; Los-Angeles: University of California Press, 2008.
12. Архипова А., Курзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи

University. Series "Historical sciences". 2018, 4(20): 45-52. (In Russ)

10. Thompson P. *Voice of the past. Oral history [Golos proshlogo. Ustnaya istoriya]*. Moscow: Ves Mir, 2003. (In Russ)

11. Dundes A. On the Psychology of Legend. *American Folk Legend: A Symposium*. W. Hand (ed.). Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2008.

12. Arkhipova A, Kirzyuk A. *Dangerous Soviet things. Urban legends and fears of the USSR [Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strakhi SSSR]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2020. (In Russ)

13. Kozlov VA. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s) [Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)]*. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. (In Russ)

14. Dunbar RI. Gossip in evolutionary perspective. *Review of General Psychology*. 2004, 8: 100–110.

15. Orlov IB. *Soviet everyday life: historical and social aspects of formation [Sovetskaya povesednevnost': istoricheskii i sotsial'nyi aspekty stanovleniya]*. Moscow: State University Publishing House – Higher School of Economics, 2010.

16. Brodel F. History and social sciences. Historical duration *Philosophy and methodology of history / General*. ed. I.S. Kona. Moscow: Progress, 1977.

17. Tekueva MA. "Solution" of the Women's Question in Kabardino-Balkaria (1917-1941) ["Reshenie" zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917-1941 gg.)]. *Social History. Yearbook*. 2008 St. Petersburg: Aleteya, 2008. p. 303–329. (In Russ)

18. Tekueva MA. Women's emancipation in the North Caucasus: difficulties of translation from Russian into Kabardian [Emansipatsiya zhen-shchin na Severnom Kavkaze: trudnosti perevoda s russkogo na kabardinskii]. XIII Congress of MAPRYAL "Russian Language and Literature in the Space of World Culture". Granada, 2015. V.3 Direction "Russian Culture and Globalization". 2015. p. 149-156. (In Russ)

19. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1999.

20. Tekuev AK. *Implementation of the Leninist cooperative plan in the national republics and regions of the North Caucasus (1927-1937) [Osushchestvlenie leninskogo kooperativnogo plana v*

СССР. Москва: Новое Литературное обозрение, 2020.

13. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

14. Dunbar R.I. Gossip in evolutionary perspective // *Review of General Psychology*. 2004. № 8. P. 100-110.

15. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социальный аспекты становления. М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.

16. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977.

17. Текуева М.А. "Решение" женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917-1941 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб: Алетейя, 2008. С. 303-329.

18. Текуева М.А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // XIII Конгресс МАПРЯЛ "Русский язык и литература в пространстве мировой культуры". Гранада, 2015. Т.3 Направление "Русская культура и глобализация". С. 149–156.

19. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

20. Текуев А.К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа (1927-1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1972.

21. Хорни К. Собрание сочинений в 3 томах. Т.2. М.: Смысл, 1997.

22. Goleman D. Anatomy of a Rumor: It Flies on Fear // *The New York Times*. 04.06.1991. URL: <https://www.nytimes.com/1991/06/04/science/anatomy-of-a-rumor-it-flies-on-fear.html>

23. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: Политическая энциклопедия, 1997.

24. Пушкарева Н.Л. История повседневностей // Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Алексеев В.В. (ред.) Теория и методология истории. М., 2014. С. 312–335.

natsional'nykh respublikakh i oblastyakh Severnogo Kavkaza (1927-1937 gg.). Nalchik: Elbrus, 1972. (In Russ)

21. Horney K. *Collected works in 3 volumes*. Vol. 2. Moscow: Smysl, 1997.

22. Goleman D. Anatomy of a Rumor: It Flies on Fear. The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/1991/06/04/science/anatomy-of-a-rumor-it-flies-on-fear.html>

23. Dmitriev AV, Latynov VV, Khlopiev AT. *Informal political communication [Neformal'naya politicheskaya kommunikatsiya]*. Moscow: Political Encyclopedia, 1997. (In Russ)

24. Pushkareva NL. History of everyday life [Istoriya povsednevnostei]. Korotaev A.V., Kradin N.N., Alekseev V.V. (ed.) *Theory and methodology of history*. Moscow, 2014. p. 312-335. (In Russ)

25. McAndrew, Frank T. *The Science of Gossip: Why we can't stop ourselves*, Scientific American. October 2007. Available at: <https://www.pnas.org/content/pnas/104/44/17435.full.pdf>

26. Panchenko NN. *Gossip as a genre of everyday communication. Genres of speech [Spletni kak zhanr bytovogo obshcheniya. Zhanry rechi]*. Saratov: Nauka. 2007, 5: 224-232. (In Russ)

27. Reynolds T, Baumeister RF, Maner JK. Competitive reputation manipulation: Women strategically transmit social information about romantic rivals. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018, 78: 195-209.

28. Tekueva MA, Nalchikova EA. Memorial sacrifice and memorial food in the traditions of the peoples of the North Caucasus [Nal'chikova E.A. Pominal'naya zhertva i pominal'naya pishcha v traditsiyakh narodov Severnogo Kavkaza]. *Izvestiya SOIGSI*. 2019, 33(72): 26-37. (In Russ)

29. Kapferer J.-N. *Rumeurs. Le plus vieux média du monde*. Paris: Editions du Seuil, 1987.

30. Prozorov VV. *Rumor as a philological problem. Genres of speech [Molva kak filologicheskaya problema. Zhanry rechi]*. Saratov: College. 1997, 1: 162-168. (In Russ).

25. McAndrew, Frank T. The Science of Gossip: Why we can't stop ourselves, Scientific American. October 2007. URL: <https://www.pnas.org/content/pnas/104/44/17435.full.pdf>

26. Панченко Н.Н. Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5. С. 224–232.

27. Reynolds T., Baumeister R. F., Maner J. K. Competitive reputation manipulation: Women strategically transmit social information about romantic rivals. // Journal of Experimental Social Psychology. Volume 78. September 2018. 195–209.

28. Текуева М.А. Нальчикова Е.А. Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2019. № 33 (72). С. 26–37.

29. Kapferer J.-N. *Rumeurs. Le plus vieux média du monde*. Paris: Editions du Seuil, 1987.

30. Проzorov В.В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып.1. С. 162–168.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181234-257>

Амирханова Аида Киясбековна
к.и.н., научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
aida-amirkhanova@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ШЕЛКОВЫЕ ПЛАТКИ КУМЫКОВ «ТАСТАР» (К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРОМЫСЛА)

Аннотация: В конце XIX в. шелковые платки с узелковым плетением – тастары – были широко распространены на Северном Кавказе. В Дагестане они производились в кумыкских селах и были частью традиционного наряда кумычек. Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить современное состояние традиционных народных промыслов у народов Дагестана на примере платков «тастар», показать актуальность возрождения видов национального художественного промысла. Вытеснение промышленными товарами изделий прикладного искусства, глобализация и вызванное ей нивелирование этнических и культурных различий, актуализировали в научном и искусствоведческом сообществе исследования образцов материальной культуры с целью их сохранения. В Дагестане сохранение старинных народных промыслов и ремесел реализуется через различные образовательные программы, создание центров традиционной культуры, школ народных искусств. Статья написана по материалам исследования, проведенного методом опроса и включенного наблюдения в этих центрах. Автор посетила несколько действующих в настоящее время центров по обучению технике тастароплетения в Дагестане (сел. Нижнее Казанище, сел. Аксай), провела беседы с мастерами. В статье приводятся версии происхождения уникальной техники плетения тастаров, прослеживается история этого вида промысла, описываются действующие центры, приводятся имена хранителей и энтузиастов возрождения старинного мастерства.

Ключевые слова: Дагестан; кумыки; обработка шёлка; шёлковые платки тастар; возрождение народных промыслов.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH181234-257>

Aida K. Amirkhanova

Cand. Sci. (History), Junior Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

aida-amirkhanova@mail.ru

TRADITIONAL SILK HEADSCARVES "TASTAR" OF THE KUMYKS (TO THE PROBLEM OF THE REVIVAL OF THE FISHING)

Abstract. The silk headscarves tastars were widespread in the North Caucasus in the late 19th century. In Dagestan, they were produced in the Kumyk villages and were part of the traditional costume of the Kumyk women. The aim of the article is to consider the modern state of traditional crafts among the peoples of Dagestan on the example of the tastar headscarves, to demonstrate the relevance of revival of some types of national artistic crafts. The exclusion of applied arts by industrial products, globalization and the elimination of ethnic and cultural differences caused by it, actualized the study of pieces of material culture in the scientific and art community in order to preserve them. In Dagestan, the preservation of ancient folk crafts is implemented through various educational programs, the creation of centers of traditional culture, schools of folk arts. The article is based on the study, conducted by the methods of interview and participant observation in such centers. The author visited several functioning centers of teaching tastar weaving in Dagestan (Nizhnee Kazanische, Aksay), talked with craftswomen. The article provides versions of origin of this unique technique of tastar weaving, traces the history of this craft, describes active centers, gives names of the keepers of the old tradition. The conducted research reveals that the modern state of tastar weaving is mainly supported by enthusiasts in villages – old centers of the studied craft.

Keywords: Dagestan; Kumyks; silk processing; silk headscarves tastars; revival of folk crafts.

Актуальность изучения традиционных современных процессов в сфере традиционной материальной культуры народов России обусловлена нарастающими тенденциями исчезновения многих видов народных ремёсел

В конце XIX в. шерстяные и шелковые платки ручной работы с узелковым плетением были распространены на Кавказе. Среди множества локальных форм этих платков особенно славились белые шелковые тастары с ажурной сеткой и красивой длинной бахромой [1, с. 724; 2, с. 135]. Центрами изготовления этих платков были кумыкские сёла Аксай, Казанище, Нижний Дженгутай. В начале XX в. селение Аксай было крупным торговым центром [3, с. 29], и поэтому основное развитие этот художественный промысел получил именно здесь.

В кумыкско-русском и русско-кумыкском словарях даны следующие толкования слова «тастар»:

тастар – головной платок белого цвета из тюля;

тастарлы – с тюлевым головным платком (о женщине);

газовый II – прил. газ...; **газовый шарф** газ шарф, газ тастар;

тюлевый – прил. тастар...; **тюлевые занавески тастар перделер**;

тюль – м. тастар;

фата – ж. тастар (явлукъ, пердев);

шифон – м. шифон (бек назик йымышакъ тастар къумач – очень тонкая мягкая шифоновая ткань (перевод авт.);

фата – ж. енгил тастар (лёгкая фата – перевод авт.) [4, с. 292; 5].

В научной литературе мы не нашли отдельных исследований по интересующей нас теме тастаров. Только в нескольких работах, посвященных одежде народов Дагестана [2; 6; 7], даны некоторые общие сведения о тастарах. Таким образом, можно сказать, что представленная работа является первым подробным исследованием, посвященным кумыкским платкам тастарам в контексте возрождения утраченных народных промыслов в Дагестане.

До сегодняшнего дня еще до конца не известен генезис этого промысла в Дагестане. Существуют различные версии о появлении данного промысла у кумыков, в частности, связанные с заимствованием техники изготовления тастаров у русских мастериц по плетению кружева. Исследователи также отмечают, что «Тастары изготавливались на основе техники узелкового плетения (кружевоплетение, макраме)» [2, с. 135]. Однако мастерицы утверждают, что метод плетения тастаров отличается от макраме, что это совершенно разные техники. Метод плетения тастара похож на плетение рыбацкой сети. Мелкие ромбовидные ячейки соединены между собой крохотными узелками, то есть – это узелковое, филейное плетение, известное мореплавателям, рыболовам и охотникам. «В IX в. до н.э. простейшее узелковое плетение в виде ромбовидной решетки филе (фр. *filet* – сеточка) использовалось для плетения рыболовных и охотничьих сетей» [8, с. 5]. Учитывая то, что в Дагестане рыбная ловля была развита на равнине, и что только здесь были центры тастароплетения, можно допустить, что техника плетения рыболовных сетей могла быть использована и для плетения тастаров-

У кумыков есть легенда о том, как молодой рыбак, уходя очередной раз в море, подарил своей возлюбленной сплетенный по типу рыболовной сети платок с орнаментом в виде звезд. С тех пор и получили распространение тастары¹.

В распространении той или иной техники важную роль играли историко-культурные контакты, мастерицы часто перенимали друг у друга технологии плетения платков, узоров, декор [2, с. 134]. В селении Нижнее Казанище в районе «Тёбен-аул» ещё в довоенные годы (до 1941 года) проживала женщина, осетинка (она была замужем за местным кумыком), которая научилась у местных кумычек плетению тастаров. «Визуальное сходство в коллекциях различных по исполнению ручных техник с кружевом указывает на их единое происхождение» [8, с. 5].

Техника тастароплетения передавалась кумычками из поколения в поколение. По сообщениям информаторов, кумычки плели эти платки из тонких шелковых нитей ещё «со времён Николая». По рассказу одной из мастериц, она с детства помнит, как в селении Хамаматюрт Бабаюртовского района всё село занималось выращиванием шелкопряда.²

Самые тонкие нитки использовали для изготовления основы платка, а чуть потолще – для орнамента. Плели тастары разных форм, с бахромой и без. Сетка тастара является основным полотном, по которому потом вышивается узор. Сначала плетётся основное полотно в виде треугольника (либо квадрата, в зависимости от желаемой формы платка), затем окантовка с чуть большими петлями, чем у самого платка и потом вышивают орнамент.

Для плетения тастаров мастерицы использовали специальный челнок. Изготавливали эти инструменты тоже вручную из прочной стали, которая не гнётся во время работы. Раньше их заказывали у местных умельцев. Ещё одним инструментом, который использовали для надевания петелек, мог быть обыкновенный гвоздь. Для использования в плетении с него предварительно снимали шляпку и полировали. Новых инструментов для плетения у современных мастериц не появилось, и плетут они их по той же технологии. Плетение тастаров требует от мастериц большого терпения, усидчивости. Все ячейки основы платка должны быть одинакового размера, и ошибка может быть исправлена только роспуском полотна и повторным плетением. В среднем на изготовление одного платка уходит около 2 месяцев.

Кумыкский тастар был исключительно выходным платком, служил украшением. В царские времена эти изящные платки могли себе позволить женщины только знатных сословий (бийке). мода на тастары была перенята у кумычек представительницами и других народов Дагестана. «... Тюлевый платок, надеваемый некоторыми табасаранками, носил название «кумыкский»» [9, с. 108]. Традиционно, женщины носили двойные большие платки, а молодые девушки – одинарные треугольной формы. Такие платки пользуются популярностью и сегодня, их передают из поколения в поколение от бабушки к внучке,

1 Полевой материал автора, информант: Шугаибова Ж.У., 1963 г.р., сел. Нижнее Казанище.

2 Полевой материал автора, информант: Арсункаева У.А., 1977 г.р., г. Москва.

от свекрови невестке и т.д. Некоторые кумычки по большим праздникам надевают раритетные тастары, которым 150-170 лет (их называют «николаевскими» тастарами).

Со временем все виды домашних промыслов превращались в небольшие товарные производства. Изготовление тастаров на продажу в прошлом приносило хороший доход. По сообщению одной из мастериц, на ее памяти за 18 тастаров был куплен дом. Таким образом, плетенные платки обладали «высокой ликвидностью» и ценились в дагестанском обществе даже в сравнительно недалеком прошлом³.

Выращивание шелкопряда – дело сезонное и крайне хлопотное. Занимались этим всей семьей. Однако изготовлением шелковых нитей и плетением тастаров занимались только женщины. По сведениям информаторов одними из первых мастериц, которые занимались тастароплетением в кумыкском селении Яхсай, были Ильясова Захра, Ильясова Забия, Валиева Ильмуханым, Магомедова Лайляханум, Ильясова Умрапият⁴. Плетением тастаров традиционно занимались и в других кумыкских селениях, но, к сожалению, имена мастериц не сохранились.

С развитием текстильной индустрии в царской и советской России искусство тастароплетения, как и другие народные промыслы и ремесла, не выдерживало конкуренцию с фабричной промышленностью. Несмотря на ценность тастаров, было время, когда они практически вышли из обихода и стали забываться. Как сообщают информаторы, ближе к середине XX в. эти платки уже считались старомодными, а на замену им пришли привозные шифоновые шарфы и платки с вышивкой.

Открытие границ и развитие широкой международной торговли в конце 90-х XX в. привело к увеличению спроса на импортные товары, и, как следствие, снижению интереса к продукции местных традиционных ремесел. Дагестанки реже стали носить традиционную одежду и украшения. Причиной этому стали и навязанные извне, разрекламированные импортные товары, всё нарастающая ориентация на европейскую моду, курс на глобализацию и т.д.

Дагестанцы перестали производить на продажу произведения декоративно-прикладного искусства, что серьезно подорвало процесс сохранения и воспроизводства традиционной культуры, быта народа. Нередким явлением стала продажа старинных платков, тарелок, украшений, ковров за рубеж. Было время, когда дагестанцы с удовольствием обменивали уникальные старинные ковры на новомодные синтетические аналоги. Забвение коснулось и тастаров. Произошло полное обесценивание собственной культуры и традиций. «Европеизация» образа жизни, характерная для многих стран мира, России в том числе, не обходит и Дагестан. Развитие городской жизни... отсутствие продуманной политики в области традиционных художественных ремесел со стороны государственных органов приводит к «вымыванию» остатков

3 Полевой материал автора, информант: Шугаибова Ж.У., 1963 г.р., сел. Нижнее Казанище.

4 Полевой материал автора, информант: Арсункаева У.А., 1977 г.р., г. Москва.

художественного наследия художественно-ремесленной культуры из современной жизни» [10, с. 19].

Однако в последние годы, в связи с повышенным интересом к старинным народным промыслам и ремёслам, к своим историческим корням, во многих районах Дагестана, в сёлах, городах ведётся работа по сохранению, возрождению и развитию традиционных народных промыслов, действуют центры традиционной народной культуры, школы народных ремёсел и т.д.

Кружки по обучению искусству тастароплетения вновь приобрели актуальность в кумыкских районах. Так, например, в селе Аксай Хасавюртовского района много мастериц (около 30) занимаются тастароплетением на дому, а также действует школа искусств, где обучают местных девочек этому виду традиционного искусства. Преподаватели этой школы искусств постоянно участвуют в различных мероприятиях, посвященных традиционным народным промыслам.

В Москве живет мастерица Умма Арсункаева, которая активно занимается популяризацией тастароплетения. Умма изготавливает красивейшие платки на продажу и ездит со своими изделиями на выставки и фестивали народного творчества.

В селе Нижнее Казанище уже больше 20 лет функционирует школа искусств, где проводятся уроки по тастароплетению и вязанию. Преподаватель Жамина Умаровна обучает сельских девочек традиционному ремеслу. Обучение ручному труду детей очень полезно для развития мелкой моторики и творческого мышления. Педагоги высоко ценят возможности рукоделия в развитии творческого мышления, становлении личности в целом [11]. Кроме того, это ещё и возможность занять свободное время ребенка, организовать его досуг, отвлечь от пагубного влияния улицы, воспитать у молодежи любовь к традициям и культуре своего народа.

В настоящее время центры работают в рамках реализации региональных программ государственной поддержки народных художественных промыслов. Реализация этих программ осуществляется неравнодушными педагогами, энтузиастами, желающими передать новому поколению любовь к традиционной культуре. Благодаря государственной поддержке и освобождению почти от всех налогов промыслов, удалось сохранить основные центры традиционного бытования промыслов Республики, такие как: Кубачи; Унцукуль; Гоцатль; Балхар; ковры южного Дагестана; бурочное производство селения Рахата Ботлихского района, возрождение сулевкентской керамики, производство ковров с натуральными красителями. На стадии возрождения находятся испикская керамика, кайтагская вышивка. Возможно, включение центров тастароплетения в число охраняемых государством, станет существенной поддержкой в сохранении этого вида народного промысла.

Поддержка таких школ народного искусства является одной из ключевых задач в проблеме сохранения и развития традиционной культуры народа в их исторических очагах. В 2017 г. президент России В.В. Путин дал правительству

РФ поручение «разработать и утвердить план мероприятий (дорожную карту), обеспечивающий сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов и ремёсел... использование изделий народных художественных промыслов в программах дополнительного образования и воспитания детей, формирование профильного профессионального образования»⁵.

Большинство современных мастериц по тастароплетению переняли своё умение от бабушек, мам и т.д. Есть и те, кто специально обучался этому виду рукоделия. Так, преподаватель по тастароплетению Жамина Умаровна в свое время научилась этому искусству из книг по плетению рыболовных сетей (так как метод плетения тастара похож на плетение рыбацкой сети). Женщины, к которым она обращалась с просьбой научить, отказывались выдавать свои секреты. За своими первыми гусеницами шелкопряда мастерице пришлось ехать в 2001 г. в Георгиевск, где их выращивали в научных целях. Школа Жамины Умаровны принимает очень много женщин, желающих обучиться этому виду ремесла, а также обмениваться опытом, и из других регионов Кавказа и России. Пока есть люди, готовые обучить молодое поколение, передать им свои знания, важно не упустить эту возможность и создать все условия для сохранения и передачи молодёжи этого вида традиционного искусства.

Сегодня процесс изготовления платка несколько облегчен доступностью сырья. Раньше процесс изготовления тастара начинался с получения нити из тутового шелкопряда. Современные тастары плетут в основном из искусственной нитки (чаще используют турецкие шёлковые нитки или натуральные нитки шелкопряда из Китая, а также х/б нитки). Однако мастерица Жамина Умаровна считает, что сотканный из любых других ниток платок не считается тастаром. Она предприняла попытку самостоятельно выращивать шелкопряд. Но шелковичная ферма просуществовала недолго, так как процесс разведения шелкопряда требует немалых усилий и соблюдения многих условий.

Теперь главная мечта мастерицы организовать полноценное хозяйство по разведению шелкопряда. Для этого необходимы: участок для посадки тутовых деревьев, станки для разматывания ниток, помещения для хранения и разведения шелкопряда, в которых будет возможным соблюдение необходимых температурных условий, контроль влажности, а также защита личинок шелкопряда от муравьёв, птиц, крыс и мышей, и даже пчёл, которые едят бабочек гусениц. Сам процесс разведения шелкопряда достаточно сложный. Из 100 кг кокона можно получить лишь 6-7 кг нити.

К Жамине Умаровне приезжают из соседних регионов (Чечни, Осетии) за коробочками гусениц для их дальнейшего разведения и плетения платков. Мастерица поделилась со мной о желании написать книгу, основанную на собственном опыте разведения тутового шелкопряда в Дагестане и о преимуществах такого хозяйства. Так, например, помимо плетения тастаров, нитки

5 Перечень поручений по итогам встречи с представителями деловых организаций Новгородской области. Электронный ресурс. Доступно по ссылке <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/54474> (дата обращения 02.09.2021).

шелкопряда можно использовать в производстве ковров. В отличие от шерстяных ниток, шелковая нить не подвержена моли, не теряет цвет. Конечно, ковер, сотканный из шелковых нитей, будет стоить в разы дороже, но и прослужит многие поколения.

Опытные мастера используют нить и продукты шелководства очень рационально. Ничего из кокона шелкопряда не выбрасывается. В годы войны из шелковых нитей, которые не раскручивались целыми, а выходили короткими, вязали фуфайки. Мастерница Жамина Умаровна собирает защитную оболочку внутри кокона и наполняет ими подушки. Этот способ применения она увидела в телепередаче о шелководстве в Китае, где помёт гусениц шелкопряда используют как наполнители для подушек. Помёт сушат в специальных печах для устранения запаха и набивают им подушки, объясняя это лечебными свойствами, а защитную оболочку кокона используют как наполнитель для одеял. Используют их и в народной медицине. Считается, что проглатывание кокона целиком помогает при лечении многих болезней. Сам кокон шелкопряда используют и для косметологических целей. Размягчив кокон тёплой водой, надев его на палец, круговыми движениями массируют лицо. Кроме того, информаторы рассказывают, что раньше из нитки шелкопряда в селе Нижнее Казанище изготавливали парашюты. В военные годы население активно выращивало шелкопряд и сдавало для этих целей, а то, что оставалось дома, женщины вручную разматывали и в долгие зимние вечера занимались плетением тастаров из них⁶.

Современные тастары могут быть самых разнообразных цветов и видов, в отличие от старинных платков. В прошлом все цвета для платков (и не только) получали из натурального сырья. Для получения коричневого цвета, например, использовали листья орехового дерева и саму скорлупу ореха, для желтого цвета – барбарис, для медового цвета – шелуху белого лука, для красного – корни дербентской марены, из айвы получали красивые бордовые и коричневые оттенки. Часто мастерицы смешивали травы и экспериментировали с цветами. Наиболее популярный цвет тастаров сегодня это, так называемый «пшеничный цвет» в разных тонах. Чаще всего заказывают светлые тастары пшеничного оттенка. Следом по популярности идёт белый цвет, затем чёрный и синий.

Современные платки, как и раньше, плетут двухъярусными, одинарными, чуть плотными или тонкими, большими и маленькими, а также в виде шарфов. Самая востребованная форма – треугольная, которая подходит всем женщинам.

Орнамент тастаров имел локальные особенности. Мастерница Арсункаева Умма рассказывает, что она заимствовала некоторые традиционные орнаменты со старинных платков. У каждого орнамента было своё название («тикмелер» – орнамент, «юлдуз» – звезда, «чечек» – цветок и др.), к сожалению, многие из них не сохранились в памяти даже у старшего поколения⁷. Мастерицы отмечают, что узоры – это самое сложное в плетении тастара, особенно для молодых

6 Полевой материал автора, информант: Шугаибова Ж.У., 1963 г.р., сел. Нижнее Казанище.

7 Полевой материал автора, информант: Арсункаева У.А., 1977 г.р., г. Москва

мастериц. Наиболее популярным орнаментом сегодня является восьмиконечная звезда, менее распространены орнаменты в виде веток, цветков. Женщины старшего поколения предпочитают платки со старинным орнаментом.

Современные мастерицы плетут тастары для себя, для родных и на заказ. В последние годы наблюдается возрождение культуры ношения тастаров, как среди взрослого поколения, так и среди молодёжи. Заказов на платки бывает много, в том числе от дагестанцев, живущих за рубежом. Как рассказывают мастерицы, очень редко, когда дома остаются готовые тастары про запас, почти всегда их раскупают на подарок, в качестве свадебного дара невесте. Некоторые современные невесты, отдавая дань уважения национальным традициям, стали заменять свадебную фату тастаром.

Стоимость тастара, особенно выполненного из натуральных нитей, высокая. Стоимость изделия в основном зависит от качества ниток, размера платка и цветовой гаммы. Из натуральных шёлковых нитей платки получаются мягче и работа тоньше, соответственно, и цена выше. Стандартный платок размером 1,8 м треугольной формы стоит приблизительно от 7 тысяч рублей и выше. Тастары в форме небольших косынок стоят дешевле. Четырёхугольные платки стоят от 14 тысяч и выше. На стоимость тастара влияет и цветовая гамма. Так, например, чёрные и синие платки стоят дороже, потому что процесс плетения намного сложнее. Во время плетения темных расцветок, петельки сливаются в глазах и для облегчения работы под платок подкладывают белую ткань. Если на изготовление стандартного платка уходит около 2 месяцев, то время изготовления темного тастара увеличивается практически в два раза. Цена изделия зависит также от орнамента, который ложится на основное полотно тастара. Техника вышивания орнамента для тастара – это отдельный вид искусства.

Проведенное исследование показало, что современное состояние уникального дагестанского промысла по плетению женских платков тастаров можно характеризовать как стабильное: техника не утрачена, есть хранители мастерства и школы, в которых искусство создания тастаров передается молодежи. Имеющийся спрос на тастары поддерживает мастеров, и промысел не исчезает. Однако специфика производства подобной продукции заключается в ее изначальной некупаемости и убыточности. Спасет подобные промыслы только госзаказ. Если в СССР многие предприятия работали по госзаказу, а продукция, производимая ремесленниками и предприятиями народного промысла, регулярно закупалась государством для подарочных фондов, музейных коллекций, выставлялась на ярмарках, то сегодня практически нет никакой сети распространения этих традиционных предметов национальной гордости⁸. Осуществляемая в настоящее время работа Управления развития народных художественных промыслов Министерства по туризму и народным художественным промыслам РД не охватывает промыслы, не включенные в Перечень мест традиционного бытования народных художественных промыслов в

⁸ *Наталья Нехлева. Убыточная самобытность // Коммерсантъ. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.kommersant.ru/doc/3320494> (дата обращения 02.09.2021)*

Республике Дагестан [11; 12]⁹. Вышеприведенное поручение Правительству РФ прямо указывает на необходимость создания условий для увеличения осуществляемых отдельными видами юридических лиц закупок изделий народных художественных промыслов признанного художественного достоинства, образцы которых зарегистрированы в установленном порядке; развитие внутреннего и въездного туризма в местах традиционного бытования народных художественных промыслов»¹⁰.

В качестве резюме вышесказанному, представляются уместными слова В.В. Личутина из романа «Любостай»: «Всякое ремесло держит человечью породу, не дает ей затеряться, забыться, развеяться прахом в толще времён вместе с особенностями природы, коя и высекается-то, чеканится самим этим ремеслом... – все это сохраняет, и держит, и крепит, и передает по поколениям, по роду-племени всякое извечное рукоделие» [14].

9 Перечень мест традиционного бытования народных художественных промыслов в Республике Дагестан. Электронный ресурс. Доступно по ссылке <http://ministerstvo11.aiwoo.ru/narodnyekhudozhestvennyye-promysly>

10 Перечень поручений по итогам встречи с представителями деловых организаций Новгородской области. Электронный ресурс. Доступно по ссылке <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/54474> (дата обращения 02.09.2021).

Рис. 1. Бабочка тутового шелкопряда

Fig. 1. Silk moth

Рис. 2. Гусеница шелкопряда

Fig. 2. Silk moth caterpillar

Рис. 3. Коконь шелкопряда

Fig. 3. Silk moth cocoons

Рис. 4. Жаминат Умаровна подкармливает гусениц

Fig. 4. Zhaminat Umarovna feeds the caterpillars

Рис. 5. Инструменты для плетения

Fig. 5. Weaving tools

Рис. 6. Семья князя Нухбека Тарковского в тастарах. 1915 г.

Fig. 6. The family of Nukhbek Tarkovsky in tastars. 1915r

Рис. 7. Тастар

Fig. 7. Tastar

Рис. 8. Тастар с ромбовидным узором

Fig. 8. Tastar with a diamond pattern

Рис. 9. Орнамент старинного тастара

Fig. 9. Ornament of an ancient tatar

Рис. 10. Разновидность бахромы

Fig. 10. A type of fringe

Р

ис. 11. Мастерца Жамина Умаровна со своими ученицами

Fig. 11. Craftswoman Zhamina Umarovna with her students

Рис. 12. Современная мастерица по изготовлению тастаров Умма Арсункаева в своем изделии

Fig. 12. Modern craftswoman Umma Arsunkayeva wearing her product

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амирханова А.К.* Искусство тастароплетения – возрождение одного из утраченных народных промыслов в Дагестане (на примере кумыкских платков «тастар») // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6–9 июля 2021 г.
2. *Магомедов А.Дж., Алимова Б.М., Гаджалова Ф.А.* Платки в народной одежде Дагестана // Культурная жизнь регионов. № 2 (69), 2018. С. 133–140.
3. *Гусейнов Г.М.* Экономическое развитие Дагестана: города и окружные центры в пореформенное время (2-ая половина XIX – начало XX в.) / Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2/41. Майкоп, 2019. С. 21–30.
4. *Бамматов Б.Г., Гаджирахмедов Н.Э.* Кумыкско-русский словарь. Махачкала, 2011.
5. *Бамматов З.З.* Русско-кумыкский словарь. М., 1960.
6. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. – 289 с.
7. *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – начало XX в. М.: Наука, 1981. – 207 с.
8. *Зеленова Ю.И., Белгородский В.С.* Традиционные прототипы технологии кружевоплетения // Theoretical & Applied Science. 2017. №12 (56). С. 5–9.
9. *Алимова Б.М.* Табасаранцы. Историко-этнографическое исследование XIX – начало XX в. Махачкала, 1992. – с. 264 с.
10. *Магомедов А.Дж.* Народные художественные промыслы Дагестана в современных условиях: реалии, будущее // Пути сохранения и возрождения народных художественных промыслов и ремесел РФ. Всероссийская научно-практическая конференция. Кубачи, 2019. С. 16–23.
11. *Грекова Н.К.* Влияние мелкой моторики на развитие творческого мышления / В книге: Ломоносов–2020. Материалы XXVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2020. С. 205–206.
12. *Ихласов М.Д.* Меры поддержки народных художественных промыслов Дагестана // Пути сохранения и возрождения народ-

REFERENCES

1. Amirkhanova AK. The art of tatar weaving – the revival of one of the lost folk crafts in Dagestan (on the example of the Kumyk headscarves "tatar") [Iskusstvo tataropleteniya – vrozozhdeniye odnogo iz utrachennykh narodnykh promyslov v Dagestane (na primere kumykskikh platkov «tatar»)]. XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. Tomsk, July 6–9, 2021. p. 724.
2. Magomedov AJ, Alimova BM, Gadzhalova FA. Scarves in folk clothes of Dagestan. Cultural life of the regions [Platki v narodnoy odezhde Dagestana. Kulturnaya zhizn regionov]. 2018, 2(69): 133–140.
3. Guseynov GM. Economic development of Dagestan: cities and district centers in the post-reform period (2nd half of the 19th – early 20th centuries). Bulletin of the Maikop State Technological University [Ekonomicheskoye razvitiye Dagestana: goroda i okruzhnyye tsentry v poreformennoye vremya (2-aya polovina XIX - nachalo XX v.) / Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta]. Maikop. 2019, 41(2): 21–30.
4. Bammатов B.G., Gadziakhmedov N.E. Kumyk-Russian dictionary. Makhachkala, 2011.
5. Bammатов Z.Z. Russian-Kumyk dictionary. M., 1960.
6. Bulatova AG, Gadzhieva SSh, Sergeeva GA. Costumes of the peoples of Dagestan. Historical and ethnographic atlas [Odezhda narodov Dagestana. Istoriko-etnograficheskiy atlas]. Pushchino: ONTI PNTs RAS, 2001.
7. Gadzhieva SSh. Costumes of the peoples of Dagestan in XIX – early XX century [Odezhda narodov Dagestana XIX – nachalo XX v.]. Moscow: Nauka, 1981.
8. Zelenova YuI, Belgorodsky VS. Traditional prototypes of lace technology [Traditsionnyye prototipy tekhnologii kruzhevopleteniya]. Theoretical & Applied Science. 2017, 12(56): 5–9.
9. Alimova BM. Tabasarans. Historical and ethnographic research of the 19th - early 20th centuries [Tabasarantsy. Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye XIX – nachalo XX v.]. Makhachkala, 1992.
10. Magomedov AJ. Folk arts and crafts of Dagestan in modern conditions: realities, future. Ways of preserving and reviving folk arts and crafts of the Russian Federation. All-Rus-

ных художественных промыслов и ремесел РФ. Всероссийская научно-практическая конференция. Кубачи, 2019. С. 10–13.

13. *Говорова М.Е., Смирнова М.А.* Проблема сохранения и возрождения традиционных народных ремёсел и промыслов в наши дни // *Пространство диалогов: декоративно-прикладное искусство и дизайн: коллективная монография.* – Уфа: ООО «Аэтерна», 2018. С. 48–61.

14. *Личутин В.В.* Любостай / Глава XIX / <https://librebook.me/liubostai/vol21/1>

sian Scientific and Practical Conference [Narodnyye khudozhestvennyye promysly Dagestana v sovremennykh usloviyakh: realii, budushcheye // Puti sokhraneniya i vrozhdeniya narodnykh khudozhestvennykh promyslov i remesel RF. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya]. Kubachi, 2019. p. 16–23.

11. Grekova NK. The influence of fine motor skills on the development of creative thinking. Proceedings of the XXVII International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists [Vliyaniye melkoy motoriki na razvitiye tvorcheskogo myshleniya / V knige: Lomonosov-2020. Materialy XXVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh]. 2020, p. 205–206.

12. Ikhlasov MD. Measures to support folk art crafts of Dagestan. Ways of preserving and reviving folk art crafts and crafts of the Russian Federation. All-Russian Scientific and Practical Conference [Mery podderzhki narodnykh khudozhestvennykh promyslov Dagestana // Puti sokhraneniya i vrozhdeniya narodnykh khudozhestvennykh promyslov i remesel RF. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya]. Kubachi, 2019. p. 10–13.

13. Govorova ME, Smirnova MA. The problem of preservation and revival of traditional folk crafts and crafts in our days. Space of dialogues: arts and crafts and design: collective monograph [Problema sokhraneniya i vrozhdeniya traditsionnykh narodnykh remesel i promyslov v nashi dni // Prostranstvo dialogov: dekorativno-prikladnoye iskusstvo i dizayn: kolektivnaya monografiya]. Ufa: LLC Aeterna, 2018. p. 48–61.

14. Lichutin V.V. Liubostai / Chapter XIX / Available at: <https://librebook.me/liubostai/vol21/1>

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 30.03.2022. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Georgia.